ЖИТІЕ
СТАРЦА СЕРАФИМА,

САРОВСКОЙ ОБИТЕЛИ ІЕРОМОНАХА,

ПУСТЫННОЖИТЕЛЯ И ЗАТВОРНИКА.

съ приложеніемъ его наставленій и келейнаго молитвеннаго правила.

СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ ОТЦА СЕРАФИМА И СНИМКОМЪ ЕГО ПОЧЕРКА.

ОНЪ ЖИЛЪ ВО СЛАВУ БОЖІЮ.

Надпись на памятникѣ о. Серафима.

При книгѣ находятся слѣдующіе рисунки:

1) Явленіе о. Серафиму Пресвятой Богородицы во время болѣзни
2) Видѣніе Христа Спасителя во храмѣ.
3) Колодезь о. Серафима и его пустынь.
4) Явленіе ему Божіей Матери въ день Благовѣщенія.
5) Блаженная кончина о. Серафима.
6) Изображеніе о. Серафима.
7) Старецъ Серафимъ, кормящій медвѣдя хлѣбомъ.
8) Моленіе старца Серафима на камнѣ.
9) Старецъ Серафимъ въ лѣсу.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Собственность Саровской обители.

МУРОМЪ.
Типо-Литографія Н. В. Зворыкина.
1893.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Августа 27 дня 1892 года.

Цензоръ священникъ *Николай Елеонскій.*

Предисловіе къ первому изданію 1863 г.

За долго до блаженной кончины старца Серафима, іеромонаха Саровской пустыни, подвижническая жизнь его была извѣстна не только въ Россіи, но и за предѣлами нашего отечества—по всей Православной Церкви. Принявъ ангельскій образъ на 19-мъ году жизни, онъ почти пятьдесятъ пять лѣтъ жилъ безвыходно въ Саровской пустынѣ и прошелъ тамъ всѣ степени подвижничества: несъ сперва общія послушанія монастырскія, потомъ послушанія по званіямъ іеродіакона и іеромонаха, подвизался въ отшельничествѣ, подражалъ столпникамъ, былъ молчальникомъ и жилъ въ совершенномъ затворѣ. Среди этихъ разнообразныхъ подвиговъ, сохраняя духъ глубокаго смиренія, онъ стяжалъ богатство добродѣтелей и обиліе даровъ благодати Божіей. Умудренный опытами духовной жизни, постояннымъ благоговѣйнымъ изученіемъ Священнаго Писанія и твореній св. Отцовъ и назидательнымъ чтеніемъ житій святыхъ Божіихъ людей, просвѣщенный духомъ благодати, онъ въ послѣдніе десятки лѣтъ душеспасительно поучалъ вѣрѣ и наставлялъ въ благочестіи многія тысячи людей, ежедневно стекавшихся въ Саровъ изъ разныхъ странъ, чтобы принять благосло-

веніе о. Серафима и выслушать отъ него совѣты и наставленія. Сверхъестественные, благодатные дары, которые обнаруживались въ немъ духомъ прозорливости и силою исцѣленій, придавали особенную дѣйственность его наставленіямъ. Сладость его бесѣды, исцѣленіе душевныхъ и тѣлесныхъ недуговъ, по вліянію его молитвъ, и утѣшенія прибѣгающимъ къ нему въ скорби и печали, разносили славу о немъ въ дальнія мѣста. Вѣсть о его подвижнической жизни и благодатныхъ знаменіяхъ передавалась изъ одного мѣста въ другое и наполнила всю Россію.

Прошло тридцать лѣтъ послѣ кончины старца Серафима, но память о немъ еще жива. Не надъ могилою только его въ Саровѣ, но и въ разныхъ концахъ Россіи возносятся молитвы о его упокоеніи въ ликѣ святыхъ. Совѣты и изреченія старца Серафима помнятся и повторяются и теперь, какъ изреченія великихъ подвижниковъ древняго времени. Свѣдѣнія о его жизни и подвигахъ и особыхъ знаменіяхъ благодати Божіей, явленныхъ надъ нимъ и чрезъ него, заботливо были собираемы и сохраняемы для памяти потомства, и много разъ уже обнародованы въ печати для общаго свѣдѣнія.

Первыя извѣстія о жизни старца Серафима напечатаны въ 1841 году. Это сочиненіе, съ нѣкоторыми дополненіями, имѣло нѣсколько изданій. Черезъ три года послѣ перваго изданія помѣщено въ „Маякѣ" новое сказаніе о жизни и подвигахъ о. Серафима. Въ послѣдніе годы издано третіе описаніе жизни, дополненное лишь въ приложеніи сказаніями о благодатныхъ явленіяхъ по молитвамъ о. Серафима; было и краткое начертаніе жизни приснопамятнаго старца, вышедшее въ двухъ изданіяхъ. Такъ велико было желаніе знать подробности жизни всѣми чтимаго подвижника!

Но всѣ упомянутыя изданія, распространившіяся вслѣдствіе благоговѣйнаго уваженія къ старцу Серафиму людей всѣхъ сословій, не удовлетворяли, однакожъ, ни свидѣтелей его подвиговъ въ Саровѣ, ни другихъ лицъ, близко его знавшихъ. Въ нихъ не уяснены весьма важныя обстоятельства жизни о. Серафима и особенно мало раскрыта его внутренняя духовная жизнь. Сверхъ того, мно-

го случаевъ благодатнаго вліянія на обращавшихся къ нему при жизни и по смерти, сдѣлались извѣстны впослѣдствіи. Это побудило насъ заняться составленіемъ болѣе полнаго изображенія жизни, подвиговъ и благодатныхъ дѣйствій блаженнаго Серафима въ его внѣшнихъ сношеніяхъ и во внутренней, духовно-сокровенной жизни,—чего давно желала и Саровская обитель, которой мы много обязаны за доставленіе вѣрныхъ свѣдѣній.

Посильный трудъ сей, составленный для общей пользы и назиданія, предлагается вниманію благочестивыхъ читателей, съ искреннимъ желаніемъ, чтобы воспоминаніе о старцѣ Серафимѣ живо и ясно явило намъ примѣры его жизни и повторило всѣ дивные уроки, которые онъ давалъ приходящимъ.

Соборный Успенскій храмъ въ Саровской пустыни.

I.

Отъ рожденія—до вступленія въ Саровскую пустынь.

Мѣсторожденіе старца Серафима.—Его родители.—Время рожденія.—Отрочество и воспитаніе до семнадцати-лѣтняго возраста.—Склонность къ иночеству.—Рѣшимость поступить въ монастырь.—Прощаніе съ матерью.

Блаженной памяти Отецъ Серафимъ подвизался въ Саровской пустынѣ болѣе 50-ти лѣтъ. Какъ при жизни своей онъ многихъ назидалъ, просвѣщалъ, утѣшалъ, врачевалъ словомъ, дѣломъ, примѣромъ и молитвою; такъ и послѣ кончины его, чудные подвиги и наставленія его, передаваемыя изъ устъ въ уста безчисленными очевидцами, слушателями, и учениками и всѣми, которые при жизни его получали какую либо отъ него душевную пользу, не престаютъ быть поучительными для всѣхъ, достойныхъ почитателей памяти его, желающихъ подражать благому житію и слѣдовать ученію его.

Губернскій городъ Курскъ памятенъ мѣсторожденіемъ отца Серафима. Жители города, по преданію, до сихъ поръ знаютъ это мѣсто и пріѣзжающимъ указываютъ на него въ числѣ мѣстныхъ особенностей, достойныхъ вниманія. Оно находится

на Сергіевской улицѣ, въ близкомъ сосѣдствѣ съ храмомъ преподобнаго Сергія. Тутъ стоялъ собственный домъ родителей о. Серафима. Впослѣдствіи, при новомъ распланированіи города, сдѣланномъ по распоряженію Императрицы Екатерины II-й, имъ отведено было въ концѣ города, близъ нынѣшнихъ Московскихъ воротъ, другое мѣсто, на которомъ имѣлъ свой домъ и жилъ старшій братъ о. Серафима, Алексѣй.

Родителей о. Серафима звали *Исидоромъ* и *Агаѳіею*, по фамиліи *Мошнины*. Они принадлежали къ почтенному купеческому сословію города. Отецъ Серафима имѣлъ свои кирпичные заводы близъ Курска, занимался, въ качествѣ подрядчика, постройками каменныхъ зданій, церквей и домовъ, слылъ за человѣка честнаго, имѣлъ усердіе къ храмамъ Божіимъ и обладалъ хорошими матеріальными средствами. Въ послѣднее время своей жизни онъ взялся построить въ Курскѣ иждивеніемъ прихожанъ, преимущественно же купца Карпа Ефремовича Первышева, по чертежу архитектора Растрелли, новый храмъ во имя преподобнаго Сергія, Радонежскаго чудотворца, названный въ 1833 году каѳедральнымъ соборомъ. Основаніе ему было положено въ 1752 году. И когда нижняя церковь, съ престоломъ во имя св. Сергія, была совершенно готова, строителя застигла смерть, послѣдовавшая въ 1762 году. Передавъ богатство въ руки жены, онъ поручилъ ей принять участіе въ строеніи храма и довести дѣло до конца.

Агаѳія, мать Серафима, еще болѣе мужа своего памятна и личнымъ благочестіемъ и благотворительностію ближнимъ. При жизни и по смерти его она помогала бѣднымъ, особенно сиротамъ, не отказывая имъ и въ такихъ случаяхъ, когда просили ее устроить хозяйство бѣдной дѣвушки при вступленіи въ бракъ, что требовало, конечно, значительнаго пожертвованія. Согласно желанію мужа и своимъ чувствамъ, она въ теченіе многихъ лѣтъ продолжала постройку Сергіевской церкви, лично наблюдая за ходомъ и успѣхами работъ, и въ 1778 году привела храмъ къ окончательному устройству. Храмъ этотъ внутри и снаружи украшенъ лѣпною работою. Иконостасъ въ немъ занимаетъ всю восточную часть до самаго купола; рѣзьбы изъ цѣльнаго дерева; приготовлялся и отдѣлывался, говорятъ, въ теченіе 10 лѣтъ. Постройка храма столь прочна, что до настоящей поры незамѣтно на немъ поврежденія. Самая позо-

лота со времени отдѣлки храма, ни разу не была возобновляема, и до нынѣ не теряетъ своей свѣжести. Такія обстоятельства и добродѣтели ставили семейство Мошниныхъ въ числѣ видныхъ людей города Курска.

Отецъ Серафимъ родился 1759 года съ 19-го на 20-е число іюля и нареченъ Прохоромъ, въ честь св. Прохора, единаго отъ семидесяти апостоловъ и семи діаконовъ первенствующей Церкви, память котораго ублажается въ томъ-же мѣсяцѣ 28 числа. Онъ не былъ у родителей единственнымъ сыномъ: при его рожденіи у него былъ старшій братъ, Алексѣй. Прохоръ наслѣдовалъ добрыя качества родителей и особенно ихъ благочестіе. Отца лишился онъ, когда имѣлъ не болѣе трехъ лѣтъ отъ рожденія. Воспитательницею его въ дѣтствѣ исключительно оставалась матерь его. Она учила юнаго сына болѣе примѣромъ своей жизни и, конечно, ея благотворительность и любовь къ храмамъ Божіимъ и молитвѣ положили въ сердце о. Серафима сѣмена той заботы о бѣдныхъ и сиротахъ, той любви къ благолѣпію храмовъ Божіихъ и усердія къ молитвѣ, какими отличался о. Серафимъ еще съ юныхъ лѣтъ. Между тѣмъ для внимательныхъ къ дѣйствію Провидѣнія открывалось, что съ младенчества Прохоръ былъ подъ особымъ руководствомъ и охраненіемъ Промысла Божія. Ему было семь лѣтъ, когда мать его, осматривая строеніе Сергіевской церкви, взяла съ собою и сына на самый верхъ строившейся тогда колокольни. Здѣсь Прохоръ потерялся изъ виду матери и, оставшись одинъ, по неосторожности, упалъ на землю. Въ великомъ испугѣ Агаѳья сбѣжала съ колокольни, воображая найти сына своего разбитымъ до смерти; но съ удивленіемъ и несказанною радостію она увидѣла его цѣлымъ и невредимымъ. Дитя стояло на ногахъ. Пошли разспросы: съ какой высоты онъ упалъ, отчего цѣлъ остался, и кончилось тѣмъ, что мать, со слезами радости, признала дѣломъ особеннаго Божественнаго охраненія спасеніе сына отъ смерти и ушиба и возблагодарила Бога. Чрезъ три года новое событіе обнаружило еще яснымъ образомъ особенное покровительство Божіе надъ Прохоромъ. Ему было десять лѣтъ; тѣлесное сложеніе онъ имѣлъ хорошее, въ душевныхъ силахъ проявлялась острота ума, быстрая память, въ поведеніи—кротость и смиреніе. Въ это время начали его учить церковной грамотѣ. Отрокъ показывалъ и охоту и способность къ

ученію; но ученье должно было прекратиться. Прохоръ сдѣлался такъ тяжко боленъ, что не надѣялись на его выздоровленіе. Въ самое трудное время болѣзни, въ сонномъ видѣніи, Прохоръ увидѣлъ Пресвятую Богородицу, Которая обѣщала посѣтить его и исцѣлить отъ болѣзни. Прохоръ, проснувшись, разсказалъ это видѣніе своей матери. Сонъ показывалъ въ отрокѣ благочестивое настроеніе души, воспріимчивость къ религіознымъ внушеніямъ, а его осуществленіе, совершившееся очевиднымъ образомъ, явило надъ Прохоромъ высшее промышленіе. Во время одного изъ крестныхъ ходовъ несли по городу Курску чудотворную икону Знаменія Божіей Матери по той улицѣ, гдѣ былъ домъ Мошниной. Пошелъ сильный дождь. Чтобы перейти на другую улицу, крестный ходъ, вѣроятно, для сокращенія пути и избѣжанія грязи, направился черезъ дворъ Мошниной. Пользуясь этимъ случаемъ, Агаѳья вынесла больнаго сына на дворъ, приложила къ чудотворной Иконѣ и поднесла подъ ея осѣненіе. Замѣтили, что съ этого времени Прохоръ началъ поправляться въ здоровьѣ и скоро совсѣмъ выздоровѣлъ. Такъ исполнилось обѣщаніе Царицы Небесной посѣтить отрока и исцѣлить его. Съ возстановленіемъ здоровья Прохоръ продолжалъ успѣшно свое ученіе, изучалъ Часословъ, Псалтирь, выучился писать и полюбилъ чтеніе Библіи и духовныхъ книгъ.

Такъ какъ старшій братъ Прохора, Алексѣй, занимался торговлею и имѣлъ свою лавку въ Курскѣ, то и Прохора заставили пріучаться къ торговлѣ въ этой лавкѣ. „Родомъ я—говорилъ онъ впослѣдствіи, бесѣдуя въ Саровѣ съ П. А. М.—изъ Курскихъ купцовъ, и когда не былъ въ монастырѣ, мы, бывало торговали такимъ товаромъ, который больше барыша даетъ.“ Предметомъ торговли были вещи, необходимыя въ крестьянскомъ быту, какъ-то: ремни, деготь, бичевки, дуги, шлеи, лапти, желѣзо и т. п., но къ торговлѣ и барышамъ не лежало его сердце: оно влекло его туда, гдѣ можно было стяжать себѣ сокровище духовное, вѣчное спасеніе души. Не опускалъ онъ почти ни одного дня безъ того, чтобы не посѣтить храма Божія. Не имѣя возможности, по причинѣ занятій торговлею, быть днемъ у литургіи и вечерни въ храмѣ Божіемъ, онъ вставалъ ранѣе, и послѣ домашней молитвы спѣшилъ къ утреннему Богослуженію, чтобы тамъ вознести еще свои молитвы къ Богу. Въ воскресные и праздничные дни онъ особенно любилъ зани-

маться чтеніемъ духовно-назидательныхъ книгъ, собирая иногда своихъ товарищей слушать чтеніе.

Хотя желаніе подѣлиться сокровищами духовной мудрости заставляло Прохора собирать около себя товарищей, но внутреннее, глубокое чувство влекло его къ уединенію, въ бесѣдѣ съ самимъ собою. Сближенія онъ искалъ только съ тѣми, кто могъ бесѣдовать съ нимъ на пользу души.

Въ то время въ г. Курскѣ жилъ какой-то Христа ради *юродивый*, котораго имя теперь забыто, но котораго тогда всѣ чтили. Родомъ онъ былъ изъ Курска и съ малолѣтства принялъ на себя сей трудный подвигъ для спасенія души. По благочестію своему Прохоръ сперва вошелъ въ знакомство съ нимъ, а послѣ всѣмъ сердцемъ прилѣпился къ нему. Христа ради юродивый также возлюбилъ Прохора, и своимъ вліяніемъ еще больше расположилъ душу его къ благочестію и уединенной жизни, которую и самъ велъ среди общества родныхъ и знакомыхъ.

Отъ матери не утаилось направленіе сына, простосердечно являемое; въ душѣ она соглашалась съ нимъ, одобряла его, радовалась. Лице ея покрывалось заботой только тогда, когда она заглядывала въ будущее и задумывалась надъ вопросомъ: какой родъ занятій и жизни выберетъ для себя сынъ ея? По прошествіи еще не многихъ лѣтъ и этотъ вопросъ началъ проясняться. Прохоръ сталъ заговаривать о монастырѣ, вызнавалъ осторожно мысли матери и спрашивалъ какъ-бы предположительно: „не пойти ли ему въ монастырь?“ Видитъ, что мать не противорѣчитъ его желанію, охотнѣе хотѣла бы отпустить, чѣмъ удержать его въ мірѣ, и желаніе монашеской жизни отъ того еще сильнѣе разгоралось въ немъ. Тогда Прохоръ началъ говорить о монашеской жизни съ людьми знакомыми. Во многихъ нашелъ сочувствіе своему намѣренію и одобреніе; а купцы, Иванъ Ивановичъ Дружининъ, Иванъ Степановичъ Безходарный, Алексѣй Семеновичъ Меленинъ и еще двое, подавали надежду идти вмѣстѣ съ нимъ въ обитель и на всегда остаться въ ней для спасенія души. На семнадцатомъ году жизни намѣреніе оставить міръ и вступить на путь иноческой жизни, окончательно созрѣло въ Прохорѣ. И въ сердцѣ матери образовалась рѣшимость отпустить его на служеніе Богу. Тѣмъ безпрепятственнѣе она думала сдѣлать это, что и сама не остава-

лась еще въ совершенномъ одиночествѣ: съ нею былъ другой сынъ ея, извѣстный уже намъ, Алексѣй, по характеру довольно несхожій съ Прохоромъ, отличавшійся больше склонностью къ мірскимъ занятіямъ, чѣмъ къ упражненіямъ духовнымъ. Тогда семнадцатилѣтній Прохоръ Мошнинъ, слѣдуя церковно-гражданскимъ установленіямъ духовнаго регламента, взялъ себѣ увольненіе отъ Курскаго городскаго общества *), сдѣлавши такимъ образомъ начальный шагъ отреченія отъ міра въ пользу иночества. Трогательно было его прощаніе съ матерью! По русскому обычаю, собравшись совсѣмъ, они посидѣли немного, потомъ Прохоръ, вставъ, помолился Богу и, поклонившись матери въ ноги, просилъ ея родительскаго благословенія. Агаѳія дала ему приложиться къ иконамъ Спасителя и Божіей Матери, потомъ благословила его мѣднымъ крестомъ. Взявъ съ собою этотъ крестъ, какъ знаменіе материнскаго благословенія, какъ символъ, въ которомъ соединяются всѣ обязанности инока, о. Серафимъ до конца жизни сохранилъ его, нося всегда открыто на груди своей. Такимъ образомъ мать и сынъ простились другъ съ другомъ. Съ горькими слезами провожала его вдовствующая Агаѳія; мысль удержать юношу при себѣ вращалась въ ея умѣ; но опасность отвлекать человѣка отъ добраго намѣренія и страхъ принять на себя дурныя послѣдствія отвлеченія—успокоили волненіе души. Прохоръ, вѣрно, плакалъ не менѣе матери, но скорбь—естественное явленіе всякой разлуки—не останавливали его дома; мысль его стремилась туда, куда призывали его пути Божіи. Перекрестившись на церковь Божію, молодой юноша съ задумчивымъ видомъ, съ тайною мыслію въ сердцѣ оставилъ, подобно Аврааму, свою родину и домъ отца своего.

---

*) Монастырскій архивъ, отд. XV, № 13.

II.

Отъ вступленія въ пустынь—до постриженія въ монашество.

Намѣреніе, съ которымъ Прохоръ оставилъ родину.—Его путешествіе въ Кіевъ.—Возвращеніе на родину и послѣднее пребываніе въ ней.—Приходъ въ Саровскую пустынь.—Жизнь Прохора въ званіи послушника до постриженія въ монашество.

Куда же пошелъ молодой семнадцатилѣтній юноша Прохоръ, оставивши родной домъ, мать, брата и имѣніе? Было-ли у него опредѣленное намѣреніе на счетъ того, *гдѣ* поселиться? Безъ всякаго сомнѣнія, онъ имѣлъ въ виду посвятить себя Богу въ званіи монашескомъ. Но гдѣ именно? въ какомъ монастырѣ?—эти вопросы, давно занимавшіе его, озабочивали и теперь. Слава подвижнической жизни иноковъ Саровской пустыни, гдѣ подвизались уже многіе изъ Курскихъ жителей, гдѣ и настоятелемъ въ то время былъ Курскій урожденецъ Пахомій, склоняли его идти къ симъ подвижникамъ. Но предварительно ему хотѣлось быть въ Кіевѣ, чтобы въ Кіевопечерской лаврѣ, этомъ разсадникѣ русскаго иночества, посмотрѣть на труды Кіевопечерскихъ иноковъ, получить совѣты, наставленія, утвержденіе въ своихъ мысляхъ и благословеніе отъ какого нибудь подвижника, въ духовной жизни твердаго и опытнаго, и наконецъ помолиться и благословиться у св. мощей преп. Антонія и Ѳеодосія, первоначальниковъ иночества и прочихъ угодниковъ Божіихъ, въ Кіевѣ почивающихъ. И такъ Прохоръ отправился, съ благословеніемъ материнскимъ на шеѣ и съ посохомъ въ рукахъ, въ Кіевъ. Вмѣстѣ съ нимъ шло еще пять человѣкъ Курскихъ купцовъ: это были тѣ самые, которые вмѣстѣ съ Прохоромъ возъимѣли намѣреніе, оставивъ міръ, удалиться въ пустынь. Всѣ они послѣ и пошли въ монастырь, кромѣ купца Алексѣя Семеновича Мелепина, у котораго, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, остались послѣ смерти родителей на попеченіи пять братьевъ и три сестры.

Въ Кіевѣ Прохоръ съ усердною молитвою и слезами припадалъ къ св. мощамъ угодниковъ Божіихъ, особенно преп. Ан-

топія и Өеодосія, пламенно умоляя ихъ благословить его намѣреніе и наставить на путь спасительный. Обходя и отцевъ, тамъ подвизавшихся, онъ прослышалъ, что не далеко отъ св. Лавры Печерской, въ Китаевской обители спасается затворникъ по имени Досиөей, жизни истинно богоугодной и имѣющій даръ прозорливости. Пришедши къ нему Прохоръ упалъ къ ногамъ его, цѣловалъ ихъ, раскрылъ предъ нимъ всю свою душу, просилъ наставленій и благословенія. Прозорливый старецъ, уразумѣвъ его намѣренія и провидя въ немъ добраго подвижника Христова, указалъ ему для вселенія на Саровскую обитель и благословилъ его, сказавши въ заключеніе: „гряди, чадо Божіе, и пребуди въ Саровской обители; мѣсто сіе будетъ тебѣ во спасеніе; съ помощію Божіею, тамъ окончишь ты и свое земное странствованіе. Св. Духъ, сокровище всѣхъ благихъ, управитъ жизнь твою во святынѣ. Въ Саровѣ и настоятель Пахомій богоугодной жизни, послѣдователь преподобныхъ отцевъ нашихъ Антонія и Өеодосія.“ Бесѣда блаженнаго старца Досиөея окончательно утвердила юношу въ добрыхъ намѣреніяхъ. Кажется, теперь никакія препятствія, никакія обольщенія, не сильны отклонить его отъ рѣшимости вступить въ Саровскій монастырь. Отговѣвши, исповѣдавшись и причастившись св. Таинъ, поклонившись еще разъ св. угодникамъ Кіево-печерскимъ, онъ направилъ стопы свои на путь и, охраняемый покровомъ Божіимъ благополучно прибылъ опять въ Курскъ, въ домъ матери своей. Здѣсь онъ прожилъ еще нѣсколько мѣсяцевъ, даже ходилъ въ лавку, но торговлей уже не занимался, а читалъ душеспасительныя книги въ назиданіе себѣ и другимъ, которые приходили поговорить съ нимъ, разспросить о св. мѣстахъ и послушать чтенія. Это время было временемъ его прощанія съ родными и съ родиной. Мать хотя и знала о рѣшеніи Прохора вселиться въ Саровской обители, даже соизволяла ему, но когда наступилъ послѣдній часъ, когда Прохоръ сталъ прощаться съ нею, она, благословляя его, говорила: „ты бы меня прежде похоронилъ, а потомъ и шелъ бы въ монастырь.“ Изъ договаривавшихся идти съ нимъ вмѣстѣ, двое отправились теперь же, а прочіе прибыли раньше его.

Общежительная Саровская пустынь основана въ 1706 г. іеросхимонахомъ Іоанномъ, Арзамасскимъ уроженцемъ, изъ села Новаго-Усада, извѣстнымъ своими монашескими подвигами

и злополучною судьбою. Совершенствуясь постепенно, она при настоятелѣ старцѣ Ефремѣ (1758—1777 г.) поставлена была на степень высокаго внутренняго и внѣшняго благоустройства. Прохоръ прибылъ сюда 1778 года 20 ноября, наканунѣ праздника Введенія во Храмъ Пресвятой Богородицы. Стоя въ церкви на всенощномъ бдѣніи праздника, видя благочинное совершеніе службы Божіей, слушая благолѣпное пѣніе иноковъ, замѣчая, какъ всѣ отъ настоятеля до послѣдняго послушника, рачительны къ молитвѣ, онъ восхищался духомъ, радуясь, что Господь указалъ ему здѣсь мѣсто для спасенія души. Строитель въ то время, какъ упомянуто, былъ старецъ Пахомій, постриженникъ Саровской обители, съ юныхъ лѣтъ посвятившій себя на служеніе Богу, инокъ кроткій, смиренномудренный, постникъ и молитвенникъ, образецъ иноковъ, коего народъ называлъ святымъ человѣкомъ. Онъ происходилъ изъ Курскихъ купцовъ и въ малолѣтствѣ зналъ родителей Прохора. Съ любовію принялъ Пахомій юношу, въ которомъ видѣлъ истинное стремленіе къ иночеству, опредѣлилъ его въ число послушниковъ и въ наученіе отеческому пути отдалъ старцу іеромонаху Іосифу, исполнявшему въ обители послушаніе казначея. Сперва Прохоръ находился въ келейномъ послушаніи старца. Онъ съ точностію исполнялъ всѣ монастырскіе правила и уставы по его указанію, и въ келліи служилъ не только безропотно, но и всегда съ усердіемъ. Такое поведеніе обратило на него вниманіе всѣхъ и пріобрѣло ему расположеніе старцевъ Іосифа и Пахомія. Тогда стали назначать ему, кромѣ келейнаго, по порядку общественныя братскія монастырскія послушанія. Такъ по началу онъ былъ въ хлѣбнѣ, отсюда переведенъ въ просфорню, потомъ столярню, далѣе сдѣланъ будильщикомъ. Въ столярнѣ Прохоръ исполнялъ послушаніе довольно долго. Значительное время онъ состоялъ также, вмѣстѣ съ другимъ братомъ, будильщикомъ, и по этой должности, обходя до начала богослуженія келліи братій, извѣщалъ ихъ скромнымъ стукомъ въ дверь, съ произнесеніемъ молитвы Іисусовой о наступленіи поры идти въ церковь. Послѣ этихъ обязанностей онъ исполнялъ еще послушаніе пономарское. Бодрый силами, Прохоръ всѣ монастырскія послушанія проходилъ, какъ свидѣтельствовали очевидцы, съ великою ревностію.

Путь исполненія внѣшнихъ послушаній, безъ сомнѣнія, самый

безопасный путь для молодыхъ иноковъ: онъ избавляетъ отъ многихъ искушеній, но не освобождаетъ отъ внутренней борьбы, среди которой только и можетъ укрѣпляться и возрастать въ духовной жизни подвижникъ. Много искушеній вытерпѣлъ и Прохоръ: духъ печали, скуки, унынія дѣйствовали на него сильно, до изнеможенія души его. „Съ духомъ печали—говорилъ онъ въ послѣдствіи—неразлучно дѣйствуетъ и скука.“ Вотъ какъ о. Серафимъ описываетъ это состояніе, любя бесѣдовать словами св. отцевъ: „Скука, по замѣчанію отцевъ, нападаетъ на монаха около полудня и производитъ въ немъ такое страшное безпокойство, что несносны ему становятся и мѣсто жительства и живущіе съ нимъ братія, а при чтеніи возбуждается какое-то отвращеніе, и частая зѣвота, и сильная алчба. По насыщеніи чрева демонъ скуки внушаетъ монаху помыслы выйти изъ келліи и съ кѣмъ нибудь поговорить, представляя, что не иначе можно избавиться отъ скуки, какъ непрестанно бесѣдуя съ другими. И монахъ, одолѣваемый скукою, подобенъ пустынному хворосту, который то немного остановится, то опять несется по вѣтру. Онъ, какъ безводное облако, гонится вѣтромъ.

„Сей демонъ, если не можетъ извлечь монаха изъ келліи, то начинаетъ развлекать умъ его во время молитвы и чтенія. Это—говоритъ ему помыслъ—лежитъ не такъ, а это не тутъ: надобно привести въ порядокъ, и это все дѣлаетъ для того, чтобы умъ сдѣлать празднымъ и безплоднымъ.“

Чѣмъ же молодой подвижникъ врачевалъ эту болѣзнь духа? „Болѣзнь сія врачуется—говоритъ онъ по собственному опыту—молитвою, воздержаніемъ отъ празднословія по сильнымъ рукодѣліемъ, чтеніемъ слова Божія и терпѣніемъ; потому что и рождается она отъ малодушія и праздности и празднословія (См. Ант. гл. 26. Ис. Спр. 212).

„Трудно—говорилъ онъ—трудно избѣжать сей болѣзни начинающему жизнь монашескую: ибо она первая нападаетъ на него. Потому прежде всего и должно предупреждать ее посредствомъ строгаго и безпрекословнаго исполненія всѣхъ возлагаемыхъ на послушника обязанностей. Когда занятія твои придутъ въ настоящій порядокъ, тогда скука не найдетъ мѣста въ сердцѣ твоемъ. Скучаютъ только тѣ, у кого дѣла не въ по-

рядкѣ. И такъ послушаніе есть лучшее врачевство противъ сей опасной болѣзни.

„Когда одолѣваетъ тебя скука, то говори себѣ, по наставленію преподобнаго Исаака Сирина: ты опять желаешь нечистоты и постыдной жизни. И если помыслъ скажетъ тебѣ: великій грѣхъ убивать себя,—ты скажи ему: убиваю себя потому, что не могу жить нечисто. Умру здѣсь, чтобы не увидѣть истинной смерти души моей въ отношеніи къ Богу. Лучше мнѣ умереть здѣсь за чистоту, нежели жить въ мірѣ жизнію злою. Я предпочелъ смерть сію грѣхамъ моимъ.

„(Убью плотскія мои страсти, потому что я согрѣшилъ Господу, и не буду болѣе прогнѣвлять Его). Что мнѣ жить въ удаленіи отъ Бога! Озлобленія сіи стерплю, чтобы не лишиться небесной надежды. Что Богу въ моей жизни, если я буду жить худо и прогнѣвлять Его. (Сл. 22)?“

Далѣе онъ различаетъ скуку отъ унынія, показываетъ, что самое уныніе бываетъ двухъ родовъ: естественное и отъ злыхъ духовъ, и учитъ, что долженъ дѣлать человѣкъ, впадшій, по несчастію, въ то или другое состояніе. „Иное скука—говоритъ о. Серафимъ—иное томленіе духа, называемое уныніемъ. Бываетъ иногда человѣкъ въ такомъ состояніи духа, что, кажется, легче бы ему было уничтожиться или быть безъ всякаго чувства и сознанія, нежели долѣе оставаться въ этомъ безотчетно мучительномъ состояніи. Надобно спѣшить выйти изъ него. Блюдись отъ духа унынія, ибо отъ него рождается всякое зло. (Варс. отв. 13, 497).

„Есть уныніе естественное—учитъ св. Варсонофій—отъ безсилія; и есть уныніе отъ бѣса. Хочешь ли знать это? Испытай такъ: бѣсовское приходитъ прежде того времени, въ которое должно дать себѣ отдохновеніе. Ибо когда кто предположитъ себѣ сдѣлать что нибудь, оно, прежде нежели исполнена будетъ треть или четверть дѣла, нудитъ его оставить дѣло и встать. Тогда не надобно слушать его, но надобно сотворить молитву и сидѣть за дѣломъ съ терпѣніемъ. И врагъ, видя, что, онъ по этому творитъ молитву, удаляется, потому что не хочетъ давать повода къ молитвѣ.“ (Варс. отв. 559, 563, 564, 565).

Наконецъ онъ описываетъ самое послѣднее въ ряду сихъ душевныхъ искушеній—состояніе малодушія, и даетъ надежнѣй-

шее врачевство противъ него. „Когда Богу угодно—говоритъ Исаакъ Сиринъ—повергнуть человѣка въ большія скорби, попускаетъ ему впасть въ руки малодушія. Оно рождаетъ въ немъ крѣпкую силу унынія, въ которомъ онъ испытываетъ душевную тѣсноту, и это есть предвкушеніе геенны; въ слѣдствіе же сего находитъ духъ изступленія, отъ котораго происходятъ тысячи искушеній: смущеніе, ярость, хула, жалоба на свою участь, развращенные помыслы, переселеніе изъ мѣста въ мѣсто, и тому подобное. Если спросишь: какая сему причина? то скажу: твое нерадѣніе; потому что ты не позаботился поискать уврачеванія ихъ. Ибо врачеваніе для всего этого одно, при помощи котораго человѣкъ скоро находитъ утѣшеніе въ душѣ своей. И что-жъ это за врачевство? -смиренномудріе сердца. Ничѣмъ, кромѣ его, человѣкъ не можетъ разрушить оплотъ сихъ пороковъ, а напротивъ того, находитъ, что сіи превозмогаютъ надъ нимъ (Исаак. Сир. слово 79 листъ 156 на обор.). Уныніе у св. Отцовъ иногда называется праздностію, лѣностію и разлѣненіемъ.“

Мы видѣли выше, какъ молодой послушникъ въ жизни своей побѣждалъ сіи, или подобныя симъ искушенія терпѣніемъ и послушаніемъ. Посмотримъ теперь, какъ приводилъ онъ въ дѣйствіе другія противъ нихъ средства.

Жизнь его въ это время до постриженія въ монашество ежедневно располагалась такимъ образомъ. Въ опредѣленные часы онъ былъ въ церкви на богослуженіи и правилахъ. Подражая старцу Пахомію, на церковныя молитвы онъ являлся какъ можно ранѣе, выстаивалъ неподвижно все богослуженіе, какъ бы продолжительно оно ни было, и никогда не выходилъ прежде совершеннаго окончанія службы. Въ часы молитвъ всегда стоялъ на одномъ опредѣленномъ мѣстѣ. Для предохраненія отъ развлеченія и мечтательности, имѣя глаза опущенными долу, онъ съ напряженною внимательностію и благоговѣніемъ слушалъ пѣніе и чтеніе, сопровождая ихъ молитвою.

Внѣ церкви, исполнивъ обязанности послушанія, Прохоръ, удаляясь суетнаго общенія съ другими, любилъ уединяться въ своей кельи. Тамъ, кромѣ молитвы, у него были завятія двухъ родовъ: чтеніе и трудъ тѣлесный. Онъ читалъ книги и общехристіанскія и духовно-подвижническія. Предметами его чтенія были: священная Библія, особенно Псалтирь, св. Евангеліе и

посланія Апостольскія, творенія св. отцовъ, наприм. Шестодневъ св. Василія великаго, бесѣды св. Макарія великаго, Лѣствица преп. Іоанна, житія святыхъ по Четіи-минеи св. Димитрія Ростовскаго, Добротолюбіе и другія. Псалмы онъ читалъ и *сидя*, говоря, что утружденному это позволительно, а св. Евангеліе и посланіе Апостоловъ всегда *стоя* предъ св. иконами, въ положеніи молитвенномъ, и это называлъ *бдѣніемъ* (бодрствованіемъ). Не для препровожденія времени, не ради удовлетворенія возбужденнаго любознанія совершаемо было это чтеніе. Новоначальный подвижникъ искалъ въ немъ рѣшенія вопросовъ жизни, прочитанное прилагалъ къ своему быту и вообще къ человѣку. Отсюда у него, при свѣтѣ слова Божія, подъ вліяніемъ подвижничества, въ смиреніи и преданности волѣ Божіей, выработывался и въ послѣдствіи образовался здравый и свѣтлый взглядъ на жизнь христіанина вообще и въ частности на пути иночества.

. Въ часы отдохновенія отъ дѣлъ духовныхъ Прохоръ предавался тѣлесному труду. Въ это время занятіемъ его была столярная работа: подобно другимъ инокамъ, онъ вырѣзывалъ кресты изъ кипариснаго дерева для благословенія богомольцамъ. Въ столярномъ дѣлѣ, особенно, когда проходилъ это послушаніе, Прохоръ отличался большимъ усердіемъ, искусствомъ и успѣхами, такъ что въ росписаніи чередныхъ смѣнъ для неусыпаемаго пѣнія онъ одинъ изъ всѣхъ названъ Прохоромъ *столяромъ*. Но, совершая келейное послушаніе, онъ ходилъ и на общіе для всей братіи труды: сплавлять лѣсъ, приготовлять дрова и т. п. Когда занимался рукодѣліемъ въ своей кельи, или трудился на общихъ послушаніяхъ, безпрестанно содержалъ въ памяти и сердцѣ сію молитву Іисусову: *Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго*. Упражненіемъ въ работѣ восполнялись монастырскіе подвиги; ибо монаху, сверхъ духовныхъ занятій, заповѣдуется правилами физическій трудъ.

Относительно поведенія за трапезой, принятія пищи и ночнаго отдыха, до насъ сохранилось слѣдующее собственное свидѣтельство о. Серафима: „Сидя за трапезой, не смотри и не осуждай, кто сколько ѣстъ, но внимай себѣ, питая душу молитвою. За обѣдомъ ѣшь довольно, за ужиномъ воздержись. Въ среду и пятокъ, аще можешь, вкушай по однажды.

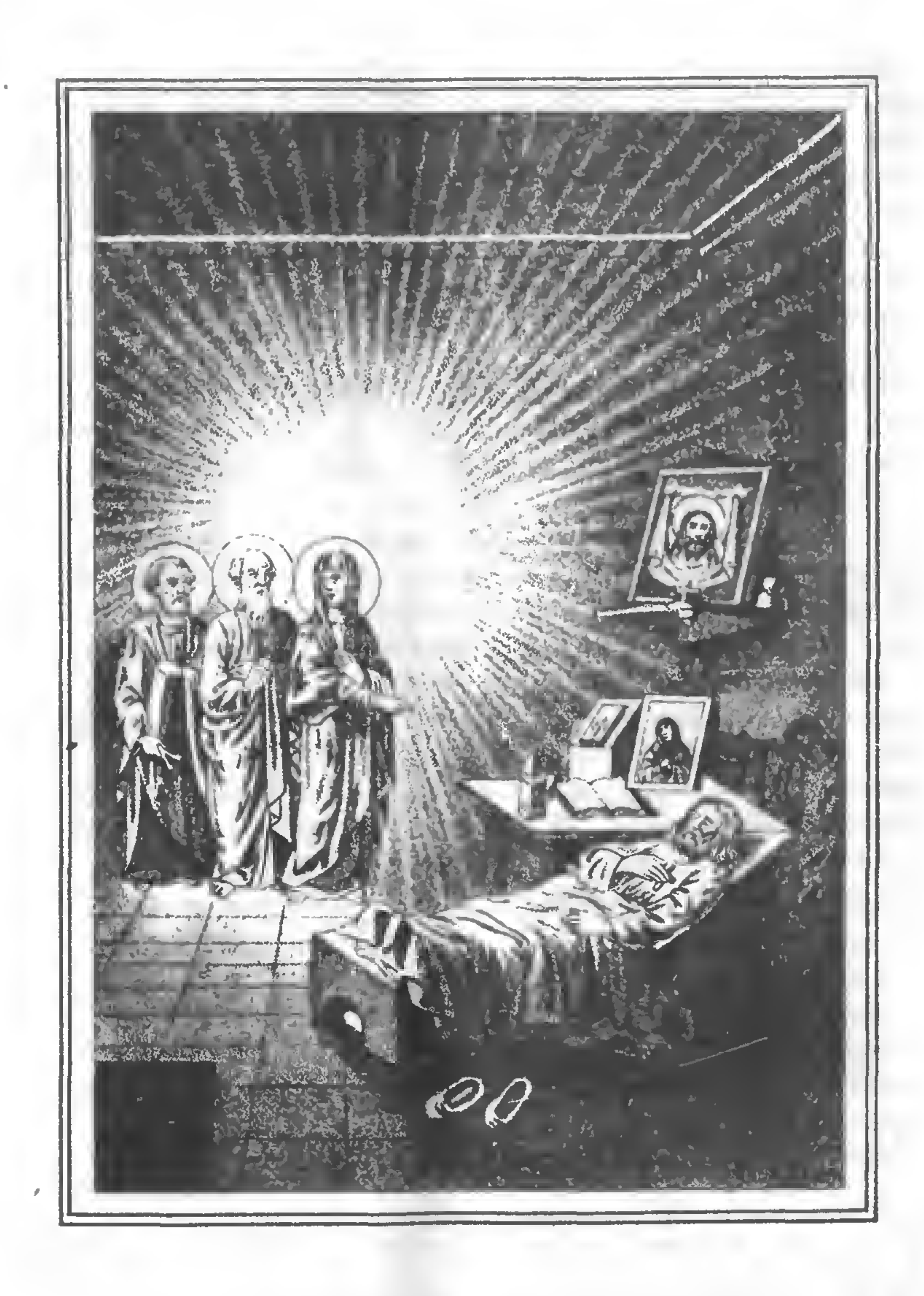
Каждый день непремѣнно въ нощи спи четыре часа: десятый, одиннадцатый, двѣнадцатый и часъ за полунощь. Аще изнеможешь, можно въ добавокъ днемъ спать. Сіе держи несомнѣнно до кончины жизни: ибо оно нужно для успокоенія головы твоей. *И я съ молодыхъ лѣтъ держалъ таковый путь.* Мы и Господа Бога всегда просимъ объ упокоеніи себя въ нощное время. Аще тако будешь хранить себя, то не будешь унылъ, но здравъ и веселъ.“ Съ теченіемъ времени отъ слишкомъ напряженнаго стоянія, отъ недостатка въ ночномъ отдыхѣ, о. Серафимъ, какъ самъ неоднократно сказывалъ, получилъ сильную головную боль. Болѣзнь эта разрѣшилась сама собою, когда онъ началъ нѣсколькими часами болѣе давать себѣ отдыхъ во время ночи. Послѣ сего о. Серафимъ, на основаніи собственнаго опыта, совѣтывалъ немощнымъ шесть часовъ въ сутки отдавать сну, а болѣе сильнымъ — тѣломъ и крѣпкимъ душою—пять часовъ, повторяя при семъ наставленіе отцевъ пустынниковъ, что мы не тѣло, а страсти умерщвлять научаемся.

Подвиги послушанія, молитвы, чтенія и труда однако же, несовершенно удовлетворяли пустыннолюбивую душу молодаго подвижника. Извѣстно, что Саровская пустынь на разстояніи многихъ верстъ въ окружности обнесена густымъ лѣсомъ или боромъ. У нѣкоторыхъ старцевъ отсюда родилась мысль, по примѣру древнихъ подвижниковъ и первооснователей Саровской обители, удаляться изъ монастыря и тамъ. втайнѣ отъ людей, предъ очами одного Бога, внимательнѣе предаваться благочестивымъ упражненіямъ. Съ благословенія настоятеля Пахомія, такимъ образомъ поселились въ разныхъ мѣстахъ, не далеко другъ отъ друга, каждый съ своимъ ученикомъ, въ глубинѣ монастырскаго лѣса, извѣстные пустынники: игуменъ Назарій, іеромонахъ Дороѳей. схимонахъ Маркъ. Видя такіе примѣры, Прохоръ стремился духомъ къ большему уединенію и подвижничеству. Душа его, подобно горлицѣ, рвалась къ уединенію. Онъ получилъ отъ старца своего, отца Іосифа, благословеніе въ свободные часы оставлять монастырь и уходить въ лѣсъ. Тамъ онъ нашелъ уединенное мѣсто, устроилъ сокровенную кущу и въ ней совершенно одинъ предавался богоразмышленію и молитвѣ. „Ежели не всегда можно пребывать въ уединеніи и молчаніи, живя въ монастырѣ и занимаясь возложенными отъ настоятеля послушаніями, то хотя нѣкоторое время, остающееся

отъ послушанія, должно посвящать на уединеніе и молчаніе: и за сіе малое не оставитъ Господь Богъ ниспослать на тебя богатую Свою милость.“ Вотъ такое правило, внушаемое впослѣдствіи другимъ инокамъ, теперь исполнялъ самъ Прохоръ, удаляясь въ пустынную кущу. Созерцаніе дивной природы возвышало его къ Богу, а совершенное одиночество тѣснѣе соединяло съ Нимъ въ чувствѣ Божественнаго вездѣприсутствія молитвою. По сказанію человѣка, бывшаго впослѣдствіи близкимъ къ старцу Серафиму, онъ совершалъ здѣсь *правило, еже даде Ангелъ Господенъ великому Пахомію*, учредителю иноческаго общежитія. Это правило совершается въ слѣдующемъ порядкѣ: *Трисвятое*, и по *Отче нашъ: Господи помилуй 12. Слава и нынѣ: пріидите поклонимся* трижды. *Псаломъ 50: Помилуй мя Боже. Вѣрую во единаго Бога...* Сто молитвъ: *Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго* и по семъ: *Достойно есть и отпустъ.* Все сіе составляло одно моленіе. Но такихъ молитвъ надлежало совершить, по числу суточныхъ часовъ, двѣнадцать днемъ и двѣнадцать ночью. Это правило, принятое въ обители, составленное по уставу преподобнаго Пахомія, Прохоръ исполнялъ, по наставленію старца Іосифа, съ самаго поступленія въ монастырь. Но въ кущѣ, среди природы, такъ сказать, наединѣ съ Богомъ, онъ сосредоточеннѣе и съ большимъ умиленіемъ предавался молитвенному подвигу. Съ молитвою онъ соединялъ воздержаніе и постъ: въ среду и пятницу не вкушалъ никакой пищи, а въ другіе дни недѣли принималъ ее только одинъ разъ. Кому не радостно было видѣть такое подвижничество въ послушникѣ, еще юномъ не только душею, но и возрастомъ? Видимо стало, что Прохоръ ставитъ себя твердо на пути иноческаго житія. Всѣ питали уваженіе и любовь къ необыкновенному подвижнику. Не единственнымъ, впрочемъ, подвижникомъ между новоначальными во всемъ Саровѣ былъ въ то время Прохоръ: были и другіе молодые люди, явившіе въ себѣ высокіе примѣры ревности о благочестіи. Таковъ, напр., былъ двадцатилѣтній послушникъ Василій, вступившій въ пустынь 1787 г. изъ мѣщанъ гор. Темникова. На первомъ шагу онъ оказалъ знаки полной преданности волѣ отца настоятеля Пахомія, съ отверженіемъ воли собственной: что ни было съ нимъ пріобрѣтеннаго въ мірѣ, онъ, вступая въ монастырь, все положилъ къ

ногамъ строителя, усердно отдавая съ тѣмъ вмѣстѣ и себя въ совершенное послушаніе ему. Это удивило старца Пахомія, и онъ всегда имѣлъ этого послушника въ особенномъ вниманіи. Въ послѣдніе годы жизни, о. Серафима этотъ послушникъ былъ, подъ именемъ Нифонта, строителемъ Саровской пустыни. Были и другіе рабы Божіи, но жизнь иноческая, какъ и вообще житіе истинно-христіанское, по слову Писанія, сокрываются со Христомъ въ Богѣ. Посему они тщательно укрывали свои благочестивыя дѣйствія, втайнѣ боролись со страстьми своими, боясь и бѣгая славы человѣческой. Но Прохоръ стоялъ на виду старшихъ братій монастыря и подвиги его были такъ постоянны и разительны, что трудно было укрыть ихъ. Посему, представляя его, предпочтительнѣе предъ прочими, въ примѣръ не столько рачительнымъ въ иноческихъ дѣлахъ, старцы Іосифъ и Пахомій, сверхъ любви къ нему, какъ бы къ своему чаду, являли и довѣріе. „Блаженной памяти, отцы наши, строитель Пахомій и казначей Іосифъ, мужи святые, любили меня (говорилъ впослѣдствіи о. Серафимъ), какъ свои души, и ничего ими отъ меня не потаено, и о томъ, что имъ было для своей души и для меня полезно, пеклися.“

И какъ пеклися! Въ 1780 году послушникъ Прохоръ тяжко разболѣлся. Онъ слегъ на жесткое ложе: тѣло его распухло; больной лежалъ неподвижно. Неизвѣстно, какая была у него болѣзнь; врача при немъ не было: некому было опредѣлить вида болѣзни. По внѣшнему признаку думали, что Прохоръ страдалъ водяною болѣзнію. Но никакому сомнѣнію не подлежитъ то, что былъ недугъ упорный и продолжительный, длившійся въ теченіе трехъ лѣтъ, половину коихъ страдалецъ провелъ въ постели. Больной всецѣло предалъ свое тѣло и душу Богу, молился, омывалъ слезами ложе свое; слово ропота никогда не сходило съ устъ его. Тутъ-то открылось, какъ всѣ, и прежде другихъ начальствующіе въ монастырѣ, уважали, любили и жалѣли Прохора. Во время болѣзни Прохору служилъ, какъ послушникъ, старецъ о. Іосифъ, его наставникъ и руководитель въ приготовительныхъ иноческихъ трудахъ. Строитель Пахомій, старецъ о. Исаія, также много пеклися о немъ. Спустя много лѣтъ послѣ сего (25 мая 1832 г.), въ бесѣдѣ съ одной особой, о. Серафимъ съ чувствомъ глубокой благодарности вспоминалъ объ этой заботливости старца Пахомія. „У меня — говорилъ



Явленіе Пресвятыя Богородицы

къ о. Серафиму (бывшему еще послушникомъ) во время тяжкой его болѣзни.

Цензоръ священникъ Николай Елеонскій

Тип.-лит. Зворыкина, Муромъ

онъ—въ тотъ разъ былъ другъ здѣсь въ обители, іеромонахъ Пахомій. Когда я былъ боленъ, полтора года лежалъ въ постели, онъ ходилъ за мною, почти неотлучно находился при мнѣ.“ Послѣ мы увидимъ, какъ о. Серафимъ *на дѣлѣ* выразилъ благодарныя чувства къ старцу Пахомію. Въ настоящій же разъ не забудемъ, что Пахомій былъ настоятелемъ обители, а Прохоръ—послушникъ... и къ нему-то ради недуговъ относились съ такимъ усердіемъ и заботою и строитель, и слѣдующіе послѣ него старцы. Это обстоятельство обнаруживало въ старшихъ братіяхъ обители высокую степень внимательности и попеченія о младшихъ,—какъ и должно быть во всякомъ благоустроенномъ, особенно церковномъ обществѣ. Въ послѣднемъ развитіи недуга стали опасаться за жизнь больнаго. Тогда о. строитель съ рѣшительностію предлагалъ ему пригласить врача, или по крайней мѣрѣ, открыть кровь. Весьма замѣчателенъ аскетическій отвѣтъ больнаго: „я предалъ себя, отче святый, истинному врачу душъ и тѣлесъ, Господу нашему Іисусу Христу и Пречистой Его Матери; если же любовь ваша разсудитъ, снабдите меня убогаго, Господа ради, небеснымъ врачевствомъ (т. е. причастіемъ св. Таинъ).“ Старецъ Іосифъ, по просьбѣ его и собственному усердію, особо отслужилъ *о здравіи* больнаго всенощное бдѣніе и литургію. Къ богослуженію собрались братія изъ усердія помолиться о страждущемъ; Прохоръ былъ исповѣданъ и причастился св. Христовыхъ Таинъ, которыя были принесены въ его келью, къ одру его. Не задолго до кончины своей, о. Серафимъ, всегда говорившій истину и ненавидѣвшій ложь, многимъ особамъ разсказывалъ, что въ этотъ разъ, по причащеніи св. Таинъ, ему явилась въ несказанномъ свѣтѣ Пресвятая Дѣва Марія съ апостолами Іоанномъ Богословомъ и Петромъ, и обратясь къ Богослову лицемъ, перстомъ же указывая на Прохора, сказала: *этотъ нашего рода* *).

---

*) Слова сіи при подобномъ же случаѣ сказаны были и другому недавно умершему подвижнику нашей Церкви. Это былъ архимандритъ Паисій, старецъ 80 лѣтъ, извѣстный благочестивымъ людямъ своею строго-иноческою жизнію. Во время пребыванія своего на покоѣ въ Троицко-Сергіевской лаврѣ, онъ сдѣлался тяжко боленъ. Божія Матерь, явившись ему съ Предтечею Христовымъ Іоанномъ, исцѣлила его отъ недуга и также сказала: *этотъ нашего рода*. Разсказъ сей переданъ намъ тѣмъ самымъ лицомъ, кому повѣдалъ его тайно о. Паисій. Выраженіе: *нашего рода*, очевидно указываетъ на то, что о. Серафимъ и архимандритъ Паисій были особенно усердными молитвенниками Божіей Матери, и потому сами стояли подъ особеннымъ Ея покровомъ и заступленіемъ. Внимательный читатель можетъ усмотрѣть это изъ настоящей біографіи о. Серафима.

Потомъ Она возложила правую руку свою на голову страдальца: тогда матерія, которая наполняла тѣло больнаго, начала выходить отверстіемъ, образовавшимся въ правомъ боку. Въ скоромъ времени тѣло совершенно освободилось отъ недуга. Признаки раны, бывшей истокомъ болѣзни, всегда оставались на тѣлѣ о. Серафима. Современники его удивлялись скорости выздоровленія, послѣдовавшаго послѣ общей молитвы о немъ и по принятіи имъ св. Таинъ. Но они ничего не знали о чудесномъ посѣщеніи, которымъ только и можно объяснить быстрый исходъ столь продолжительнаго и упорнаго недуга. Много душевной пользы принесла Прохору эта болѣзнь: духъ его окрѣпъ въ вѣрѣ, любви и надеждѣ на Бога. Между прочимъ заботливость о немъ монастырскихъ чиновъ новымъ чувствомъ благодарности привязала къ нимъ его сердце. Прохоръ оченъ нерѣдко и всегда съ любовію понималъ о хожденіи за нимъ о. Іосифа и прочихъ старцевъ, и, какъ увидимъ, послѣ смерти ихъ оказывалъ къ нимъ особенное благоговѣніе.

Въ періодъ послушничества Прохора, при настоятелѣ Пахоміи, предприняты были въ Саровской пустынѣ многія настоятельно нужныя постройки. Въ числѣ ихъ на мѣстѣ кельи, въ которой болѣлъ Прохоръ, строилась больница для леченія недужныхъ и упокоенія престарѣлыхъ, и при больницѣ церковь о двухъ этажахъ съ престолами, въ нижнемъ—во имя св. Зосимы и Савватія, чудотворцевъ Соловецкихъ, въ верхнемъ—во славу Преображенія Спасителя. На сооруженіе церкви молодой послушникъ посланъ былъ изъ Сарова за сборомъ денегъ въ разныя мѣста. Послушанія ради, въ благодарность за свое исцѣленіе и по сочувствію къ недугамъ, для облегченія которыхъ строилось зданіе, онъ съ охотою понесъ трудный подвигъ сборщика. Странствуя по ближайшимъ къ Сарову городамъ, Прохоръ былъ и въ Курскѣ, на мѣстѣ своей родины. Онъ не засталъ въ живыхъ благочестивую мать свою, и, посѣщая могилу ея, съ усердіемъ и горькими слезами молился объ упокоеніи души ея. Но у него былъ здѣсь родной братъ, оставшійся послѣ матери полнымъ хозяиномъ родительскаго достоянія. Этотъ братъ, съ своей стороны, оказалъ Прохору нескудное пособіе для строенія церкви. Совершивши такимъ образомъ послушаніе сборщика, Прохоръ показалъ новое усердіе къ устроенію церкви при больницѣ. Долговременное и усердное упражненіе къ столярной работѣ пріучило

его къ производству издѣлій, болѣе прочныхъ и сложныхъ, чѣмъ дѣланіе крестовъ. Онъ построилъ собственными руками для нижней больничной церкви, въ честь преподобныхъ Зосимы и Савватія, изъ кипариснаго дерева престолъ, который и до нынѣ стоитъ на своемъ мѣстѣ. Съ того времени, какъ престолъ 17-го августа 1786 года былъ освященъ, о. Серафимъ до конца жизни своей причащался св. Таинъ въ семъ по преимуществу храмѣ—для памятованія всегда о явленномъ ему на семъ мѣстѣ великомъ благодѣяніи Божіемъ, о чемъ весьма часто и весьма многимъ самъ говаривалъ.

III.

Отъ пострига—до удаленія въ дальнюю пустыню.

Время послушническаго искуса Прохора.—Его возмужалость.—Описаніе наружнаго его вида.—Его душевные дары.—Посвященіе всего себя Богу.—Вступленіе въ монашество.—Ревностнѣйшее прохожденіе подвиговъ.—Посвященіе во іеродіакона.—Служеніе въ этомъ санѣ.—Любовь къ нему настоятеля и старцевъ.—Его всегдашнее воздержаніе.—Видѣніе въ храмѣ во время литургіи въ великій четвертокъ.—Пустынническіе подвиги о. Серафима.—Посвященіе во іеромонаха.—Служеніе въ этомъ санѣ.—Духовная зрѣлость о. Серафима для высшихъ монашескихъ подвиговъ.

Съ поступленія въ Саровскую пустынь Прохоръ восемь лѣтъ провелъ въ званіи послушника. На языкѣ иноковъ время это называется *искусомъ*, т. е. испытаніемъ: способенъ ли желающій иночества вступить на путь совершеннѣйшей жизни. Предварительный искусъ поставляется необходимымъ условіемъ для всякаго переходящаго отъ міра къ исключительному служенію Богу, какъ приготовленіе для сего служенія. Прохоръ теперь возмужалъ: ему было лѣтъ 25-ть слишкомъ. Наружный видъ его въ это время имѣлъ замѣтныя особенности. Онъ былъ роста высокаго, около двухъ аршинъ и восьми вершковъ; не смотря на строгое воздержаніе и подвиги, лицо у него было полное, покрытое пріятной бѣлизной, носъ прямой и острый, глаза свѣтло-голубые, выразительные и проницательные, брови густыя; волосы на головѣ свѣтло-русые и также густые. Лицо его окаймлялось густою окладистою бородою, съ которою на оконечностяхъ устъ, или рта, соединялись длинные, густые же

усы. Сложеніе имѣлъ мужественное и обладалъ большими физическими силами. Изъ душевныхъ способностей у него была счастливая память, свѣтлое, бойкое, отчетливое воображеніе и, въ связи съ ними увлекательный даръ слова. Прохоръ, посвящая Господу всѣ свои способности и силы, такимъ образомъ прошелъ уже всѣ степени монастырскаго искуса и въ самой жизни выразилъ совершенную готовность и способность къ принятію монашескихъ обѣтовъ. Въ тяжкихъ тѣлесныхъ и душевныхъ испытаніяхъ, которыя посылалъ ему Самъ Господь, душа его очистилась и сердце окрѣпло въ благочестіи. Еще на степени послушника онъ ревновалъ о строго-монашескомъ, даже аскетическомъ житіи, и, какъ мы видѣли, предначиналъ оное. Настоятель пустыни, твердо убѣдившись теперь въ призваніи Прохора, ходатайствовать предъ духовною властію объ удостоеніи его сана инока. Съ соизволенія Св. Сѵнода, 13-го августа 1786 года, совершено было постриженіе его строителемъ іеромонахомъ Пахоміемъ. Воспріемными отцами его при семъ были достопочтенные старцы Іосифъ и Исаія, занимавшіе послѣ настоятеля первыя мѣста въ монастырской іерархіи. При постриженіи ему дано новое имя *Серафимъ* (пламенный). На это имя, по обычаю прошлаго вѣка, данное Прохору безъ его вѣдома и изволенія, можно смотрѣть, какъ на выраженіе понятій о немъ монастырскаго начальства: видѣли ревность Прохора къ богоугодной жизни, предусматривали еще большій пламень по Богѣ, и назвали *Серафимомъ*. Въ братскихъ вѣдомостяхъ за 1786 годъ сказано, что Серафимъ постриженъ въ монахи, на вакантное мѣсто въ Гороховскій Николаевскій монастырь, въ которомъ и числился значительное время. Но онъ никогда не жилъ въ этомъ монастырѣ и постоянное мѣстопребываніе свое имѣлъ въ Саровской обители. Съ принятіемъ иноческаго сана, значеніе новаго имени, напоминая отцу Серафиму о чистотѣ и пламенномъ служеніи Богу Ангеловъ, возвышало въ немъ желаніе съ большею противъ прежняго ревностію служить Господу. Не принимая на себя новыхъ подвиговъ, инокъ Серафимъ совершалъ прежнее теченіе, которое давно уже сроднилось съ его душею и жизнію. Только со стороны стало замѣтно всѣмъ, что онъ держалъ себя уединеннѣе, болѣе погружался въ свою душу, крѣпче предавался исполненію своихъ обѣтовъ и соединенныхъ съ ними частнѣйшихъ обязанностей.

Въ томъ же 1786 г., *) въ октябрѣ, монахъ Серафимъ, по ходатайству строителя Пахомія, посвященъ былъ преосвященнымъ Викторомъ, епископомъ Владимірскимъ и Муромскимъ, въ санъ іеродіакона. Ставленная грамата его на сей санъ донынѣ цѣла между бумагами монастыря. Теперь, кромѣ подвиговъ иночествованія, о. Серафиму прибавились новые труды по званію іеродіакона. Но и сердце его теперь возгорѣлось вящшею любовію къ Богу. Онъ вполнѣ предался новому своему, по истинѣ уже ангельскому, служенію. Со дня возведенія въ санъ іеродіакона, онъ, храня чистоту души и тѣла, въ теченіи шести лѣтъ и десяти мѣсяцевъ, почти безпрерывно находился въ служеніи, по обязанности іеродіакона. Ночи на воскресные и праздничные дни проводилъ всѣ въ бодрствованіи и молитвѣ, неподвижно стоя до самой литургіи. По окончаніи же каждой Божественной службы, оставаясь еще надолго въ храмѣ онъ по обязанности священно-діакона, приводилъ въ порядокъ священную утварь и заботился о чистотѣ алтаря Господня. Господь Богъ, видя благую ревность и усердіе къ подвигамъ, даровалъ отцу Серафиму силу и крѣпость, такъ что онъ не чувствовалъ почти трудовъ, не нуждался послѣ нихъ въ слишкомъ продолжительномъ отдыхѣ, былъ крѣпокъ здоровьемъ, часто забывалъ о пищѣ, питьѣ, и отходя съ пути подвиговъ для отдыха, жалѣлъ, зачѣмъ человѣкъ, подобно ангеламъ, не можетъ безпрерывно служить Богу. Сроитель Пахомій теперь еще болѣе прежняго привязался сердцемъ къ о. Серафиму. Безъ него старецъ не совершалъ почти ни одной службы: „когда батюшка Пахомій служилъ—сказывалъ впослѣдствіи самъ о. Серафимъ—то безъ меня, убогаго Серафима, рѣдко совершалъ службу.“

Если куда выѣзжалъ изъ обители старецъ Пахомій, одинъ или съ другими старцами, по дѣламъ монастыря или только для служенія, часто приглашалъ съ собою о. Серафима. Въ одинъ изъ такихъ выѣздовъ о. Серафиму случайно пришлось участвовать въ погребеніи извѣстнѣйшей инокини Александры, въ мірѣ Агаѳіи Семеновнѣ Мельгуновой, основательницы Дивѣевской обители. Не задолго до ея блаженной кончины, умеръ въ селѣ Лемети помѣщикъ Соловцовъ, благодѣтель Саровской обители. На погребеніе его отправились старцы Пахомій и Исаія, взявши

*) Этотъ 1786 г. точно обозначенъ въ ставленнической граматѣ о. Серафима, хранящейся въ Саровской обители.

съ собою о. Серафима, какъ іеродіакона. Проѣзжая чрезъ Дивѣево, они посѣтили Агаѳію Семеновну, и, нашедши ее въ болѣзни весьма слабою, совершили надъ нею св. таинство Елеосвященія. Больная предчувствуя кончину, со слезами просила старцевъ не оставить Дивѣевскихъ сиротъ ея.

Строитель Пахомій, утѣшая ее говорилъ: „ты матушка, ни о чемъ ни безпокойся: благодатію Божіею ты напутствована всѣмъ по долгу христіанскому. При жизни своей я не оставлю сиротъ твоихъ; послѣ же меня, вотъ о. Серафимъ не оставитъ ихъ.“

Больная отвѣчала на это: „отецъ мой! я о себѣ не безпокоюсь: при помощи Божіей, я отхожу въ вѣчность съ надеждою. Но эти сироты останутся послѣ меня въ величайшей скорби, по преданности ихъ ко мнѣ, убогой. Поэтому-то я и молю тебя, отецъ мой, не оставь ихъ во всемъ понеси ихъ тяготу и немощи по заповѣди Божіей. Тебѣ извѣстно, какая для нихъ будетъ скорбь и потеря разлучиться со мною вѣчно.“

Потомъ она вынула остатокъ своего достоянія, состоящій изъ двухъ мѣшечковъ, одинъ съ золотыми, другой съ серебряными монетами, и, вручая ихъ о. Пахомію, сказала: „прими этотъ сиротскій участокъ для употребленія въ ихъ пользу: сами они не могутъ еще употребить его благоразумно и какъ бы слѣдовало на пользу общую, а вы по опыту знаете, куда и на что употребить.“ Возвращаясь изъ Лемети, старцы нашли монахиню Александру умершею и едва-едва поспѣли къ ея погребенію. По обычаю, послѣ погребенія, была трапеза. О. Серафимъ не остался тогда въ Дивѣевѣ даже покушать для подкрѣпленія силъ своихъ, но пѣшкомъ воротился одинъ въ Саровскую обитель, которая отстоитъ отъ Дивѣева на разстояніи 12 верстъ. Такъ онъ постоянно отличался воздержаніемъ не только въ обители, но и за ея стѣнами.

До такого состоянія духовной трезвенности, постническаго воздержанія, неусыпной молитвы и постоянныхъ трудовъ не иначе можно было дойти, какъ путемъ долговременнаго самоотверженія и непрестаннымъ принужденіемъ себя къ иноческому добродѣланію. Отецъ Серафимъ, можно сказать съ дѣтства трудился надъ собою, воспитывалъ себя въ этомъ духѣ, и вся прошлая жизнь его была, такъ сказать, лестницею къ настоящей степени подвижничества. Но будущее готовило ему подви-

ги и труды гораздо выше. Обращаясь къ прошлому о. Серафимъ видѣлъ надъ своей головою особый покровъ Пресвятыя Богородицы и попеченіе Божественнаго провидѣнія. Теперь искушенія едва-ли бы могли отвлечь сердце его, привязанное къ Богу, съ пути строгаго благочестія. Между тѣмъ промыслъ Божій нашелъ нужнымъ, въ виду новыхъ, труднѣйшихъ подвиговъ, подкрѣпить ревность его духовными видѣніями. Чистота сердца, воздержаніе, постоянное возвышеніе души къ Богу содѣлали его способнымъ къ созерцанію ихъ. Въ запискахъ напечатанныхъ въ „Маякѣ“ 1844 года (книга XXXII), говорится, что о. Серафимъ, въ санѣ іеродіакона, по временамъ видалъ при церковныхъ служеніяхъ св. Ангеловъ, сослужащихъ и поющихъ съ братіею. Они принимали образы молніобразныхъ юношей, облеченныхъ въ бѣлыя златотканныя одежды; но пѣнія ихъ нельзя уподобить никакой гармоніи на землѣ. Дивное впечатлѣніе производили на его душу сіи видѣнія! *Бысть сердце мое,* говоритъ онъ, *яко воскъ тая* отъ неизреченной радости. И не помнилъ я ничего отъ такой радости; помнилъ только какъ входилъ въ св. церковь, да выходилъ изъ нея.“ Особенно поразительно было одно видѣніе, которое мы разскажемъ здѣсь приблизительно къ словамъ самого старца Серафима, какъ этотъ разсказъ изложенъ въ упомянутыхъ запискахъ Саровскаго инока того времени:

„Еще повѣдаю тебѣ, радость моя, преславное видѣніе, мнѣ, убогому, бывшее. Только дай слово, что ты слышанное отъ меня никому не откроешь.“

Собесѣдникъ же, вѣроятно, самъ авторъ записокъ, поклонившись старцу, далъ обѣщаніе скрывать тайну. Но о. Серафимъ, предугадывая, что она можетъ быть открыта послѣ его (т. е. Серафимовой) смерти, подтвердилъ: „ты съ тѣмъ и умри, никому не говори.“ Собесѣдникъ поклонился святому старцу, въ знакъ согласія съ нимъ, въ ноги,—и слезы невольно потекли отъ умиленія изъ очей его *)... Старецъ же продолжалъ:

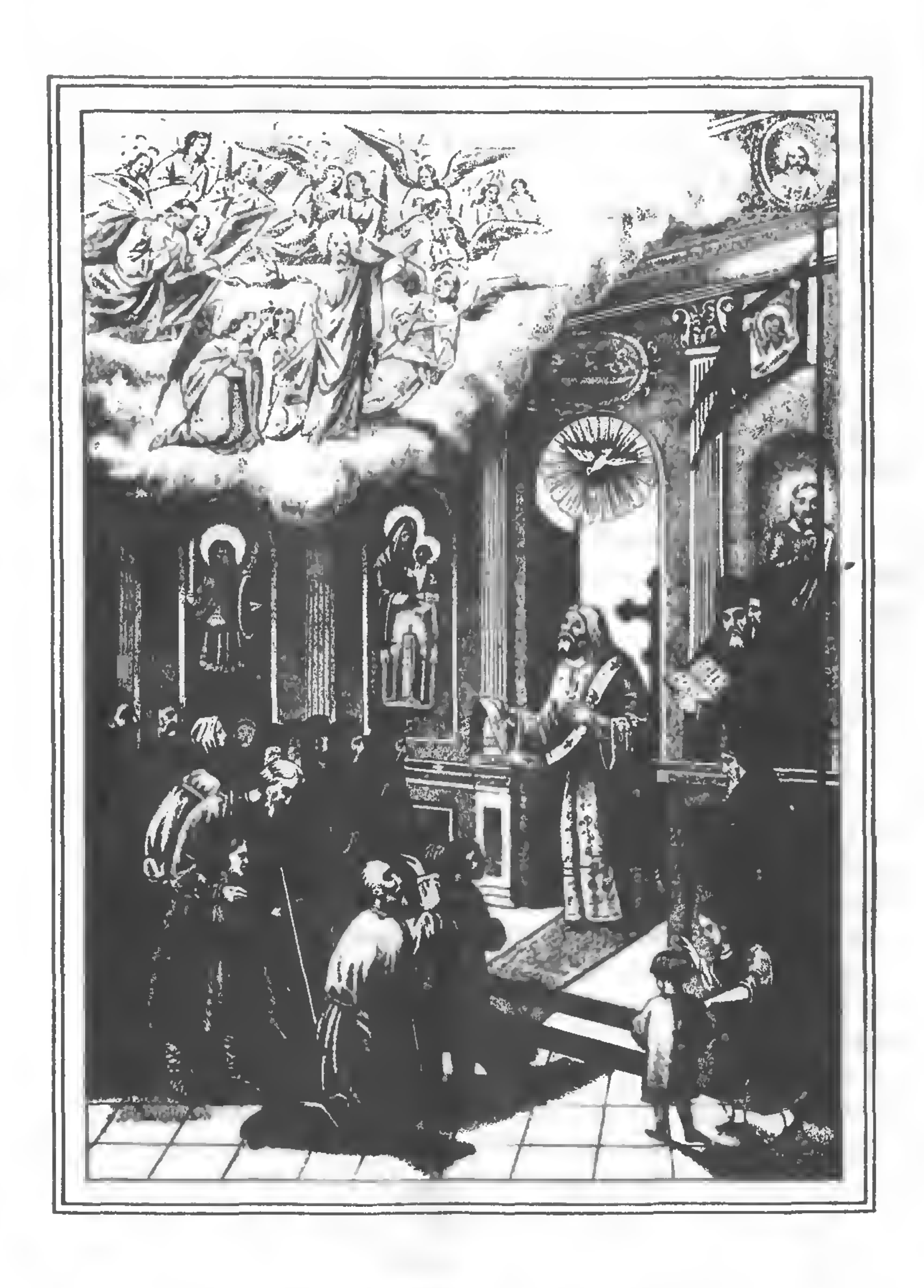
„Случилось мнѣ служить съ отцемъ Пахоміемъ и казначеемъ Іосифомъ во св. великій четвертокъ. Божественная литургія началась въ два часа по полудни, и обыкновенно—вечернею. Послѣ малаго выхода и паремій, возгласилъ я, убогій, у св.

*) Разсказъ этотъ, какъ замѣтно, противъ воли самого собесѣдника сдѣлался извѣстнымъ послѣ его смерти.

престола: *Господи, спаси благочестивыя и услыши ны*, и, вошедши въ царскія врата, навелъ на предстоящихъ ораремъ и возгласилъ: *и во вѣки вѣковъ*. Тутъ озарилъ меня свѣтъ, какъ лучъ солнечный. Обративъ глаза на сіяніе, я увидѣлъ Господа Бога нашего Іисуса Христа—во образѣ Сына человѣческаго въ славѣ, сіяющаго, свѣтлѣе солнца, неизреченнымъ свѣтомъ и окруженнаго, какъ бы роемъ пчелъ, небесными силами: Ангелами, Архангелами, Херувимами и Серафимами. Отъ западныхъ церковныхъ вратъ Онъ шелъ по воздуху, остановился противъ амвона, и, воздвигши Свои руки, благословилъ служащихъ и молящихся. Затѣмъ Онъ вступилъ въ мѣстный образъ, что близъ царскихъ вратъ. Сердце мое возрадовалось тогда чисто, просвѣщенно, въ сладости любви ко Господу."

Отъ сего таинственнаго видѣнія о. Серафимъ мгновенно измѣнился видомъ—и не могъ ни съ мѣста сойти, ни слова проговорить. Многіе это замѣтили и, конечно, никто не понималъ настоящей причины явленія. Тотчасъ два іеродіакона подошли, взяли о. Серафима подъ руки и ввели во св. алтарь. Около двухъ часовъ стоялъ послѣ того о. Серафимъ на одномъ мѣстѣ неподвижно. Только лицо его поминутно измѣнялось: то покрывала его бѣлизна, подобная снѣгу, то переливался на немъ румянецъ. И долго онъ не могъ ничего проговорить, созерцая въ душѣ дивное посѣщеніе Божіе и услаждаясь благодатными его утѣшеніями.

Весьма замѣчательно, что видѣніе сіе пало на такое время литургіи, въ которое входомъ священнослужителей въ алтарь изображается шествіе ихъ какъ бы въ самое небо; когда въ тайной молитвѣ священникъ проситъ Господа: *сотвори со входомъ нашимъ входу св. ангеловъ быти сослужащихъ намъ и сославословящихъ Твою благость*, когда поется и Ангельская пѣснь: *Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный, помилуй насъ*. Это видѣніе показало, что не всуе мы вѣруемъ, что силы небесныя съ нами невидимо служатъ при Божественной литургіи... И всякій, молящійся въ храмѣ Божіемъ, долженъ думать, что онъ молится какъ бы на небѣ вмѣстѣ съ Ангелами. Нѣтъ сомнѣнія, что ревность отца Серафима такими небесными утѣшеніями, сильнѣе укрѣплялась въ трудныхъ подвигахъ иноческаго добродѣланія. Они воскриляли въ немъ больше и больше желанія къ житію созерцательному. Видѣніе могло имѣть и



ВИДѢНІЕ СТАРЦУ СЕРАФИМУ ВО СВ. ХРАМѢ.

Цензоръ священникъ Николай [illegible]

Тип.-лит. Зворыкина, Муромъ

печальныя послѣдствія для нравственности отца Серафима. Подумай только онъ о себѣ, будто теперь уже святъ, достигъ высокаго совершенства жизни и не имѣетъ нужды въ дальнѣйшемъ преуспѣяніи,—тогда всѣ его труды предъ Богомъ превратились бы въ тщету и ничтожество, разсыпались какъ прахъ, возметаемый вѣтромъ... Но о. Серафимъ имѣлъ хорошихъ руководителей, къ которымъ питалъ совершенное довѣріе и которые были его воспитателями въ иноческой жизни. Служившіе литургію старцы Пахомій и Іосифъ спрашивали: „что такое случилось съ нимъ?" Имъ казалось, не почувствовалъ ли онъ неожиданно слабости силъ, которая такъ естественно могла случиться во св. великій четвертокъ послѣ продолжительнаго поста, при томъ уваженіи, какое питалъ къ нему издавна о. Серафимъ. О. Серафимъ привыкъ относиться къ этимъ двумъ старцамъ съ дѣтскою довѣрчивостію: онъ повѣдалъ имъ свое видѣніе, какъ было. Опытные въ духовной жизни старцы сложили разсказъ сей въ сердцѣ своемъ. А отцу Серафиму внушили, чтобы онъ не возгордился, не далъ въ своей душѣ мѣста пагубной мысли о какомъ нибудь своемъ достоинствѣ предъ Богомъ, и утвердили его въ духовномъ настроеніи самоуничиженія и смиренномудрія.

Ограждаемый смиреніемъ, о. Серафимъ восходилъ отъ силы въ силу въ духовной жизни. Его смиренномудріе, иноческіе труды, прежде сокровенные, теперь стали какъ будто замѣтнѣе, тверже. Мы уже видѣли, что еще послушникомъ отецъ Серафимъ удалялся въ Саровскій лѣсъ и въ сокровенной кущѣ погружался въ богомысліе. Теперь для него устроена была тамъ же уединенная келлія. Какъ іеродіаконъ, обязанный служеніемъ въ храмѣ и послушаніями по монастырю, о. Серафимъ не могъ еще, да и не созрѣлъ, можетъ быть, на столько, чтобы совершенно сдѣлаться пустынникомъ. И такъ онъ дни, съ утра до вечера, проводилъ въ монастырѣ, совершая службы, исполняя монастырскія правила и послушанія. Вечеромъ же, когда могъ принадлежать самому себѣ, удалялся въ пустынную келью и тамъ ночное время проводилъ въ молитвѣ; а рано утромъ опять являлся въ монастырь для исполненія своихъ обязанностей. Иные, маломощные духомъ братія могли, пожалуй, позавидовать, но никто не имѣлъ основанія оскорбиться его подвигами; ибо отецъ Серафимъ не заставлялъ другихъ трудиться за себя,

свято исполняя всѣ свои, и личныя и братскія обязанности, относительно обители.

Въ 1793 году, іюля 19 дня отцу Серафиму исполнилось тридцать четыре года отъ рожденія. Саровская обитель, по новому росписанію, отъ Владимірскаго вѣдомства перешла въ вѣдѣніе Тамбовской епархіи. Начальство обители, видя, что отецъ Серафимъ по своимъ подвигамъ сталъ выше другихъ братій и заслуживалъ преимущество предъ многими при возведеніи на высшія степени въ обители, ходатайствовало о посвященіи его въ санъ іеромонаха. По этому случаю, послѣ почти семилѣтняго служенія іеродіакономъ, о. Серафимъ вызванъ былъ въ Тамбовъ, и 2 сентября 1793 года епископъ Ѳеофилъ рукоположилъ его во іеромонаха. По наблюденію современниковъ, всѣ описатели жизни о. Серафима утверждаютъ одно и то же, что, съ полученіемъ высшей благодати священства, онъ сталъ подвизаться въ духовной жизни съ вящшею ревностію и удвоенною любовію. Въ санѣ іеромонаха онъ продолжалъ въ теченіе долгаго времени непрерывное священнослуженіе, пріобщаясь ежедневно, съ горячею любовію, съ вѣрою и благоговѣніемъ св. Христовыхъ Таинъ.

Теперь мы пришли къ послѣднимъ днямъ пребыванія о. Серафима въ обители. Скоро будемъ мы и свидѣтелями смерти достопочтеннаго старца Пахомія. Припомнимъ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ обители, бывшихъ въ его настоятельство, оставшихся до смерти въ памяти о. Серафима и имѣвшихъ на него нравственное вліяніе. Въ то время, къ которому относится жизнь о. Серафима до удаленія въ пустыню, не однажды въ окрестныхъ мѣстахъ Сарова былъ голодъ. Но обитель не терпѣла недостатка въ хлѣбѣ и изобиліемъ надѣляла нуждавшихся. Особенно одинъ разъ былъ голодъ очень продолжительный; но обитель и въ то время въ теченіе многихъ мѣсяцевъ питала ежедневно человѣкъ по тысячѣ. Въ одно время случилось такъ, что и для иноковъ обители не осталось ни муки, ни жита. Вся братія собралась въ церковь. Строитель Пахомій по случаю угрожавшаго голода. соборнѣ служилъ молебенъ Божіей Матери и всенощное бдѣніе. Братія молились, какъ бы передъ смертію, не теряя, однакоже, упованія на Господа и Его Пречистую Матерь. Утромъ на другой день, о. Серафимъ, по особому довѣрію строителя Пахомія, пошелъ въ житницу и нашелъ, что

всѣ закромы наполнены разнымъ хлѣбомъ и житомъ. Съ той поры, во все продолженіе голода по окрестностямъ, въ обители не было оскудѣнія: сколько ни раздавали нуждавшимся,—житницы снова наполнялись. Эти событія имѣли большое вліяніе на возвышеніе милосердія, одного изъ существенныхъ свойствъ о. Серафима. Въ то же время они вновь способствовали къ утвержденію сердца его въ непоколебимомъ уповаціи на Промыслъ Божій и покровительство Пресвятыя Богородицы.

Столько лѣтъ провелъ о. Серафимъ въ монастырѣ! Такъ много онъ трудился надъ очищеніемъ своего сердца! Столько подвиговъ понесъ для спасенія души! Мы уже видѣли, что эти труды не были для него безплодны. Восходя въ порядкѣ по лѣстницѣ духовной жизни къ христіанскому совершенству, онъ достигъ теперь значительной мѣры возраста мужа духовнаго. Духъ его созрѣлъ для вселенія въ пустынѣ и для высшихъ монашескихъ подвиговъ.

IV.

Уединеніе и подвиги въ дальней пустынѣ.

Добровольное удаленіе о. Серафима въ пустыню.—Причины и внѣшній поводъ къ удаленію.—Благословеніе настоятеля.—Описаніе пустыни.—Время провожденія въ ней и занятія въ ней.

Отецъ Серафимъ добровольно удалился въ пустыню, но не безъ разсужденія и не безъ благословенія настоятеля. Мы замѣчали въ немъ склонность къ уединенію, когда онъ носилъ еще имя Прохора. Наклонность эта была сильна, съ нею трудно было бы жить въ мірѣ, и вотъ она нашла себѣ исходъ и удовлетвореніе съ поступленіемъ Прохора въ Саровскую пустынь. Здѣсь онъ увидѣлъ, что многіе иноки, недовольствуясь общежитіемъ, живутъ въ лѣсу въ уединенныхъ келліяхъ. Съ начала жизни своей въ обители онъ предался совершенно монастырскимъ правиламъ, и стремленіе его къ уединенію еще болѣе усилилось: ему дано было благословеніе, изъ подражанія старцамъ, уходить въ лѣсъ для иноческаго сокровеннаго добродѣланія. Будучи іеродіакономъ, онъ имѣлъ уже келлію въ пустынѣ и въ ней проводилъ цѣлую половину обыденной жизни своей.

Склонность его къ уединенію искала умерщвленія грѣховныхъ помысловъ въ пустынномъ житіи. И вотъ о. Серафимъ, сдѣлавшись іеромонахомъ, возъимѣлъ намѣреніе совсѣмъ поселиться въ пустынѣ. Пустынническая жизнь была *призваніемъ* его, назначеніемъ свыше. Изъ прежней жизни о. Серафима, мы замѣтили еще, что въ немъ сильно было стремленіе къ удаленію отъ міра для непосредственнаго единенія со Христомъ. Пребываніе въ общежитіи научило его самопознанію: здѣсь, какъ въ горнилѣ, молодой инокъ познаъ свои немощи и, окрѣпнувъ духомъ къ совлеченію ихъ, сдѣлался способнымъ вести, съ помощію Божіею, уединенную жизнь. Скитскій житель, Авва Іоаннъ, наставляетъ пустынника: „имѣть умъ совлеченный всего земнаго, и, сколько позволяетъ человѣческая немощь, соединиться имъ со Христомъ“ (Іоан. Касс. Бесѣд. 19, гл. VIII). Такая жизнь была вполнѣ по духу отца Серафима въ теперешнемъ его состояніи.

Отъ причинъ пустыннической жизни, изъ которыхъ одна лежала въ душѣ о. Серафима, другая составляла цѣль пустынника, мы отдѣляемъ внѣшній поводъ, который высказалъ онъ, прося благословенія удалиться въ лѣсъ. Инокъ-христіанинъ, понимающій тайну сокровенной жизни, всегда прикрываетъ свои цѣли и намѣренія какою-нибудь внѣшностію, которая, впрочемъ, съ своей стороны бываетъ истинною и побужденіемъ къ цѣли. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Отъ непрестаннаго келейнаго бдѣнія, отъ постояннаго пребыванія на служеніяхъ въ церкви,—словомъ: отъ стоянія въ теченіе многихъ лѣтъ на ногахъ, съ небольшимъ отдыхомъ во время ночи, о. Серафимъ впалъ въ недугъ: ноги у него опухли, открылись на нихъ раны; онъ лишился на нѣкоторое время способности священнодѣйствовать. Болѣзнь эта, съ своей стороны, была немалымъ побужденіемъ къ избранію пустыннической жизни. Въ братскихъ вѣдомостяхъ еще за 1796 годъ стояла отмѣтка, что онъ по болѣзни не несетъ никакого послушанія въ монастырѣ. Но по причинѣ болѣзни о. Серафиму надлежало бы просить себѣ отдыха отъ трудовъ иноческихъ поселиться въ больничныхъ келліяхъ, которыя теперь уже были отстроены; а онъ просилъ у настоятеля о. Пахомія благословенія удалиться въ пустыню, т. е. хотѣлъ отъ меньшихъ трудовъ перейдти къ большимъ и тягчайшимъ. Семидесятилѣтній старецъ Пахомій

благословилъ его. Это было послѣднее благословеніе, полученное о. Серафимомъ отъ мудраго, добродѣтельнаго и почтеннаго старца. Строитель Пахомій въ это время былъ уже нездоровъ и, не видя средствъ возвратить здравіе, готовился къ смерти. О. Серафимъ, сохраняя въ благодарной памяти, какъ наблюдалъ его въ болѣзни старецъ Пахомій, теперь самъ служилъ ему съ самоотверженіемъ. Разъ о. Серафимъ замѣтилъ, что къ болѣзненнымъ страданіямъ о. Пахомія присоединилась еще какая-то душевная забота и печаль.

„О чемъ, отче святый, такъ печалишься ты?“ спросилъ его о. Серафимъ.

Старецъ Пахомій отвѣчалъ: — я скорблю о сестрахъ Дивѣевской общины: „кто ихъ будетъ назирать послѣ меня?“

О. Серафимъ, желая успокоить старца въ предсмертныя минуты, обѣщался самъ назирать ихъ и поддерживать все такъ же послѣ смерти его, какъ было при немъ. Обѣщаніе о. Серафима успокоило и обрадовало отходящаго ко Господу о. Пахомія; онъ поцѣловалъ его радостно послѣднимъ цѣлованіемъ, и вскорѣ послѣ сего опочилъ мирнымъ сномъ праведника. На его мѣсто въ томъ же 1794 году строителемъ опредѣленъ достойный преемникъ, старецъ іеромонахъ Исаія, бывшій воспріемникомъ о. Серафима при постриженіи въ монашество. О. Серафимъ горько оплакалъ потерю старца Пахомія, который любилъ его, какъ возлюбленное чадо свое о Господѣ, подъ руководствомъ котораго онъ прошелъ всѣ степени монастырскаго житія и достигъ до зрѣлости пустынножителя. Молитва его о своемъ отцѣ, другѣ и благодѣтелѣ, восходила къ Богу, окрыляемая слезами и горячею вѣрою. Утѣшеніемъ его въ смертной разлукѣ съ о. Пахоміемъ было назначеніе старца Исаіи, котораго также глубоко любилъ и уважалъ о. Серафимъ.

Такимъ образомъ, послѣ смерти старца Пахомія, съ благословенія новаго настоятеля Исаіи, духовнаго отца своего, о. Серафимъ 1794 года 20-го ноября, въ день прихода въ Саровскую пустынь; удалился въ пустынную келлію. Для безпрепятственнаго проживанія въ ней ему былъ выданъ за подписаніемъ строителя Исаіи, билетъ, который еще доселѣ сохраняется въ Саровской обители. Вотъ текстъ билета: „Объявитель сего, Саровской пустыни іеромонахъ Серафимъ, уволенъ для пребыванія въ пустынѣ въ своей (т. е. монастырской) дачѣ:

по неспособности его въ обществѣ, за болѣзнію и по усердію, послѣ многолѣтняго искушенія (т. е. искуса) въ той обители и въ пустынѣ уволенъ, единственно для спокойствія духа Бога ради, и съ даннымъ ему правиломъ, согласно святыхъ отецъ положеніямъ, и впредь ему никому не препятствовать пребываніе имѣть въ ономъ мѣстѣ и оное утверждаю — строитель іеромонахъ Исаія. 1797, ноября 20 дня. Для вѣрности печать прилагаю при семъ."

Келлія, въ которой спасался старецъ, находилась въ частомъ сосновомъ дремучемъ лѣсу, на берегу рѣки Саровки, на высокомъ холмѣ, верстъ за 5 отъ монастыря, на восходъ зимняго солнца. Она была построена изъ дерева и состояла изъ одной комнаты съ печкою; въ комнату нужно было проходить чрезъ сѣнцы, къ которымъ придѣлано было крылечко. Вокругъ келліи устроенъ былъ небольшой огородъ съ грядами. Все это пространство обнесено было заборомъ. Сверхъ того, у него по времени былъ заведенъ и пчельникъ, доставлявшій медъ самый вкусный. Холмъ, на которомъ стояла уединенная келлія, находился въ сосѣдствѣ съ другими возвышеніями. По близости о. Серафима, на разстояніи двухъ верстъ ближе къ монастырю, жили въ уединенныхъ хижинахъ другіе отшельники Саровскіе: игуменъ Назарій, іеромонахъ Дороѳей, схимонахъ Маркъ. Вся эта обстановка не много напоминала собою св. Аѳонскую гору, состоящую изъ разныхъ возвышеній, усѣянную лѣсомъ, монастырями и келліями пустынножителей. Старецъ Серафимъ поэтому и назвалъ свой пустынный холмъ *Аѳонскою горою*. Къ тому же сей холмъ по подобію Св. горы, на одной сторонѣ круто опускался внизъ долу. Другія самыя уединенныя мѣста въ лѣсу въ духовномъ смыслѣ у него назывались именами разныхъ святыхъ мѣстъ. Тамъ были: святый градъ *Іерусалимъ, Назаретъ,* гдѣ Св. Дѣва Марія получила благовѣстіе отъ Архангела; *Виѳлеемъ,* гдѣ Христосъ родился; рѣка *Іорданъ,* гдѣ принялъ Онъ крещеніе отъ Іоанна; *Ѳаворъ,* на которомъ было чудное Преображеніе; потокъ *Кедрскій,* чрезъ который проходилъ Спаситель; *Голгоѳа,* на которой Онъ былъ распятъ; *Вертоградъ*, въ которомъ погребенъ и воскресъ; гора *Елеонская,* съ которой Онъ вознесся на небо и *сѣде одесную Бога Отца.* Такія названія приданы были разнымъ мѣстностямъ Саровскаго лѣса для живѣйшаго представленія событій земной жизни Спа-

сителя, Которому рѣшился подражать старецъ Серафимъ, и о Которомъ онъ хотѣлъ проповѣдывать всѣмъ, приходящимъ къ нему ради посѣщенія и назиданія.

Многіе дѣйствительно стали посѣщать о. Серафима въ пустынной келліи. Приходили и женщины... Начинающій строгую пустынническую жизнь, посѣщеніе женскаго пола считалъ для себя неудобнымъ въ томъ смыслѣ, что инымъ изъ братій, а еще болѣе изъ мірянъ, оно могло служить камнемъ претыканія и соблазна. Но и отказать женщинамъ въ назиданіи, ради котораго онѣ приходили къ пустыннику, могло быть дѣломъ неугоднымъ Богу. И такъ о. Серафимъ на томъ видимомъ и совершенно случайномъ основаніи, что женскому полу возбраненъ входъ на св. Аѳонскую гору, рѣшился распространить это запрещеніе на свой холмъ, названный *Аѳонскимъ*. Онъ просилъ Господа Бога и Пресв. Богородицу, чтобы его желаніе состоялось, и чтобы Господь, если оно не противно Его волѣ, далъ Свое знаменіе на то преклоненіемъ древесныхъ вѣтвей по Его изволенію. Сколько онъ просилъ о томъ Господа, какъ глубока была его молитва, сколь сильно и искренно было самое желаніе—то извѣстно одному Богу да Пречистой Дѣвѣ Маріи, и еще самому старцу Серафиму. Въ преданіяхъ же, записанныхъ въ свое время, есть сказаніе, что Господь Богъ дѣйствительно далъ ему знаменіе Своего изволенія. Разсказъ сей мы приведемъ въ томъ видѣ, какъ онъ дошелъ до насъ въ письмени.

„Наступилъ праздникъ Рождества Христова, 25-го декабря. Старецъ Серафимъ, пришедши къ празднику въ монастырь, сталъ у поздней литургіи въ храмѣ Живоноснаго источника и причастился св. Христовыхъ Таинъ. А послѣ обѣда, принявъ пищу въ монастырской келліи, благополучно отправился ночевать въ пустыню. На 26-ое число на праздничный день Собора Пресв. Богородицы, ночью онъ пошелъ въ обитель къ литургіи и дошелъ до мѣста, гдѣ грунтъ земли круто спускается внизъ долу, отчего гора и названа Аѳонскою, увидѣлъ, что съ обѣихъ сторонъ тропинки огромные сучья съ вѣковыхъ сосновыхъ деревъ завалили дорожку и ходу нѣтъ, а съ вечера ничего такого не было. Но Богу вся возможна! Первая мысль родилась у него о благодарности: старецъ Серафимъ упалъ на колѣни и благодарилъ Бога за данное по молитвѣ его, знаменіе, уразумѣлъ отсюда, что Господу Богу угодно, чтобъ женамъ

на его гору не было входа. Кое-какъ перелѣзъ онъ сучья, завалившія тропу, пришелъ въ обитель, поспѣлъ къ самой литургіи и пошелъ въ церковь Живоноснаго Источника."

Такъ разсказываетъ о семъ лѣтописецъ временъ Серафима. Въ тотъ день въ храмѣ Живоноснаго источника литургію служилъ соборомъ строитель, старецъ о. Исаія. Пустынножитель Серафимъ стоялъ въ алтарѣ. По перенесеніи св. Даровъ на престолъ, когда была пропѣта вторая половина Херувимской пѣсни, о. Серафимъ, приблизившись благоговѣйно къ престолу, сказалъ отцу строителю Исаіи:

„Батюшка, отецъ строитель! благослови, чтобы на мою гору, на которой живу теперь, женамъ не было входу."

Строитель, намѣреваясь читать молитву предложенія, по перенесеніи св. Даровъ на престолъ, отвѣчалъ на это съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ негодованія:

— Въ какое время и съ какимъ вопросомъ подошелъ ты, отецъ Серафимъ!

„*Теперь-то* и благослови, батюшка," просилъ о. Серафимъ.

Да какъ я могу, сказалъ строитель, за пять верстъ смотрѣть, чтобъ женамъ не было входа?

„Вы только благословите, батюшка, сказалъ о. Серафимъ, и уже никто изъ нихъ не взойдетъ на мою гору."

Тогда подали образъ Пресв. Богородицы: *Блаженное чрево*. Старецъ Исаія, благословляя о. Серафима св. иконою, сказалъ:

— Благословляю, чтобъ не было женамъ входу на твою гору, а ты самъ охраняй.

Приложившись къ св. иконѣ, о. Серафимъ отошелъ спокойно на свое мѣсто, и въ обычное для священнослужителей время причастился св. Таинъ. Послѣ обѣда, возблагодаривъ старца Исаію за данное благословеніе, на ночь опять возвратился въ свою пустынную келью.

Разсказъ о семъ до настоящей поры сохраняется съ небольшими измѣненіями въ самой Саровской обители. Знавшіе лично о. Серафима говорятъ, что разговоръ съ старцемъ Исаіею происходилъ не во второй день Рождества Христова, а на пятой недѣлѣ Великаго поста въ субботу, въ день Похвалы Пресв. Богородицы; что уже черезъ недѣлю послѣ благословенія, о. Серафимъ, сходя съ своей горы чрезъ оврагъ, нашелъ, будто-бы кто нарочно сбилъ съ деревъ сучья и завалилъ ими

тропинку; что это обстоятельство онъ принялъ за изволеніе Божіе на свою молитву. Разности въ двухъ этихъ сказаніяхъ такъ маловажны, что не уничтожаютъ существо самаго событія. Устранивши разнорѣчія, мы должны оставить за несомнѣнное; что о. Серафимъ молилъ Бога и Пресв. Богородицу о запрещеніи женщинамъ восходить на его гору; что было дано какое нибудь знаменіе на его молитву; что настоятель, съ своей стороны, благословилъ образомъ Пресв. Богородицы его желаніе. Тогда о. Серафимъ самъ завалилъ колодами тропинку къ себѣ, и не только женщинамъ, но и вообще стороннимъ людямъ входъ къ нему совершенно закрытъ былъ.

Въ этотъ періодъ подвижничества о. Серафимъ носилъ постоянно одну одежду, самую простую, и, такъ сказать, убогую: на головѣ была поношенная камилавка, на плечахъ балахонъ изъ бѣлаго полотна, руки въ кожаныхъ рукавицахъ, ноги обуты были въ кожанныя бахилы—въ родѣ чулокъ, поверхъ которыхъ надѣвались еще лапти. На балахонѣ висѣлъ крестъ, тотъ самый, которымъ благословила его благочестивая мать, отпуская изъ дома, а за плечами лежала сумка, въ которой подвижникъ неразлучно всегда носилъ при себѣ св. Евангеліе. Не было ли это въ мысляхъ о. Серафима, видимымъ знаменіемъ и наученіемъ его въ томъ, что онъ, какъ добрый подвижникъ Христовъ, всегда долженъ носить крестъ свой, отрекшись отъ міра, и что изображенное въ Евангеліи иго Христово благо и бремя Его легко есть?—Изображая подвижническую жизнь о. Серафима, мы не сомнѣваемся, что ношеніе креста и Евангелія не имѣло другаго смысла.

Какіе подвиги несъ о. Серафимъ въ своей пустынной кельи; сколь разнообразны и тяжки они были; въ какой мѣрѣ они высоки были и спасительны—вполнѣ то извѣстно Господу Богу; то осталось глубокою тайною сокровеннаго сердца подвижника. Мы изобразимъ здѣсь лишь тѣ дѣянія и труды, которые усмотрѣны были современниками, такъ сказать, сквозь ограду его пустыни. Но и въ этихъ подвигахъ усматривается связь и послѣдовательность: о. Серафимъ, отъ меньшихъ духовныхъ дѣлъ и легчайшихъ переходилъ къ большимъ и труднѣйшимъ, пока, наконецъ, не принялъ новаго направленія жизни, состоявшаго въ совершенномъ затворничествѣ.

Видимые подвиги о. Серафима въ это время состояли изъ трудовъ тѣлесныхъ, чтенія книгъ и молитвословій.

Тѣлесные труды, по различію времени теплаго и холоднаго, были различны. Въ холодную пору нужно было отапливать келью; старецъ своими руками приготовлялъ дрова, носилъ въ хижину и согрѣвалъ ее. Кромѣ труда тѣлеснаго, въ этомъ случаѣ онъ добровольно переносилъ холодъ и морозъ; ибо одежда у него и на зимнее время оставалась та самая, въ которой мы уже видѣли его. Лѣтомъ же онъ воздѣлывалъ гряды на своемъ пустынномъ огородѣ. Чтобы удобрить землю, онъ ходилъ въ жаркіе дни на болотистыя мѣста, тамъ собиралъ мохъ и носилъ на гряды. Такъ-какъ въ низменныя мѣста онъ входилъ безъ одежды, препоясавъ лишь чресла свои, то насѣкомыя жестоко уязвляли тѣло его, отчего оно опухало, по мѣстамъ синѣло и запекалось кровью. Старецъ добровольно терпѣлъ эти язвы, Господа ради, имѣя на то примѣры въ дѣяніяхъ св. подвижниковъ древняго времени Православной церкви. Каждое лѣто, удобряя землю мхомъ, о. Серафимъ воздѣлывалъ безъ сторонняго пособія гряды, сажалъ на нихъ сѣмена, поливалъ землю, очищалъ отъ худой, въ пищу негодной, травы и произращалъ нѣкоторые овощи, употребляя ихъ для подкрѣпленія силъ своихъ. Въ жизни строгаго подвижника эти занятія, упражняя тѣло, имѣли притомъ нравственное значеніе: они послужили старцу къ уврачеванію боли въ ногахъ, которая выставлена была поводомъ къ удаленію въ пустыню. Съ тѣлеснымъ упражненіемъ силъ, старецъ входилъ въ состояніе благодушія, которое изливалось въ пѣніи священныхъ пѣсней. Бывши всегда внимательнымъ, владѣя счастливою памятью, онъ зналъ наизусть множество церковныхъ пѣсней, которыми и освѣжалъ свой духъ среди однообразія тѣлесныхъ занятій. Въ разные церковные праздники и воскресные дни, воспоминая священныя событія, онъ пѣвалъ разныя священныя пѣсни. Но близкіе къ о. Серафиму замѣчали, что нѣкоторыя пѣснопѣнія, имѣющія наибольшее приложеніе къ мѣстности и уединенному его доброделанію, слышались чаще другихъ и были любимымъ его пѣніемъ. Таковы, напр.: а) *Всемірную славу,* пѣснь, которую о. Серафимъ пѣвалъ въ честь Пресвятыя Богородицы, считая Ее покровительницею своей пустыни; б) *Пустыннымъ непрестанное Божественное желаніе бываетъ, міра сущимъ суетнаго кромѣ,* —

СТАРЕЦЪ ОТЕЦЪ СЕРАФИМЪ ВЪ БЛИЖНЕЙ ПУСТЫНѢ, У СВОЕГО КОЛОДЦА.

ЦЕНЗОРЪ СВЯЩЕННИКЪ НИКОЛАЙ ЕЛЕОНСКІЙ

ТИП.-ЛИТ. ЗВОРЫКИНА, МУРОМЪ.

чудный антифонъ, въ прекрасной картинѣ представляющій пустынную жизнь и воскриляющій душу пустынника къ небеснымъ вещамъ; в) *Иже отъ несущихъ вся приведый, Словомъ созидаемая, совершаемая Духомъ,* — пѣснь, возносящая душу къ великому дѣлу любви Божіей, творенію міра и человѣка; г) *Водрузивый на ничесомъ же землю повелѣніемъ Твоимъ* и т. п. Такъ самыя простыя занятія возвышали духъ подвижника къ нравственному настроенію и церковно-библейскому міросозерцанію. Въ каждомъ предметѣ, въ каждомъ дѣланіи, онъ видѣлъ сокровенное отношеніе ихъ къ духовной жизни и поучался. Отсюда замѣчались явленія такого рода. Отецъ Серафимъ, занимаясь какой-либо работой въ огородѣ или на пчельникѣ, или въ лѣсу, незамѣтно для себя, на нѣкоторый срокъ, прерывалъ ее; орудія работы падали изъ рукъ; руки опускались; глаза придавали лицу чудный характеръ самоуглубленія; старецъ всею душею погружался въ самого себя, умомъ уходилъ въ небо и виталъ въ Богосозерцаніи. Никто не смѣлъ въ эти вдохновенныя минуты нарушить его сладкой тишины; съ благоговѣніемъ каждый взиралъ на старца и тихо скрывался изъ очей его.

Какой же, стало быть, религіозно-цѣлостный взглядъ на природу выработалъ въ душѣ своей старецъ Серафимъ въ своей иноческой жизни? И не былъ ли онъ, по всей точности, въ наше время представителемъ самаго существа древле-православнаго иночества, которое значительную часть своего духовнаго дѣла поставляло въ духовныхъ умосозерцаніяхъ, такъ много способствующихъ къ очищенію ума и сердца?

Чтобы постоянно держать себя на степени пустынническаго созерцанія, чтобы простираться все выше и выше въ духовномъ совершенствованіи, о. Серафимъ, сверхъ тѣлесныхъ трудовъ, предавался возвышеннѣйшимъ занятіямъ ума и сердца и читалъ много книгъ. Самою первою книгою для него было теперь Свящ. Писаніе, и въ немъ св. Евангеліе, которое онъ и носилъ всегда при себѣ. Постоянная подвижническая жизнь, чтеніе многихъ отеческихъ писаній, изученіе содержанія богослужебныхъ книгъ, молитвенное собесѣдованіе съ Богомъ, озарили умъ его такимъ свѣтомъ, что онъ ясно понималъ смыслъ слова Божія. Постояннымъ правиломъ его въ пустынѣ было ежедневно прочитывать съ изъясненіемъ для себя по нѣскольку зачалъ изъ Евангелія и Апостола. Любилъ онъ также, для жи-

вѣйшаго представленія событій, читать св. Евангеліе на тѣхъ мѣстахъ, которыя, какъ мы видѣли, носили въ пустынѣ его названіе св. мѣстъ. Такъ, въ Виѳлеемскомъ своемъ вертоградѣ, созерцая умомъ Богомладенца, повитаго въ ясляхъ насъ ради, онъ пѣлъ, подражая силамъ небеснымъ: *слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ въ человѣцехъ благоволеніе.* Остановившись на берегу Саровки, какъ бы при водахъ Іордана въ Виѳаварѣ, о. Серафимъ читалъ объ Іоаннѣ Крестителѣ, внималъ проповѣди его о покаяніи и приближеніи царства Христова и воспоминалъ крещеніе Спасителя во Іорданѣ. На горную бесѣду Христа Господа о девяти сладчайшихъ обѣтованіяхъ блаженства онъ слушалъ на одной горѣ, лежащей у Саровской рѣки, а тамъ, на другой возвышенности, названной горою Преображенія, онъ созерцалъ въ мысленномъ соприсутствіи со св. Апостолами славу преобразившагося Господа. Забравшись въ густоту дремучаго Саровскаго лѣса, онъ воспоминалъ по Евангелію моленіе Господа о чашѣ, и тронутый до глубины души внутренними Его страданіями, проливалъ слезныя молитвы о своемъ спасеніи. Въ одномъ мѣстѣ, при значительномъ разливѣ Саровки, какъ бы на берегу Тиверіатскаго озера, онъ читалъ Евангеліе о явленіи Господа по воскресеніи ученикамъ, бесѣдѣ съ ними и о чудной ловитвѣ рыбъ (Іоан. 21, 1—14). На такъ названной горѣ Елеонской онъ созерцалъ славу Вознесенія Христова на небо и Его сѣденіе одесную Отца. Такъ и естественное откровеніе Божіе, или природа, вмѣстѣ съ богооткровеннымъ глаголомъ св. Троицы, служило благочестивому подвижчику въ своей мѣрѣ путемъ къ духовному восхожденію и совершенству. Тотъ не подивится ни мало настоящему сказанію, кто знаетъ, что природа со всѣми ея явленіями получила бытіе свое отъ Бога и что въ числѣ ея назначеній лежитъ мысль Божія—способствовать восхожденію людей къ Господу. Кромѣ св. Писанія, о. Серафимъ искалъ себѣ мудрости въ твореніяхъ св. отецъ Православной церкви, и на этотъ разъ душа его ограничивалась писаніями собственно подвижническаго содержанія, таковы, какъ творенія Іоанна Лѣствичника, преподобнаго Варсонофія, Ефрема и Исаака Сириныхъ, Маргаритъ и другія. Чтеніе слова Божія и писаній духовныхъ о. Серафимъ считалъ дѣломъ весьма важнымъ въ духовномъ совершенствованіи христіанина, въ его восхожденіи къ небу и соединеніи съ Богомъ. Это онъ называлъ

снабдѣніемъ души, и свои мысли о семъ изложилъ въ особомъ трактатѣ, подъ названіемъ: *чѣмъ должно снабдѣвать душу* *).

Такимъ образомъ въ пустынномъ уединеніи о. Серафимъ прочиталъ все св. Писаніе съ разумѣніемъ. Теперь онъ искалъ въ немъ не одной истины, но и теплоты духа: слезы умиленія не рѣдко орошали его ланиты. Миръ душевный и даръ глубокаго вѣдѣнія слова Божія были наградою отъ Бога за сей трудъ. „Очень полезно — говорилъ онъ — заниматься чтеніемъ слова Божія въ уединеніи и прочитать всю Библію разумно. За одно такое упражненіе, кромѣ другихъ добрыхъ дѣлъ, Господь не оставитъ человѣка Своею милостію, но исполнитъ его дара разумѣнія.“

Третьимъ занятіемъ о. Серафима въ пустынѣ были молитвословіи. Съ нимъ находилась Псалтирь съ возслѣдованіями. Подвижникъ совершалъ по ней ежедневно монашеское правило по чину первыхъ, строгихъ пустынножителей. Такъ, около полуночи, вставши отъ сна, онъ совершалъ правило Пахомія великаго, читалъ утреннія молитвы, пѣлъ полунощницу, утреннюю и читалъ первый часъ. При наступленіи девятаго часа, онъ читалъ часы третій, шестый, девятый и проходилъ чинъ изобразительныхъ. По вечеру онъ читалъ вечерню и малое повечеріе. При наступленіи ночи творилъ монастырское правило съ молитвами на сонъ грядущимъ. Часто также вмѣсто вечерняго правила, полагалъ по тысячѣ поклоновъ за одинъ разъ. Сонъ его во время ночи былъ непродолжительный. Сверхъ того, онъ занимался псалмопѣніемъ сперва по уставу св. Пахомія великаго, а потомъ, примѣнительно къ сему уставу, составилъ свое чинопослѣдованіе, которое извѣстно подъ именемъ *келейнаго правила,* которое также показано въ прибавленіи. Эти молитвословія старецъ Серафимъ уходилъ совершать также на мѣста, которыя въ духовномъ смыслѣ носили названія св. мѣстъ. Такъ часы третій, шестый и девятый съ чиномъ изобразительныхъ, въ которыхъ сосредоточено воспоминаніе страданій и смерти Христовой, онъ любилъ совершать уединенно на своей Голгоѳѣ. Здѣсь онъ очами вѣры видѣлъ, какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ пригвожденъ былъ ко кресту, какъ Онъ, пострадавъ, умеръ на крестѣ и былъ погребенъ. Старецъ по собственному

*) Статьи ученія о. Серафима, о которыхъ упоминается въ текстѣ и не приведено ихъ содержаніе, помѣщены ниже, въ особомъ приложеніи.

духовному опыту зналъ всѣ препятствія, какія испытываетъ человѣкъ на пути молитвеннаго восхожденія, и впослѣдствіи, въ бесѣдахъ, съ другими, указывалъ вѣрныя средства къ устраненію ихъ; вѣдалъ всѣ образы и степени молитвы и самъ восходилъ не только до подвига такъ называемой *умной* молитвы, но и до самой высокой на землѣ высоты молитвеннаго созерцанія, въ которой человѣкъ, подобно Стефану архидіакону, Григорію Паламѣ и другимъ, сподобляется небесныхъ видѣній и откровенія. „Когда умъ и сердце—говорилъ онъ—соединены будутъ въ молитвѣ и помыслы не разсѣяны, тогда сердце согрѣвается теплотою духовною, въ которой возсіяваетъ свѣтъ Христовъ, исполняя мира и радости всего внутренняго человѣка.“

Провождая жизнь въ уединеніи, трудахъ, чтеніи и молитвѣ о. Серафимъ соединялъ съ этимъ постъ и строжайшее воздержаніе. По началу своего поселенія въ пустынѣ онъ питался хлѣбомъ, болѣе всего черствымъ и сухимъ; хлѣбъ, обыкновенно, онъ бралъ съ собою по воскресеньямъ на цѣлую недѣлю. Есть сказаніе, что изъ этой недѣльной порціи хлѣба часть удѣлялъ онъ пустыннымъ животнымъ и птицамъ, которыя были приласканы старцемъ, очень любили его и посѣщали мѣсто его молитвословій. Также онъ употреблялъ овощи, добываемые трудами рукъ его въ пустынномъ огородѣ. Съ тѣмъ и устроенъ былъ огородъ сей, чтобы ему не обремѣнять *ничимъ же* обители и, по примѣру великаго подвижника ап. Павла, питаться, *дѣлающе своими руками* (4, 12). Впослѣдствіи времени онъ пріучилъ свое тѣло къ такому воздержанію, что не сталъ вкушать и хлѣба *насущнаго,* а, по благословенію настоятеля Исаіи, питался одними овощами своего огорода. Это были картофель, свекла, лукъ и трава, называемая снить. Въ теченіе-же первой недѣли Великаго поста онъ вовсе не принималъ пищи до причащенія св. Таинъ въ субботу. Еще чрезъ нѣсколько времени воздержаніе и постничество о. Серафима дошли до неимовѣрной степени. Совсѣмъ переставши брать хлѣбъ изъ обители, онъ жилъ безъ всякаго содержанія отъ ней въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ съ половиною. Братія, удивляясь, недоумѣвали, чѣмъ могъ питаться старецъ во все это время, не только лѣтомъ, но и зимою. Онъ же тщательно укрывалъ свои подвиги отъ воззрѣнія людей. Но предъ смертію, въ разговорѣ отъ 20 мая 1832 года съ одною довѣренною особой, которая тогда же

и записала свою бесѣду, о. Серафимъ открылъ это, начавши такъ:

„Ты знаешь снитку? Я рвалъ ее, да въ горшечекъ клалъ; не много вольешь, бывало, въ него водицы и поставишь въ печку—славное выходило кушанье.“

— Я спросила его о сниткѣ, что это значитъ? За притчу ли это принять, или что дѣйствительное? Онъ отвѣчалъ: „экая ты какая! развѣ не знаешь, *травы* снить? Я это тебѣ говорю о самомъ себѣ. Я самъ это себѣ готовилъ кушанье изъ снитки.“

Я спросила его, какъ зиму онъ ее кушалъ и гдѣ бралъ?

Онъ отвѣчалъ: „экая ты какая! на зиму я снитку сушилъ, и этимъ однимъ питался, а братія удивлялись, чѣмъ-я питался! А я снитку ѣлъ... И о семъ я братіи не открывалъ, а тебѣ сказалъ.“

Я спросила: а долгое ли время онъ кушалъ ее?

Онъ далъ мнѣ точный отвѣтъ и на это. Но я забыла, безъ сколькихъ именно дней онъ вкушалъ тысячу дней одну снитку. Только помню, что болѣе двухъ съ половиною лѣтъ, невступно три года, онъ питался одною сею травою.“

По буднямъ, спасаясь въ пустынѣ, о. Серафимъ наканунѣ праздниковъ и дней воскресныхъ являлся въ обитель, слушалъ вечерню, всенощное бдѣніе и за раннею литургіею въ больничной церкви св. Зосимы и Савватія причащался св. Христовыхъ Таинъ. Затѣмъ до вечерни онъ принималъ въ монастырской кельи приходившихъ къ нему, по нуждамъ духовнымъ, изъ монастырской братіи. Во время вечерни, когда братія оставляли его, онъ взявъ съ собою хлѣба на недѣлю, удалялся въ свою пустыню. Всю первую недѣлю Великаго поста онъ проводилъ въ обители. Въ эти дни онъ говѣлъ, исповѣдывался и причащался св. Таинъ. Духовникомъ его съ давняго времени былъ строитель—старецъ Исаія.

Такъ проводилъ старецъ дни свои въ пустынѣ! Другіе пустынножители, имена которыхъ мы упоминали уже, имѣли при себѣ по одному ученику, которые и служили имъ о. Серафимъ жилъ въ совершенномъ одиночествѣ. Нѣкоторые изъ Саровской братіи пытались сожительствовать съ о. Серафимомъ въ пустынѣ и были приняты имъ; но ни одинъ изъ нихъ не могъ вынести трудностей пустынническаго житія; ни въ комъ

не нашлось столько нравственной крѣпости, чтобы явиться, въ качествѣ ученика, подражателемъ подвиговъ о. Серафима. Благочестивыя попытки ихъ, принося пользу душѣ, не увѣнчивались полнымъ успѣхомъ; и тѣ, которые поселялись было съ о. Серафимомъ, возвращались опять въ обитель.

Также многіе изъ Саровской братіи временно приходили къ нему въ пустыню. Одни просто хотѣли посѣтить его, а другіе являлись по нуждѣ въ совѣтахъ и наставленіяхъ. Старецъ хорошо различалъ людей. Отъ нѣкоторыхъ онъ удалялся, желая сохранить молчаніе, а имѣющимъ нужды до него не отказывалъ въ духовной пищѣ, съ любовію руководствуя ихъ къ истинѣ, добродѣтели и благоустроенію жизни. Изъ постоянныхъ посѣтителей о. Серафима извѣстны схимонахъ Маркъ и іеродіаконъ Александръ, также спасавшійся въ пустынѣ. Первый бывалъ у него два раза въ мѣсяцъ, а послѣдній—однажды. О. Серафимъ охотно бесѣдовалъ съ ними о разныхъ душеспасительныхъ предметахъ. На сердце ихъ съ особенною глубиною напечатлѣлась бесѣда его о непрестанной внутренней или умной молитвѣ, ея силѣ и значеніи,—ученіе, которое извѣстно стало о. Серафиму не изъ книгъ, а изъ собственнаго опыта жизни. Краткій образчикъ этой бесѣды мы находимъ въ слѣдующемъ наставленіи о. Серафима *о молитвѣ*.

„Истинно рѣшившіеся служить Господу Богу должны упражняться въ памяти Божіей и непрестанной молитвѣ ко Іисусу Христу, говоря умомъ: *Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго*; въ часы же послѣобѣденные можно говорить сію молитву такъ: *Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, молитвами Богородицы помилуй мя грѣшнаго;* или же прибѣгать собственно къ Пресвятой Богородицѣ, моляся: *Пресвятая Богородице спаси насъ;* или говорить поздравленіе Ангельское: *Богородице Дѣво радуйся!* Таковымъ упражненіемъ, при охраненіи себя отъ разсѣянія и при соблюденіи мира совѣсти, можно приблизиться къ Богу и соединиться съ нимъ. Ибо, по словамъ св. Исаака Сирина, кромѣ непрестанныя молитвы, мы приблизиться къ Богу не можемъ (Сл. 69, лис. 142).

„Виды молитвы весьма хорошо изъяснилъ св. Сѵмеонъ, новый Богословъ (Сѵмеон. нов. Богосл. русск. пер. слово 68).

„Достоинство же молитвы ясно опредѣлилъ св. Златоустъ: веліе—говоритъ онъ—есть оружіе молитва, сокровище неоскуд-

но, богатство никогда же иждиваемо, пристанище не бурное, причина тишины и множеству благихъ дѣлъ корень, источникъ и мати есть“ (Маргар. сл. 5 о непостижимомъ).

„Въ церкви на молитвѣ стоять полезно съ закрытыми очами, во внутреннемъ вниманіи: открывать же очи развѣ тогда, когда уныешь, или сонъ будетъ отягощать тебя и сконять къ дреманію; тогда очи обращать должно на образъ и на горящую передъ нимъ свѣчу.

„Если въ молитвѣ случится плѣниться умомъ въ расхищеніе мыслей, то должно смириться предъ Господомъ Богомъ и просить прощенія, говоря: согрѣшихъ, Господи, словомъ, дѣломъ, помышленіемъ и всѣми моими чувствы.

„Посему всегда должно стараться, чтобъ не предавать себя разсѣянію мыслей; ибо чрезъ сіе уклоняется душа отъ памяти Божіей и любви Его, по дѣйствію діавола, какъ говоритъ св. Макарій: все супостата нашего тщаніе есть, да мысль нашу отъ памятованія о Богѣ и страха и любви отвратить (Сл. 2, гл. 15).

„Когда же умъ и сердце соединены будутъ въ молитвѣ и помыслы души не разсѣяны, тогда сердце согрѣвается теплотою духовною, въ которой возсіяваетъ свѣтъ Христовъ, исполняя мира и радости всего внутренняго человѣка.

„О всемъ мы должны благодарить Господа и предавать себя Его волѣ; должны также представлять Ему всѣ свои мысли, слова и дѣянія, и стараться, чтобы все служило только къ Его благоугожденію.“

Не смотря на рѣдкость посѣщеній, пустынножителямъ Марку и Александру приходилось находить о. Серафима совершенно погруженнымъ въ богомысліе. Въ такомъ случаѣ, не рѣшаясь нарушать его духовныхъ занятій, они ожидали, невѣдомо для старца, окончанія ихъ. Случалось и такъ, что, пождавъ около часа, они не получали свиданія съ нимъ, уходили въ свои мѣста, и, имѣя такой живой урокъ подвижничества предъ собою, сами съ вящшимъ усердіемъ предавались духовнымъ подвигамъ.

Изъ постороннихъ посѣтителей о. Серафима въ это время особенно извѣстенъ одинъ Нижегородской губерніи, діаконъ, впослѣдствіи іеромонахъ и подвижникъ Тимонъ. Онъ происходилъ изъ духовнаго званія, окончилъ полный курсъ ученія въ

Нижегородской семинаріи и былъ человѣкъ образованный. Вліяніе духовной науки развило въ немъ, кромѣ умственныхъ дарованій, чувство благочестія съ характеромъ аскетическимъ. Однако же обстоятельства понудили его жениться, хотя и сверхъ его желаній. Потомъ онъ хиротонисанъ былъ во діакона. Но въ скоромъ времени, Господь разрѣшилъ его отъ узъ брачныхъ: немного поживши, супруга его скончалась. Оставшись свободнымъ, этотъ о. діаконъ часто ходилъ въ Саровскую пустынь. Тутъ онъ сблизился съ пустынножителями о. Серафимомъ и Маркомъ. Старцы, видя его искреннее усердіе къ богоугодному житію, охотно приняли его въ свое руководство и были его наставниками и учителями. Слова ихъ падали на добрую землю. О. діаконъ поступилъ въ монашество и въ санѣ іеродіакона былъ экономомъ при архіерейскомъ домѣ. Нижегородскій преосвященный желалъ посвятить его въ іеромонаха. Но „азъ—говорилъ о себѣ Тимонъ—никакъ не соглашался, потому что все желаніе мое было въ пустынѣ жить одному, съ единымъ Богомъ.“ Спустя много лѣтъ, преосвященный послалъ его въ городской монастырь строителемъ. Однажды, пріѣхавши въ монастырь для служенія, архіерей сказалъ, что неприлично быть іеродіакону строителемъ, и хиротонисалъ его во іеромонаха, хотя онъ и не искалъ этого. „Азъ же—говорилъ о. Тимонъ—пожелалъ на покой въ Костромскую епархію, въ Кривозерскій монастырь, который и прежде зналъ.“ Святѣйшій Сѵнодъ его уволилъ отъ монастыря, а игуменъ Кривозерскій благословилъ ему поселится во внутренней пустынѣ, гдѣ онъ прожилъ одинъ почти двадцать лѣтъ. Близь того мѣста, гдѣ была внутренняя пустынь о. Тимона, стоялъ монастырскій хуторъ и небольшая старая церковь. Съ хутора доставляли пустыннику пищу. Потомъ, „грѣхъ моихъ ради великихъ—повѣствовалъ о. Тимонъ—повелѣлъ Господь мнѣ изъ пустыни выдти на хуторъ, жить тамъ и основать монастырь. Но азъ никакъ не хотѣлъ разлучиться съ пустыней и попротивился Господу своему. За то меня Господь наказалъ: разбилъ меня параличь, и азъ лежалъ какъ мертвый. Пріѣхали монастырскіе работники за лѣсомъ и, привезши мнѣ пищи, нашли меня безъ памяти и безъ языка, и всего разбитаго, и взяли меня и привезли на хуторъ. Но Господь Богъ мой чудесно меня исцѣлилъ въ скоромъ времени, яко николи же былъ боленъ. И азъ благодарилъ Господа

Бога моего и болѣе противиться волѣ Божіей не сталъ и остался на томъ мѣстѣ жить и Господь благословилъ мѣсто сіе. И азъ, съ помощію Божіею, въ скоромъ времени устроилъ сію обитель.“ Обитель эта называется нынѣ Надѣевскою пустынею и состоитъ въ Костромской епархіи *).

Если же внѣ пустынной келліи своей старецъ неожиданно встрѣчалъ кого-либо въ Саровскомъ лѣсу, то, обыкновенно, не вступая въ бесѣду, со смиреніемъ кланялся ему и удалялся прочь: „отъ молчанія никто никогда не раскаявался,“ говорилъ онъ впослѣдствіи въ своихъ наставленіяхъ. На людей, лично незнавшихъ о. Серафима, такая внезапная встрѣча съ нимъ въ пустынной мѣстности, при его костюмѣ, производила чудное впечатлѣніе, никогда неизгладимое и нерѣдко научала ихъ добродѣтели, не менѣе самой его бесѣды. Строгости его жизни и отношеній къ другимъ соотвѣтствовали и первые опыты его ученія въ духѣ подвижническомъ, отличающіеся вѣрностію мысли, краткостію и силою выраженія:

„Совершенная любовь къ Богу — училъ онъ — соединяетъ любящихъ съ Богомъ, и между собою взаимно; умъ, стяжавшій духовную любовь, ничего несогласнаго съ любовію не мыслитъ.

„Уединеніе, молитва, любовь и воздержаніе суть четырехсоставная колесница, возносящая духъ на небо.

---

*) Объ этомъ старцѣ Тимонѣ, іеромонахъ Парѳеній, бывшій строитель Гуслицкаго монастыря, въ извѣстномъ сказаніи о своихъ странствіяхъ, (Москва, 1855 г., въ 4 частяхъ) разсказываетъ слѣдующее:

«Однажды, избравъ удобное время, и отпросился къ старцу Тимону и отправился въ путь. Въ то время я былъ такъ глухъ, что 300 пудоваго колокола звону не могъ слышить, а разговаривалъ маніемъ или на письмѣ. Но когда началъ подъѣзжать къ Надѣевской пустынѣ, то открылись мои уши, хотя и не совершенно, и сталъ слышать человѣческій разговоръ и церковное пѣніе. Егда же пріѣхавши въ пустынь, увидѣлъ блаженнаго старца іеромонаха отца Тимона и святолѣпныя его сѣдины, премного возрадовася душа моя и вострепета сердце мое. Онъ же меня благословилъ и ввелъ въ келлію свою, разверзъ медоточивыя своя уста и началъ мене поить отъ изобильныхъ своихъ источниковъ живою водою, и съ малыхъ словъ растопилъ мое сердце, яко воскъ, и сдѣлалъ меня такимъ, что как бы никогда и не бывалъ раскольникомъ и въ то же время перекрестилъ я лице свое въ три перста во имя св. Троицы, и болѣе уже не творилъ крестнаго знаменія двумя перстами, даже до сего дня. Воистину данъ сему старцу отъ Господа Бога такой даръ премудрости, что ему никто не могъ противиться и во всемъ моемъ многолѣтнемъ странствіи подобнаго ему въ словесномъ дарѣ не видалъ. Потомъ азъ много его благодарилъ и просилъ его святыхъ молитвъ, чтобы до кончины живота моего не оскудѣла вѣра моя въ Господа Бога моего Іисуса Христа и во святую Его Церковь (часть I, стр. 193—195).

„Истощай тѣло свое постомъ и бдѣніемъ—и отразишь мучительный помыслъ сладострастія.

„Какъ дѣло Божіе править міромъ; такъ дѣло души—управлять тѣломъ.

„Похоть истребляется страданіемъ и скорбію, или произвольною, или посылаемою Промысломъ.

„Какою мѣрою мѣришь своему тѣлу, въ такой же мѣрѣ воздастъ тебѣ Богъ праведное воздаяніе ожидаемыхъ благъ.

„Богъ есть неложный обѣщатель будущихъ благъ; вѣруя Ему подвижникъ желаетъ будущаго, какъ бы уже настоящаго.

„Если умъ, совершенно забывая здѣшнее, болѣе и болѣе старается узнать будущее, это знакъ, что онъ живетъ въ благихъ ожиданіяхъ.

„Хорошо безстрастіе: самъ Богъ даетъ и утверждаетъ это состояніе въ душахъ боголюбивыхъ.

„Не будь нерадивъ въ дѣятельной жизни—и просвѣтится умъ твой; самъ Богъ обѣщаетъ это: *сокровища невидимая, сокровенная отверзу тебѣ* (Исаіи 45).

„Уединеніе и молитва — великія средства къ добродѣтели: очищая умъ, они дѣлаютъ его прозорливымъ.

„Подвижничество требуетъ терпѣнія и великодушія: ибо міролюбіе искореняется только долговременнымъ трудолюбіемъ.

„Кто переноситъ съ молитвою удары невольныхъ искушеній, тотъ дѣлается смиреннымъ, благонадежнымъ и опытнымъ.

„Терпѣніе есть трудолюбіе души, а трудолюбіе состоитъ и въ добровольныхъ трудахъ и въ перенесеніи невольныхъ искушеній. Умъ, получившій нѣкоторую часть безстрастія, иногда бываетъ непоколебимъ, но безъ дѣлъ неопытенъ.

„Кому дана вѣра, отъ того требуется воздержаніе, которое, укоренясь, рождаетъ терпѣніе — навыкъ многотрудный. Знакомъ терпѣнія служитъ любовь къ трудамъ; опираясь на нихъ, умъ надѣется получить обѣтованіе будущихъ благъ.

„Обѣщаніе будущихъ благъ привязываетъ умъ къ ожидаемому, такъ что мы забываемъ и отвергаемъ настоящее.“

Видя столь искреннее, усердное и, по истинѣ, высокое подвижничество старца о. Серафима, діаволъ, исконный врагъ всякаго добра, вооружился противъ него разными искушеніями. По своей хитрости, начиная съ легчайшихъ, онъ сперва наводилъ на подвижника разныя *страхованія*. Такъ, по сказанію

одного почтеннаго лѣтами іеромонаха Саровской пустыни, однажды во время молитвы онъ услышалъ вдругъ за стѣнами келліи вой звѣря; потомъ, точно скопище народа, начали ломать дверь келліи, выбили у двери косяки и бросили къ ногамъ молящагося старца претолстый кряжъ (отрубокъ) дерева, который восемью человѣками съ трудомъ былъ вынесенъ изъ келліи. Въ другіе разы, и днемъ, особенно же ночью, во время стоянія на молитвѣ, ему *видимо* вдругъ представлялось, что келлія его разваливается на четыре стороны и что къ нему со всѣхъ сторонъ рвутся страшные звѣри съ дикимъ и яростнымъ ревомъ и крикомъ. Иногда вдругъ являлся предъ нимъ открытый гробъ, изъ котораго вставалъ мертвецъ.

Татъ какъ старецъ не поддавался страхованіямъ, діаволъ воздвигалъ на него жесточайшія нападенія. Такъ онъ, по Божію попущенію, поднималъ его на воздухъ и оттуда съ такою силою ударялъ объ полъ, что, если бы не Ангелъ хранитель, самыя кости отъ такихъ ударовъ могли бы сокрушиться. Но и этимъ не одолѣлъ старца. Вѣроятно, при искушеніяхъ, онъ духовнымъ окомъ своимъ, проникавшимъ въ горній міръ, видѣлъ самыхъ злыхъ духовъ. Можетъ быть, духи злобы и сами видимо въ тѣлесныхъ образахъ являлись ему, какъ и другимъ подвижникамъ... По крайней мѣрѣ замѣтно, что старецъ точно видалъ злыхъ духовъ. Ибо одинъ мірянинъ въ простотѣ сердца спрашивалъ его:

„Батюшка! видали-ль вы злыхъ духовъ!“

Старецъ съ улыбкою отвѣчалъ:

„Они гнусны... какъ на свѣтъ Ангела взглянуть грѣшному не возможно, такъ и бѣсовъ видѣть ужасно: потому что они гнусны.“

Всѣ видѣнія, искушенія и нападенія врага старецъ побѣждалъ силою крестнаго знаменія и молитвами. Послѣ нихъ долгое время онъ пребывалъ мирно въ своей пустынѣ, благодаря Господа за сей миръ и спокойствіе.

Духовное начальство знало о. Серафима и понимало, какъ полезно было бы для многихъ сдѣлать такого старца *аввою*, настоятелемъ гдѣ нибудь въ обители. Открылось въ 1796 г. мѣсто архимандрита въ городѣ Алатырѣ. О. Серафима предназначили было туда настоятелемъ, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Въ прошломъ и въ текущемъ столѣтіяхъ Саровская пустынь не

разъ давала изъ своей братіи хорошихъ настоятелей въ другія обители. Но старецъ Серафимъ убѣдительнѣйше просилъ тогдашняго Саровскаго настоятеля Исаію отклонить отъ него это назначеніе. Одно это обстоятельство не довольно ли доказываетъ, что о. Серафимъ искалъ въ монашествѣ спасенія души и точно хотѣлъ быть подвижникомъ въ истинномъ и подлинномъ смыслѣ сего слова? Строителю Исаіи и братіи Саровской жаль было отпустить отъ себя старца Серафима, усерднаго молитвенника и мудраго наставника. Желанія обѣихъ сторонъ сошлись вмѣстѣ: всѣ стали просить другаго іеромонаха изъ Сарова же, старца Авраамія, принять на себя званіе архимандрита въ Алатырскій монастырь, и братъ, единственно изъ повиновенія, принялъ на себя это званіе.

Видя смиренномудріе старца Серафима, діаволъ воздвигъ на него большое гоненіе, поднялъ въ его душѣ мысленную брань и поддерживалъ борьбу эту съ такимъ натискомъ и силою, отъ которыхъ палъ нѣкогда великій во отцѣхъ Ѳеофилъ, экономъ Аданской церкви (см. Четьи-минеи 23 іюля). Въ тяжкомъ душевномъ обстояніи старецъ Серафимъ обратился къ Господу подвигоположнику нашего спасенія Іисусу Христи у Пречистой Его Матери, а самъ рѣшился усилить свои иноческіе труды, чтобы, при помощи свыше, разрушить страшныя козни діавола, повергавшія его въ уныніе. Благословясь, онъ принялъ на себя новый высшій молитвенный подвигъ.

Въ глухомъ лѣсу, на половинѣ пути отъ келліи, къ монастырю, лежалъ необыкновенной величины гранитный камень. Вспомнивъ о трудномъ подвигѣ св. столпниковъ о. Серафимъ рѣшился принять участіе въ подвижничествѣ сего рода. Для сего онъ восходилъ, чтобы не быть ни отъ кого видимымъ, въ *ночное* время на этотъ камень для усиленія молитвеннаго подвига. Молился онъ, обыкновенно, или на ногахъ, или стоя на колѣнахъ, съ воздѣтыми вверхъ, подобно св. Пахомію, руками, взывая мытаревымъ гласомъ: *Боже, милостивъ буди ми грѣшному.* Чтобы уравнять ночные подвиги дневнымъ, о. Серафимъ и въ келліи имѣлъ камень. На немъ онъ молился *во время дня* съ утра до вечера, оставляя камень только для отдохновенія отъ изнеможенія силъ и для подкрѣпленія себя пищею. Такого рода молитвенный подвигъ онъ несъ по временамъ въ теченіи тысячи сутокъ.

Въ наставленіяхъ своихъ о. Серафимъ всегда говорилъ, что „хотя все стараніе надо имѣть о душѣ, тѣло же подкрѣплять для того только, чтобы оно способствовало къ подкрѣпленію духа, но если самовольно изнуримъ свое тѣло до того, что изнурится и духъ, то такое удрученіе будетъ безразсудное, хотя бы сіе дѣлалось для снисканія добродѣтели." Такъ свѣтло смотрѣлъ о. Серафимъ на подвижническую жизнь! Такъ онъ и дѣйствовалъ! Отъ стоянія на камняхъ, отъ трудности этого молитвеннаго подвига тѣло его очень замѣтно измѣнилось, въ ногахъ возобновилась болѣзнь, которая съ этого времени до кончины дней не переставала мучить его. Отецъ Серафимъ понялъ, что продолженіе такихъ подвиговъ повело бы къ изнуренію силъ духа и тѣла, и оставилъ моленіе на камняхъ. Подвиги сіи онъ проходилъ въ такой тайнѣ, что ни одна душа человѣческая не вѣдала о нихъ и не догадывалась. Къ бывшему послѣ Исаіи игумену Нифонту былъ тайный запросъ объ о. Серафимѣ отъ епископа тамбовскаго. Въ бумагахъ обители сохранился *черновой* отзывъ Нифонта, въ которомъ настоятель отвѣчалъ: „о подвигахъ и жизни о. Серафима мы знаемъ; о тайныхъ же дѣйствіяхъ какихъ, также и о стояніи 1000 дней и ночей на камнѣ, никому не было извѣстно." При кончинѣ дней своихъ, чтобы не остаться загадкой для людей, по подобію другихъ подвижниковъ, въ числѣ прочихъ явленій своей жизни, онъ, въ назиданіе слушателямъ, разсказалъ и о семъ подвигѣ нѣкоторымъ изъ братій.

Одинъ изъ слушателей этого разсказа, будучи подвигнутъ удивленіемъ къ подвигамъ моленія на камняхъ, замѣтилъ. что это свыше силъ человѣческихъ.

Подвижникъ въ объясненіе совершенной возможности дѣла, замѣтилъ со смиреніемъ: „св. Сумеонъ Столпникъ сорокъ семь лѣтъ стоялъ на столпѣ; а мои труды похожи ли на его подвигъ?"

Собесѣдникъ же съ своей стороны прибавилъ: „въ этомъ подвигѣ, конечно, для тебя ощутительна была помощь благодати укрѣпляющей?"

„Да, отвѣчалъ старецъ: иначе силъ человѣческихъ не достало бы... Внутренно подкрѣплялся и утѣшался я этимъ небеснымъ даромъ, нисходящимъ свыше отъ Отца свѣтовъ..."

Потомъ, немного помолчавъ, прибавилъ: „когда въ сердцѣ есть умиленіе, то и Богъ бываетъ съ нами.“

Въ послѣднихъ словахъ, противъ воли старца, высказался духъ его моленія. Онъ молился съ *умиленіемъ* и молитвы его были такъ близки къ Богу, что онъ ощущалъ въ себѣ присутствіе Божіе и укрѣплялся благодатнымъ даромъ сего чувства.

Камни, на которыхъ подвизался о. Серафимъ, досёлѣ сохраняются, какъ увидимъ ниже, и нѣкоторое время послѣ смерти его оставались на своихъ мѣстахъ, гдѣ лежали. Братія обители и богомольцы ходили видѣть ихъ, такъ что въ пустынь Серафимову, вмѣсто прежней тропинки, впослѣдствіи открылась просторная дорога, по которой ѣздили экипажи. Многіе отбивали и брали себѣ частички отъ его камней. Въ нѣкоторыхъ благочестивыхъ домахъ встрѣчаются эти частицы съ изображеніемъ на нихъ о. Серафима, стоящаго на колѣняхъ въ молитвенномъ положеніи.

Во всѣхъ искушеніяхъ и нападеніяхъ на о. Серафима діаволъ имѣлъ цѣлію удалить его изъ пустыни. Однако же всѣ усилія врага остались безуспѣшными: онъ былъ побѣжденъ, отступилъ со стыдомъ отъ своего побѣдителя, но въ покоѣ его не оставилъ. Изыскивая новыя мѣры къ удаленію старца изъ пустыни, злой духъ началъ воевать противъ него чрезъ злыхъ людей. 12-го сентября 1804 года подошли къ старцу три неизвѣстные ему человѣка, одѣтые по-крестьянски. Отецъ Серафимъ въ это время рубилъ дрова въ лѣсу. Крестьяне, нагло приступивъ къ нему, требовали денегъ, говоря, что „къ тебѣ ходятъ мірскіе люди и деньги носятъ.“ Старецъ сказалъ: „я ни отъ кого ничего не беру.“ Но они не повѣрили. Тогда одинъ изъ пришедшихъ кинулся на него сзади, хотѣлъ свалить его на землю, но вмѣсто того самъ упалъ. Отъ этой неловкости злодѣи нѣсколько оробѣли, однако же не хотѣли отступить отъ своего намѣренія. О. Серафимъ имѣлъ большую физическую силу и, вооруженный топоромъ, могъ бы не безъ надежды обороняться. Эта мысль и мелькнула было мгновенно въ его умѣ. Но онъ вспомнилъ при семъ слова Спасителя: *вси пріемшіи ножъ, ножемъ погибнутъ* (Матѳ. XXVI, 52), не захотѣлъ сопротивляться, спокойно опустилъ на землю топоръ и сказалъ кротко, сложивши крестообразно руки на груди: „дѣлайте, что вамъ надобно.“ Онъ рѣшился претерпѣть все без-

винно Господа ради. Тогда одинъ изъ крестьянъ, поднявши съ земли топоръ, обухомъ такъ крѣпко ударилъ о. Серафима въ голову, что у него изо рта и ушей хлынула кровь. Старецъ упалъ иа землю и пришелъ въ безпамятство. Злодѣи тащили его къ сѣнямъ келліи по дорогѣ, яростно продолжая бить, какъ звѣроловную добычу, кто обухомъ, кто деревомъ, кто своими руками и ногами, даже поговаривали и о томъ, не бросить ли старца въ рѣку?.. А какъ увидѣли, что онъ уже былъ точно мертвый, то веревками связали ему руки и ноги и, положивъ въ сѣняхъ, сами бросились въ келлію, воображая — найти въ ней несмѣтныя богатства. Въ убогомъ жилищѣ они очень скоро все перебрали, пересмотрѣли, разломали печь, полъ разобрали, искали, искали, и ничего для себя не нашли: видѣли только у него св. икону, да попалось нѣсколько картофелю. Тогда совѣсть сильно заговорила у злодѣевъ, въ сердцѣ ихъ пробудилось раскаяніе, что напрасно, безъ всякой пользы даже для себя, избили благочестиваго человѣка, какой-то страхъ напалъ на нихъ н онн въ ужасѣ бѣжали вонъ. Между тѣмъ о. Серафимъ отъ жестокихъ смертныхъ ударовъ едва могъ придти въ чувство, кое какъ развязалъ себя, поблагодарилъ Господа, что сподобнлся ради Его понести раны безвинно, помолился, чтобы Богъ простнлъ убійцъ и, проведши ночь въ келліи въ страданіяхъ, на другой день съ большимъ трудомъ, однако же самъ пришелъ въ обитель во время самой литургіи. Видъ его былъ ужасенъ! Волосы на бородѣ и головѣ были смочены кровью, смяты, спутаны, покрыты пылью и соромъ; лице и руки избиты; вышибено нѣсколько зубовъ; уши и уста запеклись кровью; одежды измятыя, окровавленныя, засохли и по мѣстамъ пристали къ ранамъ. Братія, увидѣвъ его въ такомъ положеніи, ужаснулись и спрашивали; что съ нимъ такое случилось? Ни слова не отвѣчая, о. Серафимъ просилъ пригласить къ себѣ настоятеля о. Исаію и монастырскаго духовника, которымъ въ подробности и разсказалъ все случившееся. И настоятель и братія глубоко опечалены были страданіями старца. Такимъ несчастіемъ о. Серафимъ вынужденъ былъ остаться въ монастырѣ для поправленія здоровья. Діаволъ, воздвигшій злодѣевъ, повидимому, торжествовалъ теперь побѣду надъ старцемъ, воображая, что навсегда изгналъ его изъ пустыни. Первыя восемь сутокъ были для больнаго оченъ тяжки: не принимая ни пищи,

ни воды, онъ не имѣлъ и сна отъ нестерпимой боли. Въ монастырѣ не надѣялись, чтобы онъ пережилъ свои страданія. Настоятель, старецъ Исаія, на седьмой день болѣзни, не видя перелома къ лучшему, послалъ въ Арзамасъ за врачами. Освидѣтельствовавши старца, врачи нашли болѣзнь его въ слѣдующемъ состояніи: голова у него была проломлена, ребра перебиты, грудь оттоптана, все тѣло по разнымъ мѣстамъ покрыто смертельными ранами. Удивлялись они, какъ это старецъ могъ остаться въ живыхъ послѣ такихъ побоевъ. По старинной методѣ леченія, врачи считали необходимымъ открыть кровь больному. Настоятель, зная, что больной и безъ того много потерялъ ея отъ ранъ, не соглашался на эту мѣру, но по настоятельному убѣжденію консиліума врачей, рѣшился предложить о томъ о. Серафиму. Консиліумъ опять собрался въ келліи о. Серафима; онъ состоялъ изъ трехъ врачей; съ ними было три подлекаря. Въ ожиданіи настоятеля они опять осмотрѣли больнаго, долго на латинскомъ языкѣ разсуждали между собою и положили: пустить кровь, обмыть больнаго, къ ранамъ приложить пластырь, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ употребить спиртъ. Согласились также на счетъ того, что помощь необходимо подать какъ можно скорѣе. О. Серафимъ съ глубокою признательностію въ сердцѣ примѣчалъ ихъ внимательность и попеченіе о себѣ. Когда все это происходило, вдругъ повѣстили: „отецъ настоятель идетъ, идетъ отецъ настоятель!“ Въ эту минуту о. Серафимъ уснулъ: сонъ его былъ краткій, тонкій и пріятный. Во снѣ увидѣлъ онъ дивное видѣніе. Подходитъ къ нему съ правой стороны постели Пресв. Богородица, въ царской порфирѣ, окруженная славою. За нею слѣдовали св. Апостолы Петръ и Іоаннъ Богословъ. Остановясь у одра Пресв. Дѣва перстомъ правой руки показала на больнаго и, обратясь пречистымъ ликомъ своимъ въ ту сторону, гдѣ стояли врачи, произнесла: „что вы трудитесь?“ Потомъ опять, обратясь лицемъ къ старцу, сказала: *сей отъ рода нашего* и кончилось видѣніе, котораго присутствующіе не подозрѣвали. Когда вошелъ настоятель, больной опять пришелъ въ сознаніе. Отецъ Исаія съ чувствомъ глубокой любви и участія предложилъ ему воспользоваться совѣтами и помощію врачей. Но больной, послѣ стольких заботъ о немъ, при отчаянномъ состояніи здоровья своего, къ удивленію всѣхъ, отвѣчалъ, что онъ не желаетъ теперь по-

собія отъ людей, прося отца настоятеля предоставить жизнь его Богу и Пресв. Богородицѣ, истиннымъ и вѣрнымъ врачамъ душъ и тѣлесъ. Нечего было дѣлать, оставили старца въ покоѣ, уважая его терпѣніе и удивляясь силѣ и крѣпости вѣры. Онъ же отъ дивнаго посѣщенія исполнился неизреченной радости и сія радость небесная продолжалась часа четыре. Потомъ старецъ успокоился, вошелъ въ обыкновенное состояніе, почувствовалъ облегченіе отъ болѣзни, сила и крѣпость стали возвращаться къ нему; всталъ онъ съ постели, началъ немного ходить по келліи и вечеромъ въ девятомъ часу подкрѣпился пищею, вкусилъ немного хлѣба и бѣлой квашенной капусты. Съ того же дня онъ опять сталъ понемногу предаваться духовнымъ подвигамъ.

Еще въ прежнее время о. Серафимъ, занимаясь однажды работами въ лѣсу, при порубѣ дерева былъ придавленъ имъ и отъ этого обстоятельства потерялъ свою естественную прямоту и стройность, сдѣлался согбеннымъ. Послѣ нападенія разбойниковъ, отъ побоевъ, ранъ и болѣзни согбенность еще больше увеличилась. Съ сего времени онъ началъ ходить подкрѣпляясь топорикомъ, мотыкою или палкою. Такъ эта согбенность, это уязвленіе въ пяту служили всю жизнь вѣнцемъ побѣды великаго подвижника надъ діаволомъ.

Со дня болѣзни старецъ Серафимъ провелъ въ монастырѣ, не видя своей пустыни, около пяти мѣсяцевъ. Когда здоровье возвратилось къ нему, когда онъ почувствовалъ себя опять крѣпкимъ къ прохожденію пустыннической жизни, то просилъ настоятеля Исаію снова отпустить его изъ монастыря въ пустынь. Настоятель же, по внушенію братіи, и самъ искренно жалѣя старца, упрашивалъ было его остаться на всегда въ монастырѣ, представляя возможнымъ повтореніе подобныхъ крайне несчастныхъ случаевъ. Отецъ Серафимъ отвѣчалъ, что ни во что вмѣняетъ такія нападенія и готовъ—подражая св. мученикамъ, страдавшимъ за имя Господне—даже до смерти перенести всякія оскорбленія, какія бы ни случились. Онъ боялся только душевныхъ разбойниковъ, твердо помня слово Спасителя: *не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити, убойтеся же паче могущаго и душу и тѣло погубити въ геенѣ* (Мѳ. 10. 28). Уступая христіанской неустрашимости духа и любви къ пустынножительству, о. Исаія благословилъ жела-

ніе старца и старецъ Серафимъ снова возвратился въ свою пустынную келлію. Неизвѣстно, каково было состояніе его духа въ первыя минуты вторичнаго поселенія въ пустынѣ; но, зная его безграничную любовь къ уединенію, мы не ошибемся, если представимъ его въ слѣдующихъ словахъ св. Василія великаго.

„О, уединенное житіе! домъ ученія небеснаго и божественнаго разумѣнія училище, въ которомъ Богъ есть все, чему учимся. Пустыня—рай сладости, гдѣ и благоуханные цвѣты любви, то пламенѣютъ огненнымъ цвѣтомъ, то блестятъ снѣговидною чистотою, съ ними же миръ и тишина. Живя въ низменныхъ мѣстахъ, они пребываютъ недвижимы отъ вѣтра. Тамо ѳиміамъ совершеннаго умерщвленія не только плоти, но, что славнѣе, и самой воли; и кадило всегдашней молитвы, сладко сгорая, непрестанно вскипаетъ огнемъ любви божественной. Тамъ различные цвѣты добродѣтели, блистая различными украшеніями, процвѣтаютъ благодатію неувядаемой красоты. О, пустыня, услажденіе святыхъ душъ, рай неисчерпаемой сладости! ты—пещь, въ которой силу горящаго пламени святые отроцы устужаютъ молитвою, и гореніемъ вѣры угашаютъ горящій вокругъ себя пламень, въ которомъ горятъ и стрѣлы и оковы, но окованные не сгараютъ. Только узы грѣха разрѣшаются и душа возводится къ пѣнію божественныхъ хваленій, взывая: *разширилъ еси уста моя! Тебѣ пожру жертву хвалы.*“

Такимъ образомъ діаволъ и въ этой борьбѣ со старцемъ, съ новымъ поселеніемъ его въ пустыню, претерпѣлъ совершеннѣйшее пораженіе. Но ему готовился ударъ еще большій и страшнѣйшій, нежели какого онъ могъ ожидать. Крестьяне, избившіе старца, были найдены. Это были крѣпостные люди помѣщика Татищева, Ардатовскаго уѣзда изъ села Кременокъ. Что же? Отецъ Серафимъ и самъ простилъ ихъ и настоятеля упрашивалъ не дѣлать съ нихъ никакого взысканія. Также и помѣщику онъ писалъ, чтобы не наказывать ихъ. „Въ противномъ случаѣ—говорилъ о. Серафимъ—я оставляю Саровскую обитель и удаляюсь ни для кого невѣдомо въ другія святыя мѣста.“ Также и съ настоятелемъ говоря, онъ соглашался лучше, чтобы его удалили изъ обители, нежели имъ нанесли какое либо наказаніе. Такъ о. Серафимъ былъ незлобивъ! Такія образцы могъ прощать врагамъ своимъ! Какое лучше это посрамленіе можно было нанести врагу, воевавшему противъ

старца? О. Серафимъ, по заповѣди Господа, простилъ враговъ своихъ, предоставивъ отмщеніе Господу Богу. Гнѣвъ Божій дѣйствительно возгорѣлся надъ ними: въ непродолжительномъ времени пожаръ истребилъ жилища ихъ. Вразумленіе Божіе въ этомъ несчастіи было такъ очевидно, по крайней мѣрѣ, для самихъ разбойниковъ, что они пришли и со слезами раскаянія опять просили у о. Серафима прощенія и св. его молитвъ.

Изъ всей продолжительной и разнообразной борьбы съ діаволомъ, старецъ Серафимъ вынесъ основательный и вѣрный взглядъ на жизнь и труды пустынножителя, которыми приносилъ большую пользу другимъ во спасеніе души. Такъ одинъ инокъ, намѣреваясь поселиться въ совершенномъ уединеніи, пришелъ къ о. Серафиму въ пустынь и, волнуемый разными мыслями на счетъ пустынножительства, спросилъ его:

„Отче! говорятъ нѣкоторые, что удаленіе отъ общежительства въ пустыню есть фарисейство; что перемѣненіемъ оказывается пренебреженіе братіи, или еще, бросается на нее осужденіе. Какъ ты думаешь“?

Старецъ отвѣчалъ:

„Не наше дѣло судить другихъ. А удаляемся мы изъ общества братства не изъ ненависти къ нему, а болѣе для того, что мы приняли и носимъ на себѣ чинъ ангельскій, которому невмѣстительно быть тамъ, гдѣ словомъ и дѣломъ прогнѣвляется Господь Богъ. И потому мы, отлучаясь отъ братства, удаляемся только отъ слышанія и видѣнія того, что противно заповѣдямъ Божіимъ, какъ это случается неизбѣжно при множествѣ братіи. Мы избѣгаемъ не людей, которые одного съ нами естества и носятъ одно и то же имя Христово, но пороковъ, ими творимыхъ, какъ и великому Арсенію сказано было: *бѣгай людей и спасешься* (Четьи-мин. 8 мая).“

Другому иноку, послѣ тщательнаго испытанія, было дано настоятелемъ благословеніе начать пустынническую жизнь. Настоятель писалъ и письмо къ отцу Серафиму, прося его принять къ себѣ этого инока и наставить на путь пустынной жизни. О. Серафимъ весьма ласково принялъ его и благословилъ ему построить себѣ пустынную келлію неподалеку отъ своей. Когда инокъ сталъ еще прежде сего просить у него наставленій касательно пустынножительства, то старецъ, по глубочайшему смиренію, а еще скорѣе по великому благоразумію и опыт-

ности въ этомъ дѣлѣ, отвѣтствовалъ: „я самъ ничего незнаю." Потомъ, какъ бы желая удовлетворить любознанію инока, присовокупилъ: Спаситель сказалъ: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ: и обрящете покой душамъ вашимъ* (Мѳ. 11. 29). По разуму св. Іоанна Лѣствичника, не отъ Ангела или человѣка, но отъ самого Господа мы должны научаться."

Вообще, онъ неохотно совѣтывалъ другимъ поселяться въ пустынѣ и въ предостереженіе объяснилъ, что живущій въ пустынѣ долженъ быть какъ бы распятымъ на крестѣ; что въ монастырѣ иноки борются съ противными силами, какъ съ голубями, а въ пустынѣ—точно какъ со львами и леопардами. А потому, если и склонялся на сторону пустынножительства, то никому не благословлялъ уединяться одному, а совѣтывалъ отходить на пустынные подвиги двумъ или даже тремъ единонравнымъ братіямъ. Въ доказательство онъ приводилъ всегда слѣдующія слова изъ Писанія: *блази два паче единаго, имъ же есть мзда блага въ трудѣ ихъ: яко аще падется единъ отъ нихъ, воздвигнетъ другій причастника своего: и горе тому единому, егда падетъ, и не будетъ втораго воздвигнути его: и вервь переплетена не скоро расторгнется* (Екк. 4, 9—12). *Братъ отъ брата помогаемъ, яко градъ твердъ и высокъ, укрѣпляется же, яко же основанное царство* (Притч. 18, 19).

Лучшимъ свидѣтельствомъ вѣрности и основательности взглядовъ о. Серафима на жизнь иноческую и пустынную служатъ его аскетическія статьи, текстъ которыхъ приведенъ ниже. каковы напр. о подвигахъ, о помыслахъ и плотскихъ движеніяхъ, о храненіи сердца, о мирѣ душевномъ, о храненіи мира душевнаго и т. под.

Господь Богъ въ награду за подвиги и побѣду надъ діаволомъ украсилъ о. Серафима даромъ прозорливости, дѣйствія котораго обнаружились въ первый разъ именно здѣсь, въ дальней пустыни. Одинъ боголюбивый посѣтитель Саровской обители. плѣнившись ея священнымъ благолѣпіемъ, положилъ въ душѣ своей рѣшительное намѣреніе вступить въ нее для спасенія себя въ званіи иноческомъ; но, возвратившись домой, онъ увлекся мірскою жизнію, потомъ вступилъ въ бракъ и имѣлъ двухъ дѣтей. Совѣсть, однако же, напоминала ему обѣты сердца. и онъ, прибывъ снова въ Саровъ, какъ грѣшникъ,

кланялся въ ноги Саровскимъ старцамъ въ церкви послѣ богослуженія, прося ихъ обсудить его вину, дать совѣтъ и благословеніе на поступленіе въ обитель. Одинъ изъ старцевъ присовѣтовалъ ему обратиться къ о. Серафиму, который въ то время спасался здѣсь, въ дальней пустынѣ. Пришедши сюда и увидѣвъ о. Серафима, вышедшаго изъ келліи, съ заступомъ въ рукахъ, боголюбивый посѣтитель бросился къ нему въ ноги, умоляя дать ему благій совѣтъ въ его душевномъ разстройствѣ и помолиться Господу, чтобы Онъ принялъ его на желанный путь иноческій. Выслушавъ его безмолвно, о. Серафимъ спросилъ: „исполнишь-ли ты по обѣту всѣ иноческія правила?“ Когда же онъ, забывъ на этотъ разъ о женѣ и дѣтяхъ, клялся быть даже до смерти вѣрнымъ исполнителемъ монастырскихъ правилъ, изъявляя, сверхъ того, готовность и усердіе понести какую-нибудь эпитимію, то старецъ Серафимъ, провидя возможность исполненія его обѣщаній, сказалъ: „если ты точно по обѣту своему исполнишь всѣ иноческія правила, то гряди съ миромъ въ путь твой!“ Съ сими словами онъ благословилъ пришельца и отпустилъ отъ себя. Это былъ одинъ изъ первыхъ опытовъ прозорливости старца. Вскорѣ послѣ бесѣды умерла жена, а за нею послѣдовали и дѣти человѣка, желавшаго иноческой жизни. И онъ, не связанный съ міромъ никакими житейскими узами, пришелъ въ Саровскую пустынь, въ ней постриженъ былъ въ монашество и умеръ истиннымъ инокомъ.

Весьма понятно, что о. Серафимъ, по своимъ подвигамъ, по духовной опытности, пользовался всеобщимъ уваженіемъ въ Саровской обители. Преемникъ строителя Пахомія, старецъ Исаія, духовный отецъ и воспріемникъ о. Серафима, очень почиталъ его, любилъ и дорожилъ его бесѣдами. Въ удовлетвореніе такихъ чувствъ, онъ, когда былъ свѣжъ, бодръ и наслаждался здоровьемъ, нерѣдко самъ ходилъ въ пустынь къ о. Серафиму. Въ 1806 году, Исаія, по старости лѣтъ и отъ трудовъ, понесенныхъ для спасенія себя и братіи, сдѣлался особенно слабъ здоровьемъ и, по собственному прошенію, уволился отъ обязанности и званія настоятеля. Жребій занять его мѣсто въ обители, по общему желанію братіи, палъ на о. Серафима. Вотъ снова старецъ избирается на начальственныя должности; но и на этотъ разъ, по своему смиренію и изъ крайней любви къ пустынѣ, онъ отказался отъ предлагаемой почести. Тогда

голосомъ всей братіи настоятелемъ избранъ былъ старецъ Нифонтъ, исполнявшій до того времени послушаніе казначея. Поступивши въ число братіи, бывшій настоятель Исаія еще годъ прожилъ на сей землѣ, и все это время находился въ болѣзни. Не могши, по причинѣ недуговъ своихъ ходить, за шесть верстъ въ пустынь къ о. Серафиму, не желая и его отвлекать отъ сладкаго пустынножительства, старецъ Исаія никакъ не хотѣлъ, однако же, лишиться утѣшенія бесѣдовать съ нимъ. Братія, по усердію, возили въ тележкѣ бывшаго своего настоятеля, больнаго старца, въ пустынь, и о. Серафимъ своею бесѣдою успокоивалъ воспріемника и духовнаго отца своего и услаждалъ послѣднія минуты его жизни. 4-го декабря 1807 года, на 67 г. отъ рожденія, доблестный старецъ опочилъ сномъ праведника, оставивъ по себѣ во всѣхъ добрую память. Потеря такого собесѣдника, духовнаго отца и начальника глубокою скорбію поразила любвеобильное нѣжное сердце о. Серафима. Мысли о тлѣнности настоящей жизни, о неизбѣжности и нечаянности смертнаго часа о страшномъ судѣ Божіемъ, въ образѣ почившаго старца и духовнаго друга живѣе представились сердцу о. Серафима. Теперь уже не было въ живыхъ самыхъ близкихъ и лучшихъ друзей и руководителей старца. Кости Іосифа, который училъ его отеческому пути, давно почивали въ могилѣ. Праведная душа старца Пахомія, котораго о. Серафимъ считалъ не только благодѣтелемъ, но и духовнымъ другомъ своимъ, тоже витала въ загробномъ мірѣ. Умеръ и старецъ Исаія, любившій о. Серафима, какъ свое духовное чадо и почитавшій въ немъ высокаго подвижника и мудраго собесѣдника. Во всю жизнь свою о. Серафимъ съ искреннимъ усердіемъ молился Богу объ упокоеніи этихъ трехъ достопочтенныхъ отцевъ. Всякій разъ, проходя мимо кладбища, онъ считалъ обязанностію зайти на могилы ихъ, преклонить колѣни у священнаго праха и вознести молитву о нихъ Господу живыхъ и мертвыхъ. Въ бесѣдѣ съ начальницею Ардатовской общины, Евдокіею, онъ далъ слѣдующее наставленіе: „когда идешь ко мнѣ, зайди на могилки, положи три поклона, прося у Бога, что бы Онъ успокоилъ души рабовъ своихъ: *Исаіи, Пахомія, Іосифа, Марка* и проч., и потомъ припади ко гробу, говоря, про себя: простите отцы святіи и помолитесь обо мнѣ.“ Такъ онъ внушалъ и другимъ молиться о своихъ духовныхъ руко-

водителяхъ и вообще о Саровскихъ подвижникахъ, называя ихъ, по высотѣ и горячности молитвъ, *огненными столпами отъ земли до небесъ;* такъ молился и самъ. Въ смерти строителя Исаіи о. Серафимъ много утѣшался мыслію, что его мѣсто занялъ старецъ Нифонтъ, человѣкъ рѣдкихъ свойствъ, цѣнившій и любившій его. Тѣмъ не менѣе, со смертію Исаіи, послѣдующая жизнь о. Серафима приняла новое, въ аскетическомъ смыслѣ, высшее духовное направленіе.

V.

Молчальничество.—Возвращеніе въ обитель и затворъ.

Новый подвигъ о. Серафима.—Молчальничество.—Его различныя проявленія.—Сущность молчальничества, по понятіямъ самого старца.—Отвѣтъ на вопросы братіи о семъ.—Молчаніе, переходъ къ затвору.—Обстоятельство затвора.—Саровскій соборъ старцевъ.—Приходъ о. Серафима въ обитель и затворъ.—Убранство затворнической келліи. — Ношеніе большаго креста.—Одежда и пища въ затворѣ.—Молитвенные труды.—Чтеніе и толкованіе св. Писанія.—Восхищеніе въ небесныя обители.—Причащеніе св. Таинъ.—Дубовый гробъ въ сѣняхъ.—Одинъ изъ сокровенныхъ подвиговъ старца.—Ослабленіе затвора.—Посѣщеніе старца епископомъ Іоною и Тамбовскимъ губернаторомъ.—Хожденіе къ старцу братіи и его наставленія къ нимъ.—Открытіе дверей келліи для постороннихъ.—Описаніе пріема, какой онъ дѣлалъ посѣтителямъ.—Наставленіе и краткое молитвенное правило его.—Обращеніе съ знатными лицами.—Приходъ къ старцу простыхъ людей.—Замѣчательные случаи прозрѣнія, исцѣленій и другихъ дѣяній старца, относящихся къ настоящему времени.—Окончаніе затвора.

Старецъ Серафимъ послѣ смерти строителя Исаіи, оставаясь жительствовать въ пустынѣ, принялъ на себя иноческій трудъ молчанія. „Паче всего должно украшать себя молчаніемъ, говорилъ онъ: ибо, говоритъ св. Амвросій Медіоланскій, молчаніемъ многихъ видѣлъ я спасающихся, многоглаголаніемъ же ни единаго. И паки нѣкто изъ отцевъ говоритъ: молчаніе есть таинство будущаго вѣка, словеса—же орудія суть міра сего.“ Съ этихъ поръ жизнь его становится еще безмолвнѣе прежняго: ибо не одна уже пустынь, но собственныя уста старца закрываютъ ее отъ насъ.

Въ какихъ же видахъ является теперь наблюдателю жизнь о. Серафима? Вообще теперь онъ принялъ за руководство себѣ дѣянія двухъ древнихъ подвижниковъ—Арсенія великаго и Іоанна молчальника и пустынника. Въ частности—если къ нему

приходили въ пустынь посѣтители, онъ къ нимъ не являлся. Случалось ли ему самому неожиданно встрѣтить кого въ лѣсу, старецъ падалъ ницъ лицомъ и до тѣхъ поръ не поднималъ очей, пока встрѣтившійся не проходилъ мимо. Въ этихъ видахъ онъ сохранялъ свое безмолвіе около трехъ лѣтъ. За нѣсколько времени до исхода этого срока онъ пересталъ посѣщать и обитель по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Одинъ братъ носилъ ему и пищу въ пустынь, особенно въ зимнее время, когда у о. Серафима не было своихъ овощей. Пища приносилась однажды въ недѣлю, въ день воскресный. Трудно было назначенному брату совершать это послушаніе въ зимнее время! Дороги въ пустынь о. Серафима не было. Бредетъ онъ, бывало, во время вьюги по снѣгу, утопая въ немъ по колѣни, съ недѣльнымъ запасомъ въ рукахъ для старца—молчальника!.. Вошедши въ сѣни, носившій братъ, обыкновенно, произносилъ молитву. Старецъ, сказавши про себя: *аминь,* отворялъ дверь изъ келліи въ сѣни. Сложивъ руки на груди крестообразно, онъ становился у дверей потупивъ лице долу на землю: самъ ни благословитъ брата, ни даже взглянетъ на него. А пришедшій братъ, помолившись, по обычаю, и поклонившись старцу въ ноги, полагалъ пищу на лоточекъ, лежавшій на столѣ въ сѣняхъ. Съ своей стороны о. Серафимъ клалъ на лоточекъ же или малую частицу хлѣба или немного капусты. Пришедшій братъ внимательно замѣчалъ это. Сими знаками старецъ безмолвно давалъ знать, чего принести въ будущее воскресенье: хлѣба или капусты. И опять принесшій братъ, сотворивъ молитву, кланялся старцу въ ноги и, попросивъ молитвъ его о себѣ, возвращался въ обитель, не услышавши отъ о. Серафима ни единаго слова. Все это были только видимыя, наружныя знаменія молчальничества. Существо же подвига состояло не въ наружномъ удаленіи отъ общительности, но въ безмолвіи ума, въ отреченіи отъ всякихъ житейскихъ помысловъ для чистѣйшаго посвященія себя Господу. Такое молчальничество, по описанію самого старца, имѣло многіе плоды. Оно рѣшительно обезоруживало діавола для борьбы съ пустынножителемъ. „Когда мы въ молчаніи пребываемъ—говорилъ о. Серафимъ, —тогда врагъ, діаволъ, ничего не успѣетъ относительно къ потаенному сердца человѣку: сіе же должно разумѣть о молчаніи въ разумѣ. Оно рождаетъ въ душѣ молчальника разные

плоды духа. Отъ уединенія и молчанія—говорилъ онъ—рождаются умиленіе и кротость: дѣйствіе сей послѣдней въ сердцѣ человѣческомъ можно уподобить тихой водѣ Силоамской, которая течетъ безъ шума и звука, какъ говоритъ о ней пророкъ Исаія: *воды Силоамли текущія тихо* (тихо) (Исаіи 8, 6). Въ соединеніи съ другими занятіями духа молчальничество возводитъ человѣка къ благочестію. Пребываніе въ келліи въ молчаніи, въ упражненіи, въ молитвѣ и поученіи день и ночь закону Божію дѣлаетъ человѣка благочестивымъ: ибо, по словамъ св. Отцевъ, келлія инока есть пещь Вавилонская, въ которой тріе отроцы Сына Божія обрѣтоша. Молчаніе приближаетъ человѣка къ Богу и дѣлаетъ его какъ бы земнымъ ангеломъ. Ты только сиди въ келліи своей во вниманіи и молчаніи, и всѣми мѣрами старайся приблизить себя къ Господу: а Господь готовъ сдѣлать тебя изъ человѣка Ангеломъ: *на кого бо,* говоритъ Онъ, *возрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словесъ Моихъ* (Исаіи 66, 2). Плодомъ молчанія, кромѣ другихъ духовныхъ пріобрѣтеній, бываетъ миръ души. Молчаніе учитъ безмолвію и постоянной молитвѣ, а воздержаніе дѣлаетъ помыслъ не развлекаемымъ. Наконецъ пріобрѣтшаго сіе ожидаетъ мирвое состояніе.“ Вотъ какъ старецъ Серафимъ проходилъ подвигъ молчальничества! Вотъ чего хотѣлъ онъ достигнуть путемъ симъ, *возложивъ всю печаль свою на Господа* (1 Петр. 5, 7).

Многіе изъ братіи очень жалѣли объ удаленіи старца отъ общежитія съ ними. Съ возложеніемъ на себя молчанія, онъ лишалъ ихъ своихъ совѣтовъ и руководства. Ближайшіе къ нему даже спрашивали его: „зачѣмъ онъ уединяется, когда бы, пребывая въ близкомъ общеніи съ братіею, могъ назидать ихъ словомъ и примѣромъ, не терпя ущерба и въ благоустроеніи души своей?“ Старецъ отвѣчалъ, говоря словами св. Отецъ: „возлюби праздность безмолвія предпочтительно насыщенію алчущихъ въ мірѣ, сказалъ св. Исаакъ Сиринъ. И св. Григорій Богословъ рекъ: прекрасно богословствовать для Бога, но лучше сего, если человѣкъ себя очищаетъ для Бога.“

Молчальничество не было однако же такимъ подвигомъ, на которомъ старецъ Серафимъ рѣшился бы покончить жизнь свою. Чрезъ него, какъ бы лѣстницею, получивъ большее совершенство, онъ перешелъ къ высшему подвижничеству, называемому *затворомъ*. Поводомъ къ этому послужило слѣдую-

щее обстоятельство. Въ описываемое время настоятелемъ былъ, какъ уже извѣстно, о. Нифонтъ, мужъ богобоязненный, добродѣтельный, отечески любившій братію, входившій во всѣ потребности и нужды каждаго брата, ревнитель устава и порядковъ церковныхъ. Отецъ же Серафимъ со времени смерти старца Исаіи, наложивъ на себя трудъ молчанія, жилъ въ пустынѣ своей безвыходно, точно какъ въ затворѣ. Прежде онъ хаживалъ по воскресеньямъ и праздникамъ въ обитель причащаться св. Таинъ. Теперь, со времени стоянія на камняхъ, у него болѣли ноги; ходить онъ не могъ. Было неизвѣстно, кто его причащаетъ св. Таинъ, хоть мы ни на минуту не сомнѣваемся, что онъ безъ вкушенія Тѣла и Крови Христовой не оставался. Не подавало ли это обстоятельство кому нибудь и соблазна, къ которому люди такъ склонны?.. Вотъ строитель сзываетъ монастырскій соборъ изъ старшихъ іеромонаховъ и и вопросъ о причащеніи о. Серафима предлагаетъ на разсужденіе. Рѣшили же дѣло такъ: предложить о. Серафиму, чтобы онъ или ходилъ, буде здоровъ и крѣпокъ ногами, попрежнему, въ обитель по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ для причащенія св. Таинъ, или же, если ноги не служатъ, перешелъ-бы навсегда жительствовать въ монастырскую келлію. Общимъ совѣтомъ присудили спросить чрезъ брата, носившаго пищу по воскресеньямъ, что изберетъ о. Серафимъ. Братъ въ первый же приходъ къ старцу исполнилъ рѣшеніе Саровскаго собора, но о. Серафимъ, выслушавъ безмолвно предложеніе собора, отпустилъ брата, яко же обычно, не сказавъ ни слова. Братъ, какъ дѣло было, передалъ строителю, а строитель велѣлъ ему повторить соборное предложеніе въ слѣдующее воскресенье. Принесши пищу на будущую недѣлю, братъ повторилъ предложеніе... Тогда старецъ Серафимъ, благословивъ брата, вмѣстѣ же съ нимъ отправился пѣшкомъ въ обитель. Принявъ второе предложеніе собора, старецъ показалъ, что онъ не въ силахъ былъ, по болѣзни, ходить, какъ прежде, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ обитель. Это было весною 8-го мая 1810 года. Вступивъ въ монастырскія врата, послѣ 15-лѣтняго пребыванія въ пустынѣ, о. Серафимъ, не заходя въ свою келлію, отправился прямо въ больницу. Это было днемъ до наступленія всенощной службы. Когда ударили въ колоколъ, о. Серафимъ явился на всенощное бдѣніе въ храмъ Успенія

Богородицы. Столько лѣтъ уже не бывалъ старецъ въ обители! Братія удивились, когда мгновенно разнесся слухъ, что о. Серафимъ рѣшился жительствовать въ обители. Но удивленіе ихъ возрасло еще болѣе, когда произошли слѣдующія обстоятельства. На другой день, 9-го мая, въ день Святителя и Чудотворца Николая, о. Серафимъ пришелъ, по обычаю, въ больничную церковь къ ранней литургіи и причастился св. Христовыхъ Таинъ. По выходѣ же изъ церкви, онъ направилъ стопы свои въ келлію строителя Нифонта, и, принявши отъ него благословеніе, водворился въ прежней своей монастырской келліи; къ себѣ никого не принималъ, самъ никуда не выходилъ и не говорилъ ни съ кѣмъ ни слова, то есть, онъ принялъ на себя новый, труднѣйшій подвигъ затворничества. Молчаніе о. Серафима видимо переходомъ было къ затвору. И совершенно уединенная жизнь его проходимая въ молчаніи пустыниномъ, не была ли уже началомъ затвора или и даже самымъ затворничествомъ? Въ келліи монастырской о. Серафимъ, очевидно, продолжалъ то, что уже начато года съ три тому назадъ въ пустынѣ, съ которою, быть можетъ, онъ и затворъ соединилъ бы, если бы не повстрѣчались описанныя обстоятельства.

О подвигахъ о. Серафима въ затворѣ извѣстно еще менѣе, чѣмъ о его пустынножительствѣ. Въ келліи своей онъ не хотѣлъ имѣть, для отсѣченія своеволія, ничего, даже самыхъ необходимыхъ вещей. Икона, предъ которой горѣла лампада, и отрубокъ пня, служившій въ замѣнъ стула, составляли все. Для себя же онъ не употреблялъ даже огня. Въ это время, для умерщвленія плоти, *да духъ спасется*, онъ носилъ на плечахъ своихъ подъ рубашкою на веревкахъ большой пятивершковый желѣзный крестъ, который, вѣроятно, и названъ веригами въ прежнихъ его жизнеописаніяхъ. Но собственно веригъ и власяницы о. Серафимъ не носилъ и другимъ не совѣтовалъ надѣвать ихъ. „Кто насъ оскорбитъ словомъ или дѣломъ, и если мы переносимъ обиды по-евангельски—вотъ и вериги наши, вотъ и власяница! Эти духовныя вериги и власяница выше желѣзныхъ, которыя надѣваютъ на себя нынѣшніе люди. Правда, многіе изъ св. Отцевъ носили и власяницу и желѣзныя вериги, но они были мужіе мудрые и совершенные, и все это дѣлали изъ любви Божіей, для совершеннаго

умерщвленія плоти и страстей и для покоренія ихъ духу. Таковы были изъ нашихъ русскихъ православныхъ святыхъ: препод. Θеодосій печерскій, Θеодосій тотемскій, Василій блаженный и другіе. Но мы еще младенцы, и страсти все еще царствуютъ въ нашемъ тѣлѣ и противятся волѣ и закону Божію. Такъ что же будетъ въ томъ, что мы надѣнемъ и вериги, и власяницу, а будемъ спать, пить и ѣсть столько, сколько душѣ хочется? Мы не можемъ и самомалѣйшаго оскорбленія отъ брата перенести великодушно. Отъ начальническаго же слова и выговора впадаемъ въ совершенное уныніе и отчаяніе, такъ что и въ другой монастырь выходимъ мыслію, и съ завистію указывая на другихъ изъ своихъ собратій, которые въ милости и довѣренности у начальника, принимаемъ всѣ его распоряженія за обиду, за невниманіе и недоброжелательство къ себѣ. Какъ, сталобыть, мало или вовсе нѣтъ въ насъ никакого фундамента къ монашеской жизни! и все это отъ того, что мы мало о ней разсуждаемъ и ей внимаемъ. Можно ли же въ такомъ состояніи духа и жизни покушаться на подвигъ, свойственный мудрымъ и совершеннымъ отцамъ, носить вериги и власяницу?“

Одежда о. Серафима теперь была таже самая, что и въ пустынѣ. Питіемъ его была одна вода, а въ пищу онъ употреблялъ только толокно да бѣлую рубленую капусту. Воду и пищу доставлялъ ему братъ, отецъ Павелъ, вблизи живущій, подошедши къ келліи, братъ сотворивъ молитву, ставилъ пищу у дверей. Затворникъ, чтобы никто не видалъ его, накрывалъ себя большимъ полотномъ и, взявши блюдо стоя на колѣняхъ, какъ-бы принималъ пищу изъ рукъ Божіихъ, уносилъ ее въ келлію. Тамъ, подкрѣпивши себя пищею, посуду ставилъ на прежнее мѣсто, опять скрывая лице свое подъ полотномъ. Покровъ набрасываемый на лице, объясняется примѣрами древнѣйшихъ пустынножителей, которые кукулемъ скрывали видъ свой, *во еже не видѣти суеты*. Случалось и такъ, что старецъ вовсе не являлся брату, и носившій пищу опять уносилъ все, что было предложено: старецъ оставлялъ себя безъ вкушенія пищи.

Молитвенные труды его въ затворѣ были велики и разнообразны. Какъ и въ пустынѣ, онъ совершалъ теперь *свое* правило и всѣ ежедневныя службы, кромѣ божественнѣйшей литургіи. Сверхъ того, онъ предавался подвигу умной молитвы, читая въ

Явленіе Божіей Матери
старцу Серафиму въ день Благовѣщенія.

Цензоръ священникъ Николай Елеонскій
Тип.-лит. Зворыкина, Курскъ.

сердцѣ попеременно то молитву Іисусову, то Богородичну. Иногда, стоя на молитвѣ, старецъ погружался въ продолжительное умное созерцаніе Бога: онъ стоялъ предъ св. иконою не читая никакой молитвы и не кладя поклоновъ, а только умомъ въ сердцѣ созерцая Господа... Высока и глубока эта безмолвная, затворническая молитва!

Въ теченіи недѣли онъ прочитывалъ весь Новый завѣтъ по порядку: въ понедѣльникъ—Евангеліе отъ Матѳея, во вторникъ — отъ Марка, въ среду — отъ Луки, въ четвергъ — отъ Іоанна, въ остальные дни—Дѣянія и посланія св. Апостоловъ. Въ сѣняхъ, сквозь дверь, иногда слышно было, какъ онъ, читая, толковалъ про себя Евангеліе и Дѣянія св. Апостолъ. Дѣянія св. Апостолъ онъ толковалъ вслухъ, довольно продолжительное время. Многіе приходили и слушали его слово въ сладость, утѣшеніе и назиданіе. Иной же разъ онъ сидѣлъ надъ книгой, не перебирая листовъ, будучи весь погруженъ въ созерцаніе чистой возвышенной мысли Св. Духа. Ни одинъ органъ тѣла его не шевелился: очи неподвижно устремлены были на одинъ предметъ.

Совершенное самоуглубленіе о. Серафима въ истины Евангельскія, конечно, не осталось не облагодатствованнымъ свыше. Важнѣйшимъ свидѣтельствомъ этого служитъ то, что онъ удостоился непостижимаго восхищенія въ небесныя обители, подобно Апостолу Павлу и св. Андрею Христа ради юродивому, которые вознесены были до третьяго неба, и подобно Варсонофію Преподобному.

Объ этомъ, непонятномъ для простого человѣческаго смысла видѣніи, или откровеніи, послушникъ Іоаннъ Тихоновъ (позднѣе іеромонахъ Іоасафъ) разсказываетъ такъ: „однажды, уже по выходѣ отца Серафима изъ затвора, посѣтилъ меня одинъ боголюбивый братъ, съ которымъ мы обыкновенно дѣлились всякою радостію и утѣшительнымъ словомъ, слышаннымъ отъ отца Серафима, въ общее наше назиданіе. Между прочими разговорами, вдругъ онъ спросилъ меня: открылъ-ли мнѣ Отецъ Серафимъ о той великой тайнѣ, какъ онъ сподобился быть восхищеннымъ въ небесныя обители? Я отвѣчалъ ему, что ничего не слыхалъ объ этой великой милости Божіей, а самъ между тѣмъ скорбѣлъ сердечно, отъ чего и мнѣ Старецъ не открылъ объ этой великой тайнѣ. Сколько я ни разспрашивалъ брата о томъ,

чтобы онъ разсказалъ мнѣ что нибудь изъ слышаннаго отъ отца Серафима; но при всемъ его желаніи, онъ ничего не могъ сообщить вразумительно моему понятію.

И такъ, проводивши брата и съ нетерпѣніемъ дождавшись вечерняго времени, я отправился по обыкновенію, часу въ шестомъ, къ отцу Серафиму, съ намѣреніемъ умолить его о томъ, чтобы онъ самъ усладилъ мою душу разсказомъ, о полученной имъ великой милости Божіей. Старецъ при моемъ приходѣ встрѣтилъ меня, какъ отецъ чадолюбивый и, вслѣдъ за мною, заперъ на крючекъ двери.

Когда мы сѣли другъ противъ друга и я уже хотѣлъ молить его о томъ, чтобы онъ повѣдалъ мнѣ свою великую тайну, какъ онъ въ ту же минуту заградилъ мои уста своею рукою, и первое его слово было: „огради себя молчаніемъ.“

И тутъ же онъ началъ раскрывать предо мною исторію Пророковъ, Апостоловъ. Св. Отецъ и Мучениковъ со свойственною простотою. Онъ говорилъ, что всѣ Святые, которыхъ прославляетъ Церковь Христова, оставили намъ, по своемъ успѣніи, жизнь свою, какъ примѣръ для подражанія и что всѣ они были намъ подобострастны, но исполненіемъ въ точности отъ всей души заповѣдей Христовыхъ, достигли совершенства и спасенія, обрѣли благодать, сподобились разнообразныхъ даровъ Духа Святаго и наслѣдовали Царство Небесное, а предъ нимъ вся слава міра сего, какъ ничто, всѣ наслажденія мірскія и тѣни не имѣютъ того, что уготовано любящимъ Бога въ небесныхъ обителяхъ; тамъ вѣчная радость и торжество.

Для того же, чтобы дать духу нашему свободу возноситься туда и питаться отъ сладчайшей бесѣды съ Господомъ, нужно смирять себя непрестаннымъ бдѣніемъ, молитвою и памятованіемъ Господа.

„Вотъ, я, убогій Серафимъ, для сего прохожу Евангеліе ежедневно. Въ понедѣльникъ читаю отъ Матѳея отъ начала до конца, во Вторникъ отъ Марка, въ Среду отъ Луки, въ четвергъ отъ Іоанна; въ послѣдніе же дни раздѣляю Дѣянія и Посланія Апостольскія и ни одного дня не пропускаю, чтобы не прочитать Евангелія и Апостола дневнаго и святому. Чрезъ это не только душа моя, но и самое тѣло услаждается и оживотворяется, отъ того что я бесѣдую съ Господомъ, содержу въ памяти моей жизнь и страданія Его, день и ночь славословлю,

хвалю и благодарю Искупителя моего за всѣ Его милости, изливаемыя къ роду человѣческому и ко мнѣ недостойному."

Послѣ этого Старецъ снова сказалъ мнѣ: „радость моя! молю тебя, стяжи мирный духъ и тогда тысячи душъ спасутся около тебя." И это повторилъ еще два раза.

Вслѣдъ за тѣмъ, въ неизобразимой радости, съ усиленіемъ голоса, Старецъ сказалъ: „вотъ, я тебѣ скажу объ убогомъ Серафимѣ," и потомъ, понизя свой голосъ, продолжалъ: „я усладился словомъ Господа моего Іисуса Христа, гдѣ Онъ говорилъ: въ дому Отца Моего обители многи суть, т. е. для тѣхъ, которые служатъ Ему и прославляютъ Его святое Имя. На этихъ словахъ Христа Спасителя, я убогій, остановился и возжелалъ видѣть оныя небесныя обители и Господь не лишилъ меня убогаго Своей милости, Онъ исполнилъ мое желаніе и прошеніе: вотъ я и былъ восхищенъ въ эти небесныя обители; только незнаю, съ тѣломъ или кромѣ тѣла, Богъ вѣсть, это непостижимо. А о той радости и сладости небесной, которую я тамъ вкушалъ, сказать тебѣ не возможно." И съ сими словами отецъ Серафимъ замолчалъ. Въ это время онъ склонился нѣсколько впередъ, голова его съ закрытыми взорами поникла долу и простертою дланью правой руки онъ совершенно тихо и одинаково водилъ противъ сердца. Лице его постепенно измѣнялось и издавало чудный свѣтъ и наконецъ до того просвѣтилось, что не возможно было смотрѣть на него; на устахъ же и во всемъ выраженіи его была такая радость и восторгъ небесный, что по истинѣ можно было назвать его въ это время земнымъ Ангеломъ и небеснымъ человѣкомъ. Во все время таинственнаго своего молчанія, онъ какъ будто созерцалъ что-то съ умиленіемъ и слушалъ что-то съ изумленіемъ. Но чѣмъ именно восхищалась и наслаждалась душа праведника, знаетъ одинъ Богъ.

Праведникъ Божій, по немощи человѣческаго языка, не могъ словами объяснить дивнаго восхищенія своего въ небесныя обители, за то показалъ мнѣ чуднымъ свѣтомъ своего лица и таинственнымъ своимъ молчаніемъ. А я хотя и былъ самовидцемъ этого дивнаго событія, но всегда скажу одно и тоже, что Богъ вѣсть, какъ все это совершилось.

Послѣ довольно продолжительнаго молчанія, около получаса, по моему мнѣнію, отецъ Серафимъ снова заговорилъ и въ

самыхъ радостныхъ чувствахъ, вздохнувъ, съ умиленіемъ голоса сказалъ: „ахъ, если бы ты зналъ, возлюбленнѣйшій мой отецъ Іоаннъ, какая радость, какая сладость ожидаютъ душу праведнаго на небеси, то ты рѣшился-бы во временной жизни переносить всякія скорби, гоненія и клевету съ благодареніемъ и если-бы самая эта келья наша (при этомъ онъ указалъ на свою келью) была полна червей и если-бы эти черви ѣли плоть нашу во всю временную жизнь, то со всякимъ желаніемъ надобно-бы на это согласиться, чтобы только не лишиться той небесной радости, какую уготовалъ Богъ любящимъ Его. Тамъ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія; тамъ сладость и радость неизглаголанныя; тамъ праведники просвѣтятся, какъ солнце. Но если той небесной славы и радости не могъ изъяснить и самъ Батюшка Св. Апостолъ Павелъ (2 Коринѳ. 12, 4), то какой-же другой языкъ человѣческій можетъ изъяснить красоту горняго селенія, въ которомъ водворятся праведныхъ души?“

Помолчавъ еще немного, началъ онъ говорить о вѣчныхъ мученіяхъ грѣшниковъ.

„Страшно читать слова Спасителя, гдѣ Онъ творитъ праведный судъ свой нераскаяннымъ грѣшникамъ: идутъ сіи въ муку вѣчную (Мѳ. 25, 46) идеже червь ихъ не умираетъ и огня не угасаетъ (Мр. 9, 46—48), ту будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ (Мѳ. 8, 12). Если этихъ мученій боится и трепещетъ самъ сатана, то въ какомъ состояніи, въ какомъ ужасѣ будутъ нераскаянныя грѣшники? И аще праведникъ едва спасется, нечестивый и грѣшный гдѣ явится (1 Петр. 4, 18)?

Тѣмъ, которые заглушали свою совѣсть и ходили въ похотяхъ сердецъ своихъ, тамъ въ ожидающемъ ихъ адѣ, нѣтъ никакого помилованія. Нѣтъ тамъ милости не сотворшимъ здѣсь милости. Они услышатъ тогда Евангельскія слова: *помяни, чадо, яко воспріялъ еси благая въ животѣ твоемъ* (Лук. 16, 25). Въ здѣшней, временной жизни еще можетъ виновникъ какъ нибудь отговориться отъ наказаній чрезъ случай или друзей; а тамъ одно, изъ двухъ: или придите или отъидите! Уста Божіи, какъ мечъ обоюду острый, въ тотъ страшный мигъ рѣшатъ все и уже не будетъ возврата. Праведники наслѣдуютъ обители небесныя, а грѣшники идутъ въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его.“

При концѣ бесѣды старецъ какъ бы совсѣмъ забылъ о томъ невыразимо сладкомъ состояніи своего духа, когда онъ говорилъ о восхищеніи въ небесныя обители. Онъ сознавалъ теперь только слабость естества своего и называлъ себя первымъ грѣшникомъ. Наконецъ, давши мнѣ отеческое благословеніе, онъ отпустилъ меня въ мою келью съ миромъ (Сказанія о подвигахъ и событ. жизни старца Серафима Изд. 3. С.-П.-Б. 1877 г. стр. 47—54).

Въ теченіи всѣхъ лѣтъ затвора старецъ во всѣ воскресные и праздничные дни причащался св. Тѣла и Крови Христовой. Для сохраненія во всей чистотѣ затвора и молчальничества, пренебесныя Тайны, по благословенію строителя Нифонта, приносили ему изъ больничной церкви въ келлію послѣ ранней литургіи.

Чтобы никогда не забывать о часѣ смертномъ, чтобы яснѣе представить и ближе видѣть его предъ собою, о. Серафимъ упросилъ сдѣлать для себя гробъ и поставить его въ сѣняхъ затворнической келліи. По его желанію, гробъ былъ приготовленъ; его выдолбили, а также и крышку къ нему отъ цѣльнаго дуба, и онъ, некрашенный, всегда стоялъ въ сѣняхъ. Здѣсь старецъ часто молился, готовясь къ исходу отъ настоящей жизни. О. Серафимъ, въ бесѣдахъ съ Саровскими братіями, часто говорилъ на счетъ этого гроба: „когда я умру, умоляю васъ, братія, положите меня въ моемъ гробѣ.“

Изъ сокровенныхъ подвиговъ этого времени нечаянно сдѣлался извѣстенъ одинъ, въ которомъ съ духовнымъ дѣланіемъ старецъ соединялъ тѣлесный трудъ, освѣжая грудь свою чистымъ воздухомъ. Это открылъ случайно братъ, исполнявшій въ монастырѣ послушаніе будильщика. Однажды утромъ, вставши ранѣе обыкновеннаго, послушникъ Іоаннъ Тихоновъ (впослѣдствіи іеромонахъ Іоасафъ, Павло-Обнорскаго монастыря Игуменъ), отправился на кладбище близь соборнаго храма, гдѣ почиваютъ достоблаженные и приснопамятные пустынники. Находясь среди памятниковъ, братъ примѣтилъ у келліи о. Серафима человѣка, который двигался быстро взадъ и впередъ. Воображеніе инока встрепенулось. Онъ оградилъ себя крестнымъ знаменіемъ и съ молитвою сталъ всматриваться въ ночное видѣніе. Оказалось, это былъ самъ подвижникъ, старецъ Серафимъ. Читая чуть слышно молитву Іисусову, онъ перено-

силъ тихонько небольшую полѣнницу дровъ съ одного на другое ближайшее къ келліи мѣсто. Обрадованный видѣніемъ затворника, который давно никому не являлся, будильщикъ бросился къ нему въ ноги и, цѣлуя ихъ, просилъ его благослоненія. Старецъ благословивъ его, сказалъ: „оградись молчаніемъ и внимай себѣ.“

Старецъ провелъ въ затворѣ около пяти лѣтъ, потомъ нѣсколько ослабилъ внѣшній видъ его. Келейная дверь у него была открыта: всякій могъ придти къ нему, видѣть его: старецъ не стѣснялся присутствіемъ другихъ въ своихъ духовныхъ занятіяхъ. Нѣкоторые, вступивъ въ келлію, предлагали разные вопросы, имѣя нужду въ совѣтахъ и наставленіяхъ старца; но, принявши на себя обѣтъ молчанія предъ Богомъ, старецъ на вопросы не давалъ отвѣтовъ, продолжая обычныя занятія.

Тамбовскіе архіереи, любя Саровскую пустынь, съ усердіемъ посѣщаютъ ее, обыкновенно черезъ годъ въ августѣ мѣсяцѣ на храмовой праздникъ Успенія Богородицы. Въ одно изъ такихъ посѣщеній епископъ Іона (впослѣдствіи экзархъ Грузіи), желая видѣть о. Серафима, пришелъ было къ его келліи; но старецъ, твердо исполняя свои обѣты предъ Богомъ и опасаясь человѣкоугодничества, не нарушилъ своего молчанія и затвора. О. Серафимъ въ настоящемъ обстоятельствѣ могъ руководствоваться еще примѣромъ Арсенія великаго, которому подражалъ въ подвигахъ затвора и молчанія. Ѳеофилъ, архіепископъ Александрійскій, желая придти къ Арсенію, послалъ напередъ узнать, отворитъ ли онъ ему двери? Арсеній отвѣчалъ: „если для тебя отворю, то и для всѣхъ отворю.“ Ѳеофилъ сказалъ: „лучше мнѣ не ходить къ нему.“ Такъ и о. Серафиму еще не наступило время—хотя и недалеко уже оно было — оставить затворъ. Игуменъ Нифонтъ предлагалъ было снять двери съ крюковъ, думая, вѣроятно, не отошелъ ли старецъ уже ко Господу; но преосвященный Іона не согласился на это, говоря: „какъ бы не погрѣшить намъ!“ Оставивъ старца, онъ удалился въ миръ изъ обители. Черезъ недѣлю послѣ этого случая прибылъ въ Саровъ тогдашній Тамбовскій губернаторъ Александръ Михайловичъ Безобразовъ: съ нимъ была жена его, и оба они пожелали принять благословеніе о. Серафима. Въ это время, видно, окончился срокъ строгаго затворничества и молчанія, положенный на сердцѣ о. Серафимомъ. Когда губер-

наторъ съ женою подошли къ келліи, старецъ самъ отворилъ первымъ имъ двери своего затвора и благословилъ ихъ. Это было осенью въ 1815 г. Съ этого времени начали приходить къ нему многіе изъ братіи, съ которыми онъ сталъ уже вступать въ бесѣду.

Такъ изъ братіи нерѣдко бывалъ у о. Серафима инокъ Гавріилъ. Вступивши въ обитель, онъ два года не видалъ о. Серафима и послѣ очень жалѣлъ объ этомъ; но когда пришелъ къ о. Серафиму, старецъ съ перваго же раза привлекъ къ себѣ его сердце. Съ своей стороны и Гавріилъ полюбился старцу; ибо онъ имѣлъ сердце чистое, прямое, со всѣми обращался какъ предъ Богомъ, удаляясь всякой скрытности. Послѣ сего этотъ Гавріилъ пять лѣтъ находился подъ руководствомъ чуднаго старца, переживъ въ обители и его кончину. Если что смущало молодого инока, располагало къ искушеніямъ, онъ шелъ къ старцу Серафиму, тревожимый страхомъ, но послѣ бесѣды съ нимъ возвращался въ свою келлію въ мирѣ и восхищеніи духовномъ. И во всемъ простосердечный Гавріилъ поступалъ такъ, какъ руководствовалъ его батюшка о. Серафимъ. Много сказано было ему на пользу впередъ. Не скрылъ батюшка Серафимъ и того, какъ много горестнаго предстоитъ молодому иноку на пути жизни. По переселеніи о. Серафима въ вѣчность, Гавріилъ съ восхищеніемъ вспоминалъ о его жизни и своихъ бесѣдахъ съ нимъ, и съ глубокою горестію говорилъ о важности сей потери для него. Въ отраду же сердца и жизни онъ взялъ и всегда имѣлъ при себѣ портретъ старца Серафима.

Здѣсь можно представить въ общихъ чертахъ тѣ наставленія, какія дѣлалъ старецъ приходящимъ къ нему инокамъ Саровской обители. Все было направлено къ утвержденію ихъ въ соблюденіи правилъ иночества. Онъ внушалъ братіи совершать церковное богослуженіе неопустительно по церковному уставу, и присутствуя въ храмѣ, самъ слѣдилъ за этимъ дѣломъ, совѣтовалъ всѣмъ ходить на церковныя службы, на молитвѣ въ церкви стоять съ закрытыми очами, во внутреннемъ вниманіи; открывать же развѣ тогда, какъ уныешь или сонъ отягощать станетъ; обращать въ такомъ случаѣ глаза на образъ или на горящую свѣчу! Развивая эту мысль подробнѣе, о. Серафимъ училъ такъ: „на жизнь нашу смотрѣть надобно какъ на свѣчу, дѣлаемую, обыкновенно, изъ воска и свѣтильни, и

горящую огнемъ. Воскъ—это наша вѣра, свѣтильня—надежда, а огонь — любовь, которая все соединяетъ вмѣстѣ, и вѣру и надежду, подобно тому, какъ воскъ и свѣтильня горятъ вмѣстѣ при дѣйствіи огня. Свѣча дурного качества издаетъ смрадъ при горѣніи своемъ и угасая—такъ смрадна въ духовномъ смыслѣ и жизнь грѣшника предъ Богомъ. А потому, глядя на горящую свѣчу, особенно когда стоимъ въ Божіемъ храмѣ, да вспоминаемъ начало, теченіе и конецъ нашей жизни; ибо какъ таетъ свѣча зажженная предъ ликомъ Божіимъ, такъ, съ каждою минутою, умаляется и жизнь наша, приближая насъ къ концу. Эта мысль поможетъ намъ менѣе развлекаться въ храмѣ, усерднѣе молиться и стараться, чтобъ жизнь наша предъ Богомъ похожа была на свѣчу изъ чистаго воска, неиздающаго смрада.“ Обращаясь далѣе къ общему перечню предметовъ, замѣтимъ, что о. Серафимъ внушалъ непрестанно заниматься умною молитвою, каждому проходить неопустительно и усердно свое послушаніе, не вкушать пищи до времени, опредѣленнаго уставомъ; за трапезу непремѣнно ходить, хотя бы и не хотѣлъ кто кушать, чтобы отсутствіемъ не соблазнялъ братіи; за трапезою сидѣть съ благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ, съ благодарностію вкушать предлагаемое; безъ уважительной причины и благословенія не выходить за ворота монастыря, а тѣмъ болѣе не покидать совсѣмъ иноческаго пути, удерживаться отъ своеволія, гибельныя послѣдствія котораго неисчислимы; терпѣливо сносить всѣ искушенія для спасенія души (Мѳ. 10, 22), хранить взаимный миръ. Богъ обитаетъ только въ жилищѣ мира, какъ сказано *въ мирѣ мѣсто Его* (Псал. 75, 3).

Настоятель Саровской обители, игуменъ Серафимъ *), въ 1824—1826 годахъ исправлялъ въ больничной церкви пономарскую должность. На его послушаніи лежало ежедневно, послѣ, каждой литургіи, носить къ о. Серафиму часть св. антидора, собственно для него отдѣляемую. Затворникъ иногда самъ принималъ этотъ даръ, а иногда не являлся къ принесшему брату. Послѣдній полагалъ въ такомъ случаѣ часть антидора въ чистую сумочку, для сего повѣшенную у двери, и, сотворивъ молитву, якоже обычно, удалялся восвояси. Изъ больничной же

---

*) Скончался 5 октября 1878 г.

церкви по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ ему носили въ келлію св. Дары для причащенія.

Вскорѣ послѣ того, какъ старецъ открылъ братіи дверь своей келліи, нѣкоторые посѣтители убѣдительно просили его принимать къ себѣ и мірянъ. Тогда, по его изволенію, къ нему начали ходить уже посторонніе. Теперь жизнь старца приняла новое христіански-общественное направленіе. До сихъ поръ онъ видимо заботился объ одномъ себѣ и о спасеніи души своей. Дѣятельность его о ближнихъ исключительно состояла въ моленіи о всемъ мірѣ, о живыхъ и усопшихъ православныхъ христіанахъ. По свойству пустынножительства и затвора, практическая польза и руководство ближнихъ еще не входили въ разрядъ его дѣйствій. До сихъ поръ, духовно работая надъ собою, онъ только готовился выдти на поле общественнаго служенія. Теперь настало такое время, съ котораго о. Серафимъ, ставши въ духовной жизни выше множества христіанъ и чувствуя подкрѣпленіе со стороны благодати Божіей, посвятилъ себя подвигамъ вѣры и душеспасительнаго назиданія и руководства ближнихъ.

Старецъ принималъ къ себѣ всѣхъ охотно, давалъ благословеніе, и каждому, смотря по душевнымъ потребностямъ, дѣлалъ различнаго рода краткія наставленія. Двери его келліи открыты были для всѣхъ отъ ранней литургіи до 8 часовъ вечера. Приходящихъ старецъ принималъ такъ: онъ одѣтъ былъ въ обыкновенный бѣлый балахонъ и полумантію; на шеѣ имѣлъ епитрахиль (священническая одежда) и на рукахъ поручи. Епитрахиль и поручи онъ носилъ на себѣ не всегда при пріемѣ посѣтителей, а въ тѣ лишь дни, когда причащался св. Таинъ, слѣдовательно по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Въ комъ видѣлъ онъ искреннее раскаяніе во грѣхахъ, кто являлъ въ себѣ горячее усердіе къ христіанскому житію, тѣхъ принималъ съ особеннымъ усердіемъ и радостію. Послѣ бесѣды съ ними, онъ, заставивъ ихъ наклонить голову, возлагалъ на нее конецъ епитрахили и правую руку свою, предлагая произносить за собою слѣдующую покаянную молитву: *„согрѣшилъ я, Господи, согрѣшилъ душею и тѣломъ, словомъ, дѣломъ, умомъ и помышленіемъ и всѣми моими чувствами: зрѣніемъ, слухомъ, обоняніемъ, вкусомъ, осязаніемъ, волею или неволею, вѣдѣніемъ или невѣдѣніемъ.“* Самъ затѣмъ произносилъ молитву разрѣшенія отъ грѣховъ:

„Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, благодатію и щедротами человѣколюбія Своего, да проститъ ти, чадо (имя его), *вся согрѣшенія твоя: и азъ, недостойный іеромонахъ Серафимъ, властію Его мнѣ данною, прощаю и разрѣшаю тя отъ всѣхъ грѣховъ твоихъ, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь.“* При послѣднихъ словахъ онъ благословлялъ наклоненную голову пришедшаго. Старецъ дѣлалъ это по обычаю, доселѣ существующему на Востокѣ между священными, т. е. имѣющими степень священства аввами. Получившіе разрѣшеніе чувствовали облегченіе совѣсти и вкушали, несродное земнымъ благамъ, духовное удовольствіе. По окончаніи такого дѣйствія, онъ помазывалъ крестообразно чело пришедшаго елеемъ отъ св. иконы, и если это было ранѣе полудня, слѣдовательно до принятія пищи, давалъ вкушать изъ чаши *великой агіасмы*, т. е. св. богоявленской воды, благословлялъ частицею антидора, либо св. хлѣба, освящаемаго на всенощномъ богослуженіи. Потомъ, цѣлуя пришедшаго въ уста, говорилъ во всякое время: *Христосъ воскресе* и давалъ прикладываться къ образу Божіей Матери или ко кресту, висѣвшему у него на груди. Иногда же, особенно знатнымъ особамъ, онъ совѣтовалъ зайти въ храмъ помолиться Матери Божіей предъ св. иконою Ея успенія или Живоноснаго источника.

Если пришедшій не имѣлъ нужды въ особенныхъ наставленіяхъ, то старецъ дѣлалъ общехристіанское назиданіе. Въ особенности онъ совѣтовалъ всегда имѣть память о Богѣ и для сего непрестанно призывать въ сердцѣ имя Божіе, повторяя молитву Іисусову: *Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго.* „Въ этомъ да будетъ—говорилъ онъ—все твое вниманіе и обученіе! Ходя и сидя, дѣлая и въ церкви до начала богослуженія стоя, входя и исходя, сіе непрестанно содержи на устахъ и въ сердцѣ твоемъ. Съ призываніемъ, такимъ образомъ, имени Божія, ты найдешь покой, достигнешь чистоты духовной и тѣлесной и вселится въ тебя св. Духъ, источникъ всѣхъ благъ, и управитъ Онъ тебя во святынѣ, во всякомъ благочестіи и чистотѣ.“

Другое изъ частыхъ наставленій отца Серафима было сіе: „ради будущаго блаженства стяжите цѣломудріе, храните дѣвство. Дѣва, хранящая свое дѣвство ради любви Христовой, имать честь со Ангелами и есть невѣста Христу: Христосъ есть женихъ ей, вводящій ю въ свой чертогъ небесный. Всякая че-

ловѣческая душа есть дѣва; душа же, во грѣхахъ пребывающая, вдова нерадивая, въ сластолюбіи за живо умершая".

Многіе, приходя къ о. Серафиму, жаловались, что они мало молятся Богу, даже оставляютъ необходимыя дневныя молитвы. Иные говорили, что дѣлаютъ это по безграмотству, другіе-по недосугу. О. Серафимъ завѣщалъ такимъ людямъ слѣдующее молитвенное правило:

„Вставши отъ сна, всякій христіанинъ, ставъ предъ св. иконами, пусть прочитаетъ молитву Господню: *Отче нашъ* трижды; въ честь Пресв. Троицы, потомъ пѣснь Богородицѣ: *Богородице дѣво радуйся*—также трижды, и наконецъ символъ вѣры: *Вѣрую во единаго Бога*—единожды.

„Совершивъ это правило, всякій христіанинъ пусть занимается своимъ дѣломъ, на которое поставленъ или призванъ, Во время же работы дома, или на пути куда-нибудь, пусть читаетъ тихо: *Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго или грѣшную; а* если окружаютъ его другіе, то, занимаясь дѣломъ, пусть говоритъ умомъ только это *Господи помилуй* и продолжай до обѣда.

„Предъ самымъ же обѣдомъ пусть совершаетъ вышепоказанное утреннее правило.

„Послѣ обѣда, исполняя свое дѣло, всякій христіанинъ пусть читаетъ также тихо: *Пресвятая Богородице спаси мя грѣшнаго*, и это пусть продолжаетъ до самаго сна.

„Когда случится ему проводить время въ уединеніи, то пусть читаетъ онъ: *Господи Іисусе Христе, Богородицею помилуй мя грѣшнаго. или грѣшную.*"

„Отходя же ко сну, всякій христіанинъ пусть опять прочитаетъ вышепоказанное утреннее правило, т. е. трижды *Отче нашъ*, трижды *Богородице* и однажды *Символъ вѣры*. Послѣ того пусть засыпаетъ, оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ.

Относительно достоинства этого малаго правила о. Серафимъ, толковалъ, что, „держась его, можно достигнуть мѣры христіанскаго совершенства; ибо означенныя три молитвы—основаніе христіанства: первая—какъ молитва, данная самимъ Господомъ, есть образецъ всѣхъ молитвъ; вторая—принесена съ неба Архангеломъ въ привѣтствіе Дѣвѣ Маріи, Матери Господа. Символъ же вкратцѣ содержитъ въ себѣ всѣ спасительные догматы Христіанской вѣры." .

Если кому невозможно выполнить, какъ бы слѣдовало, и этого малаго правила по обстоятельствамъ благословнымъ, то старецъ совѣтовалъ читать его во всякомъ положеніи: и во время занятій, и на ходьбѣ, и даже на постели, помня слова Господа: всякій, кто только призываетъ имя Господне, *спасется* (Іоил. 2, 32; Римл. 10, 13).

А кто располагаетъ временемъ больше, чѣмъ какое требуется на это правило и, въ добавокъ, онъ человѣкъ грамотный, тотъ пусть къ этому присоединитъ и другія душеполезныя молитвословія и чтенія, какъ-то: чтеніе нѣсколькихъ зачалъ изъ св. Евангелія и Апостоловъ, чтеніе каноновъ, акаѳистовъ, псалмовъ, и разныхъ другихъ молитвъ. Читая же, пусть благодаритъ онъ Господа со всякимъ смиреніемъ и за то, что имѣлъ время принести Ему въ жертву и еще нѣчто изъ священныхъ плодовъ. Такимъ путемъ христіанинъ мало по малу можетъ подниматься на верхъ христіанскихъ добродѣтелей.

Въ качествѣ посѣтителей къ нему являлись и знатные государственные люди. О. Серафимъ относился къ нимъ съ должною честію и съ христіанскою любовію и, бесѣдуя съ ними въ такомъ духѣ, обращалъ вниманіе на важность ихъ сана, поучая ихъ отсюда быть вѣрными св. Православной церкви, своему природному государю и отечеству. Указывая на знаки отличія, украшающіе грудь ихъ, онъ напоминалъ имъ о Христѣ Іисусѣ, ради спасенія нашего распятомъ на крестѣ, и говорилъ, что знаки сіи должны служить имъ живою проповѣдію о ихъ обязанности: быть всегда готовыми жертвовать всѣмъ, даже, если нужно, самою жизнію для блага родины и Церкви. Болѣе же всего, по нуждамъ того времени, онъ умолялъ ихъ охранять великую, святую, православную, каѳолическую Церковь, сильно колеблемую и внѣшними бѣдствіями и суетными мудрованіями вѣка. „Этого—говорилъ онъ—ждетъ отъ васъ народъ русскій, къ тому должна побуждать васъ совѣсть, для сего избралъ васъ и возвеличилъ государь, къ этому обязываетъ св. Церковь и Самъ Господь Богъ, ея основатель и хранитель.“ Великій князь Михаилъ Павловичъ, посѣтивъ (инкогнито) Саровскую обитель, въ проѣздѣ черезъ Тамбовъ и Пензу, также заходилъ къ старцу Серафиму и принялъ отъ него благословеніе.

Еще гораздо болѣе являлось къ нему простыхъ людей, которые требовали не однихъ совѣтовъ, но подчасъ и помощи.

Такъ однажды прибѣжалъ въ обитель простой крестьянинъ съ шапкою въ рукѣ, съ растрепанными волосами, спрашивая, въ отчаяніи, у перваго встрѣчнаго инока: „батюшка! ты, что ли, о. Серафимъ?“ Ему указали о. Серафима. Бросившись туда онъ упалъ къ нему въ ноги и убѣдительно говорилъ: „батюшка! у меня украли лошадь, и я теперь безъ нея совсѣмъ нищій; не знаю чѣмъ кормить буду семью. А говорятъ, ты угадываешь.“ О. Серафимъ, ласково взявъ его за голову и приложивъ къ своей, сказалъ: „огради себя молчаніемъ и поспѣши въ *такое-то* (онъ назвалъ его) село. Когда будешь подходить къ нему, свороти съ дороги вправо и пройди задами четыре дома: тамъ ты увидишь калиточку; войди въ нее, отвяжи свою лошадь отъ колоды и выведи молча.“ Крестьянинъ тотчасъ съ вѣрою и радостію побѣжалъ обратно, нигдѣ не останавливаясь. Послѣ въ Саровѣ былъ слухъ, что онъ дѣйствительно отыскалъ лошадь въ показанномъ мѣстѣ.

Другой, подобный сему, случай разсказывалъ о. Павелъ, инокъ Саровскій.

„Однажды привелъ я—говорилъ онъ—къ о. Серафиму молодого крестьянина съ уздою въ рукахъ, плакавшаго о потерѣ своихъ лошадей, и оставилъ ихъ однихъ. Чрезъ нѣсколько же времени, встрѣтивъ опять этого крестьянина, я спросилъ у него: „ну, что? отыскалъ ли ты своихъ лошадей?“

„Какъ же, батюшка, отыскалъ—отвѣчалъ крестьянинъ.

„Гдѣ и какъ?“ спросилъ я еще его.

А онъ отвѣчалъ: „о. Серафимъ сказалъ мнѣ, чтобы я шелъ на торгъ и тамъ увижу ихъ. Я и вышелъ, и какъ разъ увидалъ и взялъ къ себѣ моихъ лошадокъ.“

Жена управляющаго селомъ Елизарьевымъ, находящимся въ Ардатовскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи, А. И. Моляева разсказывала слѣдующій случай прозорливости о. Серафима, принадлежащій настоящему времени:

Мужъ мой Николай Кириловичъ Моляевъ, лишившись мѣста управляющаго въ селѣ Елизарьевѣ, вскорѣ получилъ такое же мѣсто въ селѣ Череватовѣ, Ардатовскаго же уѣзда, и здѣсь жестоко занемогъ; это было въ 1822 году. Зная мою преданность къ о. Серафиму и его ко мнѣ благоволеніе, онъ послалъ меня къ нему попросить его св. молитвъ и благословенія, и спросить: можетъ ли онъ надѣяться на выздоровленіе или нѣтъ?

Я отправилась въ Саровъ и, по прибытіи моемъ туда, нашла, что о. Серафимъ затворился и никого къ себѣ не принималъ. Не смотря на то, я пробралась, сквозь множество народа, ожидавшаго выхода о. Серафима, къ его кельѣ; и вдругъ старецъ Божій, какъ бы провидя мою крайнюю нужду видѣть его, показался въ дверяхъ своей кельи и, не обращая вниманія на остальный народъ, обратился ко мнѣ и сказалъ: „дочь Агрипина, подойди ко мнѣ скорѣе, потому что тебѣ нужно поспѣшить домой.“ Когда я подошла къ нему, онъ, предупреждая слова мои, далъ мнѣ св. воды, антидора, краснаго вина и нѣсколько сухарей и сказалъ: „вотъ, скорѣе вези это къ своему мужу.“ Потомъ, взявъ мою руку, онъ положилъ ее къ себѣ на плечо и давъ осязать бывшій на немъ большой желѣзный крестъ, сказалъ: „вотъ, дочь моя, сперва мнѣ было тяжело носить это, но нынѣ весьма пріятно. Спѣши же теперь и помни мою тяжесть. Прощай.“ Съ сими словами онъ благословилъ меня и ушелъ опять въ свою келью, гдѣ снова затворился и никого къ себѣ не принималъ.

„По пріѣздѣ домой, я нашла своего мужа при послѣднихъ минутахъ жизни; у него уже отнялся языкъ. Тогда я вспомнила о крестѣ старца и поняла, что онъ предсказывалъ мнѣ о траурѣ. Едва дала я, по приказанію о. Серафима, больному краснаго вина съ антидоромъ, и потомъ св. воды—больной снова заговорилъ и сказалъ: „прости меня, св. отецъ въ послѣдній разъ получаю отъ тебя благословеніе.“ Послѣ этихъ словъ онъ благословилъ еще дѣтей нашихъ, простился со мною и сказалъ: „велики дѣла о. Серафима!“ легъ снова и мирно отошелъ къ Господу.“

Въ это же время снискалъ довѣріе о. Серафима помѣщикъ села Нучъ, стоящаго въ 6-ти верстахъ отъ г. Ардатова, Михаилъ Васильевичъ Мантуровъ, съ именемъ котораго связаны обстоятельства происхожденія Серафимо-Дивѣевской общины. Находясь въ Лифляндіи по обязанности военной службы, онъ впалъ въ болѣзнь, свойства которой затруднялись опредѣлить лучшіе врачи, а потому отступились и отъ ея леченія. Такія скорбныя обстоятельства вынудили его оставить службы и поселиться въ имѣніи. Село Нучъ находилось отъ Сарова на разстояніи 40 верстъ. О. Серафимъ въ то время уже проявлялъ въ себѣ присутствіе дара исцѣленій; слухъ объ этомъ ходилъ

по всѣмъ окрестностямъ Сарова; стали совѣтовать Михаилу Васильевичу побывать у Саровскаго подвижника. Манторовъ рѣшился просить молитвъ старца о своемъ исцѣленіи, и былъ принесенъ къ нему на рукахъ своими людьми. Увидѣвъ его въ такомъ положеніи, старецъ Серафимъ сперва трижды спросилъ: „вѣруешь ли ты не сомнѣнно въ Бога?“ На каждый вопросъ Михаилъ Васильевичъ отвѣчалъ утвердительно: „несомнѣнно вѣрую.“ Потомъ о. Серафимъ, взявши елея изъ лампады, висѣвшей предъ образомъ Божіей Матери умиленія, которую онъ называлъ иконою Божіей Матери *радости всѣхъ радостей*, помазалъ больныя мѣста—всѣ струпья, покрывавшіе тѣло, тутъ же мгновенно отпали. Михаилъ Васильевичъ, получивши здоровье безъ помощи другихъ вышелъ изъ келліи о. Серафима. Памятуя всегда объ этомъ благодѣяніи, Михаилъ Васильевичъ Манторовъ весьма часто бывалъ въ Саровѣ для посѣщенія о. Серафима, къ которому привязанъ былъ всею душею. Замѣтимъ—это было въ 1823 году.

Княгиня А. Колончакова разсказывала о прозорливости о. Серафима слѣдующее обстоятельство. 1824 года, 14-го сентября я удостоилась быть у о. Серафима и получить отъ него благословеніе. Я пришла къ нему съ тою цѣлію, чтобы спросить у него о своемъ братѣ, бывшемъ въ носнной службѣ и неувѣдомлявшемъ насъ о себѣ около 4-хъ лѣтъ. Еще не успѣла я сказать ни слова о своемъ намѣреніи, какъ старецъ, предупреждая слова мои, сказалъ: „ты много не огорчайся: во всякомъ родѣ бываетъ трауръ.“ Когда же начала я говорить ему о своемъ братѣ, онъ отвѣчалъ мнѣ: „объ этомъ то не могу не сказать, чтобы ты его поминала за упокой.“ Прозорливость его дѣйствительно оправдалась: чрезъ три мѣсяца послѣ нашего разговора я получила извѣстіе изъ того полка, гдѣ служилъ братъ мой, что его уже нѣтъ на свѣтѣ.

Другой случай прозорливости повѣдала нѣкая госпожа Н. Н.

„Въ 1825 году, въ первый разъ посѣтила я съ сестрою Саровскую пустынь, съ пламеннымъ желаніемъ увидѣть старца Серафима и получить отъ него благословеніе. Сестра моя первая удостоилась видѣть его послѣ утрени и была въ восхищеніи отъ его ласковаго пріема. Я же не могла видѣть его вмѣстѣ съ нею, потому что не была у заутрени по причинѣ сильной головной боли. По окончаніи же обѣдни отправились мы обѣ къ благо-

честивому старцу въ келью. Дорогою я замѣтила, что служитель сестры моей несъ за нами двѣ бутылки и полюбопытствовала спросить у сестры: что такое несетъ онъ? Сестра отвѣчала, что она пожелала, по примѣру другихъ посѣтителей Сарова, принести въ даръ о. Серафиму немного церковнаго вина и масла. Я же, незная объ этомъ прежде и не имѣя съ собой въ то время ничего, что бы могла и съ своей стороны принести также въ даръ о. Серафиму, очень опечалилась. Но сестра, видя мое смущеніе, предложила мнѣ взять одну изъ этихъ бутылей и поднести ее старцу отъ себя. Я очень обрадовалась этому предложенію и такимъ образомъ мы пришли въ келью о. Серафима. Когда я взглянула на праведнаго старца, то уже не хотѣла ни на что болѣе смотрѣть въ его кельѣ. Я не могла свести глазъ съ его лица, въ которомъ дышала доброта, смиреніе и святость. Онъ принялъ насъ, какъ отецъ дѣтей, давалъ намъ просфоръ и краснаго вина, снималъ съ себя крестъ и давалъ намъ цѣловать его. Сестра подала ему принесенную бутылку церковнаго вина, и онъ принялъ ее очень милостиво и благословилъ сестру. Потомъ и я подала ему бутылку съ масломъ. Старецъ, взявъ ее также милостиво, вдругъ сказалъ мнѣ: „впередъ, если вздумаешь, матушка, что принести мнѣ, то свое принеси,“ и замѣтивъ, въ какое я пришла смущеніе и замѣшательство отъ этихъ словъ, тотчасъ же прибавилъ самымъ кроткимъ тономъ: „я хотѣлъ, матушка, сказать тебѣ, что если ты живешь въ деревнѣ, то, вѣрно, тамъ есть пчелы; такъ ты велѣла бы изъ воску насучить свѣчь,—тогда бы это и было твое.“ Послѣ того онъ началъ бесѣдовать съ нами о пользѣ душъ нашихъ, много говорилъ о спасительномъ пути христіанскомъ, и каждое слово его запечатлѣвалось въ сердцѣ нашемъ.“

Принимая къ себѣ всѣхъ посѣтителей, самъ о. Серафимъ, однако же, никуда не выходилъ изъ келліи, и снявши съ устъ своихъ печать молчанія, не оставилъ затвора. Такъ жилъ онъ въ теченіи пятнадцати лѣтъ. Но наконецъ, съ благословенія Божія, о. Серафимъ рѣшился выдти изъ затвора и, не покидая монастыря, посѣщать пустыню и о Господѣ трудится въ ней для спасенія себя и ближнихъ.

VI.

Ближняя пустынь и пребываніе въ ней о. Серафима.

О происхожденіи, рисункѣ и названіи Саровскаго родника.—Келлія о. Дороѳея и смерть его.—Изнеможеніе о. Серафима и совѣтъ близкихъ людей.—Сокровенный выходъ изъ келліи и значеніе этого случая.—Явленіе во снѣ Пресвятой Богородицы.—Благословеніе игумена.—Выходъ изъ затвора въ лѣсъ.—Посѣщеніе прежней пустыни.—Тѣлесные труды старца.—Временное убѣжище для него.—Устройство новой постоянной келліи.—Названіе всей этой мѣстности.—Переименованіе родника.—Времяпровожденіе о. Серафима.—Распоряженіе Тамбовскаго архіерея, чтобы онъ причащался въ церкви св. Таинъ.—Увеличеніе его посѣтителей.—Отзывъ о. Нифонта о семъ.—Характеристика о. Серафима за это время, написанная его современникомъ.—Прибавленіе къ ней.—Переходъ къ слѣдующей главѣ.

Верстахъ въ двухъ отъ монастыря находился родникъ съ водою. Въ Саровской обители не знаютъ, кѣмъ первоначально вырытъ онъ; существовалъ же онъ съ давняго времени, еще до поступленія о. Серафима въ монастырь. Въ 1825 году онъ имѣлъ слѣдующій видъ: бассейнъ былъ покрытъ накатомъ изъ бревенъ и засыпанъ землею; вода вытекала изъ него только одною трубою; вблизи родника, на столбикѣ, повидимому, нарочно устроенномъ, стояла икона св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова. По этому обстоятельству родникъ называли *богословскимъ*. Когда о. Серафимъ жилъ еще въ дальней пустынѣ, то хаживалъ къ этому мѣсту и упражнялся близъ источ-

ника въ тѣлесныхъ трудахъ.—Мѣстность родника очень нравилась старцу.

На разстояніи четверти версты отъ богословскаго родника, на горкѣ, стояла келлія, въ которой спасался инокъ Саровской обители, іеромонахъ Дороѳей. Въ половинѣ сентября 1825 года благочестивый отшельникъ переселился въ иной, *лучшій*, небесный міръ, къ которому всю жизнь стремилась душа его. Между тѣмъ старецъ Серафимъ отъ долговременныхъ подвиговъ пришелъ въ крайнее изнеможеніе: со времени стоянія на камняхъ у него не переставали болѣть ноги, а къ ногамъ присоединилось еще ущущеніе сильной боли въ головѣ. Ему совѣтовали, для поддержанія здоровья, имѣть движеніе и пользоваться свѣжимъ воздухомъ. Чувствуя всю необходимость этого совѣта, о. Серафимъ сталъ выходить изъ келліи своей. Замѣчателенъ самый первый выходъ: онъ относится къ числу сокровенныхъ его подвиговъ и дѣлъ, о которыхъ разъ упомянуто было прежде. Наступила весна 1825 года. Уже былъ Великій постъ—время особыхъ подвиговъ для иноковъ Саровскихъ. Разъ одинъ изъ братьевъ обители, по имени Филаретъ, вставши очень рано утромъ и совершивъ свое домашнее правило, вышелъ изъ келліи въ ограду монастыря. Неожиданно онъ видитъ вдали человѣка, окруженнаго мракомъ и совершенною тишиною, который несъ на рукахъ какую-то тяжесть.

„Кто тутъ?“ вскричалъ Филаретъ, сотворивъ молитву.

— Убогій Серафимъ, Серафимъ убогій, было отвѣтомъ. Умолчи, радость моя!

Тогда Филаретъ подошелъ къ старцу и, по обычаю, принялъ отъ него благословеніе. Тутъ онъ увидѣлъ, что о. Серафимъ несъ на рукахъ своихъ значительной величины камень. Онъ взялъ его внѣ монастыря изъ-подъ горы, у того мѣста, гдѣ церковь св. Іоанна Предтечи, Филаретъ прослѣдилъ, куда несетъ этотъ камень старецъ, и замѣтилъ, что о. Серафимъ положилъ его возлѣ алтаря соборнаго храма. Въ то же время было сообщено объ этомъ казначею о. Исаіи. Послѣдствія объяснили дѣло. Теперь покоятся блаженные останки о. Серафима на томъ мѣстѣ, гдѣ положенъ камень. Такъ-то старецъ изъ затвора стремился въ могилу, отъ созерцанія Бога, *яко зерцаломъ въ гаданіи* — къ откровенному познанію славы Его. Этотъ

случай былъ также первымъ намекомъ старца на обстоятельства его смерти, о которой онъ впослѣдствіи яснѣе предсказывалъ.

Затѣмъ онъ началъ въ молитвенномъ обращеніи къ Богу просить изволенія на открытое окончаніе затвора: ибо никогда ничего не начиналъ безъ благословенія свыше. 25-го ноября 1825 года, на день памяти святителя Климента, епископа римскаго и Петра Александрійскаго, въ сонномъ видѣніи, Матерь Божія, въ сопровожденіи святыхъ дня, явившись о. Серафиму, разрѣшила ему выдти изъ затвора и посѣщать пустынь. Въ этотъ же день, возставши отъ сна и сотворивъ обычное правило, о. Серафимъ просилъ у игумена Нифонта и получилъ совершенно безпрепятственно благословеніе выходить, по болѣзни ногъ, особенно головы, на день въ пустынную келлію іеромонаха Дороѳея. Этотъ же день былъ первымъ, въ который старецъ послѣ затвора открыто вышелъ опять въ лѣсъ. Съ тѣхъ поръ о. Серафимъ началъ по днямъ прохаживаться къ богословскому источнику и въ пустынную келлію о. Дороѳея.

Во время отсутствія изъ обители старецъ посѣщалъ иногда прежнюю свою келлію, въ такъ называемой дальней пустынѣ, и молился въ ней. Одинъ изъ важнѣйшихъ случаевъ этого посѣщенія былъ слѣдующій. 9-го декабря 1825 года пришли къ нему бывшія на гостинницѣ двѣ Дивѣевскія сестры: Параскева Степановна и Марія Симеоновна. Какъ только ударили къ заутрени, о. Серафимъ пошелъ съ ними въ лѣсъ, а въ благовѣстъ къ поздней литургіи они прибыли къ богословскому источнику. Сестры замѣтили, что о. Серафимъ взялъ съ собою свѣчи, елей и сухари. Дорогою старецъ говорилъ имъ, что „онъ вотъ уже много лѣтъ не ходилъ этими мѣстами, съ того времени, какъ вошелъ въ затворъ." Подошедши къ источнику, о. Серафимъ замѣтилъ, что ему предлежатъ нѣкоторыя подѣлки на этомъ мѣстѣ. Наконецъ пришли они въ прежнюю пустынь о. Серафима. Здѣсь старецъ, ставъ предъ Распятіемъ, которое было у него на стѣнѣ, сестеръ поставилъ: Марью Симеоновну по правую, а Прасковью Степановну по лѣвую сторону, подалъ въ руки имъ по зажженной свѣчѣ и около часа молился. Потомъ онъ приложился къ Распятію и сестрамъ велѣлъ приложиться. Погасили свѣчи, вышли изъ келліи и цѣлый день занимались чисткою погреба, который находился около пустыни. По вечеру всѣ они возвратились въ пустынь. Позволительно

догадываться, что въ этотъ первый выходъ въ дальнюю пустыню о. Серафимъ молился о Дивѣевской общинѣ и здѣсь получилъ первую мысль объ устройствѣ для ней мельницы; ибо послѣ этого, какъ увидимъ ниже, онъ началъ дѣятельно приготовлять для мельницы матеріалы.

Лѣтомъ слѣдующаго 1826 года, по желанію старца, богословскій родникъ былъ возобновленъ. Накатъ, закрывавшій бассейнъ, снятъ; сдѣланъ новый срубъ съ трубою для истока воды. Около бассейна старецъ сталъ теперь заниматься тѣлесными трудами. Собирая въ рѣкѣ Саровкѣ камешки, онъ выкидывалъ ихъ на берегъ и ими унизывалъ бассейнъ родника. Устроилъ здѣсь для себя гряды, удобривалъ ихъ мхомъ, садилъ лукъ и картофель. Старецъ избралъ себѣ это мѣсто потому, что, по болѣзни, не могъ ходить въ прежнюю свою келлію на пять верстъ отъ монастыря. Даже затруднительно становилось ему послѣ утреннихъ трудовъ на ногахъ посѣщать для отдохновенія въ полуденное время келлію о. Дороѳея, которая стояла отъ родника всего на четверть версты. Для о. Серафима устроенъ былъ на берегу горы, подлѣ родника, новый небольшой срубъ, вышиною въ три аршина, длиною въ три и шириною въ два. Сверху его накрывалъ скатъ на одну сторону. Не было въ немъ ни оконъ, ни двери. Входъ же въ этотъ срубецъ открытъ былъ земляной со стороны горы, подъ стѣнкой. Подлѣзши подъ стѣнку, старецъ отдыхалъ въ этомъ убѣжищѣ послѣ трудовъ, скрываясь отъ полуденнаго зноя. Потомъ въ 1827 году здѣсь же, на горкѣ около родника, ему поставили новую келлію съ дверями, но безъ оконъ; внутри ея была печь, совнѣ сколочены сѣнцы изъ досокъ. Въ теченіе 1825 — 1826 годовъ старецъ не ежедневно хаживалъ къ этому мѣсту. А когда устроили ему келлію, онъ началъ уже постоянно проводить всѣ дни здѣсь, въ пустынѣ; вечеромъ возвращался въ обитель. Идя въ обитель и изъ обители въ обыкновенномъ бѣломъ ветхомъ холщевомъ балахонѣ, въ убогой камилавкѣ безъ крепа, съ топоромъ или мотыкою въ рукахъ, онъ носилъ за плечами суму, грузно наполненную камнями и пескомъ, въ которой лежало и св. Евангеліе. Нѣкоторые спрашивали: „для чего онъ это дѣлаетъ?“ Онъ отвѣчалъ словами св. Ефрема Сирина: „я томлю томящаго мя.“ Мѣсто это извѣстно съ тѣхъ поръ подъ име-

немъ *ближней* пустыни о. Серафима, а родникъ богословскій стали называть *колодцемъ о. Серафима*.

Со времени построенія новой келліи, въ 1827 году, дѣятельность и труды о. Серафима постоянно раздѣлены были между двумя мѣстностями: обитель и ближняя пустынь были попеременно его поприщемъ.

Въ монастырѣ онъ оставался по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, причащаясь за раннею литургіею въ больничной церкви св. Таинъ. Въ будни же онъ почти ежедневно ходилъ въ лѣсъ въ ближнюю пустыню. Въ монастырѣ онъ проводилъ ночи. На день же, съ четырехъ, даже съ двухъ часовъ ночи удалялся въ ближнюю пустыню, провождая въ ней время до семи или восьми часовъ пополудни. Число посѣтителей его весьма увеличилось. Одни дожидались его въ монастырѣ, жаждая увидѣть его, принять благословеніе и услышать слово назиданія. Другіе приходили къ нему въ пустынную келлію. Старцу, ослабѣвшему въ силахъ, было тяжело простирать дѣятельность свою на огромную массу людей. Чтобы сократить число посѣтителей, чтобы очень не развлекаться, чтобы не истаявать отъ трудовъ собесѣдованія, о. Серафимъ, въ началѣ поселенія въ ближней пустынѣ, причащался св. Таинъ, какъ и во время затвора, въ своей келліи. Нѣкоторыхъ стало соблазнять это обстоятельство. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, старецъ ходитъ въ пустынь за двѣ слишкомъ версты отъ монастыря, а св. Таинъ причащается въ келліи? Но соблазняться нечѣмъ было... Старецъ продолжалъ причащаться въ келліи потому собственно, чтобы избѣгнуть многочисленныхъ посѣтителей, которыхъ еще не въ силахъ былъ принимать къ себѣ. Однако же, для предотвращенія соблазна немощныхъ въ совѣсти, которую Вѣра православная хранитъ какъ святыню, отъ епископа Тамбовскаго послѣдовало предложеніе, чтобы старецъ Серафимъ самъ приходилъ въ церковь для причащенія св. Таинъ. Услышавши о такомъ распоряженіи, онъ сказалъ, что не оставитъ причащаться св. Таинъ, хотя бы пришлось для этого ходить на колѣняхъ, и распоряженіе архіерея принялъ со смиреніемъ. Но, кажется, это было распоряженіемъ свыше земной власти, съ цѣлію—короче сблизить старца съ нуждами вѣрующихъ. Ибо когда о. Серафимъ сталъ ходить въ больничную церковь къ ранней литургіи, то число усердствующихъ къ нему возрасло до огром-

ной цифры. Старецъ почти не имѣлъ покоя ни въ пустынѣ, ни на дорогѣ, ни въ монастырѣ. Строитель Нифонтъ, любившій старца Серафима, на счетъ множества посѣтителей говаривалъ, бывало, такъ: „когда о. Серафимъ жилъ въ пустынѣ (первой и дальней), то закрылъ всѣ входы къ себѣ деревьями, чтобы народъ не ходилъ; а теперь сталъ принимать къ себѣ всѣхъ, такъ что мнѣ до полуночи нѣтъ возможности закрыть воротъ монастырскихъ.“

Умилительно было видѣть, какъ старецъ, послѣ причастія св. Таинъ, возвращался изъ церкви въ свою келлію. Онъ шелъ въ мантіи, эпитрахили и поручахъ, какъ обыкновенно приступалъ къ таинству. Шествіе его было медленно отъ множества толпившагося народа, изъ среды котораго всякій силился, хотя слегка, взглянуть на старца. Но онъ въ это время ни съ кѣмъ не говорилъ, никого не благословлялъ и какъ бы ни души не видалъ вокругъ себя: взоръ его былъ потупленъ долу, а умъ погруженъ внутрь себя. Въ эти минуты онъ входилъ своею душею въ размышленіе о великихъ благодѣяніяхъ Божіихъ, явленныхъ людямъ таинствомъ св. Причащенія. И благоговѣя къ чудному старцу, никто не смѣлъ даже прикоснуться къ нему. Пришедши въ свою келлію, онъ уже всѣхъ усердствующихъ принималъ къ себѣ, благословлялъ, а желающимъ предлагалъ и душеспасительное слово.

Не менѣе умилительно было видѣть этого смиреннаго, сѣдовласаго, сгорбленнаго старца, подпиравшагося мотыкою, или топоромъ, въ пустынѣ за рубкою дровъ, воздѣлываніемъ грядъ, въ убогой камилавкѣ, въ бѣломъ балахонѣ, съ извѣстною уже намъ сумою за плечами. Иногда же видали его покрытымъ выдѣланною кожею, какъ бы въ подражаніе тѣмъ, о коихъ писалъ св. Апостолъ Павелъ: *проидоша въ милотехъ и въ козіихъ кожахъ, въ пустыняхъ скитающеся* (Евр. 11, 37).

Но всего болѣе усладительна была его бесѣда. Умъ у о. Серафима былъ свѣтлый, память твердая, взглядъ истинно-христіанскій, сердце для всѣхъ доступное, воля непреклонная, даръ слова живой и обильный, любовь къ труду *николиже отпадающая*. Рѣчь его была столь дѣйственна, что слушатель получалъ отъ него душевную пользу. Бесѣды его были исполнены духомъ смиренія, согрѣвали сердце, снимали съ очей какъ бы нѣкоторую завѣсу, озаряли умы собесѣдниковъ свѣтомъ духовнаго

разумѣнія, приводили ихъ въ чувство раскаянія и возбуждали рѣшительную перемѣну къ лучшему, невольно покоряли себѣ волю и сердце другихъ, разливали въ нихъ миръ и тишину. Какъ собственныя дѣйствія свои, такъ и свои слова старецъ Серафимъ основывалъ на словѣ Божіемъ, подтверждая ихъ наиболѣе мѣстами Новаго завѣта, на писаніяхъ св. Отцевъ, и на примѣрахъ святыхъ, Богу благоугодившихъ. Все сіе потому еще имѣло особенную силу, что прямо прилагалось къ потребностямъ слушателей. По чистотѣ духа своего онъ имѣлъ даръ прозорливости: инымъ, прежде раскрытія обстоятельствъ, давалъ наставленія, относившіяся прямо ко внутреннимъ ихъ чувствамъ и мыслямъ сердечнымъ.

Впрочемъ, старецъ, украшенный высокою духовною опытностію, наблюдалъ извѣстныя правила въ раскрытіи предъ другими своихъ благодатныхъ дарованій. Правила сіи изложены имъ въ наставленіи: *о храненіи познанныхъ истинъ.*

„Не должно — говорилъ онъ — безъ нужды другому открывать сердца своего: изъ тысячи найти можно только одного, который бы сохранилъ твою тайну. Когда мы сами не сохранимъ ее въ себѣ, какъ можемъ надѣяться, что она можетъ быть сохранена другимъ?

„Съ человѣкомъ душевнымъ надобно говорить о человѣческихъ вещахъ; съ человѣкомъ же, имѣющимъ разумъ духовный, надобно говорить о небесныхъ.

„Исполненные духовною мудростію, люди разсуждаютъ о духѣ какого либо человѣка по священному Писанію, смотря, сообразны ли слова его съ волею Божіею, и потому дѣлаютъ о немъ заключеніе.

„Когда случится быть среди людей въ мірѣ, о духовныхъ вещахъ говорить не должно, особенно когда въ нихъ не примѣчается и желанія къ слушанію.

„Надобно въ семъ случаѣ слѣдовать ученію св. Діонисія Ареопагита (о небесн. іерар. гл. 2): содѣлавшися самъ божественъ, божественныхъ вещей познаніемъ и въ тайнѣ ума сокрывъ святая отъ неосвященнаго народа, яко единообразная храни: не бо праведна есть, яко же Писаніе глаголетъ, повергнути въ свинія умныхъ маргаритовъ — чистое, свѣтовидное и драгоцѣнное благоукрашеніе. Надобно содержать въ памяти слово Господне: *не пометайте бисеръ вашихъ предъ свиніями, да*

не попрутъ ихъ ногами своими, и вращшеся расторгнувъ вы (Мѳ. 7, 6).

„А потому всѣми мѣрами должно стараться скрывать въ себѣ сокровище дарованій: въ противномъ случаѣ потеряешь и не найдешь. Ибо, по опытному изученію св. Исаака Сирина, лучше есть помощь, яже отъ храненія, паче помощи, яже отъ дѣлъ (Сл. 89).

„Когда же надобность потребуетъ или дѣло дойдетъ, то откровенно въ славу Божію дѣйствовать должно, по глаголу: *Азъ прославляющія Мя прославлю* (1 Цар. 2, 30), потому что путь уже открылся."

Такими-то правилами духовнаго разсужденія руководствовался о. Серафимъ въ своемъ обхожденіи съ другими.

Особенную любовь и почтеніе о. Серафимъ имѣлъ къ тѣмъ святителямъ, которые были ревнителями *Православной* вѣры Христовой; какъ-то: Клименту папѣ римскому, Іоанну Златоусту, Василію Великому, Григорію Богослову, Аѳанасію Александрійскому, Кириллу Іерусалимскому, Епифанію Кипрскому, Амвросію Медіоланскому и имъ подобнымъ, называя ихъ столпами церкви. Жизнь и подвиги ихъ онъ приводилъ въ примѣръ твердости и непоколебимости въ вѣрѣ. Убѣждалъ твердо стоять за истину догматовъ Православной церкви, приводя въ примѣръ блаженнаго Марка ефесскаго явившаго непоколебимую ревность въ защитѣ Восточно-каѳолической вѣры на соборѣ во Флоренціи. Самъ предлагалъ разныя наставленія о православіи, изъясняя, въ чемъ оно состоитъ, что оно одно содержитъ въ себѣ истину Христовой вѣры въ цѣлости и чистотѣ, и какъ надобно защищать его. Любилъ говорить о святителяхъ отечественной церкви—Петрѣ, Алексіѣ, Іонѣ, Филиппѣ, Димитріѣ Ростовскомъ, Стефанѣ Пермскомъ, преподобномъ Сергіѣ Радонежскомъ и другихъ россійскихъ угодникахъ Божіихъ, поставляя жизнь ихъ правиломъ на пути ко спасенію. Житія святыхъ, описанныя въ Четьи-Минеи, творенія многихъ отцевъ Церкви, такъ твердо зналъ, что на память пересказывалъ изъ нихъ цѣлыя отдѣленія, совѣтуя подражать жизни угодниковъ Божіихъ и слѣдовать ихъ ученію.

Особеннымъ свойствомъ его обхожденія и бесѣдъ были любовь и смиренномудріе. Кто бы ни былъ приходившій къ нему, бѣднякъ ли въ рубищѣ, или богачъ въ свѣтлой одеждѣ, съ ка-

кими бы кто ни приходилъ нуждами, въ какомъ бы грѣховномъ состоянiи ни находилась его совѣсть, онъ всѣхъ лобызалъ съ любовiю, всѣмъ кланялся до земли и, благословляя, самъ цѣловалъ руки даже у непосвященныхъ людей. Никого не поражалъ онъ жестокими укоризнами или строгими выговорами; ни на кого не возлагалъ тяжкаго бремени, самъ неся крестъ Христовъ со всѣми скорбями. Говорилъ онъ инымъ и обличенiя, но кротко, растворяя слово свое смиренiемъ и любовiю. Старался возбудить голосъ совѣсти совѣтами, указывалъ пути спасенiя и часто такъ, что слушатель его на первый разъ и не понималъ, что дѣло идетъ о душѣ его. Послѣ же сила слова, осоленнаго благодатiю, непремѣнно производила свое дѣйствiе. Не выходили отъ него безъ дѣйствительнаго наставленiя ни богатые, ни бѣдные, ни простые, ни ученые, ни вельможи, ни простолюдины: для всѣхъ было довольно живой воды, текущей изъ устъ прежняго молчальника, смиреннаго и убогаго старца. Народу, особенно въ послѣднiе десять лѣтъ его жизни, къ нему стекалось ежедневно цѣлыя тысячи. Ежедневно при многочисленномъ собранiи пришельцевъ въ Саровъ, у него бывало въ келлiи около 2000 человѣкъ и болѣе. Онъ не тяготился и со всякимъ находилъ время побесѣдовать на пользу души. Въ краткихъ словахъ онъ объяснялъ каждому то, что ему именно было благопотребно, открывая часто самые сокровенные помыслы обращавшихся къ нему. Всѣ ощущали его благопривѣтливую истинно-родственную любовь и ея силу, и потоки слезъ иногда вырывались у такихъ людей, которые имѣли твердое и окаменѣлое сердце. Мы не можемъ забыть въ настоящiй разъ одного весьма поразительнаго случая.

Прiѣхалъ въ Саровъ заслуженный генералъ-лейтенантъ Л. Цѣлiю прiѣзда его было любопытство. И такъ, пообсмотрѣвъ монастырскiя зданiя, онъ хотѣлъ уже и проститься съ монастыремъ, не получивъ для души своей никакого духовнаго дара. Только, противъ ожиданiя, встрѣтилъ онъ здѣсь помѣщика Алексѣя Неофитовича Прокудина, разговорился съ нимъ. Собесѣдникъ предлагалъ генералу зайти къ затворнику старцу Серафиму, но генералъ, надменный собою, отрицался, и только съ трудомъ уступилъ убѣжденiямъ Прокудина. Какъ только вступили они въ келлiю, старецъ Серафимъ, идя къ нимъ навстрѣчу, поклонился генералу въ ноги. Такое смиренiе поразило гордость

Л. Прокудинъ, замѣтивъ, что ему не слѣдуетъ оставаться въ келліи, вышелъ въ сѣни, и генералъ, украшенный орденами, около получаса бесѣдовалъ съ затворникомъ. Чрезъ нѣсколько минутъ послышался изъ келліи старца плачъ: то плакалъ генералъ, точно дитя малое. Чрезъ полчаса раскрылась дверь и о. Серафимъ вывелъ генерала подъ руки: онъ продолжалъ плакать, закрывъ лице руками. Ордена и фуражка были забыты имъ отъ горести у о. Серафима. Преданіе говоритъ, будто ордена свалились у него во время бесѣды сами собою. О. Серафимъ вынесъ все это и ордена надѣлъ на фуражку. Впослѣдствіи генералъ этотъ говорилъ, что онъ прошелъ всю Европу, знаетъ множество людей разнаго рода, но въ первый разъ въ жизни увидѣлъ такое смиреніе, съ какимъ встрѣтилъ его Саровскій затворникъ, и еще никогда не зналъ о той прозорливости, по которой старецъ раскрылъ предъ нимъ всю его жизнь до тайныхъ подробностей. Между прочимъ, когда кресты свалились у него, о. Серафимъ сказалъ: „это потому, что ты получилъ ихъ незаслуженно.“

Съ особеннымъ усердіемъ заботился старецъ Серафимъ о тѣхъ, у кого видѣлъ расположеніе къ добру: на пути блага онъ старался утвердить ихъ всѣми духовно-христіанскими средствами и силами своими. Впрочемъ, не смотря на любовь ко всѣмъ, о. Серафимъ для нѣкоторыхъ былъ *тяжекъ къ видѣнію: яко не подобно было инымъ житіе его и отмѣнны были стези его* (Прем. Солом. 2, 15). Но и съ нелюбящими его онъ былъ *миренъ*, обходился кротко и любовно. Не было замѣчено, чтобы онъ какое-либо дѣло отнесъ къ себѣ или хвалилъ себя, но всегда благословляя Господа Бога, говорилъ: *не намъ, Господи, не намъ, но имени Твоему даждь славу* (Псал. 113, 9). Когда же видѣлъ, что приходившіе къ нему внимали его совѣтамъ, слѣдовали его наставленіямъ, то не восхищался симъ, какъ бы плодомъ своего дѣла. „Мы—говорилъ онъ—должны всякую радость земную отъ себя удалять, слѣдуя ученію Іисуса Христа, Который сказалъ: *о семъ не радуйтесь, яко духи вамъ повинуются: радуйтеся же, яко имена ваша написана суть на небесѣхъ*“ (Лук. 10, 20).

Кромѣ дара прозорливости, Господь Богъ продолжалъ являть въ старцѣ Серафимѣ благодать исцѣленія недуговъ и болѣзней тѣлесныхъ. Такъ 11-го іюня 1827 года исцѣлена была

Александра, жена, Нижегородской губерніи, Ардатовскаго уѣзда, села Елизарьева двороваго человѣка Варѳоломея Тимоѳеева Лебедева. Въ то время этой женщинѣ было 22 года, и она имѣла двухъ дѣтей. 6-го апрѣля 1826 года, въ день сельскаго праздника, она возвратившись послѣ литургіи изъ церкви пообѣдала и потомъ вышла за ворота прогуляться съ мужемъ. Вдругъ, Богъ знаетъ съ чего, съ нею сдѣлалась дурнота, головокруженіе; мужъ едва могъ довести ее до сѣней. Здѣсь она упала на полъ. Съ нею началась рвота и ужасныя судороги; больная помертвѣла и впала въ совершенное безпамятство. Чрезъ полчаса, какъ бы пришедши въ себя, она начала скрежетать зубами, грызть все, что попадалось и наконецъ уснула. Спустя мѣсяцъ эти болѣзненные припадки стали повторяться съ нею ежедневно, хотя не всякій разъ въ одинаково сильной степени.

Сначала больную лечилъ домашній сельскій лекарь Аѳанасій Яковлевъ, но предпринимаемыя имъ средства не имѣли никакого успѣха. Потомъ возили Александру на Илевскій и Вознесенскій желѣзные заводы: тамъ былъ иностранный докторъ; онъ взялся лечить ее, давалъ разные медикаменты, но, не видя успѣха, отказался отъ дальнѣйшаго леченія и совѣтовалъ еще съѣздить въ Выксу, на чугунные заводы. „Въ Выксѣ же, по описанію мужа больной, докторъ былъ иностранецъ *съ большою привилегіею*.“ По доброму согласію съ управляющимъ, который принималъ участіе въ больной, выксинскій докторъ истощилъ все свое вниманіе, познанія и искусство и наконецъ далъ такой совѣтъ: „теперь вы положитесь на волю Всевышняго, и просите у Него помощи и защиты; изъ людей же никто васъ вылечить не можетъ. Такой конецъ леченія очень опечалилъ всѣхъ и больную повергъ въ отчаяніе.

Въ ночь на 11-е іюня 1827 года больная увидѣла сонъ. Явилась ей незнакомая женщина, весьма старая, со впалыми глазами и сказала: „что ты страждешь и не ищешь себѣ врача?“ Больная испугалась и, положивши на себя крестное знаменіе, начала читать молитву св. Кресту: *Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его*. Явившаяся отвѣчала ей: „не убойся меня: я такой же человѣкъ, только теперь не сего свѣта, а изъ царства мертвыхъ. Встань съ одра своего и поспѣши скорѣе въ Саровскую обитель къ о. Серафиму: онъ тебя ожидаетъ къ себѣ

завтра и исцѣлитъ тебя.“ Больная осмѣлилась спросить ее: „Кто ты такая и откуда?“ Явившаяся отвѣчала: „Я изъ Дивѣевской общины, первая тамошняя настоятельница Агаѳія.“ На другой день утромъ родные запрягли пару господскихъ лошадей и поѣхали въ Саровъ. Только больную невозможно было везти шибко: безпрестанно дѣлались съ нею обмороки и судороги. Сарова достигла больная уже послѣ поздней литургіи, во время трапезы братіи. Отецъ Серафимъ затворился и никого не принималъ; но больная, приблизившись къ его келліи, едва успѣла сотворить молитву, какъ о. Серафимъ вышелъ къ ней, взялъ ее за руки и ввелъ въ свою келлію. Тамъ онъ накрылъ ее эпитрахилью и тихо произнесъ молитвы ко Господу и Пресвятой Богородицѣ; потомъ онъ напоилъ больную св. богоявленскою водою, далъ ей частицу св. антидора, да три сухарика и сказалъ: „каждыя сутки принимай по сухарю со св. водою да еще: сходи въ Дивѣево на могилу рабы Божіей Агаѳіи, возьми себѣ земли и сотвори на семъ мѣстѣ, сколько можешь, поклоновъ: она (Агаѳія) о тебѣ сожалѣетъ и желаетъ тебѣ исцѣленія.“ Потомъ прибавилъ: „когда тебѣ будетъ скучно, ты помолись Богу и скажи: „отче Серафимѣ! помяни меня на молитвѣ и помолись обо мнѣ грѣшной, чтобы не впасть мнѣ опять въ сію болѣзнь отъ супостата и врага Божія.“ Тогда отъ болящей недугъ отошелъ ощутительно съ великимъ шумомъ: она была здорова во все послѣдующее время и невредима. Послѣ этого недуга она родила еще четырехъ сыновъ и пять дочерей. Собственноручная запись о семъ мужа исцѣленной оканчивается слѣдующимъ послѣсловіемъ: „имя о. Серафима мы и поднесь въ нашемъ сердцѣ глубоко сохраняемъ и на каждой панихидѣ поминаемъ его со своими родными.“

Въ числѣ бывшихъ тогда въ Саровѣ являлись къ о. Серафиму и такія лица, которымъ нужно было не одно духовное утѣшеніе или врачевство, но и участіе въ ихъ сиротствѣ и безпріютности. Изъ числа такихъ посѣтителей, дѣвъ и вдовицъ еще съ 1820 года онъ посылалъ въ Дивѣевскую общину, гдѣ начальница принимала ихъ на постоянное жительство для совершенія духовныхъ подвиговъ во спасеніе души. Въ теченіе пяти лѣтъ такимъ образомъ устроено было нѣсколько человѣкъ, имена которыхъ послѣ повстрѣчаются съ нами. Въ особенности къ о. Серафиму стремились теперь, какъ пчелы къ маткѣ, та-

въ Саровскую обитель, она остановилась для отдохновенія въ двѣнадцати верстахъ отъ нея, въ селѣ Дивѣевѣ и, по простотѣ, сѣла на бревнахъ неподалеку отъ тогдашней Дивѣевской деревянной церкви въ честь Святителя и чудотворца Николая. Здѣсь въ немногія минуты сладкой страннической дремоты, она увидѣла Божію Матерь, Которая, внушая ей остаться на этомъ мѣстѣ, поручала воздвигнуть и храмъ въ честь Казанской чудотворной иконы Ея. Воспрянувъ отъ дремоты и обозрѣвъ мѣстность, она отправилась въ Саровскую пустынь. Обитель такъ пришлась по сердцу ей, что она непремѣнно осталась бы спасаться въ ней, если бы тотъ былъ женскій монастырь. Возвратившись отсюда въ село Дивѣево, она познакомилась съ тамошнимъ достойнымъ священникомъ о. Василіемъ Дертевымъ, который впослѣдствіи, подъ именемъ Варлаама, умеръ іеромонахомъ въ Саровской пустынѣ, а на постоянное жительство поселилась въ приходскомъ къ Дивѣеву сельцѣ Осиновкѣ, въ небольшомъ домикѣ, построенномъ на не большомъ участкѣ земли, пріобрѣтенномъ ею отъ владѣльцевъ Осиновскихъ. Когда же умерла девятилѣтняя дочь Агаѳіи Симеоновны и послѣдняя связь ея съ міромъ разорвалась, тогда она, продавши свое имѣніе, переселилась на жительство къ Дивѣевскому о. Василію, построила себѣ на его дворѣ отдѣльную келлію и подвизалась въ ней двадцать лѣтъ. Келейные подвиги она проходила въ тайнѣ предъ Отцемъ небеснымъ, и въ настоящее время они остаются для насъ почти въ неизвѣстности. По благословенію Саровскихъ старцевъ она прочитывала ежедневно изъ Евангелія зачало дневное и святому. Много также посвящала она времени чтенію Четій-миней и духовно-подвижническихъ сочиненій, напр. Іоанна Лѣствичника, Ефрема Сирина, Молитва Іисусова никогда не сходила съ ея устъ. По смиренію своему, забывъ о своемъ происхожденіи, званіи и богатствѣ, она исправляла въ домѣ о. Василія добровольно всякія домашнія работы. У кого изъ крестьянъ одинокихъ, но многодѣтныхъ, хлѣбъ долго оставался на корню, она тихонько хаживала въ поле, сжинала и связывала въ снопы. Бѣднымъ дѣвицамъ, вступавшимъ въ бракъ, своими руками вышивала головные уборы (такъ называемыя сороки) и дарила ихъ, сверхъ того, полотенцами. Въ воскресные и праздничные дни, по выходѣ изъ храма, останавливаясь съ крестьянами, дѣлала имъ разныя наставленія. Во время же пребыванія

своего у о. Василія, она въ теченіе пяти лѣтъ, начиная съ 1774 или 1775 года, построила на свои средства, вмѣсто бывшей деревянной Никольской церкви, каменный храмъ въ честь Казанской Божіей Матери съ двумя придѣлами: одинъ во имя Святителя Николая чудотворца, а другой первомученика и архидіакона Стефана. По освященіи всѣхъ трехъ престоловъ Агаѳія Симеоновна, не задолго до своей кончины, рѣшилась устроить близъ Казанской церкви общину.

По совѣту Саровскихъ старцевъ, настоятели которой—Пахомій и Исаія, были ея духовными отцами, и съ разрѣшенія епархіальнаго Владимірскаго начальства, испрося у гг. Ждановыхъ, по близости Казанской церкви часть земли въ 1300 квадр. саж., Агаѳія Симеоновна построила на ней домъ съ надворнымъ строеніемъ и пригласила къ сожитію съ собою, Ардатовскаго уѣзда деревни Вертьяновой, дѣвицу Евдокію Мартынову, скончавшуюся уже около 1836 года, вотчины г. Баташева крестьянскую вдову Анастасію Кириллову, села Сарминскаго-Майдана крестьянскую дѣвицу Ульяну Григорьеву и деревни Осиновки крестьянскую же вдову Ѳеклу Кондратьеву. Въ этомъ домѣ она жила съ ними до своей кончины, ведя жизнь духовную, по духу и правиламъ Саровской обители, управляя помянутыми, какъ они назывались, сестрами, съ кротостію, пропитывая какъ себя, такъ и живущихъ съ нею своими средствами, при помощи благотворительной руки Саровскаго строителя о. Пахомія. Такъ положено начало Дивѣевской обители, съ которою неразрывно связано имя Саровской пустыни и въ частности—старца о. Серафима!

По кончинѣ Агаѳіи Симеоновны, преемницею ея по управленію была Анастасія Кирилловна. При ней собралось для общежитія изъ разныхъ мѣстъ до 20 мѣщанскихъ и крестьянскихъ дѣвицъ, которыми она управляла по правиламъ первой начальницы, получая содержаніе отъ Саровлянъ же за шитье имъ свитокъ, вязанье чулокъ и пряденье нитокъ. По смерти Кирилловой. мѣсто начальницы заступила мастера Тульскаго оружейнаго завода Прокофія Кочеулова вдова, *Ксенія Михайловна*, старица строгой духовной жизни, которую Саровскій игуменъ Нифонтъ называлъ *терпугомъ духовнымъ*. При ней по 1826 годъ число сестеръ о Бозѣ живущихъ, умножилось до 40. Нѣкоторыя изъ нихъ присланы были въ послѣднія пять лѣтъ старцемъ Сера-

фимомъ. Саровскіе старцы—Пахомій и Исаія, выѣзжая изъ обители, всегда бывали въ Дивѣевѣ и, доставляя сестрамъ общины пособіе въ пропитаніи, главнѣйше укрѣпляли ихъ своими бесѣдами, своимъ нравственнымъ вліяніемъ въ прохожденіи избранной ими духовной жизни. О. Серафимъ, послѣ смерти строителя Пахомія и Исаіи, по обѣщанію, сдѣланному въ послѣднія минуты ихъ жизни, принималъ близкое участіе въ Дивѣевской общинѣ, наблюдая и руководствуя сестеръ ко спасенію. Въ послѣдніе же годы своей жизни онъ принялъ самое дѣятельное участіе.

Съ 1825 года къ о. Серафиму начали ходить за благословеніемъ сперва сестры, а потомъ и сама добродѣтельная начальница Дивѣевской общины, Ксенія Михайловна. Бывалъ у него и Дивѣевскій священникъ о. Василій, котораго старецъ Серафимъ любилъ и уважалъ. На прошеніе о. Василія не оставить общину, старецъ отвѣчалъ: „какъ намъ оставить тѣхъ, о коихъ просила меня, убогаго Серафима, матушка Агаѳія Симеоновна? Вѣдь, она была великая жена, святая; служеніе ея было неисповѣдимо, источникъ слезъ безпрестанный, молитва къ Богу чистѣйшая, любовь ко всѣмъ нелицемѣрная; одежду носила самую простую, и то многошвенную; опоясывалась кушакомъ съ узелкомъ. А какъ идетъ, бывало, то госпожи великія ведутъ ее подъ руки. Столь за жизнь свою была уважаема! Такъ какъ же намъ презрѣть ея прошеніе? Я, вѣдь, теперь одинъ остался изъ тѣхъ старцевъ, коихъ она просила о неоставленіи заведенной ею общины. Такъ-то и я прошу тебя, батюшко: что отъ тебя зависитъ—не оставь ихъ.“

Въ этомъ году о. Серафимъ принялъ рѣшительное участіе въ общинѣ. Онъ раздѣлилъ ее на двѣ части, говоря, что на это есть изволеніе Господа и Божіей Матери. Дѣло было такъ. Населенность Дивѣевской общины требовала, чтобы распространить ее; но мѣсто, ею занимаемое, было столь тѣсно, что не существовало никакой возможности распространить ни въ ту, ни въ другую сторону; да и правило; принятое отъ Саровлянъ онъ находилъ не для всѣхъ лицъ слабаго женскаго пола легко-исполнимымъ. Предлагалъ онъ начальницѣ Ксеніи Михайловнѣ правило это замѣнить новымъ; но она не согласилась. Сверхъ того, онъ не сочувствовалъ и тому началу, чтобы дѣвицы жили въ одномъ общеніи съ бывшими въ замужествѣ

сестрами. Женщина, проведшая нѣсколько лѣтъ пріятной жизни въ замужествѣ, могла передавать о томъ дѣвицамъ, дѣйствуя разрушительно на мирное состояніе духа, столь необходимое для точнаго соблюденія духовныхъ обѣтовъ. Другая могла быть въ замужествѣ несчастною, и своими разсказами о бѣдствіяхъ бросала бы несправедливо мрачную тѣнь на богоучрежденное въ человѣческомъ родѣ состояніе брачное. Старецъ замѣчалъ еще, что въ супружеской жизни женщина часто пріобрѣтаетъ такую настойчивость въ характерѣ (упрямство), которую трудно послѣ исцѣлить. Это могло бы, естественно, при взаимномъ общеніи передаваться и дѣвицамъ, поставляя ихъ на пути, противоположномъ отреченію собственной воли, требуемомъ въ Дивѣевѣ. „Въ общежительной обители — говорилъ онъ — легче справиться съ семью дѣвами, чѣмъ съ одною вдовою.“ По всѣмъ этимъ причинамъ онъ считалъ полезнѣе для обители раздѣлить ее на двѣ половины такъ, чтобы въ одной спасались бывшія въ замужествѣ, въ другой — чистыя дѣвы, хотя бы начальство и руководство у обѣихъ было одно и общее. Присемъ въ воображеніи его носился примѣръ Суздальскаго женскаго Богородицкаго монастыря, устроеннаго въ XII вѣкѣ. Въ немъ именно было два отдѣленія, изъ которыхъ въ одномъ жили посвятившія себя Богу дѣвы, въ другомъ, отдѣленномъ отъ нихъ оградою — вдовы. Тѣмъ и другимъ воспрещено было входить между собою въ разговоры. „И нигдѣ же не бысть — замѣчаетъ списатель житія прен. Евфросиніи—такого монастыря по всей великой Россіи по устроенію благочинія и покоя отъ труда черноризцамъ, ниже такихъ изрядныхъ и трудополезныхъ, иже въ постѣ просіявшихъ черноризицъ, не обрѣталъ никаможе, якоже сіи трудоположницы, то бо основаніе житія постническаго и образъ хотящимъ чернечествовать.“ Имѣя такія основанія, о. Серафимъ такъ и оставилъ существовавшую Дивѣевскую обитель на прежнемъ мѣстѣ и въ прежнемъ видѣ. Самъ же началъ прилежно молить Господа и Пречистую Матерь указать для устройства обители другое мѣсто, болѣе пространное, и Царица Небесная, внявъ его молитвѣ, Сама избрала для сего мѣсто саженяхъ во ста, или съ небольшимъ, отъ прежней обители и Казанской церкви. Въ 1823 году Михаилъ Васильевичъ Мантуровъ, послѣ исцѣленія отъ болѣзни, по молитвамъ о. Серафима, и при участіи его собственной вѣры полученнаго, при-

былъ во второй разъ въ Саровскую обитель. Старецъ, благословивъ его и сдѣлавши духовное назиданіе, далъ ему, отпуская отъ себя, дубовый, вытесанный колышекъ, съ такимъ приказаніемъ: „когда ты поѣдешь домой, остановись въ Дивѣевѣ подойди къ среднему окну алтаря Казанской церкви и посмотри въ поле: ты увидишь межевикъ и ступай по направленію его до поляны, которая находится въ концѣ его. Взошедши же на поляну, ты найди средину ся и вбей тутъ вотъ этотъ колышекъ, замѣтивъ для памяти его признаки.“ Когда г. Манторовъ былъ и на слѣдующій годъ въ Саровѣ, о. Серафимъ далъ ему уже четыре обтесанные колышка и велѣлъ ихъ поставить на той же полянѣ, такъ чтобы прежній колъ приходился въ серединѣ. Михаилъ Васильевичъ исполнилъ, какъ приказывалъ о. Серафимъ, не понимая, что изъ этого должно выйти. Но теперь понятно, что старецъ еще за два года до рѣшительнаго участія въ общинѣ, имѣлъ мысль устроить мельницу и при ней образовать особое отдѣленіе Дивѣевской общины.

Земля, на которой о. Серафимъ намѣтилъ новое помѣщеніе общины, принадлежала наслѣдникамъ г. Баташева. Господь устроилъ такъ, что около этого времени одна изъ наслѣдствующихъ особъ, Вѣра Андреевна Постникова, урожденная Баташева, посѣтивъ Саровъ, была у о. Серафима. Старецъ просилъ у нея эту землю, и Вѣра Андреевна съ любовію уступила ее, обѣщаясь взять на свою долю этотъ участокъ. Только она забыла заявить о семъ въ главной конторѣ, отъ вѣдѣнія которой земля зависѣла.

Пріобрѣтши такимъ образомъ и землю, о. Серафимъ, послѣ извѣстной намъ молитвы, совершенной съ сестрами въ дальней пустынѣ, 9-го декабря 1825 года, въ день Зачатія Пресвятой Богородицы, получилъ рѣшимость и укрѣпился духомъ приступить къ дѣлу. Въ остальные дни 1825 и во весь почти 1826 годъ онъ самъ готовилъ столбы и лѣсъ для мельницы, которую, по примѣру Алексѣевской общины, онъ хотѣлъ устроить и для общины Дивѣевской. Отъ настоятеля Сарова о. Нифонта было позволено воспользоваться для сего дѣла Саровскимъ лѣсомъ. Въ заготовкѣ лѣса помогали о. Серафиму сестры Дивѣевской общины. О. Серафимъ устроилъ въ келліи дальней своей пустыни печь, чтобы здѣсь зимою тепло было отдыхать послѣ трудовъ. Въ день Зачатія Божіей Матери 9-го декабря 1826

года, ровно черезъ годъ послѣ молитвеннаго начала дѣла, въ первый разъ были привезены на Саровскихъ лошадяхъ столбы и бревна къ мѣсту, предъизбранному для новаго поселенія сестеръ Дивѣевскихъ. Послѣ сего и самимъ сестрамъ дано было благословеніе вывозить Саровскій лѣсъ для мельницы.

Ближайшій помѣщикъ А. Н. Прокудинъ, имѣвшій вѣру и уваженіе къ о. Серафиму, прислалъ мельничнаго мастера и 12-ть человѣкъ плотниковъ, которыми мельница построена въ скорое время. Весною 1827 года начали строить, а лѣтомъ 7-го іюля, наканунѣ праздника Казанской Божіей Матери, она замолола. Такъ какъ мельница строилась на землѣ, формально еще неотошедшей отъ владѣльцевъ, то старецъ, для ободренія рабочихъ, внушалъ никого не бояться, говоря, что Сама Царица Небесная пожаловала обители все это мѣсто. Приставленные отъ гг. Баташевыхъ распорядители землею, натурально, привязывались къ рабочимъ, мѣшали имъ; но рабочіе терпѣливо сносили всѣ оскорбленія и продолжали свое дѣло, ссылаясь на приказаніе о. Серафима. Когда мельница, устроенная съ двумя поставами, была готова, о. Серафимъ перевелъ для жительства при ней изъ Дивѣевской общины, что при Казанской церкви, шесть сестеръ, а именно: Параскеву Степановну, Параскеву Ивановну, Евдокію Ефремовну, Анну Алексѣевну, Дарью Зиновьевну и Ксенію Ильиничну. Параскевѣ Степановнѣ назначилъ быть между ними старшею. Для духовнаго же руководства поручилъ всѣхъ новому Дивѣевскому священнику о. Василію Садовскому, котораго назначилъ быть и духовникомъ для нихъ, говоря, что на это есть воля Божія, Царицы Небесной и его благословеніе. Избранныя сестры были изъ числа тѣхъ дѣвъ, которыя въ прежнее время самимъ старцемъ опредѣлены въ общину Агаѳіи Симеоновны Мельгуновой. Не имѣя еще келліи, сестры до глубокой осени жили на самой мельницѣ и занимались работами. Въ концѣ же октября построили свою келлію, въ которой одной и помѣстились всѣ. Черезъ непродолжительное время о. Серафимъ пріобрѣлъ для нихъ житницу и поставили ее противъ келліи. Послѣ сего онъ благословилъ имъ строить и другія келліи для вновь приходящихъ сестеръ. Строенія о. Серафимъ распорядился вести въ двѣ линіи, такъ, чтобы мельница приходилась въ срединѣ или противъ промежутка. Около года, по заведеніи мельничной общины, сестры

ходили за трапезу въ прежнюю обитель и не мало имъ было скорби отъ такихъ странствованій. Потомъ о. Серафимъ благословилъ имъ печь хлѣбъ и варить квасъ у себя, отдѣльно отъ Дивѣевскихъ, и самъ пробовалъ ихъ столъ, который изрѣдка приносили ему, по его желанію. Разъ сестра Параскева Ивановна, послѣ трудовъ въ лѣсу, вкушала вмѣстѣ съ о. Серафимомъ въ обѣденное время сухой хлѣбъ съ водою. Старецъ замѣтилъ: „это еще, матушка, хлѣбъ насущный; а когда я былъ въ затворѣ, то питался зеліемъ: траву снить обливалъ горячею водою, такъ и вкушалъ. Это пустынная пища и вы ее вкушайте.“ Съ тѣхъ поръ по благословенію старца, въ общинѣ стали готовить снить, отваривая ее въ водѣ съ солью. Сверхъ того, когда сестры бывали у него, онъ, послѣ духовнаго утѣшенія, отпускалъ ихъ обратно не иначе, какъ съ ношею сухарей или толокна. Одна изъ сестеръ, имя ей Марія Ивановна, назначена была для приготовленія трапезы. Во время заведенія общины сестры не разъ, по наставленію о. Серафима ходили на Илевскій заводъ къ прикащику гг. Баташевыхъ хлопотать объ отдачѣ въ ихъ собственность земли, которая занята была мельницею; но успѣха никакого не было въ теченіе почти трехъ лѣтъ. Прикащикъ не доносилъ о семъ наслѣдникамъ. А когда донесли, то генеральша Постникова, вспомнивъ словесное обѣщаніе, сказала: „Да, у меня просилъ о. Серафимъ земли въ Дивѣевѣ, и я обѣщала ему дать. Беру этотъ участокъ на себя, когда послѣдуетъ раздѣлъ имѣнія.“ Распоряженіе ея о пожертвованіи сей земли было доставлено въ общину на бумагѣ. Когда увѣдомили о семъ о. Серафима, онъ пришелъ въ такое восхищеніе и радость, которыхъ на словахъ нельзя передать. Случился въ то время въ Саровѣ г. Манторовъ... О. Серафимъ послалъ чрезъ него къ сестрамъ въ Дивѣево кадочку меду, и сестры, обозначивши вмѣстѣ съ посланнымъ отъ конторы прикащикомъ межу отъ своихъ владѣній, вкушали этотъ медъ съ мягкимъ хлѣбомъ вмѣстѣ съ начальницею, Ксеніею Михайловною и Дивѣевскимъ священникомъ. Сестра Елена Васильевна Манторова написала генеральшѣ Постниковой въ искреннихъ выраженіяхъ благодарное письмо отъ имени Дивѣевскихъ сестеръ и о. Серафима; при чемъ старецъ въ благословеніе послалъ ей своихъ сухариковъ. Это было въ 1830 году.

Трапезная сестра Марія Ивановна, по своему послушанію,

пошла однажды весною того же года въ погребъ рано утромъ. Прочія сестры спали еще. Идя къ погребу, вдругъ увидѣла горящую свѣчу, которая воткнута была въ землю позади келліи. Въ испугѣ, сестра прибѣжала въ келлію, разбудила спавшихъ... Всѣ бросились съ замираніемъ сердца къ тому мѣсту, гдѣ горѣлъ таинственный огонь. Въ неописанной радости всѣ вскочили, чтобы бѣжать туда—но его уже не было. И это явленіе было не что иное, какъ видѣніе. Поутру, когда разсвѣло, сестры нашли, что земля у этого мѣста была вскопана. Это случилось предъ днемъ Св. Троицы. Съ того времени старецъ благословилъ сестрамъ рыть въ три аршина канавку около того мѣста, гдѣ было видѣніе, и онѣ, занимаясь симъ ровно три года, оградили себя со всѣхъ сторонъ окопомъ и внутри его валомъ, на которомъ, по его благословенію, насадили крыжовнику.

По неудобствамъ жизни въ общинѣ, нѣкоторыя изъ сестеръ впали въ малодушіе и хотѣли переселиться куда-нибудь въ другое мѣсто. Одна изъ нихъ, Ксенія Ильинична, имѣя это наумъ, пришла къ о. Серафиму попросить благословенія. Старецъ, не давъ ей высказать своихъ намѣреній, отечески уговаривалъ ее въ теченіе восьми часовъ, и сестра, успокоившись отъ искупительныхъ помысловъ, осталась на всегда въ обители. Другая сестра, Параскева Ивановна, рѣшившись отправиться въ міръ, не хотѣла и сказываться о томъ о. Серафиму. Неожиданно старецъ самъ присылаетъ за ней. Сестра пришла къ нему въ смущеніи. О. Серафимъ началъ разсказывать ей о своей монастырской жизни и нѣсколько разъ повторялъ слѣдующую мысль: „я, матушка, всю монастырскую жизнь прошелъ и никогда, даже мыслію, не выходилъ изъ монастыря.“ Этою бесѣдою, мудро направленною къ сердцу сестры, онъ уврачевалъ душевный недугъ, тяжко ее мучившій, такъ что, по окончаніи бесѣды, она чувствовала, точно больной членъ отняли у нея—и успокоилась.

Старица Дивѣевской обители Матрона Плещеева разсказывала о слѣдующемъ чудесномъ обстоятельствѣ: „поступивши въ Дивѣевскую общину, я проходила, по благословенію отца Серафима, послушаніе въ томъ, что приготовляла сестрамъ пищу.

Однажды, по слабости здоровья и вражескому искушенію, я пришла въ такое смущеніе и уныніе, что рѣшилась совер-

шенно уйдти изъ обители тихимъ образомъ, безъ благословенія: до такой степени труднымъ и невыносимымъ показалось мнѣ это послушаніе. Безъ сомнѣнія о. Серафимъ провидѣлъ мое искушеніе, потому что вдругъ прислалъ мнѣ сказать, чтобы я пришла къ нему.

Исполняя его приказаніе, я отправилась къ нему на третій день Петрова дня, по окончаніи трапезы и всю дорогу проплакала. Пришедши къ Саровской его кельѣ, я сотворила, по обычаю, молитву, а Старецъ, сказавъ: аминь, встрѣтилъ меня, какъ отецъ чадолюбивый и, взявъ за обѣ руки, ввелъ въ келью. Потомъ сказалъ: „вотъ радость моя, я тебя ожидалъ цѣлый деyь.“ Я отвѣчала ему со слезами: „Батюшка, тебѣ извѣстно, какое мое послушаніе, раньше нельзя было, только что я покормила сестеръ, какъ въ ту же минуту и отправилась къ тебѣ и всю дорогу проплакала.“ Тогда о Серафимъ утеръ мои слезы своимъ платкомъ, говоря: „матушка, слезы твои не даромъ капаютъ на полъ;“ и потомъ подведя къ образу Царицы Небесной Умиленія, сказалъ: приложись матушка, Царица Небесная утѣшитъ тебя. Я приложилась къ образу и почувствовала такую радость на душѣ, что совершенно оживотворилась. Послѣ того. о. Серафимъ сказалъ: „ну, матушка, теперь ты поди на гостинную, а завтра приди въ дальнюю пустыньку.“ Но я возразила ему: „батюшка, я боюсь идти одна въ дальнюю то пустыньку.“ Отецъ же Серафимъ на это сказалъ: ты, матушка, иди до пустыньки и сама все на голосъ читай: Господи помилуй; и самъ пропѣлъ при этомъ нѣсколько разъ: Господи помилуй. А къ утрени-то не ходи, но какъ встанешь, то положи 50 поклоновъ и поди.“ Я такъ и сдѣлала, какъ благословилъ о. Серафимъ, вставши, положила 50 поклоновъ и пошла и во всю дорогу на голосъ говорила: Господи помилуй. Отъ этого я не только не ощущала ни какого страха, но еще чувствовала въ сердцѣ величайшую радость, по молитвамъ о. Серафима.

Подходя къ дальней пустынькѣ, вдругъ увидѣла, что о. Серафимъ сидитъ близъ своей кельи, на колодѣ и подлѣ него стоитъ ужасной величины медвѣдь. Я такъ и обмерла отъ страха и закричала во весь голосъ: батюшка, смерть моя!—и упала. Отецъ Серафимъ, услышавъ мой голосъ, ударилъ медвѣдя и махнулъ ему рукою. Тогда медвѣдь, какъ разумный,

тотчасъ пошелъ въ ту сторону, куда махнулъ ему о. Серафимъ, въ густоту лѣса. Я же, видя все это, трепетала отъ ужаса и даже, когда подошелъ ко мнѣ отецъ Серафимъ со словами: „не ужасайся и не пугайся,“ я продолжала по прежнему кричать: ой, смерть моя! На это старецъ отвѣчалъ мнѣ: „нѣтъ, матушка, это не смерть; смерть отъ тебя далеко; а это радость.“ И за тѣмъ онъ повелъ меня къ той-же самой колодѣ, на которой сидѣлъ прежде и на которую, помолившись, посадилъ меня и самъ сѣлъ! Не успѣли мы сѣсть, какъ вдругъ тотъ-же самый медвѣдь вышелъ изъ густоты лѣса и, подойдя къ отцу Серафиму, легъ у ногъ его. Я же, находясь вблизи такого страшнаго звѣря, сначала была въ величайшемъ ужасѣ и трепетѣ, но потомъ, видя, что отецъ Серафимъ обращается съ нимъ безъ всякаго страха, какъ съ кроткой овечкой, и даже кормитъ его изъ своимъ рукъ хлѣбомъ, который принесъ съ собою въ сумкѣ, я начала мало по малу оживотворяться вѣрою. Особенно чуднымъ показалось мнѣ тогда лице великаго отца моего: оно было свѣтло, какъ у ангела и радостно.

Наконецъ, когда я совершенно успокоилась, а Старецъ скормилъ почти весь хлѣбъ, онъ подалъ мнѣ остальной кусокъ и велѣлъ самой покормить медвѣдя. Но я отвѣчала: „боюсь батюшка, онъ и руку мнѣ отъѣстъ.“ Отецъ же Серафимъ, посмотрѣвъ на меня, улыбнулся и сказалъ: „нѣтъ, матушка, вѣруй, что онъ не отъѣстъ твоей руки.“ Тогда я взяла поданный мнѣ хлѣбъ и скормила его весь съ такимъ утѣшеніемъ, что желала бы еще кормить его, ибо звѣрь былъ кротокъ и ко мнѣ грѣшной, за молитвы о. Серафима.

Видя меня спокойною, о. Серафимъ сказалъ мнѣ: „помнишь ли, матушка, у Преподобнаго Герасима на Іорданѣ левъ служилъ, а убогому Серафиму медвѣдь служитъ. Вотъ и звѣри насъ слушаютъ, а ты, матушка, унываешь; а о чемъ намъ унывать? Вотъ, если-бы я взялъ съ собою ножницы, то и остригъ бы его.

Тогда я въ простотѣ сказала: „Батюшка, что если этого медвѣдя увидятъ сестры, онѣ умрутъ отъ страха. Но онъ отвѣчалъ: „нѣтъ, матушка, сестры его не увидятъ.“—„А если кто нибудь заколетъ его? спросила я, мнѣ жаль его.“ Старецъ отвѣчалъ: „нѣтъ и не заколютъ: кромѣ тебя никто его не увидитъ.“ Я еще думала, какъ разсказать мнѣ сестрамъ объ этомъ страш-

номъ чудѣ? А отецъ Серафимъ на мои мысли отвѣчалъ: „нѣтъ, матушка, прежде 11 лѣтъ послѣ моей смерти никому не повѣдай этого, а тогда воля Божія откроетъ, кому сказать.“

Въ послѣдствіи времени старица Матрона пришла по какой то необходимости въ келью, гдѣ занимался живописью, по благословенію отца Серафима, крестьянинъ Ефимъ Васильевъ, извѣстный по своей вѣрѣ и любви къ Старцу и увидя, что онъ рисовалъ отца Серафима, вдругъ сказала ему: „тутъ-бы по всему прилично написать отца-то Серафима съ медвѣдемъ.“ Ефимъ Васильевъ спросилъ ее: отчего она такъ думаетъ? И она разсказала ему первому объ этомъ дивномъ событіи. Тогда исполнилось ровно 11 лѣтъ, заповѣданныхъ старцемъ.

Хотя и многіе посторонніе видали также отца Серафима съ медвѣдемъ, но за неизвѣстностію этихъ лицъ, не возможно передать ихъ свидѣтельствъ, кромѣ одного, переданнаго Саровскимъ инокомъ Петромъ.

Удерживая малодушныхъ сестеръ, о. Серафимъ увеличивалъ населеніе мельничной общины новыми членами. На другой же годъ, послѣ построенія мельницы, онъ началъ присылать для жительства въ эту общину многихъ новыхъ дѣвицъ, а вдовыхъ женщинъ отсылалъ въ прежнюю общину, къ начальницѣ Ксеніи Михайловнѣ.

Одна госпожа Е. М. З. еще при жизни мужа, служившаго на Златоустовскихъ заводахъ, просила у о. Серафима благословенія поступить въ Дивѣевскую общину для спасенія души. Старецъ отвѣчалъ ей: „нѣтъ матушка, погоди, сперва поживи съ мужемъ; а когда онъ умретъ, тогда еще лѣтъ десятокъ потрудись для своихъ церквей просфирнею—и мужа-то тогда избавишь ты отъ муки.“ Но она возразила противъ этого: „еще неизвѣстно, батюшка, кто изъ насъ прежде умретъ: мужъ мой или я?“—„Нѣтъ, матушка—отвѣчалъ старецъ—мужъ твой годика черезъ три умретъ.“ Умершій черезъ три года мужъ оставилъ послѣ себя большой долгъ, который она весь выплатила и тѣмъ, можно полагать, избавила его отъ муки. Послѣ того она была просфирнею для двухъ церквей и наконецъ рѣшилась вторично просить у о. Серафима благословенія на вступленіе въ Дивѣевскую общину. Старецъ и на этотъ разъ не благословилъ ее, а велѣлъ пожить въ мірѣ. Когда же она ска-

зала, что ей приходится жить въ кругу молодыхъ людей, то о. Серафимъ, коснувшись ея своею рукою, сказалъ: „Господь милостивъ! Хоть молодые люди и будутъ тебя прельщать, но тебѣ и на мысль не придетъ ничего дурного.“ Такимъ образомъ она оставалась просфорнею около 10-ти лѣтъ, проходила послушаніе это съ усердіемъ, а по окончаніи досятилѣтняго срока дѣйствительно вступила въ Дивѣевскую общину.

Нѣкоторые посвящали жизнь свою Богу въ Дивѣевской общинѣ изъ благодарности за исцѣленіе, полученное чрезъ о. Серафима. Нижегородской губерніи, деревни Погибловой, одинадцатилѣтняя дѣвочка, сирота В. К. во время свадьбы роднаго своего брата, совершенно неожиданно и безъ всякой видимой причины, упала въ воротахъ двора и лежала въ безчувственномъ состояніи. Одна посторонняя женщина той же деревни, изъ жалости, взяла больную къ себѣ въ домъ. Въ дѣвочкѣ открылась сильная внутренняя боль съ онѣмѣніемъ и окамѣненіемъ живота. Въ теченіи двухъ лѣтъ припадки болѣзни усиливались и повторялись часто. Разъ, къ свѣтлому празднику Пасхи, больную В. К. взяли въ Саровъ къ батюшкѣ о. Серафиму. Когда старецъ, находясь у своей келліи, благословлялъ народъ, подошла и она въ толпѣ. О. Серафимъ взялъ ее за руку, ввелъ къ себѣ въ келлію, положилъ свои руки на ея голову, потомъ помазалъ ее елеемъ изъ лампады — и больная съ тѣхъ поръ получила выздоровленіе. Когда исполнилось ей семнадцать лѣтъ, она поступила въ Дивѣевскую обитель.

Еще одна особа Е. Н. страдала два года, не имѣя свободнаго владѣнія ни руками, ни ногами, и наконецъ была привезена въ къ о. Серафиму напзлѣченіе. Старецъ въ то время трудился на сѣнокосѣ, вмѣстѣ съ сестрами Прасковьею Ивановой и Ириною Васильевой, на пользу общины. Завидѣвъ издали больную, которую съ трудомъ вели другія, о. Серафимъ сталъ манить ее къ себѣ, чтобы шла скорѣе; а когда она приблизилась, старецъ, ни слова не говоря, далъ ей въ руки грабли и заставилъ сѣно убирать. Больная тутъ же почувствовала укрѣпленіе въ ногахъ и рукахъ и потому стала работать какъ здоровая. Бывшія тутъ сестры, не зная еще о возвращеніи къ ней здоровья, скорбѣли въ душѣ, выговаривали ей: „зачѣмъ она, такая больная, притащилась къ нимъ на работу?“ Но старецъ, уразумѣвъ духомъ мысли ихъ, сказалъ: „вы примите

се въ Дивѣево, къ себѣ: она будетъ вамъ прясть и ткать.“ Затѣмъ о. Серафимъ, покормивъ ее обѣдомъ за труды, отправилъ домой. Увидѣвъ себя дома совершенно здоровою, Е. И. вступила въ Дивѣевскую общину.

Нѣкоторыхъ же о. Серафимъ, по своей прозорливости, съ малолѣтства ихъ предназначалъ, и въ духѣ сего предназначенія руководствовалъ къ поступленію въ Дивѣевскую обитель. Изъ числа такихъ была сестра Анастасія Протасова. „Въ первый разъ была я—разсказывала она впослѣдствіи — у старца Серафима еще малолѣтнею, вмѣстѣ съ моими родителями и съ начальницею Дивѣевской общины Ксеніею Михайловною. Мать моя давно уже желала видѣть о. Серафима, и мы всѣ шли къ нему съ полною вѣрою. Когда подошли къ его кельѣ, народа еще не было, и сотворили по обыкновенію молитву Іисусову. Батюшка тотчасъ отворилъ намъ дверь. Онъ одѣтъ былъ въ бѣлый балахончикъ, и лице его казалось необыкновенно свѣтлымъ. Онъ сказалъ намъ: „пожалуйте сюда!“ и велѣлъ приложиться къ образу Божіей Матери, стоявшему на столѣ. Потомъ мы всѣ поклонились ему въ ноги и онъ, благословивъ насъ и давъ приложиться къ Распятію, которое висѣло на груди его: сказалъ намъ: „Господь, иже вездѣ сый и вся исполняяй, и васъ милостію своею не оставитъ. Пророкъ сказалъ: „не видѣхъ праведника оставленна, ниже сѣмени его, просяща хлѣба.“ Послѣ того далъ намъ самъ по частицѣ антидора съ церковнымъ виномъ и положилъ матушкѣ въ платокъ нѣсколько сухариковъ. Наконецъ еще разъ благословилъ и сказалъ: „грядите съ миромъ.“

„Во второй разъ я была у него, семи лѣтъ отъ роду, съ матерью и Дивѣевскою начальницею Ириною Прокопьевной.

Онъ также благословилъ насъ всѣхъ и приказалъ приложиться къ образу Божіей Матери; а какъ я не могла достать образа, стоявшаго на столѣ, то онъ самъ поднялъ меня и далъ приложиться къ Царицѣ Небесной; а затѣмъ взялъ мою руку, вложилъ ее въ руку Ирины Прокопьевны и началъ матери говорить о пророкѣ Самуилѣ и другія притчи, и спросилъ ее: „понимаете ли вы, матушка?“ Она отвѣчала: „Не могу, батюшка, понять.“ Тогда онъ благословилъ насъ всѣхъ и отпустилъ домой. Мать моя, возвратясь въ квартиру, подумала, что все это клонится къ близкой моей смерти и проплакала всю ночь. Поутру же она опять отправилась со мной къ о. Сера-

фиму, не рѣшаясь уѣхать не простившись съ нимъ. Едва только онъ отворилъ намъ дверь и мы поклонились ему, какъ, еще не благословляя насъ, положилъ на уста матери моей свою ручку и сказалъ: „не къ тому, не къ тому, матушка, не унывай.“ И тутъ же далъ ей приложиться ко Кресту, бывшему на немъ. Послѣ того мать моя совершенно успокоилась.

„Когда же мнѣ наступилъ 12-й годъ и мы пришли опять къ о. Серафиму, онъ спросилъ мать мою, указывая на меня: „много ли ей лѣтъ?“ Та отвѣчала: „двѣнадцатый годъ, батюшка.“ Тогда онъ сказалъ ей: „пора намъ, матушка, обручить ее жениху.“ Мать возразила на это, что она еще молода; а Серафимъ отвѣчалъ ей: ты, матушка поищи вдову и поклонись ей, чтобы она взяла ее за сына; она ее и возьметъ.“ Маменька улыбнулася и подумала, что онъ дѣйствительно прямо говоритъ ей про будущаго моего жениха. А онъ продолжалъ: „по дванадесятымъ-то праздникамъ шей ей, матушка, обновки: бѣлое платьицо и красненькіе башмачки, а въ полуночный-то часъ вставай сама молиться, и мужа-то возбуждай, а ее не возбуждай. Когда она возмужаетъ и укрѣпится силою и духомъ, тогда будетъ и сама мужественна къ подвигу.“ И съ тѣхъ поръ всегда, когда бы мы ни приходили къ нему, онъ все поминалъ о вдовѣ.

„Когда же исполнилось мнѣ 16 лѣтъ отъ роду, тогда онъ прямо сказалъ родителямъ моимъ обо мнѣ, что: „ей дорога въ Дивѣево, въ мою обитель, къ сиротамъ,“ и два года сряду послѣ того посылалъ за мною изъ обители сестру Анну Петровну, и каждый разъ, какъ мы бывали у него (что случалось раза три въ годъ), онъ все говорилъ мнѣ: „Успеніе тебя ждетъ, и тебѣ нѣтъ дороги, матушка, жить у родителей: тебя Божія Матерь семи лѣтъ избрала, а они держатъ тебя у себя“—это говорилъ онъ о родителяхъ моихъ. Отца моего также просилъ, чтобы мы непремѣнно поставили себѣ келью на каменномъ фундаментѣ и чтобы намъ жить въ ней только четыремъ человѣкамъ, неболѣе; „а крышу-то — говорилъ онъ, обращаясь ко мнѣ—ты сама, матушка, накрой и крѣпко приколоти гвоздями.“ Разъ я сказала ему, что мнѣ жалко разстаться съ сестрою; а онъ отвѣчалъ: „такъ мы и ее возьмемъ сюда.“ Тогда я начала жалѣть родителей, что имъ безъ насъ обѣихъ еще больше будетъ печали. И вотъ, когда я была у него въ другой разъ,

онъ между прочимъ, сказалъ: „а про сестру-то, что мы говорили? мнится мнѣ, лучше оставимъ ее покуда у родителей: пусть поживетъ въ утѣшеніе ихъ,“ и подавая мнѣ просфору для передачи ей, прибавилъ: „скажи ей, матушка, что это тебѣ прислалъ убогій Серафимъ.“ Съ тѣхъ поръ мы не такъ уже стали жалѣть другъ друга, какъ это бывало прежде. Когда же принесли къ нему трехлѣтняго брата моего, Ивана, онъ взялъ его изъ рукъ няньки и, подавая мнѣ, спросилъ: „у васъ есть садъ?“ Я отвѣчала ему: „есть.“ Тогда онъ сказалъ: „ты, матушка, носи его по саду и говори все: *Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй!* онъ возмужаетъ и будетъ сокровище наше вожделѣнное; а корми-то его сама, изъ своихъ рукъ.“

„Однажды, когда я была у него въ пустынькѣ, онъ послалъ меня къ источнику съ тѣмъ, чтобы я напилась и умылась изъ него, говоря, что этотъ источникъ исцѣляетъ болѣзни; потомъ, показывая на окрестную землю, въ ту сторону, гдѣ Дивѣево, сказалъ: „это мѣсто выбрала вамъ Сама Царица Небесная и никто не можетъ отнять его у васъ. Вотъ я вамъ сдѣлаю шалашикъ, а вы будете ходить около него, да сѣно убирать, да тутъ и отдыхать. И хлѣба-то и картофеля-то будетъ у васъ много, и церкви-то свои будутъ, и уставъ-то церковный будетъ такъ, какъ и въ Саровѣ, какъ передали его намъ святые Отцы. Царица Небесная вамъ во всемъ поможетъ, и, я, убогій Серафимъ, всегда за васъ колѣни преклоняю и за родителей и сродниковъ вашихъ.“

„Наконецъ, когда онъ сталъ рѣшительно просить мать мою, чтобы скорѣе поставили мнѣ келью и отпустили меня въ Дивѣево, мать заплакала и сказала: „теперь мы ее отпустимъ, батюшка, съ надеждою на васъ; а если васъ не будетъ, то, можетъ быть, онѣ всѣ разойдутся.“ На это онъ отвѣчалъ ей: „нѣтъ, матушка, и до меня были отецъ Пахомій и отецъ Исаія, которые пеклись о нихъ: теперь я, убогій, пекусь, а послѣ меня Царица Небесная о нихъ попечется.“

Посылая меня въ обитель, онъ разказалъ мнѣ, между прочимъ, житіе преподобныя Макрины и прибавилъ: „вотъ, матушка, она сама пошла въ монастырь и брата своего, Василія, увѣщевала. Онъ былъ столпъ Церкви; а когда былъ въ ученіи и возгордился противъ сестры Макрины, она своимъ цѣломудріемъ привела его въ смиреніе.“

Сестры, поступившія въ общину, вели жизнь строгую, занимались физическими трудами и духовными подвигами. Для трудовъ, превышающихъ женскія силы, при мельницѣ находился еще старецъ-работникъ. Въ первой обители, со временъ первоначальницы, сестры держали правила саровскихъ иноковъ. О. Серафимъ, нашедши это правило для женскаго пола труднымъ, далъ имъ свое повседневное правило, которое имѣетъ слѣдующій порядокъ:

Молитвами святыхъ отецъ нашихъ, Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ. Аминь. Царю небесный: Святый Боже (трижды). *Слава и нынѣ. Пресвятая Троице. Господи помилуй* (трижды). *Слава и нынѣ. Отче нашъ. Господи помилуй 12. Слава и нынѣ. Пріидите поклонимся* (трижды). *Псаломъ 50-й. Помилуй мя Боже: Вѣрую во единаго Бога. Тоже 12 псалмовъ избранныхъ, начиная: Господь просвѣщеніе мое. Помянникъ: помяни Господи Іисусе Христе Боже нашъ.* Потомъ поученіе изъ Пролога краткое повседневное поученіе; Великимъ постомъ читать Ефрема Сирина. На страстной седмицѣ — о страданіяхъ Господа нашего Іисуса Христа, изъ разныхъ книгъ. Сто поклоновъ поясныхъ съ молитвою: *Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ.* Сто поклоновъ *Владычице моя Пресвятая Богородице, спаси насъ грѣшныхъ.*

Достойно есть. Отче нашъ (трижды). *Богородице Дѣво* (трижды). *Вѣрую во единаго Бога* (однажды). *Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшную* (дважды). *Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ грѣшныхъ* (однажды). *Господи, Іисусе Христе, Госпожею Дѣвою Маріею Богородицею, помилуй мя грѣшную* (дважды). *Господи Іисусе Христе Госпожею Дѣвою Маріею Богородицею помилуй насъ грѣшныхъ 12 поклоновъ;* съ молитвою: *Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ, 12 поклоновъ; также съ молитвою: Владычице моя, Пресвятая Богородице спаси насъ грѣшныхъ 12.* Потомъ молятся и поминаютъ о здравіи и о упокоеніи благотворителей общины и за всѣхъ православныхъ христіанъ. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ сестры Дивѣевской общины также находились въ послушаніи о. Серафима; безъ его благословенія ничего не начинали; и если которая изъ нихъ хотѣла на время отлучиться изъ обители, то предъ выходомъ и по возвращеніи въ обитель являлась на благословеніе къ старцу. Извѣстенъ по этому случаю слѣ-

дующій разсказъ о прозорливости старца, повѣданный сестрою Евдокіею глухенькою.

„У меня была замужняя сестра, которая жила въ селѣ Аламасовѣ. Однажды, заболѣвъ, она пожелала, чтобы я навѣстила ее въ болѣзни. Я тотчасъ же и отправилась къ начальницѣ Ксеніи Михайловнѣ, попросить у ней благословенія на дорогу; но начальница сказала мнѣ, чтобы я предварительно сходила къ отцу Серафиму и сдѣлала бы такъ, какъ онъ благословитъ.

Я отправилась; но дорогою смутилась и долго разсуждала сама съ собой: идти ли мнѣ къ отцу Серафиму, или нѣтъ? Ну, если онъ не благословитъ? И наконецъ рѣшилась лучше не заходить къ нему, а прямо отправиться къ сестрѣ. А чтобы хотя нѣсколько успокоить мучившую меня совѣсть, я упала на землю, мысленно поцѣловала руки и ноги о. Серафима и приложилась къ мѣдному его Распятію, которое онъ всегда носилъ на груди своей. Я вообразила себѣ при этомъ, что онъ, по обыкновенію, благословилъ меня и далъ мнѣ на дорогу сухариковъ. Успокоивъ такимъ образомъ себя, я отправилась къ сестрѣ, въ с. Аламасово.

Пробывъ у нея довольно долгое время и оставивъ ее въ лучшемъ состояніи, я возвращалась въ свою обитель въ самомъ тревожномъ состояніи духа, потому что ушла безъ благословенія, самовольно. Но лишь только вступила въ ворота обительскія, какъ встрѣтила меня изъ нашихъ сестеръ Екатерина Егоровна и сообщила мнѣ, что она во время моего отсутствія дважды была у отца Серафима, и что каждый разъ онъ говорилъ ей обо мнѣ. Въ первый разъ онъ сказалъ: „у меня вотъ предъ тобою была Евдокія глухенькая; она просилась въ село Аламасово, къ больной своей сестрѣ, кланяясь мнѣ до земли, цѣловала у меня руки и ноги и прикладывалась къ мѣдному Кресту моему; я благословилъ ее идти и далъ ей на дорогу сухариковъ.“ Во второй разъ онъ только напередъ спросилъ: „что, матушка, Евдокія глухенькая возвратилась ли изъ Аламасова?“ и потомъ продолжалъ то же самое, что говорилъ въ первый разъ: „она была у меня въ такой-то день и часъ и пр., и я благословилъ ее идти.“ При этомъ разсказѣ я не могла не заплакать, какъ отъ сознанія вины своей, такъ и отъ ра-

дости, что нашла въ о. Серафимѣ такое благорасположеніе ко мнѣ, грѣшной, и такой даръ прозорливости.

До 1829 года живущія на мельницѣ сестры ходили къ богослуженію въ храмъ Казанской Божіей Матери, построенный инокинею Александрою. Матеріалы же на сооруженіе особаго храма, для сестеръ, жившихъ на мельницѣ, по благословенію о. Серафима, заготовляемы были еще съ 1827 года. Строителемъ новаго храма были Михаилъ Васильевичъ Мантуровъ и его сестра, Елена Васильевна, по благословенію о. Серафима, бывшая начальницею новозаведенной общины при мельницѣ. Г. Мантуровъ, какъ сказано выше, былъ исцѣленъ молитвами о. Серафима отъ неизлѣчимой болѣзни, и въ знакъ признательности рѣшился продать все свое небольшое имѣніе въ селѣ Нучѣ, въ 25 верстахъ отъ Дивѣева, чтобы построить на вырученныя деньги церковь для общины. Побужденіемъ къ устроенію новой церкви были два обстоятельства: увеличеніе общества сестеръ и тѣснота въ Казанской церкви, которая была приходскою въ Дивѣевѣ. По благословенію преосвященнаго Аѳанасія, епископа нижегородскаго, испрошенному о. Серафимомъ чрезъ посредство другихъ, въ 1828 году начали строить, а въ слѣдующемъ году совершенно окончили строеніемъ новый храмъ, по плану, предварительно одобренному въ строительномъ комитетѣ. Храмъ этотъ поставленъ въ связи съ колокольнею Казанской церкви съ западной стороны, строеніемъ каменный, и имѣлъ два этажа. 6-го августа 1829 года освященъ былъ престолъ въ верхней церкви во имя Рождества Христова, а 8-го сентября 1830 года освященъ престолъ въ нижней церкви въ честь Рождества Богородицы. Нижегородскаго Благовѣщенскаго монастыря архимандритъ Іоакимъ, освящавшій обѣ церкви, въ послѣдній случай завернулъ въ Саровъ и былъ въ пустынной келліи у о. Серафима. Къ этому времени въ переднемъ углу келліи выросъ изъ-подъ пола малиновый кустъ на которомъ созрѣли три ягоды. Ими о. Серафимъ угостилъ архимандрита, Іоакима, благодаря его за труды по освященіи церкви. Храмъ этотъ доселѣ существуетъ; въ немъ отправляются раннія литургіи и совершается денно-нощное чтеніе псалтири. Предъ мѣстною иконою Христа Спасителя горитъ неугасимая свѣча, а предъ иконою Рождества Богородицы теплится неугасимая лампада, по завѣщанію о. Серафима. За колоколами для этой

церкви о. Серафимъ посылалъ нарочно на нижегородскую ярмарку, за священными сосудами — въ Москву, давши на нихъ свои деньги. Другой приборъ онъ далъ церковницѣ Ксеніи Васильевнѣ изъ своихъ рукъ, третій — прислала изъ Москвы Княгиня Голицына еще до освященія церкви. Нѣкоторыя вещи, къ священническому облаченію принадлежащія, о. Серафимъ передалъ въ общинную церковь чрезъ священника о. Василія Садовскаго. Такимъ образомъ, устроивъ храмъ, о. Серафимъ снабдилъ его и вещами, при священнослуженіи необходимыми. Кромѣ того, въ разное время присланы были отъ него въ благословеніе обители слѣдующія иконы: 1) небольшой образъ Казанскія Божіей Матери, 2) средней величины образъ преподобнаго Сергія, радонежскаго чудотворца, 3) образъ преп. Кирилла и Маріи и 4) складни въ серебряной ризѣ, съ изображеніемъ Спасителя, Божіей Матери, св. Іоанна Предтечи и нѣкоторыхъ другихъ угодниковъ Божіихъ. Всѣ сіи иконы сохраняются въ обители даже до сего дня.

По освященіи Христорождественской церкви, о. Серафимъ благословилъ служить въ ней каждый день въ теченіи шести недѣль приходскимъ священникамъ о. Василію Садовскому и о. Іоанну Дертеву, поочереди. Такъ какъ сестры общины были дѣвицы, посвящавшія себя на служеніе Богу, такъ какъ онѣ и правило держали монастырское, то, по монастырскому уставу, и клиросную службу онѣ правили сами, не приглашая причетниковъ Казанской церкви, по наставленію о. Серафима. Благочестивая храмоздательница Елена Васильевна Манторова и ея послушница Ксенія Васильевна и Параскева Ивановна исправляли пономарскую должность въ алтарѣ. Клиросныя сестры, умѣвшія читать и пѣть, сначала пѣли по наслышкѣ, потомъ научены были священникомъ о. Василіемъ Садовскимъ простому обиходному пѣнію; наконецъ Саровскіе отцы Назарій и Корнилій выучили ихъ пѣть на гласы, по саровскому напѣву. По нотамъ же пѣли онѣ *параклисисъ* Пресвятой Богородицѣ.

Отецъ Серафимъ завѣщалъ, чрезъ о. Василія Садовскаго, для мельничной общины слѣдующія правила: 1) въ придѣлахъ во имя Рождества Христова и Рождества Божіей Матери служить неопустительно во всѣ воскресные дни и двунадесятые праздники. Иногда же въ субботы и прочіе дни, смотря по нуждѣ, по желанію благотворителей, по случаю поминовенія умершихъ изъ

сестеръ; 2) по воскреснымъ днямъ предъ литургіею пѣть непремѣнно параклисисъ Богородицѣ и канонъ, весь на распѣвъ: „за это—прибавилъ онъ—васъ никакія бѣды не постигнутъ: а если оставите исполнять это, безъ бѣды бѣду наживете;“ 3) ежедневно читать псалтирь въ церкви 12 сестрамъ, перемѣняясь чрезъ каждые два часа, и читать вслухъ непремѣнно, какъ сказано: *слуху моему даси радость и веселіе*; „самые Ангелы радуются — прибавлялъ онъ — слыша чтеніе псалтири;“ чтеніе псалтири совершать во весь годъ, кромѣ Пасхи; при денноощномъ чтеніи псалтири, завѣщалъ поминать о здравіи царствующій Домъ и благотворителей и за упокой усопшихъ православныхъ царей и благодѣтелей; 4) сестрамъ Дивѣевскимъ всѣмъ неопустительно говѣть, исповѣдываться и причащаться св. Таинъ во всѣ четыре поста, нѣкоторымъ же, по желанію, во всѣ двунадесятые праздники; 5) на клиросахъ пѣть и читать сестрамъ; 6) ризницу хранить и сберегать все вообще церковное имущество, а равно пономарскую должность править церковницамъ, т. е. избраннымъ благоговѣйнымъ сестрамъ; 7) предъ св. иконою Спасителя горѣть неугасаемой свѣчѣ, а предъ образомъ Матери Божіей—лампадѣ.

Въ указаніи занятій, кромѣ работъ мельничныхъ, старецъ завѣщалъ труды и рукодѣлья, наиболѣе свойственные простому классу людей. А рисованія, золотошвейныя и другія работы, требующія углубленія ума и относящіяся къ искусствамъ, онъ не хотѣлъ допускать. Всегда вѣрный своему началу, онъ основывалъ такое завѣщаніе на правилахъ св. Василія Великаго и Григорія Богослова, которые внушали въ монастырѣ заниматься лишь такими предметами, которые удовлетворяютъ монастырскимъ потребамъ. Но при всякихъ занятіяхъ о. Серафимъ совѣтовалъ строго держаться правила: „дѣло въ рукахъ, а молитва въ устахъ.“

Всѣ эти уставы и завѣщанія о. Серафима свято исполняли начальницы и сестры Дивѣевской общины. Уклоненія же отъ нихъ влекли за собою весьма непріятныя послѣдствія для обители. Такъ мы знаемъ уже завѣщаніе о. Серафима, чтобы въ созданномъ имъ храмѣ Рождества Христова читался всегда псалтирь, по обычаю обители неусыпаемыхъ, предъ иконою Спасителя горѣла неугасимая свѣча, а предъ образомъ Матери Божіей — лампада, и что если это будетъ въ точности испол-

няться, община не потерпитъ ни нужды, ни бѣды, и масло на эту потребность никогда не оскудѣетъ. И точно, Ангелъ мира охранялъ обитель, пока соблюдалось это завѣщаніе, съ особенною силою и условіемъ данное. Но въ одинъ день церковница Ксенія Васильевна, бывшая въ послушаніи у Елены Васильевны Манторовой, вылила, сколько было послѣднее масло въ лампаду и откуда получить его болѣе — не предвидѣлось. Это было во время богослуженія. Когда всѣ вышли изъ храма, она приблизившись къ иконѣ, увидѣла, что масло все выгорѣло и лампада потухла. Съ горестными чувствами она отошла отъ лампады и, вспомнивъ невольно завѣщаніе о. Серафима, подумала: „если такъ несправедливыми оказались слова о. Серафима, потому что для лампады нѣтъ теперь ни масла, ни денегъ, то, можетъ быть, и во всѣхъ другихъ случаяхъ не сбудутся его предсказанія, исполненія которыхъ мы несомнѣнно ожидали.“ Тысячи сомнѣній волновали душу сестры, и вѣра въ прозорливость старца начала оставлять ее. Въ столь непріятномъ расположеніи духа, Ксенія Васильевна, закрывъ лице руками, на нѣсколько шаговъ отступила отъ иконы Спасителя. Вдругъ слышитъ трескъ... Восклонивъ голову, она увидѣла, что лампада загорѣлась; подошла ближе къ ней и замѣтила, что стаканъ лампады полонъ масла и по немъ плавали двѣ мелкія ассигнаціи. Въ смятеніи духа, она заперла церковь и спѣшила повѣдать дивное видѣніе старицѣ своей Еленѣ Васильевнѣ. На пути ее застигла одна сестра, съ которою былъ крестьянинъ, искавшій церковницу и что-то желавшій передать ей. Крестьянинъ этотъ, увидѣвши Ксенію Васильевну, спросилъ:

„Вы, матушка, здѣсь церковница?“

— Я, отвѣчала сестра Ксенія.—А что тебѣ нужно?

„Да вотъ, батюшка о. Серафимъ завѣщалъ вамъ о неугасимой лампадѣ, такъ я принесъ тебѣ 300 руб. ассигн. денегъ на масло для лампады, чтобы она горѣла заупокой родителей моихъ.“

При семъ онъ назвалъ имена усопшихъ родителей своихъ и подалъ деньги.

Сомнѣнія сестры въ прозорливость старца и въ истинность его завѣщанія тотчасъ разсѣялись: она устыдилась ихъ и поскорбѣла о своемъ невѣріи.

Впослѣдствіи, когда въ Дивѣевѣ выстроенъ былъ новый

деревянный храмъ, церковь о. Серафима заперли, псалтирь вынесли изъ нея, свѣча и лампада не горѣли. Обитель послѣ этого случая потерпѣла много искушеній, и между ея подвижницами существуетъ убѣжденіе, что Господь попустилъ это за несохраненіе уставовъ о. Серафима. Отступленіе это было слѣдствіемъ вмѣшательства въ управленіе Дивѣевскою обителью сторонняго лица.

Въ настоящее время, помощію Божіею и по молитвамъ о. Серафима, уставы его опять приведены въ дѣйствіе: въ церкви, попрежнему, горятъ неугасимо свѣча и лампада.

Не ограничиваясь данными завѣщаніями и простирая виды гораздо далѣе, о. Серафимъ при жизни своей приготовилъ мѣсто для построенія собора. Онъ предсказалъ сестрамъ о построеніи его и о разныхъ другихъ обстоятельствахъ обители. Разъ пришла къ нему Дивѣевская старица Матрона, посѣщавшая Серафимовскую пустынь едва-ли не чаще другихъ сестеръ. Она, вмѣсто своего одѣянія, какое носили жительницы обители, одѣлась въ убогое рубище странницы, во избѣжаніе осужденій и упрековъ, что часто уже сестры безпокоютъ старца. О. Серафимъ, какъ-бы не узнавая ее, прежде всего спрашивалъ: „кто ты такая, матушка, и откуда?“ Когда же она называла себя Дивѣевскою Матроною, старецъ отрицался отъ ней, будто никогда не видалъ ее и въ первый разъ слышитъ, что она изъ Дивѣева. Огорченная поступкомъ, что пришла не въ своемъ платьѣ, старица упала о. Серафиму въ ноги и горько зарыдала, какъ отъ раскаянія, такъ и отъ мысли, что не зачѣмъ ей и жить теперь, когда о. Серафимъ отказывается отъ нея. Старецъ же, какъ самый нѣжный отецъ, поднялъ ее, говоря: „встань, радость моя, встань: я знаю, кто пришелъ ко мнѣ.“ Потомъ, помолчавши, спросилъ: „что изъ трехъ лучше: утѣшеніе ли, молитва или бесѣда?“ Не переставая все плакать, старица отвѣтствовала: „молитва, батюшка, полезнѣе всего;“ а онъ на это сказалъ: „ты, матушка, благоразумно отвѣчаешь.“ Затѣмъ онъ началъ говорить ей въ утѣшеніе, чтобы ни въ какомъ случаѣ она не оставляла обители, даже и тогда, какъ его на свѣтѣ не будетъ. „Намъ, матушка, сама Царица Небесная пожаловала землю, на которой живете вы. Матерь Божія исходатайствовала ее у Господа, а я убогій Серафимъ, выпросилъ ее у Царицы Небесной — такъ никто ее у насъ не отниметъ.

У насъ, матушка *и свой соборъ будетъ.* На нашей землѣ и свои стада будутъ, и овечки, и волна. Что намъ, матушка, унывать? Все у насъ будетъ свое. Сестры будутъ и пахать, и хлѣбъ сѣять; а ты, какъ полная хозяйка, отрѣжь хлѣба, сколько тебѣ угодно, посоли да и кушай себѣ на здоровье. Къ намъ придутъ и вдовицы, и отроковицъ приведутъ съ собой. Но мы, матушка, особенныхъ чувствъ отъ вдовицъ. Онѣ совсѣмъ противно судятъ о насъ. Дѣвица услаждается только сладчайшимъ Іисусомъ. Его созерцаетъ въ страданіяхъ и, вся свободная духомъ, предается служенію Богу; а у вдовицы—все воспоминаніе мірское: „какъ хорошъ былъ покойникъ-то нашъ! говорятъ онѣ: какой онъ былъ добрый человѣкъ!“ Старица Матрона, утѣшенная и получивъ благословеніе, воротилась домой.

Между тѣмъ о. Серафимъ, помышляя о построеніи собора, удобнымъ для сего нашелъ мѣсто, недалеко отъ Казанской церкви, на срединѣ между старою и новою обителями, принадлежавшее помѣщику Е. И. Жданову. Этотъ господинъ, послѣ смерти родителей, оставался тогда старшимъ въ своемъ семействѣ, одинъ полновластно завѣдывалъ всѣми дѣлами, а дѣла его были въ очень разстроенномъ состояніи. По глубокому уваженію къ о. Серафиму, онъ душевно желалъ принадлежащій ему съ прочимъ семействомъ участокъ земли пожертвовать безденежно для построенія собора. Но о. Серафимъ не соглашался на это. Онъ далъ Дивѣевской сестрѣ Еленѣ Васильевнѣ Мантуровой денегъ для покупки этого мѣста и, отправляя вмѣстѣ со старицею Уліяною Григорьевною къ Е. И. Жданову, сказалъ: „св. царь и пророкъ Давидъ, когда восхотѣлъ созиждить храмъ Господу на горѣ Моріи, гумно Орны туне не принялъ, а заплатилъ цѣну. Такъ и здѣсь Царицѣ Небесной угодно, чтобы мѣсто подъ храмомъ было пріобрѣтено покупкою, а не туне оное получить. Мнѣ даромъ отдавали землю, но это Ей не угодно.“ По совершеніи купчей крѣпости, велѣлъ сестрѣ Еленѣ Мантуровой списать съ нея копію полууставомъ и принести къ нему. А когда эта сестра отошла ко Господу, о. Серафимъ потребовалъ къ себѣ и подлинную купчую крѣпость. Вручая ее брату усопшей, Михаилу Васильевичу Мантурову, отлучавшемуся въ Симбирскую губернію и только что пріѣхавшему въ Саровъ, онъ, умоляя, просилъ его, чтобы какъ можно сберегалъ ее и когда придетъ время постройки собора, чтобы

его поставили на сей имеино, а не на другой землѣ. Въ іюнѣ 1848 года покойный преосвященный Іаковъ нижегородскій, по указанію г. Манторова, въ рукахъ котораго была и купчая крѣпость, на этомъ именно мѣстѣ положилъ своими руками первый камень на сооруженіе соборнаго храма. Но врагъ человѣчества, преслѣдовавшій блаженнаго старца Серафима при жизни, и послѣ его успѣнія воздвигъ препятствія къ выполненію уже начатаго святаго дѣла, такъ что храмъ этотъ былъ освященъ только чрезъ 27 лѣтъ, въ 1875 году. Между тѣмъ г. Ждановъ, по полученіи отъ о. Серафима денегъ за землю подъ соборъ, самъ не понимая какъ, началъ разживаться и дѣла свои привелъ въ отличный порядокъ. Впослѣдствіи онъ былъ предводителемъ дворянства въ уѣздѣ, имѣлъ 10 человѣкъ дѣтей и наслаждался довольствомъ.

Такимъ образомъ о. Серафимъ образовалъ особую такъ называвшуюся *Серафимо-Дивѣевскую* общину, отдѣльную отъ обители Агаѳіи Симеоновны Мельгуновой.

Дальнѣйшая послѣ смерти о. Серафима судьба обѣихъ этихъ общинъ не относится уже къ жизни о. Серафима. Мы замѣтимъ только, что онѣ въ порядкѣ, устроенномъ о. Серафимомъ, находились до 1842 года. Въ этомъ же году оба отдѣленія соединены въ одну обитель, которая названа *Серафимо-Дивѣевскою* общиною и была принята подъ покровительство власти духовной и гражданской. Въ 1861 году община обращена въ третьеклассный женскій монастырь и нынѣ заключаетъ въ себѣ около 900 спасающихся душъ.

Объяснимъ теперь, для полноты дѣла, какъ о. Серафимъ смотрѣлъ на свою общину и какъ относился къ ея членамъ. По духу онъ не отдѣлялъ мельничной общины отъ Дивѣевской и первоначальницею обѣихъ считалъ инокиню Александру, самъ питалъ къ ней уваженіе и сестрамъ внушалъ тоже. Такъ, бесѣдуя однажды съ сестрою Іустиніею Ивановною, онъ говорилъ: „если бы ты знала, матушка, какая раба Божія заводила мѣсто это и покоится у васъ въ обители? Одежда была у ней многошвейная, платъ ветхій, а зеницы ея не высыхали отъ слезъ. Я и самъ донынѣ стопы ея лобызаю. Ходи каждый день, матушка, ходи на ея гробъ. На гробѣ же, поклонившись, говори вотъ какія слова: „госпожа наша и мать прости меня, и благослови и помолися о мнѣ, чтобы какъ ты

прощена отъ Господа, такъ бы и меня простилъ Онъ, и помяни меня у престола Божія." Эти мысли и уваженіе, которымъ самъ первый слѣдовалъ, о. Серафимъ внушалъ всѣмъ сестрамъ общины. На себя же онъ смотрѣлъ, какъ на духовнаго родоначальника новой общины. „Скажу тебѣ, радость моя—говорилъ онъ сестрѣ Евдокіи Ефремовнѣ—я васъ духовно породилъ и во всѣхъ тѣлесныхъ нуждахъ не оставлю. Васъ я теперь избираю въ сестры себѣ, а которыя придутъ послѣ меня, тѣ будутъ дщери (дочери) мои." Онъ считалъ новозаведенную общину угодною Богу и покровительницею ей признавалъ Божію Матерь. Вотъ, матушка, знайте — говорилъ онъ сестрѣ Параскевѣ Степановнѣ—знайте, что мѣсто это Сама Царица Небесная избрала для прославленія имени Своего: Она вамъ будетъ стѣна и защита." Всматриваясь въ будущее, о. Серафимъ скорбѣлъ, что не кому послѣ смерти его поручить обители и нерѣдко говорилъ такъ: кромѣ меня, убогаго Серафима, вамъ отца не будетъ. Вотъ о. Иларіонъ — старецъ (іеромонахъ Саровской пустыни), но за васъ взяться не можетъ, также и батюшка Исаія не возьмется; а могъ бы за васъ взяться и быть вамъ отцемъ послѣ меня отецъ Савватій, но не хочетъ (также инокъ Саровскій; онъ послѣ принялъ схиму, подъименемъ Стефана). И такъ, скажу вамъ, что послѣ меня у васъ отца не будетъ." Вслѣдствіе сего онъ поручалъ всегда сестеръ Господу и Божіей Матери. За недѣлю до своей кончины, онъ говорилъ сестрѣ Параскевѣ Степановнѣ: „Теперь ты и всѣ вы не имѣете нужды ни въ чемъ, а послѣ меня много вамъ будетъ скорби... Ну, что жъ дѣлать? Потерпите, такой ужъ путь вамъ! Теперь только начало... Не я избралъ васъ, а Сама Царица Небесная избрала и дала мнѣ васъ, простыхъ дѣвушекъ; а потомъ къ вамъ придутъ всякаго рода и званія, и по мнѣ, убогомъ Серафимѣ, васъ взыщутъ большія лица... Станутъ спрашивать—все тогда говорите, что слышали отъ меня, не бойтесь; а теперь, пока время не пришло, молчите." Эти слова о. Серафима вполнѣ оправдались исторіею общины. Завѣщанію же его ничего не скрывать послѣ его смерти—мы обязаны тѣмъ, что могли подробно со словъ собесѣдницъ изобразить его отношеніе къ общинѣ.

VIII.

Вліяніе старца Серафима на Ардатовскую обитель и Зеленогорскую общину.

Порученіе трехъ общинъ о. Серафиму.—О первомъ основаніи Ардатовской общины.—Переселеніе общины на новое мѣсто и внутренній порядокъ.—Вліяніе саровскихъ старцевъ.—Споры и избраніе новой начальницы послѣ смерти основательницы общины.—Голодъ въ общинѣ.—Обращеніе къ о. Серафиму.—Неожиданное спасеніе.—Предостереженіе сестеръ общины отъ новаго голода.—Нравственное вліяніе о. Серафима на нихъ.—Назначеніе помощника себѣ въ этомъ дѣлѣ.—Забота о безопасности обители.—Опредѣленіе будущаго.—Общій взглядъ на отношеніе о. Серафима къ общинѣ.—Послѣднее его распоряженіе о ней.—Нѣсколько словъ объ отношеніи его къ обители Зеленогорской.

Въ бесѣдѣ съ начальницею Ардатовской обители Е. А., отецъ Серафимъ говорилъ однажды, что во дни пустыннической жизни явилась ему Божія Матерь съ двѣнадцатью Апостолами, облистаемая неизреченнымъ свѣтомъ и славою, и поручила ему, для устроенія и руководства, три обители: *Дивѣевскую, Ардатовскую и Зеленогорскую.* Обстоятельства оправдали это сказаніе, какъ въ отношеніи Дивѣевской (что уже видѣли мы), такъ и по отношенію къ Ардатовской обители и къ общинѣ Зеленогорской.

Основательницею и первою начальницею Ардатовской общины была дѣвица изъ мѣщанокъ *Васса Димитріевна Полюхова.*

По любви къ ближнимъ, она дала въ хижинѣ родителей своихъ, стоявшей за городомъ Ардатовомъ, не въ ряду прочихъ строеній, на правомъ берегу рѣки Лемети, пріютъ немногихъ безпріютнымъ дѣвамъ. Четыре года онѣ проводили здѣсь время въ тѣлесныхъ трудахъ и благочестивыхъ подвигахъ, особенно же въ молитвѣ. Не имѣя возможности, за отдаленностію отъ города, всегда, когда хотѣлось бы, бывать въ церкви, ардатовскія дѣвы, около 1810 года, на общій счетъ, купили себѣ въ Темниковской улицѣ города, не далеко отъ собора, небольшой домъ и земли въ 243 кв. сажени. Переселившись сюда, онѣ приняли черное одѣяніе и ввели опредѣленный порядокъ относительно трудовъ, келейной и церковной молитвы. Здѣсь ихъ домъ слылъ подъ именемъ *богадѣльни*. Число дѣвъ съ теченіемъ времени увеличилось. Онѣ пристроили себѣ новую храмину, которая служила у нихъ трапезою и мѣстомъ утреннихъ и вечернихъ собраній для молитвы. Желая образовать изъ себя общину, это учрежденіе усвоило себѣ, наконецъ, форму и правила монастырскаго общежитія, и свою основательницу Вассу Димитріевну, за строгость и чистоту жизни, признало настоятельницею. Когда умерла эта настоятельница (умерла же она 21-го ноября 1823 года), въ Ардатовской общинѣ было уже около 40 сестеръ. Еще до смерти ея, со введенія общежитія, сестры находились уже подъ нравственнымъ вліяніемъ саровскихъ старцевъ, особенно о. Серафима и Иларіона.

По кончинѣ Вассы Димитріевны Полюховой, сестры пришли въ крайнее недоумѣніе: онѣ предлагали начальство другъ другу, но ни одна изъ старшихъ сестеръ не отваживалась принять на себя тяготу этого званія въ то трудное еще для общины время. Желая рѣшить споры, старшія сестры пошли къ о. Серафиму, ожидая, что онъ, по своей прозорливости укажетъ имъ настоятельницу. Онѣ объяснили старцу свое горестное положеніе, прося у него совѣта и участія. О. Серафимъ, неотвѣчая имъ прямо, обратился къ одной изъ пришедшихъ, имя ей Евдокія Андреевна, и сталъ давать ей правила касательно обязанностей настоятельницы. Всѣмъ ясно стало, что Божія Матерь ей ввѣряетъ храненіе обители; но Евдокія Андреевна старалась отклонить отъ себя эту честь, увѣряя, что для званія настоятельницы у ней нѣтъ рѣшительнаго характера; что, въ случаѣ недостатковъ, которые нерѣдко тер-

нить община, она не съумѣетъ обезпечить сестеръ. Но старецъ заградилъ уста ея словами: „ты проси Божію Матерь, сиди дома—и Богъ пошлетъ со всѣхъ сторонъ.“ Эти довольно нерѣшительныя рѣчи приняты были всѣми въ такомъ смыслѣ, что онъ временное только правленіе поручаетъ Евдокіи Андреевнѣ, а потому годъ прошелъ, а начальницы у Ардатовскихъ сестеръ не было; сестра же Евдокія почиталась между ними только старшею и попечительницею. Наконецъ пришелъ старецъ Иларіонъ и окончательно утвердилъ ее въ званіи настоятельницы общины.

Между тѣмъ надежда о. Серафима на промыслъ Божій объ общинѣ Ардатовской неоднократно оправдалась. Во время всеобщаго голода, община, устроеніемъ Божіимъ и молитвами Пресв. Богородицы, не терпѣла недостатка въ хлѣбѣ. Случилось однажды такъ, что въ общинѣ осталось хлѣба и муки только на два дня, и неоткуда было взять болѣе. Собравши сестеръ, начальница съ сердечною скорбію объявила имъ о крайнемъ оскудѣніи обители. Въ такихъ обстоятельствахъ сестрамъ оставалось избрать одно: или голодъ терпѣть, или разойтись. Горестное положеніе чрезвычайно опечалило всѣхъ. Сестры, отъ всей души помолившись Богу, послали одну отъ себя къ о. Серафиму, просить старца, чтобы онъ сказалъ слово въ утѣшеніе скорбящимъ и своими молитвами ходатайствовалъ бы за нихъ у Бога. Посланная застала его въ трудахъ недалеко отъ пустыни; съ горькими слезами упала она въ ноги къ старцу и повѣдала свои до него нужды. На этотъ разъ старецъ, измѣнивъ правиламъ обычнаго своего человѣколюбія, не слушалъ словъ сестры, съ видимымъ неудовольствіемъ запрещалъ ей унывать и жаловаться, даже гналъ ее прочь отъ себя, приговаривая: „безъ нужды кланяетесь, безъ нужды кланяетесь!“ Сестра съ большею скорбію возвратилась въ обитель, разсказала слова старца, не скрывъ и того, какъ неласково она была принята имъ. Но на третій день, утромъ, когда у сестеръ ничего не осталось, кромѣ надежды на Бога, онѣ получили отъ неизвѣстнаго благотворителя вспоможеніе мукою, отъ которой и подкрѣпили себя въ тотъ же день пищею, прославляя Господа.

Были и другіе случаи, въ которыхъ о. Серафимъ, въ предостереженіе отъ бѣдствій, иносказательно предвѣщалъ настоя-

тельницѣ о предстоящемъ голодѣ, падежѣ скота и подобныхъ бѣдствіяхъ. Такъ разъ, подавая ей серебряный рубль, онъ сказалъ: „это вамъ на *чистый* хлѣбъ, а это — промолвилъ, развертывая и подавая тогдашнюю синюю ассигнацію — на приваръ“ (т. е. на кашу). Думая, что эти слова слѣдуетъ отнести къ предстоящимъ событіямъ, Евдокія Андреевна, наклонивъ голову, немного призадумалась и не обратила вниманія на ассигнацію. Старецъ, взявъ бумажку изъ ея рукъ съ такимъ чувствомъ, какъ отецъ беретъ вещь изъ рукъ ребенка, который не знаетъ ей цѣны, развернулъ ее и завязалъ ей въ платокъ, говоря, что: „теперь не должно сестрамъ пренебрегать деньгами; что скоро откроется нужда и деньги понадобятся.“ Послѣ этого объясненія слѣдовалъ разговоръ о спасеніи души и добродѣтеляхъ, необходимыхъ для инокинь. Утѣшенныя бесѣдою и напутствованныя благословеніями, начальница и сестры благополучно возвратились въ обитель; объ ассигнаціи же и таинственномъ ея значеніи забыли-было. Но въ скоромъ времени онѣ заслышали, что по всуду наступаетъ голодъ и что бѣдные люди, для сохраненія малыхъ запасовъ своихъ на болѣе продолжительное время, къ хлѣбу примѣшивали лебеду. „Мы же—говорили ардатовскія сестры — во все это голодное время, милостію Божію и молитвами о. Серафима, продовольствовались *чистымъ* (безъ примѣси лебеды) хлѣбомъ.“

Руководствовалъ старецъ Серафимъ сестеръ Ардатовской общины также и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Одна изъ нихъ, ревнуя о высшихъ подвигахъ, просила о. Серафима благословенія носить власяницу и наложить на себя постъ сверхъ извѣстныхъ въ православной Церкви дней. Старецъ весьма премудро не одобрилъ ея намѣреній и сказалъ: „ни власяницы, ни посты не надо; живи съ сестрами, какъ сестры, такъ и ты; только до-сыта ничего не вкушай; оставляй мѣсто св. Духу.“ Потомъ, какъ бы желая совершенно успокоить ее, онъ прибавилъ, что „мѣсто, на которомъ стоитъ обитель (а обитель занимала мѣсто не подалеку отъ храма Божія), исполнено благодати, и потому можно спасти въ ней душу, слѣдуя только предписаніямъ монастырскаго устава и не принимая на себя излишнихъ подвиговъ, превышающихъ силы.“

О. Серафимъ заботился, чтобы сестры не оставались безъ совѣтовъ и руководства, и въ такомъ случаѣ, когда онъ самъ,

по занятіямъ своимъ, не былъ въ состояніи удѣлить для нихъ времени. „Когда я занятъ — говорилъ онъ — то идите къ о. Иларіону: все равно, что я, что онъ.“ Вообще онъ совѣтовалъ имъ искать себѣ заступленія и молитвъ у подвижниковъ Саровской пустыни, прозрѣвая духовными очами своими, какъ сильна молитва ихъ у Бога. Настоятельницѣ Евдокіи Андреевнѣ онъ часто говаривалъ: „ограда-то у васъ не каменна, но понадежнѣе каменной; сосѣди-то у васъ всѣ какъ свои.“ Не смотря на то, приказывалъ, чтобы сестры, для порядка и приличія, а также ради вящшей безопасности, никогда не оставляли повсеночнаго караула. О. Серафимъ далеко предусматривалъ будущее и за нѣсколько лѣтъ ранѣе опредѣлилъ обстоятельства построенія церкви для Ардатовской общины. Тогда сестры ходили къ общественному богослуженію въ приходскій храмъ св. Пророка Иліи, отстоявшій отъ келлій въ полуверстѣ. Нѣкто просилъ у о. Серафима благословенія перевести сестеръ въ тотъ приходъ; но онъ не благословилъ и сказалъ: „ты припаси канатъ; я самъ приду, размѣрю мѣсто для церкви; трапеза будетъ внизу.“ Послѣдствія объяснили, что трапезу онъ разумѣлъ духовную, т. е. алтарь, который дѣйствительно пришелся внизу, потому что монастырскій храмъ половиною стоитъ въ землѣ. Въ другой разъ онъ посылалъ къ общину позолотчиковъ, говоря имъ: „грядите къ Евдокіи, грядите къ Евдокіи: она дастъ вамъ работы: ей надобно иконостасъ золотить.“ Въ общинѣ же въ то время не было и церкви. Сестры очень удивились странному посольству, полагая, что слова эти относятся не къ нимъ.

Не задолго до кончины о. Серафима, посѣтили его сестры Ардатовской общины вмѣстѣ съ начальницею Евдокіею Андреевною. Старецъ сдѣлалъ начальницѣ разныя наставленія касательно ея обязанностей, руководства сестеръ и, наконецъ, совершенно неожиданно, сталъ говорить: „нѣтъ, надо учить, надо учить.“

Сестры въ то время сами уже пѣли, и начальница, не понимая, къ чему клонится разговоръ, сказала: „вѣдь у насъ поютъ.“

Старецъ на это отвѣчалъ: „поютъ-то поютъ, да тону-то не знаютъ: церковь скоро будетъ.“

Исполненная радости и недоумѣнія, начальница спросила: „развѣ къ Иліи Пророку перейдемъ?“

— Тамъ голодъ будетъ,—отвѣчалъ о. Серафимъ.

„Ну, знать, въ Полевую церковь?“ А полевою въ Ардатовѣ называется кладбищенская церковь Скорбящей Божіей Матери и Всѣхъ Святыхъ.

— Снѣгомъ западете, отвѣчалъ о. Серафимъ. — А свыше сойдетъ воля Божія и взойдутъ большіе люди въ ваше положеніе. Если тебѣ начать — препятствія будутъ со стороны; а когда большіе люди войдутъ—всѣ умолчатъ.“

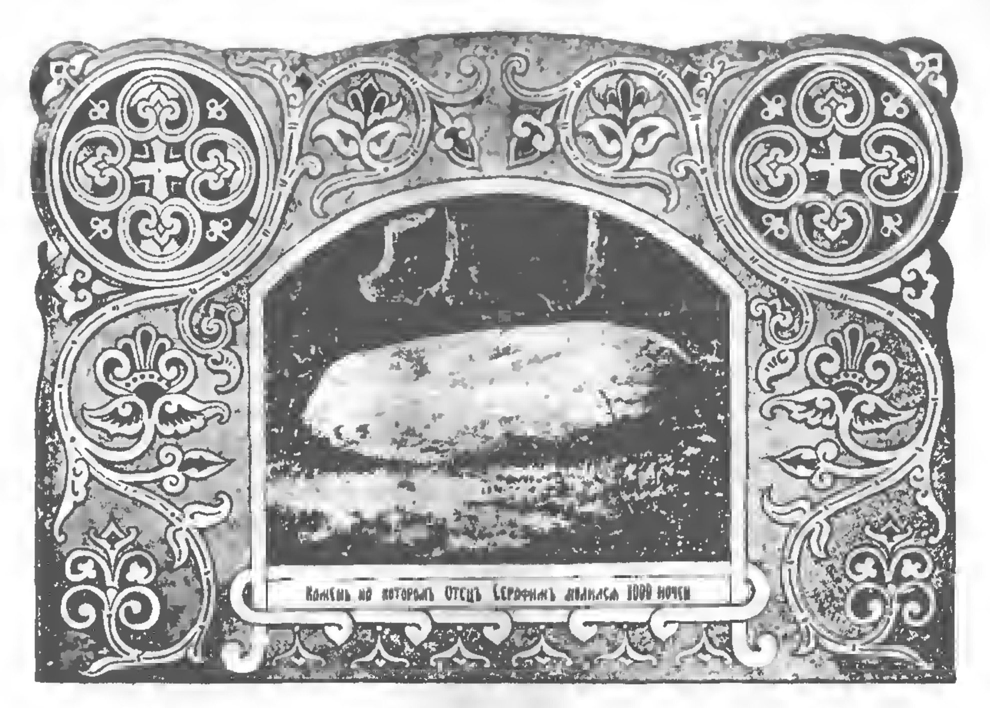
Всѣ эти сказанія о. Серафима о построеніи храма, о позолотѣ иконостаса въ настоящее время совершенно оправдались: Въ Ардатовской общинѣ теперь есть свой храмъ въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы съ двумя придѣлами, устроенный иждевеніемъ благотворителей. Главный иконостасъ въ храмѣ горитъ золотомъ. Стѣны расписаны священными изображеніями. Церковь съ избыткомъ обогащена священными сосудами, ризами и всѣмъ необходимымъ.

Вообще о. Серафимъ былъ поистинѣ добрымъ пастыремъ душъ Ардатовской общины. Сестры искренно любили его и съ покорностію слѣдовали его опытному руководству въ дѣлахъ духовной жизни. Онъ наставлялъ ихъ на путь спасенія. Старшихъ увѣщавалъ смирять себя, быть образомъ кротости и незлобія, снисходить слабости и недостаткамъ ближнихъ, внимать наиболѣе себѣ и заботиться о своемъ спасеніи. Начальницѣ совѣтовалъ чаще прочитывать и глубже вдумываться въ житіе св. Саввы Освященнаго. Попеченіе объ Ардатовской общинѣ о. Серафимъ сохранилъ до конца своей жизни. Послѣднимъ его распоряженіемъ было назначеніемъ въ Ардатовскую общину новой начальницы. За нѣсколько дней до кончины о. Серафима, пріѣхала въ Дивѣево за тысячу верстъ одна барышня, по имени Евпраксія. Сестры Ардатовской общины, освѣдомившись о ея свойствахъ и настроеніи, усердно просили у о. Серафима благословенія принять ее къ себѣ въ начальницы; но старецъ и слышать не хотѣлъ о семъ и ее на глаза къ себѣ не пускалъ. Евпраксія настоятельно просила допустить ее къ себѣ, позволить ей пасть предъ нимъ на колѣни, принять благословеніе и попросить его молитвъ о себѣ; а о. Серафимъ какъ будто гнѣвался на это и просительницу посылалъ изъ-за двери своей келліи прочь отъ себя. Но когда она, потерявъ надежду и терпѣніе видѣть старца, оставила его и

скрылась изъ виду, онъ подозвалъ къ себѣ приходившихъ съ нею сестеръ Ардатовской общины и, указывая рукою на ушедшую, сказалъ: „вотъ вамъ Богомъ данная Евпраксія. Любите ее, во всемъ ей повинуйтесь и подражайте ей.“ Объ этомъ обстоятельствѣ писала къ затворнику Георгію Марія Кар., въ то время бывшая въ Саровѣ. Въ объясненіе этого обстоятельства въ ея письмѣ прибавлено: „и не иначе я мыслю, какъ о. Серафимъ, по своей прозорливости, зналъ ее заочно и ждалъ въ Ардатовскую общину.“ Помощникомъ о. Серафиму въ дѣлахъ Ардатовской общины постоянно былъ, другой почтенный старецъ Саровской пустыни, о. Иларіонъ. Въ 1861 году Ардатовская община преобразована въ женскій общежительный монастырь.

Касательно участія о. Серафима въ Зеленогорской обители мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, такихъ полныхъ и подробнѣйшихъ свѣдѣній, какія посчастливилось собрать о его вліяніи на обитель Дивѣевскую и Ардатовскую. Извѣстно только, что Зеленогорская обитель отъ основанія своего составляла предметъ отеческихъ попеченій о. Серафима до его смерти.

Будучи еще въ молодыхъ лѣтахъ и въ начальныхъ монастырскихъ послушаніяхъ, о. Серафимъ почти каждый годъ былъ посылаемъ отъ братіи на зеленогорскую ярмарку, для пріобрѣтенія нужныхъ монастырю вещей. Въ этихъ случаяхъ онъ всегда обхаживалъ кругомъ то мѣсто, гдѣ стоялъ прежде мужской монастырь и со скорбію размышлялъ о его уничтоженіи. Однажды, во время такой прогулки, онъ замѣтилъ, что въ уголкѣ полуразрушенной монастырской ограды явилась маленькая келлія, въ которой поселился какой-то человѣкъ, для спасенія души своей. О. Серафимъ возрадовался духомъ, прозрѣвая въ этомъ событіи начало возрожденія обители. Съ тѣхъ поръ онъ не переставалъ содѣйствовать обители своими молитвами, одобреніемъ, совѣтами и другими разнаго рода пособіями до блаженной своей кончины. И уже при жизни его тамъ не мало было женъ, спасавшихся, и между ними Лазаревна, старшая изъ сестеръ, почиталась какъ святая. Въ настоящее время тамъ устроена женская обитель, имѣющая свою настоятельницу.


Камень на которомъ Отецъ Серафимъ молился 1000 ночей

IX.

Послѣдніе годы жизни о. Серафима.

Отвѣты его соблазнившимся. — Бесѣды съ игуменомъ Нифонтомъ. — Духъ обхожденія съ посѣтителями.—Посѣщенія монашествующихъ.—Бесѣды съ мірянами.—Отвѣты на вопросы: что ты всѣхъ учишь и зачѣмъ приходящихъ помазываешь елеемъ?—Опыты прозорливости о. Серафима.—Польза отъ этого дара и объясненіе, какъ онъ дѣйствовалъ въ душѣ о. Серафима. — Исцѣленія больныхъ. — Цѣлительное свойство воды въ Серафимовомъ источникѣ.—Случай исцѣленія отъ употребленія сей воды.—Врачевство и совѣты о. Серафима во время холеры 1831 года.—Помощь его скорбящимъ, страждущимъ душевными недугами и бѣсноватымъ.—Соединеніе съ исцѣленіями предсказаній о будущемъ.—Предсказанія, касающіяся всего общества, нѣкоторыхъ частныхъ лицъ и Саровской обители.—Одежда о. Серафима.—Подвиги его противу сна.—Его самоотверженіе и привязанность къ иночеству. — Какое время онъ проводилъ въ молитвѣ? — Его постоянная молитва за живыхъ и усопшихъ.—Употребленіе свѣчей и лампадъ при молитвѣ.—Стояніе на воздухѣ во время молитвы.—Уваженіе къ нему другихъ подвижниковъ.—Духовное общеніе старца съ ними.—Разительный примѣръ его общенія.—Явленіе Божией Матери въ день Благовѣщенія.

Мы упоминали уже о нѣкоторыхъ бесѣдахъ о. Серафима, говоримыхъ не задолго до его смерти. Разборъ событій не замѣтно приблизилъ насъ теперь именно къ предпослѣднимъ годамъ его жизни. Врагъ не оставляетъ человѣка въ покоѣ до самаго гроба. Такъ и о. Серафимъ, взошедши на высоту духовной жизни, не скрылся и тамъ отъ искушеній діавола. Во многихъ онъ возбуждалъ зависть и злобу на то, что всѣхъ принималъ къ себѣ, всѣмъ дѣлалъ добро, не различая половъ.

Одинъ братъ рѣшился даже сказать ему: „тебя много безпокоятъ обоихъ половъ люди: и ты пускаешь къ себѣ всѣхъ безъ различія.“ О. Серафимъ, оправдывая себя отъ пустого нареканія, привелъ въ примѣръ св. Иларіона великаго, который не велѣлъ затворять дверей ради странниковъ. „Положимъ—говорилъ онъ — что я затворю двери моей келліи. Приходящіе къ ней, нуждаясь въ словѣ утѣшенія, будутъ заклинать меня Богомъ отворить двери и, не получивъ отъ меня отвѣта, съ печалію пойдутъ домой... Какое оправданіе я могу тогда принести Богу на страшномъ судѣ Его?“ Отсюда видно, что о. Серафимъ пріемъ къ себѣ всѣхъ приходящихъ считалъ дѣломъ совѣсти, обязательствомъ жизни, въ которомъ Богъ потребуетъ отъ него отчета на судѣ.

Нѣкто выразилъ ту же мысль еще рѣшительнѣе: „тобою, говорилъ, нѣкоторые соблазняются.“ Старецъ отвѣтствовалъ на сіе такъ: „но я не соблазняюсь ни тѣмъ, что мною одни пользуются, ни тѣмъ, что другихъ это соблазняетъ.“

Гораздо чувствительнѣе для него была бесѣда игумена Саровской обители, о. Нифонта. Разъ, возвращаясь изъ пустыни въ келлію, встрѣтился старецъ Серафимъ съ о. Нифонтомъ. По своему смиренномудрію, предваривши настоятеля поклономъ, онъ привѣтствовалъ его, по обычаю іерейскому, братскою любовію. Отецъ же игуменъ Нифонтъ, ублажая старца за его подвиги, вмѣстѣ съ тѣмъ передалъ ему мысль братіи, которые по строгости своего воззрѣнія, не одобряли, что о. Серафимъ принималъ къ себѣ людей всякаго пола и рода, хотя и для спасительнаго назиданія. „Особливо—говорилъ онъ—тѣмъ соблазняются, что ты оказываешь милостивое попеченіе сиротамъ Дивѣевскимъ.“ Считаемъ нужнымъ предупредить, что игуменъ Нифонтъ глубоко любилъ и уважалъ старца Серафима и держалъ къ нему такую рѣчь единственно потому, что братія соблазнялись... Выслушавши слово отца игумена, старецъ снова упалъ къ нему въ ноги и далъ ему мудрый и спасительный отвѣтъ – не предаваться на будущее время ложнымъ внушеніямъ и не принимать отъ братіи всякаго слова на ближняго безъ разсужденія. „Ты пастырь — говорилъ онъ, – не позволяй же всѣмъ напрасно говорить, безпокоить себя и путниковъ, идущихъ къ вѣчности. Ибо слово твое сильно, и посохъ, какъ бичъ, для всѣхъ страшенъ.“ Старецъ Нифонтъ выразилъ свое

согласіе на то, чтобы о. Серафимъ не измѣнялъ своего направленія и по прежнему продолжалъ всѣхъ принимать къ себѣ, ради ихъ душевной пользы.

Работавшій въ Саровѣ, крестьянинъ Лихачевскій Е. В., разъ подходя къ пустынѣ о. Серафима, увидѣлъ издали, что съ нимъ сидитъ и бесѣдуетъ неизвѣстная ему молодая лѣтъ шестнадцати дѣвица, очень хорошо одѣтая. Какъ неопытный въ духовной жизни, онъ подумалъ: „о чемъ это батюшка такъ бесѣдуетъ съ нею? Какія еще наставленія — идутъ къ ея возрасту?" Только-что подошелъ онъ съ своими мыслями поближе, старецъ, указывая на признаки своей глубокой старости, сказалъ: „Я ко всему мертвъ, а ты что это думаешь?" Тогда крестьянинъ упалъ ему въ ноги и покаялся въ своей винѣ. Отецъ же Серафимъ милостиво благословилъ его, отпустилъ ему вину его и сказалъ: „успокойся и больше не повторяй."

а) Любвеобиліе о. Серафима въ обхожденіи съ ближними.

Любовь и участливость, съ которыми старецъ относился къ посѣщавшимъ его, весьма ясно отпечатлѣваются въ слѣдующемъ разсказѣ г-жи Елизаветы Николаевны Пазухиной, симбирской помѣщицы.

„Съ самаго ранняго дѣтства наслышалась я о прозорливости и святости саровскаго затворника и пустынника о. Серафима, и потому весьма хотѣлось мнѣ посмотрѣть на него и принять отъ него благословеніе. Желаніе мое исполнилось, наконецъ, по милости Божіей, въ 1830 году."

Въ Арзамасѣ, на пути въ Саровскую обитель, сказали мнѣ хозяева квартиры, гдѣ я остановилась, что если я не поспѣю въ Саровъ къ ранней обѣднѣ въ наступающее воскресенье, то не увижу уже о. Серафима, потому что онъ послѣ ранней обѣдни обыкновенно уходитъ въ свою пустыньку и остается тамъ до среды. Такъ какъ погода тогда была весьма тяжелая, а мое здоровье было плохо, то, чувствуя себя не въ силахъ искать о. Серафима въ его пустынькѣ, я тотчасъ же, не отдыхая въ Арзамасѣ, пустилась въ путь, что было въ субботу, послѣ обѣда; ѣхала всю ночь и на утро была въ Саровѣ. Первый вопросъ мой, при входѣ въ гостинницу, былъ: „не кончилась ли ранняя обѣдня?" И когда монахъ, которому предложила я свой воп-

росъ, объявилъ мнѣ, что обѣдня уже кончена, я совершенно упала духомъ, потерявъ надежду увидѣть о. Серафима. Но Господу Богу угодно было утѣшить меня и не допустить до унынія. Я отправилась, на счастіе, къ его келліи, вмѣстѣ со множествомъ другихъ посѣтителей Сарова, и мы нашли, что дверь его келліи заперта была изнутри. Это было знакомъ, что старецъ остался дома, и мы рѣшились испросить у него благословеніе на то, чтобы видѣть его и утѣшиться его душеспасительнымъ словомъ. Но никто изъ насъ не смѣлъ первый сотворить молитву. Пробовали нѣкоторые, но дверь не отворялась. Наконецъ я обратилась къ стоявшей подлѣ меня, у самыхъ дверей, дамѣ съ маленькою дѣвочкою, чтобы она заставила малютку сотворить молитву, говоря, что она всѣхъ насъ достойнѣе. И только-что малютка сотворила молитву, какъ въ ту же минуту дверь отворилась. Но каковъ былъ общій нашъ испугъ, когда о. Серафимъ, отворивъ дверь, началъ опять закрывать ее! Я стояла ближе всѣхъ къ дверямъ и пришла въ совершенное отчаяніе, подумавши: „Господи! вѣрно я всѣхъ недостойнѣе, что онъ, увидѣвъ меня, рѣшился снова затвориться.“ Но едва подумала я это, какъ о. Серафимъ, стоя въ полузакрытой двери, обратился ко мнѣ и сказалъ: „успокойтесь, матушка, успокойтесь, потерпите немного,“ и вслѣдъ за тѣмъ, вторично отворивъ дверь, обратился ко мнѣ снова и спросилъ: „пожалуйте матушка; скажите мнѣ, какая вамъ нужда? что вамъ угодно?“ Я заплакала отъ радости и сказала ему, что у меня одно желаніе—принять его благословеніе и испросить его св. молитвъ. Тогда онъ тотчасъ благословилъ меня и сказалъ: „Господь да благословитъ васъ, благодать Его съ вами!“ И въ то же время онъ пожаловалъ мнѣ три частицы просфоры. Послѣ того началъ онъ благословлять и прочихъ подходившихъ къ нему, и каждому, по благословеніи, говорилъ: „грядите съ Богомъ.“ Мнѣ же не сказалъ этого и потому я осталась на своемъ мѣстѣ. Видя меня одну оставшуюся, по уходѣ всѣхъ, онъ сказалъ мнѣ милостиво: „послѣ вечерни, матушка, пожалуйте ко мнѣ,“ и затворился снова.

По возвращеніи въ гостинницу, я прежде всего приказала своей женщинѣ изрѣзать помельче частицы просфоры, данной мнѣ о. Серафимомъ. Я хотѣла, по пріѣздѣ домой, одѣлить ими всѣхъ усердствующихъ къ старцу. Потомъ съ величайшимъ

нетерпѣніемъ стала дожидаться вечерни, чтобы отправиться къ о. Серафиму и снести ему привезенный мною гостинецъ: немного домашняго полотна, масла и восковыхъ свѣчъ. Но такъ-какъ оказалось, что человѣкъ, которому поручила я купить свѣчи и масло, забылъ исполнить мое порученіе, то я рѣшилась снести ему полотно и деньги, приготовленныя на покупку масла и свѣчъ. Меня увѣряли, что о. Серафимъ ни у кого не беретъ ничего; но я не перемѣнила своего намѣренія; думая, что, если онъ откажется взять эти вещи, то я отдамъ полотно въ монастырь, а на деньги на другой день куплю масла и свѣчъ.

Послѣ вечерни я нашла старца въ сѣняхъ его кельи, на колѣняхъ лежавшаго у гроба. Увидѣвши меня, онъ поспѣшно всталъ и, благословляя, сказалъ: „пожалуйте, матушка, пожалуйте ко мнѣ.“ При этихъ ласковыхъ словахъ, колеблясь между страхомъ и надеждою, осмѣлилась я подать ему полотно, говоря: „св. отецъ! удостойте принять отъ истиннаго моего усердія это полотно.“ И какова была моя радость, когда онъ, взявъ изъ рукъ моихъ полотно, сказалъ: „благодарю васъ, матушка, покорно; въ храмъ Божій все годится.“ Тогда я осмѣлилась подать и деньги, сказавъ, что не успѣла купить масла и свѣчъ. Онъ принялъ и деньги съ благодарностію. Когда я разсказала потомъ объ этой радости моей о. Дамаскину, саровскому иноку, онъ не могъ надивиться такой особенной милости ко мнѣ о. Серафима.

Настоящая бесѣда моя съ старцемъ внушила мнѣ, между прочимъ, мысль на другой день исповѣдаться у него; я сообщила объ этомъ желаніи о. Дамаскину. Но онъ сказалъ, что это желаніе рѣшительно неудобоисполнимо. Не смотря на то, я всю ночь продумала и просила Бога о томъ, чтобы онъ удостоилъ меня, грѣшную, исповѣдаться у святаго старца Серафима. Утромъ опять я отправилась къ нему, и когда слуга мой отворилъ дверь въ сѣни его кельи, я увидѣла старца опять подлѣ его гроба. Онъ ввелъ меня въ келью; приказалъ перекреститься и трижды далъ пить мнѣ св. воды, самъ поднося ее къ губамъ моимъ; потомъ спросилъ мой платокъ. Я подала ему конецъ шали, которая была на мнѣ и онъ насыпалъ туда пригоршню сухарей, говоря: „вотъ, матушка, не хлопочите: это на раздачу, раздавайте усердствующимъ.“ Я тотчасъ вспомнила о вчерашнемъ своемъ поступкѣ съ тремя частицами просфоры, данными мнѣ старцемъ, и изумилась его чудной про-

зорливости. Послѣ того съ благоговѣніемъ и страхомъ, чтобы не оскорбить праведнаго старца, осмѣлилась я объявить ему о своемъ желаніи исповѣдаться у него, говоря: „святый отецъ! позвольте мнѣ сказать вамъ одно слово.“ Онъ отвѣтилъ: „извольте, матушка;“ потомъ вдругъ, къ невыразимому удивленію и ужасу моему, а вмѣстѣ съ тѣмъ и радости, взялъ меня за обѣ руки и началъ читать молитву: „Боже, ослаби, остави, прости ми согрѣшенія моя, елика ти согрѣшихъ“ и т. д. Я повторила за нимъ эту молитву, громко рыдая, потомъ упала на колѣни, и онъ сталъ также на колѣни подлѣ меня, и во все время чтеніе этой молитвы онъ держалъ мои руки. Послѣ отпуска, какой обыкновенно дѣлается послѣ исповѣди, далъ мнѣ приложиться къ мѣдному Кресту своему, и взявъ мою правую руку, сказалъ: „благодать Господа нашего Іисуса Христа, и любы Бога и Отца и причастіе св. Духа, буди съ вами во всю жизнь вашу, во время кончины и послѣ успенія вашего.“ Я была внѣ себя отъ радости и цѣловала его руки.

Послѣ того, благословивъ меня въ обратный путь, онъ сказалъ: „Господь вамъ поможетъ.“ И дѣйствительно, святыми его молитвами Господь далъ мнѣ благополучно доѣхать домой, тогда какъ кругомъ меня повсемѣстно свирѣпствовала тогда сильнѣйшая холера.

Еще должна я сказать объ одномъ событіи, какъ Господь Богъ услышалъ молитву праведнаго старца Серафима. У одной женщины было много дѣтей, но всѣ они умирали на первомъ году своего возраста. Бѣдная мать просила меня убѣдительно взять ее, съ послѣднею новорожденною дочерью, вмѣстѣ съ собою въ Саровскую пустыню. Я обѣщала исполнить ея просьбу и въ первую свою поѣздку въ Саровъ взяла ихъ съ собою. Когда мать принесла дѣвочку къ о. Серафиму и стала просить его помолиться о ней, говоря, что всѣ дѣти ея умираютъ, не доживъ до году, онъ положилъ свою руку на голову дитяти и сказалъ: „Утѣшайтесь ею.“ Дѣйствительно, за молитвы праведника, дѣвочка эта осталась жива; а послѣ нея рождавшіяся у этой женщины дѣти опять умирали.

б) Бесѣды старца Серафима съ монашествующими.

Много въ это время обращалось къ нему монашествующихъ изъ мужскихъ и женскихъ обителей; въ числѣ ихъ являлись къ

нему настоятели монастырей. Онъ излагалъ предъ ними свои мысли объ обязанностяхъ настоятеля.

„Настоятель—говорилъ онъ—долженъ быть совершенъ во всякой добродѣтели и душевныя свои чувства имѣть обучена долгимъ ученіемъ въ разсужденіи добра и зла (Евр. 5, 14)."

„Настоятель долженъ быть искусенъ въ священномъ Писаніи: онъ день и нощь долженъ поучаться въ законѣ Господнемъ; чрезъ таковыя упражненія можетъ онъ снискать себѣ даръ разсужденія добра и зла."

„Истинное познаніе добра и зла можно имѣть только тогда, когда подвижникъ благочестія придетъ въ сочувствіе будущаго осужденія и предвкушеніе вѣчнаго блаженства, что совершается въ душѣ благочестивой еще въ здѣшней, земной жизни, таинственнымъ и духовнымъ образомъ."

„Прежде разсужденія добра и зла человѣкъ не способенъ пасти словесныхъ овецъ, но развѣ безсловесныхъ; потому, что безъ познанія добра и зла, мы дѣйствій лукаваго постигать не можемъ."

„А потому настоятель, яко пастырь словесныхъ овецъ, и долженъ имѣть даръ разсужденія, дабы во всякомъ случаѣ могъ подавать полезные совѣты каждому, требующему его наставленія; ибо, какъ говоритъ Петръ Дамаскинъ (въ Добротол. о назиданіи души добродѣтельми. Част. III, листъ 52), нѣсть всякій человѣкъ вѣренъ дати совѣтъ ищущимъ; но кто отъ Бога пріемъ даръ разсужденія и отъ многаго пребыванія въ подвижничествѣ стяжа умъ прозрителенъ."

„Настоятелю должно имѣть также даръ проницательности, дабы изъ соображенія вещей настоящихъ и прошедшихъ могъ онъ предусматривать и будущія, и проразумѣвать козни вражіи."

„Отличительнымъ характеромъ настоятеля должна быть любовь его къ подчиненнымъ: истиннаго бо пастыря, по словамъ Іоанна Лѣствичника, показуетъ любовь его къ своему стаду. Ибо любовь принудила распяться на крестѣ Верховнаго Пастыря (въ книгѣ къ Пастырю, гл. 5, лист. 178 на обор.)."

Другіе изъ настоятелей, заботясь о спасеніи порученныхъ ихъ руководству братій, спрашивали о. Серафима о томъ, какъ управлять братіею. На такой вопросъ одного изъ нихъ о. Серафимъ далъ слѣдующее наставленіе:

„Всякій настоятель да сдѣлается и да пребудетъ всегда въ отношеніи къ подчиненнымъ благоразумною матерью.“

„Чадолюбивая матерь не въ свое угожденіе живетъ, но въ угожденіе дѣтей. Немощи немощныхъ чадъ сноситъ съ любовію; въ нечистоту впадшихъ очищаетъ, омываетъ тихо—мирно, облачаетъ въ ризы бѣлыя и новыя, обуваетъ, согрѣваетъ, питаетъ, промышляетъ, утѣшаетъ и со всѣхъ сторонъ старается духъ ихъ покоить такъ, чтобъ никогда не слышать ей малѣйшаго ихъ вопля, и таковыя чада бываютъ благорасположены къ матери своей. Такъ всякій настоятель долженъ жить не въ свое угожденіе, но во угожденіе подчиненныхъ: долженъ къ слабостямъ ихъ быть снисходителенъ, немощи немощныхъ несть съ любовію, болѣзни грѣховныя врачевать пластыремъ милосердія, падшихъ преступленіями подымать съ кротостію, замаравшихся скверною какого либо порока очищать тихо и омывать возложеніемъ на нихъ поста и молитвъ, сверхъ опредѣленныхъ обще для всѣхъ; одѣвать ученіемъ и примѣрною жизнію своею въ одежды добродѣтелей; непрестанно бдѣть о нихъ, всѣми способами утѣшать ихъ и со всѣхъ сторонъ ограждать миръ ихъ и покой такъ, чтобы никогда не было слышно ни малѣйшаго ихъ вопля, ниже ропота—и тогда они съ ревностію будутъ стремиться, чтобы доставить миръ и покой настоятелю.“

1830 года, одинъ іеромонахъ, вызываемый изъ Саровской пустыни настоятелемъ въ Казанскую епархію, пришелъ къ о. Серафиму принять благословеніе. Онъ нашелъ старца въ лѣсу въ трудахъ надъ грядами и подходилъ къ нему молча, не говоря ни слова. О. Серафимъ, увидѣвъ издали идущаго къ себѣ брата, запѣлъ и довелъ до конца *свѣтиленъ св. Кресту: Крестъ Хранитель*... Потомъ о. Серафимъ спросилъ пришедшаго: „ты куда ѣдешь, братъ!“

— Въ Казань вызываютъ, отвѣчалъ пришедшій.

„Съ тобою обманъ, батюшка, идетъ,“ сказалъ о. Серафимъ и прибавилъ: „не ходи въ Макарьевскую пустынь.“ А Макарьевская пустынь лежитъ въ полугорѣ близъ города Свіяжска, и называется Подгорною.

— Меня, батюшка о. Серафимъ, вызываютъ не въ Макарьевскую, а въ Раифскую пустынь игуменомъ, сказалъ пришедшій братъ, имѣя въ виду поправить ошибку старца.

А о. Серафимъ продолжалъ свое: „я тебѣ говорю: не ходи

въ Макарьевскую.“ Подумавши же еще немного промолвилъ: „ну, поживи внѣ Сарова нѣсколько... Опять къ намъ пріѣдешь и умремъ здѣсь въ богоспасаемой Саровской пустынѣ.“ Потомъ, благословивъ брата, старецъ отпустилъ его съ миромъ.

Братъ отправился. Прибывши въ Казань онъ узналъ, что дѣйствительно былъ опредѣленъ указомъ не въ Раифскую, а въ Макарьевскую пустынь. Вспомнивъ слова о. Серафима, убѣдительно говорившаго: „не ходи въ Макарьевскую,“ онъ отказался отъ этого назначенія и былъ посланъ строителемъ въ Цивильскій Тихвинскій монастырь.

Г-жа П. И. Шкарина, пользовавшаяся съ 1827 года особеннымъ довѣріемъ о. Серафима, свидѣтельствуетъ, что онъ, еще за годъ до первой холеры, что была въ 1830 и 1831 году, говорилъ: „грядетъ гнѣвъ Божій на Россію, приближается смертоносная холера. Бодрствуйте, говорилъ онъ ей, бодрствуйте и молитесь, да не найдетъ на вы внезапно часъ смертный.“

„Холера, открывшись въ Россіи, посѣтила монастырь Тихвинскій, въ которомъ строительствовалъ Саровскій братъ. Болѣзнь заставила его выпросить у начальства увольненіе отъ монастыря. Онъ возвратился паки въ Саровскую пустынь.“

Не мало являлось въ это время къ о. Серафиму и такихъ людей, которые, желая поступить въ монастырь, спрашивали у него совѣтовъ и наставленій. Старецъ, по своей прозорливости, дарованной отъ Господа, дѣлалъ полезные совѣты и нерѣдко предуказывалъ будущее.

Такъ въ 1830 году одинъ послушникъ Глинской пустыни нарочно прибылъ въ Саровскую обитель спросить у о. Серафима: „есть ли ему благословеніе Божіе поступить въ монашество?“ Молодой человѣкъ, не зная еще хорошо себя самого, не усвоивши мысли о своемъ призваніи, колебался между міромъ и монастыремъ: некому было повѣрить ему своихъ думъ; не было вблизи человѣка, который бы рѣшилъ его пожизненный вопросъ. Вотъ приходитъ Глинскій послушникъ къ о. Серафиму, падаетъ ему въ ноги, проситъ развязать душу отъ вихря сомнѣній. Спрашивая: „есть ли воля Божія поступить ему и брату его, Николаю, въ монастырь?“ Не такъ ли и самъ о. Серафимъ, за нѣсколько лѣтъ назадъ, являлся въ Кіевъ къ затворнику Досиѳею! Отвѣчалъ же онъ послушнику такъ:

„Самъ спасайся и брата своего (роднаго) спасай.“ Потомъ,

подумавши немного, сказалъ: „помнишь ли житіе Іоанникія великаго? Странствуя по горамъ и стремнинамъ, онъ нечаянно уронилъ изъ рукъ жезлъ свой, который упалъ въ пропасть. Жезла нельзя достать, а безъ него святый не могъ идти далѣе. Въ глубокой скорби онъ возопилъ къ Господу Богу—и Ангелъ Господень невидимо вручилъ ему новый жезлъ.“

Сказавши это, о. Серафимъ вложилъ въ правую руку послушника свою собственную палку и сказалъ:

„Трудно управлять душами человѣческими! Но среди всѣхъ твоихъ напастей и скорбей въ управленіи душами братій, Ангелъ Господень непрестанно при тебѣ будетъ до скончанія жизни твоей.“

Послѣ этого послушникъ рѣшился поступить въ монашество. При постриженіи ему дали имя Паисія и въ 1856 году онъ произведенъ во игумена къ Астраханскому Чуркинскому Николаевскому общежительному монастырю, а чрезъ шесть лѣтъ возведенъ во архимандрита той же обители, сдѣлавшись такимъ образомъ, какъ предвидѣлъ старецъ Серафимъ, пастыремъ душъ человѣческихъ. Родной же братъ его, о которомъ о. Серафимъ говорилъ: *спасай брата*, поступилъ въ монашество подъ именемъ Назарія и окончилъ жизнь свою въ Козелецкомъ Георгіевскомъ монастырѣ, въ званіи іеромонаха.

„Давая наставленія начальствующимъ изъ монастырей братіи, о. Серафимъ излагалъ и подчиненнымъ обязанности ихъ въ отношеніи къ начальникамъ.“

„Стяжи смиреніе, послушаніе, повиновеніе—и спасешися, говорилъ онъ словами преподобнаго Варсонофія. И отнюдь не говори вопреки: что это? и для чего это? Но будь благопокорливъ, наипаче аввѣ твоему, который ради Бога печется о тебѣ и которому ввѣрена душа твоя (Варс. Отв. 239).“

„Кто поистинѣ хочетъ быть ученикомъ Христовымъ, тотъ никакой не имѣетъ власти надъ собою, чтобы дѣлать что нибудь самому по себѣ, говоритъ тотъ же учитель. Ибо, что дѣлается по своему помыслу, то не угодно Богу, хотя бы казалось и хорошо. Если кто лучше знаетъ полезное для себя, нежели авва, то зачѣмъ и называть себя ученикомъ его?“

„Повинующійся повинуется во всемъ и не печется о спасеніи своемъ, потому что печется о немъ другой, кому онъ подчинялся и ввѣрился. Кто въ одномъ отсѣкъ волю свою, а

въ другомъ не отсѣкъ, тотъ имѣлъ свою волю и въ томъ, въ чемъ отсѣкъ.“

„Кто хочетъ узнать путь совершенно и нейдетъ съ знающимъ сей путь совершенно, никогда не достигнетъ града (совершен. безмолвія).“

„Отвергни волю свою назадъ и блюди смиреніе во всемъ житіи твоемъ—и тогда спасешися. Смиреніе и послушаніе суть искоренителіе всѣхъ страстей и насадителіе всѣхъ добродѣтелей (Варс. Отв. 61—223).“

„Подчиненный долженъ умертвить свои страсти для жизни временной, чтобы имѣть жизнь вѣчную. Онъ долженъ быть какъ сукно на сукновальнѣ, по словамъ преподобнаго Антіоха. Ибо какъ сукно бѣлильникъ колотитъ, топчетъ, чешетъ, моетъ, и оно дѣлается бѣло, подобно снѣгу; такъ и послушникъ, терпя уничиженія, оскорбленія, поношенія, очищается и дѣлается какъ серебро чистое, блестящее огнемъ разжженное (Ант. Сл. 113).“

„Не должно входить въ дѣла начальническія и судить оныя: симъ оскорбляется величество Божіе, отъ Коего власти поставляются; *ибо нѣсть власть, аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинены суть* (Римл. 13, 1).“

„Не должно противиться власти во благое, чтобъ не согрѣшить предъ Богомъ и не подвергнуться Его праведному наказанію: *противляйся власти, Божію повелѣнію противляется: противляющіися же себѣ грѣхъ пріемлютъ* (Римл. 13, 2).“

„Послушливый много къ созиданію души преуспѣваетъ, кромѣ того, что онъ пріобрѣтаетъ чрезъ сіе понятіе о вещахъ и приходитъ въ умиленіе.“

Многіе изъ новоначальныхъ иноковъ спрашивали о. Серафима совѣтовъ и наставленія на счетъ того, какъ имъ спасти себя и присныхъ своихъ. О. Серафимъ отвѣчалъ на это слѣдующее:

„По совѣту ли, или по власти другихъ или какимъ бы то ни было образомъ пришелъ ты въ обитель,—не унывай: посѣщеніе Божіе есть. Аще соблюдеши, яже тебѣ сказую — спасешися, самъ и присные твои, о которыхъ заботишься: *не видѣхъ*, глаголетъ Пророкъ, *праведника оставлена, ниже сѣмене его просяща хлѣбы* (Пс. 36, 25). Живя же въ сей обители, сіе соблюдай: стоя въ церкви, внимай всему безъ опущенія, узнай

весь церковный порядокъ, т. е. вечерню, повечеріе, полунощницу, утреню, часы, выучись содержать въ разумѣ.“

„Если находишься въ келліи, не имѣя рукодѣлія, всячески прилежи чтенію, а наипаче Псалтири: старайся каждую статью прочитывать многократно, дабы содержать все въ разумѣ. Если есть рукодѣліе—занимайся онымъ; если зовутъ на послушаніе—иди на оное. За рукодѣліемъ, или будучи гдѣ либо на послушаніи, твори безпреставно молитву: *Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго.* Въ молитвѣ внемли себѣ, т. е. умъ собери и соединяй съ душею. Сначала день, два и множае твори молитву сію однимъ умомъ, раздѣльно, внимая каждому особо слову. Потомъ, когда Господь согрѣетъ сердце твое теплотою благодати Своея и соединитъ въ тебѣ оную въ единъ духъ, тогда потечетъ въ тебѣ молитва оная безпрестанно и всегда будетъ съ тобою, наслаждая и питая тебя. Сіе-то самое есть реченное Пророкомъ Исаіею *роса бо. яже отъ Тебе, исцѣленіе имъ есть* (26, 19). Когда же будешь содержать въ себѣ сію пищу душевную, т. е. бесѣду съ самимъ Господомъ, то зачѣмъ ходить по келліямъ братій, хотя кѣмъ и будешь призываемъ?—Истинно сказую тебѣ. что празднословіе сіе есть и празднолюбіе. Аще себя не понимаешь, то можешь ли разсуждать о чемъ и другихъ учить? Молчи, безпрестанно молчи; помни всегда присутствіе Божіе и имѧ Его. Ни съ кѣмъ не вступай въ разговоръ, но всячески блюдись осуждать много разговаривающихъ, или смѣющихся; будь въ семъ случаѣ глухъ и нѣмъ; чтобы о тебѣ ни говорили, пропускай все мимо ушей. Въ примѣръ себѣ взять можно Стефана Новаго (Чет. мин. 28 ноября. въ житіи его), котораго молитва была непрестанна, нравъ кротокъ, уста молчаливая, сердце смиренно, духъ умиленъ, тѣло съ душею чисто, дѣвство непорочно, нищета истинная и нестяжаніе пустынническое; послушаніе безроптиво. повиновеніе тщательное, дѣланіе терпѣливо и трудъ усерденъ.“

„Сѣдя за трапезой, не смотри и не осуждай, кто сколько ѣстъ; но внимай себѣ, питая душу молитвою. За обѣдомъ ѣшь довольно, за ужиномъ повоздержись. Въ среду и пятокъ, аще можешь, вкушай — по однажды. Каждый день непремѣнно въ нощи спи четыре часа: 10-й, 11-й, и 12-й и часъ за полунощь; аще изнеможешь, можешь, въ добавокъ, днемъ спать. Сіе дер-

жи несомнѣнно, до кончины жизни: ибо оно нужно для успокоенія головы твоей. И я съ молодыхъ лѣтъ держалъ таковой путь. Мы и Господа Бога всегда просимъ о упокоеніи себя въ нощное время. Аще тако будешь хранить себя, то не будешь унылъ, но здравъ и веселъ."

„Сказую тебѣ истинно, аще тако будешь вести себя, то неисходно пребудешь въ обители до скончанія своего. Смиряйся, и Господь поможетъ тебѣ, и *изведетъ яко свѣтъ правду твою, и судьбу твою, яко полудне* (Псал. 36, 6), *и просвѣтится свѣтъ твой предъ человѣки* (Матѳ. 5, 16)."

Саровскій монахъ Кипріянъ былъ смущаемъ тягостію возложеннаго на него послушанія, пошелъ къ о. Серафиму въ келлію за наставленіемъ. „Не успѣлъ я войти къ нему въ келлію, ни сказать ни одного слова—говорилъ монахъ—встрѣтилъ онъ меня у двери и сказалъ: „радость моя! нѣтъ дороги отказываться отъ послушанія."

Одинъ разъ пришелъ къ. о. Серафиму монахъ изъ очень дальняго монастыря. Старецъ въ это время трудился у своего колодца. Подошедши къ нему странникъ поклонился и просилъ благословенія, а о. Серафимъ, занимаясь трудами, не обратилъ на него никакого вниманія. Инокъ, постоявъ молча, отошелъ восвояси безъ всякаго утѣшенія. Тогда о. Серафимъ, подошедши къ Дивѣевской сестрѣ, тутъ же не подалеку трудившейся, сказалъ: „вотъ, матушка, требуетъ благословенія, а самъ не знаетъ куда". Такъ, разумѣется, понялъ поведеніе старца и самъ инокъ, неполучившій благословенія на дѣло, безъ разсужденія и сознанія задуманное.

в) Бесѣды его съ мірянами.

Не оставляя безъ духовнаго назиданія монашествующихъ, о. Серафимъ много поучалъ и мірянъ, обличая въ нихъ ложныя направленія ума и жизни и преподавая положительныя правила благочестія. Такъ, одинъ благоговѣйный священникъ привелъ съ собою къ о. Серафиму профессора, преподававшаго въ семинаріи одну изъ наукъ Богословія, который не столько хотѣлъ слышать бесѣду старца, сколько принять его благословеніе на вступленіе въ монашество. Старецъ благословилъ его по обычаю священства, но на счетъ его желанія вступить въ монашество не давалъ никакого отвѣта, занявшись бе-

сѣдою со священникомъ. Профессоръ, стоя въ сторонѣ, внималъ ихъ бесѣдѣ. Священникъ, между тѣмъ, во время разговора часто наводилъ рѣчь на цѣль, съ которою пришелъ къ нему ученый. Но старецъ, намѣренно уклоняясь отъ сего предмета, продолжалъ свою бесѣду, и только разъ, какъ бы мимоходомъ, замѣтилъ о профессорѣ: „не нужно ли ему еще доучиться чему-нибудь?“ Священникъ на это рѣшительно объяснилъ ему, что онъ знаетъ Православную Вѣру, самъ профессоръ семинаріи и сталъ убѣдительнѣйше просить разрѣшить только недоумѣніе его на счетъ монашества. Старецъ на это отвѣчалъ; „и я знаю, что онъ искусенъ сочинять проповѣди. Но учить другихъ такъ же легко, какъ съ нашего собора бросать на землю камешки, а проходить дѣломъ то, чему учишь, все-равно, какъ бы самому носить камешки на верхъ собора. Такъ вотъ какая разница между ученіемъ другихъ и прохожденіемъ самому дѣла.“ Въ заключеніе онъ совѣтовалъ профессору прочитать исторію св. Іоанна Дамаскина, говоря, что изъ нея онъ усмотритъ, чему еще надобно доучиться ему.

Въ 1831 году, 18 іюня, были въ Саровѣ и пришли въ пустынь къ о. Серафиму Иванъ Максимовичъ Кредицкій и жена его Ю. П. „Мы нашли старца—говорили они—на работѣ: онъ разбиралъ грядку мотыкою, и когда мы подошли къ нему и поклонились ему до земли, онъ благословилъ насъ и положивши на мою голову руки, прочиталъ тропарь Успенію Божіей Матери: *Въ рождествѣ дѣвство сохранила еси* и т. д.; потомъ онъ сѣлъ на грядку и приказалъ намъ также сѣсть, но мы невольно встали предъ нимъ на колѣни и слушали его бесѣду о будущей жизни, о жизни святыхъ, о заступленіи, предстательствѣ и попеченіи о насъ грѣшныхъ Владычицы Богородицы, и о томъ, что необходимо намъ въ здѣшней жизни, для вѣчности. Эта бесѣда продолжалась не болѣе часа; но такого часа я не сравню со всею прошедшею моею жизнію. Во все продолженіе бесѣды я чувствовалъ въ сердцѣ неизъяснимую, небесную сладость, Богъ вѣсть, какимъ образомъ туда перелившуюся, которой нельзя сравнить ни съ чѣмъ на землѣ и о которой до сихъ поръ я не могу вспомнить безъ слезъ умиленія и безъ ощущенія живѣйшей радости во всѣмъ моемъ составѣ. До сихъ поръ я хотя и не отвергалъ ничего священнаго, но и не утверждалъ ничего: для меня въ духовномъ мірѣ

все было совершенно безразлично и я ко всему былъ одинаково хладнокровенъ. Отецъ Серафимъ впервые далъ мнѣ теперь почувствовать всемогущаго Господа Бога и его неисчерпаемое милосердіе и всесовершенство. Прежде за эту хладность души моей ко всему святому и за то, что я любилъ играть безбожными словами, правосудный Господь допустилъ скверному духу богохульства овладѣть моими мыслями, и эти ругательныя мысли, о которыхъ до нынѣ я не могу вспомнить безъ особеннаго ужаса, цѣлые три года сокрушали меня постоянно, особенно же на молитвѣ, въ церкви, и болѣе всего, когда я молился Царицѣ Небесной. Уже я думалъ, въ отчаяніи, что никакія муки, по суду земному, недостаточны для моего наказанія и что только адскія вѣчныя муки могутъ быть праведнымъ возмездіемъ за мои богохуленія. Но о. Серафимъ въ своей бесѣдѣ совершенно успокоилъ меня, сказавши съ свойственною ему неизъяснимо радостною улыбкою: чтобы я не боялся этого шума мысленнаго; что это дѣйствіе врага, по зависти его, и чтобы я безбоязненно всегда продолжалъ свою молитву, какія бы врагъ ни представлялъ скверныя и хульныя мысли.

„Съ тѣхъ поръ, дѣйствительно, этотъ шумъ мысленный началъ во мнѣ мало по малу исчезать, и менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ совершенно прекратился.“

Однажды пришли къ нему четыре человѣка изъ ревнителей старообрядства, жители села Павлова Горбатовскаго уѣзда, спросить о двуперстномъ сложеніи, съ удостовѣреніемъ истинности старческаго отвѣта какимъ нибудь чудомъ или знаменіемъ. Только что переступили они за порогъ келліи, не успѣли еще сказать своихъ помысловъ, какъ старецъ подошелъ къ нимъ, взялъ перваго изъ нихъ за правую руку, сложилъ персты въ трехперстное сложеніе по чину Православной Церкви, и такимъ образомъ, крестя его, держалъ слѣдующую рѣчь: „Вотъ христіанское сложеніе креста! Такъ молитесь, и прочимъ скажите. Сіе сложеніе предано отъ св. Апостоловъ; а сложеніе двуперстное противно святымъ уставамъ. Прошу и молю васъ, ходите въ церковь грекороссійскую: она во всей славѣ и силѣ Божіей! Какъ корабль, имѣющій многія снасти, паруса и великое кормило, она управляется Святымъ Духомъ. Добрые кормчіе ея — учители Церкви, архипастыри — суть преемники Апостольскіе. А ваша часовня подобна маленькой лодкѣ, неимѣю-

щей кормила и весел; она причалена вервіемъ къ кораблю нашей церкви, плыветъ за нею, заливаемая волнами, и непремѣнно потонула бы, если бы не была привязана къ кораблю.“

Въ другое время пришелъ къ нему одинъ старообрядецъ и спросилъ: „скажи, старецъ Божій, какая вѣра лучше: нынѣшняя церковная, или старая?“

— Оставь свои бредни, отвѣчалъ о. Серафимъ; жизнь наша есть море, св. Православная церковь наша—корабль, а кормчій—самъ Спаситель. Если съ такимъ кормчимъ люди. по своей грѣховной слабости, съ трудомъ переплываютъ море житейское и не всѣ спасаются отъ потопленія, то куда-же стремишься ты съ своимъ ботикомъ и на чемъ утверждаешь свою надежду—спастись безъ кормчаго?

Однажды зимою привезли на саняхъ больную женщину къ монастырской келліи о. Серафима и о семъ доложили ему. Не смотря на множество народа, толпившагося въ сѣняхъ, о. Серафимъ просилъ принести ее къ себѣ. Больная вся была скорчена, колѣнки сведены къ груди. Ее внесли въ жилище старца и положили на полъ. О. Серафимъ заперъ дверь и спросилъ ее:

„Откуда ты, матушка?“

— Изъ Владимірской губерніи.

„Давно ли ты больна?“

— Три года съ половиною.

„Какая же причина твоей болѣзни?“

— Я была прежде, батюшка, Православной вѣры, но меня отдали замужъ за старообрядца. Я долго не склонялась къ ихней вѣрѣ—и все была здорова. Наконецъ они меня уговорили: я перемѣнила крестъ на двуперстіе и въ церковь ходить не стала. Послѣ того вечеромъ пошла я разъ по домашнимъ дѣламъ во дворъ; тамъ одно животное показалось мнѣ огненнымъ, даже опалило меня; я, въ испугѣ, упала, меня начало ломать и корчить. Прошло не мало времени. Домашніе хватились, искали меня, вышли во дворъ и нашли—я лежала. Они внесли меня въ комнату. Съ тѣхъ поръ я хвораю.

„Понимаю... отвѣчалъ старецъ. А вѣруешь ли ты опять въ св. Православную Церковь?“

— Вѣрую теперь опять, батюшка, отвѣчала больная.

Тогда о. Серафимъ сложилъ по-православному персты, положилъ на себѣ крестъ и сказалъ:

„Перекрестись вотъ такъ во имя Святой Троицы."

— Батюшка, рады бы, отвѣчала больная, да руками не владѣю.

О. Серафимъ взялъ изъ лампады у Божіей Матери Умиленія елея и помазалъ грудь и руки больной. Вдругъ ее стало расправлять, даже составы затрещали и тутъ же получила совершенное здоровье.

Народъ, стоявшій въ сѣняхъ, увидѣвъ чудо, разглашалъ по всему монастырю, и особенно въ гостинницѣ, что о. Серафимъ исцѣлилъ больную.

Когда это событіе кончилось, то пришла къ о. Серафиму одна изъ Дивѣевскихъ сестеръ. О. Серафимъ сказалъ ей: „это, матушка, не Серафимъ убогій исцѣлилъ ее, а Царица Небесная." Потомъ спросилъ ее:

„Нѣтъ ли у тебя, матушка, въ роду такихъ, которые въ церковь не ходятъ?"

— Такихъ нѣтъ, батюшка, отвѣчала сестра, а двуперстымъ крестомъ молятся мои родители и родные всѣ.

„Попроси ихъ отъ моего имени, сказалъ о. Серафимъ, чтобы они слагали персты во имя Святой Троицы."

— Я имъ, батюшка, говорила о семъ много разъ, да не слушаютъ.

„Послушаютъ, попроси отъ моего имени. Начни съ твоего брата, который меня любитъ: онъ первый согласится. А были ли у тебя изъ умершихъ родные, которые молились двуперстымъ крестомъ?"

— Къ прискорбію, у насъ въ роду всѣ такъ молились.

„Хоть и добродѣтельные были люди, замѣтилъ о. Серафимъ, пораздумавши, а будутъ связаны: св. Православная Церковь не принимаетъ этого креста... А знаешь ли ты ихъ могилы?"

Сестра назвала могилы тѣхъ, которыхъ знала, гдѣ погребены.

„Сходи ты, матушка, на ихъ могилы, положи по три поклона и молись Господу, чтобы Онъ разрѣшилъ ихъ въ вѣчности."

Сестра такъ и сдѣлала. Сказала и живымъ, чтобы они при-

няли православное сложеніе перстовъ во имя Святой Троицы и они точно послушались голоса о. Серафима: ибо знали, что онъ угодникъ Божій и разумѣетъ тайны св. Христовой вѣры.

О православномъ сложеніи перстовъ и положеніи на челѣ крестнаго знаменія должнымъ образомъ о. Серафимъ очень заботился и приписывалъ крестному знаменію великую силу. Крестьянинъ Ардатовскаго уѣзда, села Автодѣева М. Б., собираясь въ Саровъ на богомолье, предъ самымъ выѣздомъ получилъ такой жестокій ударъ, что память совершенно потерялъ и его безъ сознанія привезли въ Саровскую пустынь. Здѣсь одинъ послушникъ, землякъ больному, привелъ его къ о. Серафиму. Едва только стали подходить мы къ келліи старца—разсказывалъ послѣ М. Б. и бывшій съ нимъ послушникъ—какъ я уже почувствовалъ въ себѣ облегченіе: чувство памяти и пониманія понемногу снова начало возвращаться ко мнѣ, и я помню все, что о. Серафимъ говорилъ и дѣлалъ со мною въ то время. Сперва онъ благословилъ меня и начертилъ на челѣ моемъ крестъ масломъ изъ лампадки; потомъ далъ мнѣ двѣ пригоршни сухариковъ, наконецъ самъ показалъ мнѣ трехперстное сложеніе креста и сказалъ: „милостивъ Богъ! молись ему такъ: современемъ все это пройдетъ.“ И дѣйствительно, немного спустя, по возвращеніи моемъ домой, я сдѣлался совершенно здоровъ, молитвами угодника Божія о. Серафима.“

Часто старецъ Божій однимъ своимъ видомъ и простымъ словомъ приводилъ къ сознанію грѣшниковъ и они рѣшались исправиться отъ пороковъ. Такъ въ одно время къ нему силился пройти сквозь толпу одинъ крестьянинъ, но всякій разъ какъ будто отталкиваемъ былъ кѣмъ-то. Наконецъ самъ старецъ обратился къ нему и спросилъ строго: „а ты куда лѣзешь?“ Крупный потъ выступилъ на лицѣ крестьянина и онъ съ чувствованіемъ глубочайшаго смиренія въ присутствіи всѣхъ тутъ бывшихъ, началъ раскаяваться въ своихъ порокахъ, особенно кражѣ, сознаваясь, что онъ не достоинъ явиться предъ лице такого свѣтильника. Конечно, это сознаніе не могло не принести добрыхъ плодовъ въ жизни простосердечнаго крестьянина.

Иванъ Яковлевичъ Каратаевъ, относительно наставленій о. Серафима, лично ему данныхъ, разсказывалъ слѣдующее:

„Въ октябрѣ 1830 года я былъ посланъ изъ Курской гу-

берніи, гдѣ квартировалъ нашъ полкъ, за ремонтомъ. Въ Курскѣ и дорогою я много слышалъ о подвигахъ старцевъ Саровской пустыни Назарія, Марка и другихъ, въ особенности много разсказывали мнѣ о великомъ подвижникѣ той пустыни, затворникѣ іеромонахѣ Серафимѣ, о его святой жизни, о чудныхъ его предсказаніяхъ, о дарѣ врачеванія всевозможныхъ болѣзней, тѣлесныхъ и душевныхъ, и о необыкновенной его прозорливости. Эти разсказы до того разогрѣли мое сердце, что я рѣшился непремѣнно заѣхать по пути въ Саровъ. Но когда я былъ подлѣ самой почти Саровской пустыни, врагъ смутилъ меня страхомъ прозорливости старца Серафима. Мнѣ казалось, что старецъ торжественно обличитъ меня во всѣхъ грѣхахъ моихъ, особенно же въ заблужденіи касательно почитанія святыхъ иконъ. Я думалъ, что икона, писанная рукою человѣка, даже можетъ быть грѣшнаго, не можетъ быть угодна Богу, слѣдовательно не можетъ вмѣстить въ себя чудодѣйственной благодати Божіей, и поэтому не должна быть предметомъ нашего почитанія и благоговѣнія. По слабости и малодушію, я совершенно покорился страху обличенія отъ прозорливаго старца и проѣхалъ мимо Саровской пустыни.

На слѣдующій годъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, когда войска наши двинулись на польскую границу, я возвращался въ свой полкъ, по приказанію начальства.

Путь мой лежалъ опять мимо Саровской пустыни, и теперь уже рѣшился, я по совѣту своего отца, побывать у о. Серафима. Когда я шелъ изъ гостинницы къ кельѣ старца, внезапно страхъ, до того времени владѣвшій мною, перемѣнился на какую-то тихую радость, и я заочно возлюбилъ о. Серафима. Около его кельи уже стояло множество народа, пришедшаго къ нему за благословеніемъ. О. Серафимъ, благословляя прочихъ, взглянулъ и на меня, и далъ мнѣ знакъ рукою, чтобы я прошелъ къ нему. Я исполнилъ его приказаніе со страхомъ и любовію, поклонился ему въ ноги, прося его благословенія на дорогу и на предстоявшую войну, и чтобы онъ помолился о сохраненіи моей жизни. О. Серафимъ благословилъ меня мѣднымъ своимъ Крестомъ, который висѣлъ у него на груди, и, поцѣловавъ, началъ меня исповѣдывать, самъ сказывая грѣхи мои, какъ будто бы они при немъ были совершены. По окончаніи этой утѣшительной исповѣди, онъ сказалъ

мнѣ: ,,не надобно покоряться страху, который наводитъ на юношей діаволъ, а нужно тогда особенно бодрствовать духомъ, и откинувъ малодушіе, помнить, что, хоть мы и грѣшные, но всѣ находимся подъ благодатію нашего Искупителя, безъ воли Котораго не спадетъ ни одинъ волосъ съ головы нашей.“ Вслѣдъ за тѣмъ началъ онъ говорить и о моемъ заблужденіи, касательно почитанія св. иконъ: ,,какъ худо и вредно для насъ желаніе изслѣдовать таинства Божіи, недоступныя слабому уму человѣческому, напримѣръ; какъ дѣйствуетъ благодать Божія чрезъ святыя иконы, какъ она исцѣляетъ грѣшныхъ, подобныхъ намъ съ тобой, прибавилъ онъ, и не только тѣло ихъ, но и душу; такъ что и грѣшники, по вѣрѣ въ находящуюся въ нихъ благодать Христову, спасались и достигали царства небеснаго.“ Затѣмъ въ подтвержденіе почитанія святыхъ иконъ, онъ приводилъ въ примѣръ, что, ,,еще въ Ветхомъ Завѣтѣ, при кивотѣ завѣта, были золотые Херувимы; а въ церкви новозавѣтной Евангелистъ Лука написалъ ликъ Божіей Матери, и Самъ Спаситель оставилъ нерукотворенный Свой образъ.“ Наконецъ, въ заключеніе, онъ сказалъ, что, ,,ненужно внимать подобнымъ хульнымъ мыслямъ, за которыя вѣчная казнь ждетъ духа лжи и сообщниковъ его въ день Страшнаго суда.“

,,Много еще и другихъ душеспасительныхъ словъ говорилъ онъ тогда въ мое назиданіе; но я не припомню ихъ всѣхъ. Говорилъ онъ, что ,,искушенія діавола подобны паутинѣ; что только стоитъ дунуть на нее—и она истребляется; что такъ-то и на врага—діавола, стоитъ только оградить себя крестнымъ знаменіемъ—и всѣ козни его исчезаютъ совершенно.“ Говорилъ онъ также, что ,,всѣ святые подлежали искушеніямъ; но, подобно золоту, которое, чѣмъ болѣе можетъ лежать въ огнѣ, тѣмъ становится чище, и святые отъ искушеній дѣлались искуснѣе, терпѣніемъ умилостивляли правосудіе Творца и приближались ко Христу, во имя и за любовь Котораго они терпѣли.“ И наконецъ нѣсколько разъ повторялъ онъ, что: ,,тѣснымъ путемъ надлежитъ намъ, по слову Спасителя, войти въ царствіе Божіе.“

,,Слушая о. Серафима, поистинѣ я забылъ о своемъ земномъ существованіи.

,,Солдаты, возвращавшіеся со мною въ полкъ, удостоились также принять его благословеніе, и онъ, дѣлая имъ при этомъ

случаѣ наставленія, предсказалъ, что ни одинъ изъ нихъ не погибнетъ въ битвѣ, что и сбылось дѣйствительно: ни одинъ изъ нихъ не былъ даже раненъ.

„Уходя отъ о. Серафима, я положилъ подлѣ него на свѣчи три цѣлковыхъ. Но врагъ діаволъ, завидуя тогдашнему спокойствію совѣсти моей, вложилъ мнѣ такую мысль: зачѣмъ святому отцу деньги? эта вражеская мысль смутила меня и я поспѣшилъ съ раскаяніемъ и съ просьбою о прощеніи за нее къ о. Серафиму. Но Богъ явно наказалъ меня за то, что я на минуту допустилъ къ себѣ такую нечестивую мысль. Ходя около кельи о. Серафима, я не могъ узнать ее и принужденъ былъ спросить шедшаго къ нему монаха: гдѣ келья о. Серафима? Монахъ, удивляясь, вѣроятно, моему вопросу, указалъ мнѣ ее. Я вошелъ съ молитвою къ старцу, и онъ, предупреждая слова мои, сказалъ мнѣ слѣдующую притчу: „во время войны съ галлами надлежало одному военачальнику лишиться правой руки; но эта рука дала какому то пустыннику три монеты на св. храмъ, и молитвами св. церкви Господь спасъ ее. Ты это пойми хорошенько и впредь не раскаявайся въ добрыхъ дѣлахъ. Деньги твои пойдутъ на устроеніе Дивѣевской общины, за твое здоровье.“ Потомъ о. Серафимъ опять исповѣдалъ меня, поцѣловалъ, благословилъ и далъ мнѣ съѣсть нѣсколько просфорныхъ сухариковъ и выпить святой воды, которую вливая мнѣ въ ротъ, сказалъ: „да изженется благодатію Божіею духъ лукавый, нашедшій на раба Божія Іоанна.“ Старецъ далъ мнѣ и на дорогу сухарей и св. воды и, сверхъ того, просфору, которую самъ положилъ въ мою фуражку.

„Наконецъ, получая отъ него послѣднее благословеніе, я просилъ его не оставить меня своими св. молитвами; на это онъ сказалъ: „положи упованіе на Бога и проси Его помощи, да умѣй прощать ближнимъ своимъ — и тебѣ дастся все, о чемъ ни попросишь.“

„Въ продолженіе польской компаніи я былъ во многихъ сраженіяхъ—и Господь вездѣ спасалъ меня за молитвы праведника Своего.“

Генералъ Павелъ Яковлевичъ Купріановъ пришелъ къ старцу и благодарилъ его за молитвы. „Вашими молитвами, говорилъ онъ, я спасся во время турецкой компаніи. Окруженный многими полками непріятелей, я оставался самъ съ однимъ

только полкомъ и видѣлъ, что мнѣ нельзя было ни укрѣпиться, ни двинуться куда нибудь, ни взадъ, ни впередъ. Не было никакой надежды ко спасенію. Я только твердилъ непрестанно: ,,Господи помилуй молитвами старца Серафима,'' ѣлъ сухарики, данные мнѣ вами въ благословеніе, пилъ воду святую—и Богъ охранилъ меня отъ враговъ невредимымъ.'' Старецъ отвѣчалъ на это: „великое средство ко спасенію—вѣра, особливо *непрестанная сердечная молитва;* примѣръ намъ св. Моvсей пророкъ. Онъ, ходя въ полкахъ, безмолвно молился сердцемъ, и Господь сказалъ Моvсею: *Моvсее, Моvсее, что вопіеши ко Мнѣ?* Когда же Моvсей воздвигалъ руки свои на молитву, тогда побѣждалъ Амалика... Вотъ что есть молитва! Это непобѣдимая побѣда! Св. Пророкъ Даніилъ говоритъ: *Лучше мнѣ умрети, нежели оставить молитву на мгновеніе ока:* молитвою пророкъ Даніилъ заградилъ уста львовъ, а три отрока угасили пещь огненную."

Когда о. Серафимъ говорилъ это, подошли къ нему два человѣка, одѣтые въ свѣтское платье. Отецъ Серафимъ, обратясь къ одному изъ нихъ, сказалъ: „а наше дѣло съ вами учить дѣтей!" Удивленный такою рѣчью, этотъ отвѣчалъ искренно: „да, я пастырь западной церкви?" Послѣ бесѣды со старцемъ, этотъ пастырь обѣщалъ и, говорятъ, присоединился къ Православной Церкви.

Князь Николай Николаевичъ Голицынъ, проѣзжая изъ Москвы въ Пензу, по желанію принять благословеніе отъ о. Серафима, заѣхалъ въ Саровъ и, не нашедъ старца въ монастырѣ, поспѣшно пошелъ въ пустынь. На дорогѣ въ полуверстѣ отъ монастыря старецъ встрѣтился съ нимъ, къ величайшей его радости. Князь подошелъ къ нему и просилъ благословенія. Благословивши, старецъ спросилъ: „кто ты такой?" Князь, не назвавши своей фамиліи, сказался просто проѣзжающимъ человѣкомъ. Тогда о. Серафимъ съ братолюбіемъ обнялъ его и, поцѣловавши, сказалъ: Христосъ воскресе! Затѣмъ спросилъ: „читаешь ли ты святое Евангеліе?" Проѣзжавшій сказалъ, что читаетъ. „Читай почаще, отвѣчалъ старецъ, слѣдующія слова въ сей божественной книгѣ: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы. Возьмите иго Мое на себе и научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ. Иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть* (Мѳ. 11, 28—30). Сказавъ эти слова, старецъ опять со

слезами обнялъ князя. Дорогою продолжалъ бесѣдовать съ нимъ о будущей жизни и о разныхъ испытаніяхъ, имѣющихъ съ нимъ случиться, которыя всѣ сбылись въ свое время. Пришедши въ монастырь, старецъ пригласилъ князя къ себѣ въ келлію, далъ напиться св. воды и пожаловалъ горсть сухарей. Прощаясь же съ нимъ, онъ спросилъ у проѣзжавшаго человѣка: „долго ли намѣревается онъ пробыть въ монастырѣ?“ Тотъ отвѣчалъ, что предполагаетъ уѣхать на утро, послѣ ранней литургіи. Тогда о. Серафимъ съ невыразимою любовію сказалъ, что, полюбивъ его, онъ желаетъ еще видѣться съ нимъ завтра, послѣ ранней обѣдни, что по этому собственно, ради его, онъ не пойдетъ завтра въ пустынь, и останется въ монастырѣ. На другой день старецъ вышелъ къ нему на встрѣчу на крыльцо своей келліи, благословилъ, обнялъ его и ввелъ въ келлію. Здѣсь опять напоилъ его св. водою, далъ сухариковъ и, благословляя въ путь, опять совѣтовалъ почаще читать прежде сказанныя слова изъ святаго Евангелія и еще *Сѵмволъ вѣры*, въ которомъ просилъ обращать особенное вниманіе на двѣнадцатый членъ. Къ сожалѣнію, другія бесѣды старца съ княземъ остались неизвѣстными; но для князя онѣ служили величайшимъ утѣшеніемъ и принесли много душевной пользы.

Въ отношеніи къ родителямъ, о. Серафимъ внушалъ уваженіе даже и въ такомъ случаѣ, если-бы они имѣли слабости, унижающія ихъ. Такъ, одинъ человѣкъ пришелъ къ старцу съ своею матерью. Мать же его въ высшей степени предана была пьянству. Только-что хотѣлъ онъ изъявить о. Серафиму слабости своей матери... Старецъ мгновенно положилъ правую свою руку на уста его и не позволилъ промолвить ему ни одного слова. По ученію нашей Православной Церкви, мы не должны осуждать родителей своихъ, терять къ нимъ уваженіе и любовь изъ за недостатковъ ихъ. Отъ сына обратясь къ матери о. Серафимъ сказалъ: „отверзи уста свои.“ И когда она открыла, дунулъ на нее трижды. Отпуская же ихъ отъ себя сказалъ: „вотъ вамъ мое завѣщаніе: „не имѣйте въ дому своемъ не точію вина, но ниже посуды винной, такъ какъ ты (обращаясь къ матери) не потерпишь болѣе вина.“

Къ послѣднимъ же годамъ жизни о. Серафима относятся слѣдующія замѣчательныя наставленія разнымъ лицамъ, въ свое время записанныя Саровскимъ инокомъ Сергіемъ, быв-

шимъ впослѣдствіи архимандритомъ Высотскаго Серпуховскаго монастыря: о должностяхъ и любви къ ближнимъ; о неосужденіи ближняго и прощеніи обидъ; о терпѣніи и смиреніи; о болѣзняхъ; о милостынѣ; о постѣ; о покаяніи; о слезахъ и о Святомъ Духѣ. (См. приложеніе).

Были у старца Серафима на бесѣдѣ и такіе люди, которые не искали себѣ назиданія, а хотѣли лишь удовлетворить своей пытливости. Такъ, одному Саровскому брату подумалось, что уже близокъ конецъ міра, что наступаетъ великій день втораго пришествія Господня. Вотъ онъ и спрашиваетъ о семъ мнѣніи о. Серафима. Старецъ же смиренно отвѣчалъ: „радость моя! ты много думаешь о Серафимѣ убогомъ. Мнѣ ли знать, когда будетъ конецъ міру сему и наступитъ великій день, въ который Господь будетъ судить живыхъ и мертвыхъ и воздастъ каждому по дѣламъ его? Нѣтъ, сего мнѣ знать невозможно.“ Братъ, въ страхѣ упалъ къ ногамъ прозорливаго старца. Серафимъ же ласково вздвигъ его и продолжалъ говорить такъ: „Господь сказалъ Своими пречистыми устами: *о днь томъ и часъ никто же вѣсть: ни Ангели небеснiи, токмо Отецъ Мой Единъ. Якоже бысть во дни Ноевы, тако будетъ и пришествіе Сына человѣческаго. Якоже бо бяху во дни прежде потопа: ядуще и піюще, женящеся и посягающе, донележе вниде Ное въ ковчегъ, и не увѣдѣша, дондеже пріиде вода и взятъ вся: тако будетъ и пришествіе Сына человѣческаго* (Мѳ. 24, 37). При семъ старецъ тяжко вздохнулъ и сказалъ: „мы, на землѣ живущіе, много заблудили отъ пути спасительнаго; прогнѣвляемъ Господа и нехраненіемъ св. постовъ; нынѣ христіане разрѣшаютъ на мясо и во св. четыредесятницу и во всякій постъ; среды и пятницы не сохраняютъ; а Церковь имѣетъ правило: нехранящіе св. постовъ и всего лѣта среды и пятницы много грѣшатъ. Но не до конца прогнѣвается Господь, паки помилуетъ. У насъ вѣра Православная, Церковь, неимѣющая никакого порока. Сихъ ради добродѣтелей Россія всегда будетъ славна и врагамъ страшна, и непреоборима, имущая вѣру и благочестіе въ щитъ и во броню правду: сихъ врата адова не одолѣютъ.“

Видя, что о. Серафимъ такъ много подвизается въ наученіи другихъ, одинъ братъ рѣшился спросить его: „что ты всѣхъ учишь?“ На это достоблаженный старецъ отвѣтствовалъ: „я слѣдую ученію Церкви, которая поетъ: *не скрывай словесъ Бога,*

но возвыщай Его чудеса. (Вторн. Страстн. седм. на вечерн. стихъ).

Въ другой разъ ему послано было сказать: зачѣмъ онъ приходящимъ къ нему помазываетъ елеемъ изъ лампады, горящей въ келліи его предъ иконой? О. Серафимъ отвѣчалъ посланному: „мы читаемъ въ Писаніи, что Апостолы мазали масломъ и многіе больные отъ сего исцѣлялись. Кому же слѣдовать намъ, какъ не Апостоламъ?“ И обычай помазывать приходящихъ безпрепятственно оставался за нимъ, потому что помазанные получали врачеваніе.

г) Случаи прозорливости о. Серафима.

Прозорливость старца Серафима простиралась очень далеко. Онъ давалъ наставленія для будущаго, котораго человѣку обыкновенному никакъ не предусмотрѣть. Такъ, пришла къ нему въ келлію одна молодая особа, никогда не думавшая оставить міръ, чтобы попросить наставленія, какъ ей спастись. Едва только эта мысль мелькнула въ ея головѣ, старецъ уже началъ говорить: „много-то не смущайся; живи такъ, какъ живешь; въ большемъ Самъ Богъ тебя научитъ.“ Потомъ, поклонившись ей до земли, сказалъ: „только объ одномъ прошу тебя: пожалуйста, во всѣ распоряженія входи сама и суди справедливо: этимъ и спасешься.“ Находясь тогда еще въ мірѣ и совершенно не думая быть въ монастырѣ, эта особа никакъ не могла понять, къ чему клонятся такія слова о. Серафима. Онъ же, продолжая свою рѣчь, сказалъ ей: „когда придетъ это время, тогда вспомните меня.“ Прощаясь съ о. Серафимомъ, собесѣдница сказала, что, можетъ быть, Господь приведетъ имъ опять свидѣться. „Нѣтъ — отвѣчалъ о. Серафимъ — мы уже прощаемся навсегда, а потому прошу не забывать меня въ святыхъ своихъ молитвахъ.“ Когда же она просила помолиться и за нее, онъ отвѣчалъ: „я буду молиться, а ты теперь гряди съ миромъ: на тебя уже сильно ропщутъ.“ Спутницы дѣйствительно встрѣтили ее на гостинницѣ съ сильнымъ ропотомъ за медлительность. Между тѣмъ слова о. Серафима не были произнесены на воздухъ. Собесѣдница, по неисповѣдимымъ судьбамъ Промысла, вступила въ монашество подъ именемъ Каллисты и, бывъ игуменіею въ Свіяжскомъ монастырѣ, Казанской губерніи, помнила наставленія старца и по нимъ устрояла свою жизнь.

Въ другомъ случаѣ посѣтили о. Серафима двѣ дѣвицы, духовныя дочери Стефана, Саровской пустыни схимонаха. Одна изъ нихъ была купеческаго сословія, молодыхъ лѣтъ, другая— изъ дворянъ, уже пожилая возрастомъ. Послѣдняя отъ юности горѣла любовію къ Богу и желала давно сдѣлаться инокинею, только родители не давали ей на то благословенія. Обѣ дѣвицы пришли къ о. Серафиму принять благословеніе и попросить у него совѣтовъ. Благородная, сверхъ того, просила благословить ее на вступленіе въ монастырь. Старецъ, напротивъ, сталъ совѣтовать ей вступить въ бракъ, говоря: „брачная жизнь благословлена Самимъ Богомъ. Въ ней нужно только съ обѣихъ сторонъ соблюдать супружескую вѣрность, любовь и міръ. Въ бракѣ ты будешь счастлива, а въ монашество нѣтъ тебѣ дороги. Монашеская жизнь трудная не для всѣхъ выносима.“ Дѣвица же изъ купеческаго званія, юная возрастомъ, о монашествѣ не думала и слова о томъ о. Серафиму не говорила. Между тѣмъ, онъ, самъ отъ себя, благословилъ ее, по своей прозорливости, поступить въ иноческій санъ, даже назвалъ монастырь, въ которомъ она будетъ спасаться. Обѣ остались одинаково недовольны бесѣдою старца; а дѣвица пожилыхъ лѣтъ даже оскорбилась его совѣтами и охладѣла въ своемъ усердіи къ нему. Самъ духовный отецъ ихъ, іеромонахъ Стефанъ, удивлялся и не понималъ, почему, въ самомъ дѣлѣ старецъ пожилую особу, ревностную къ иноческому пути, отвлекаетъ отъ монашества, а дѣву юную, нежелающую иночества, благословляетъ на путь сей? Послѣдствія, однако же, оправдали старца. Благородная дѣвица уже въ преклонныхъ лѣтахъ вступила въ бракъ и была счастлива. А юная—дѣйствительно пошла въ тотъ монастырь, который назвалъ прозорливый старецъ.

Ротмистръ Африканъ Васильевичъ Тепловъ, имѣвшій въ обычаѣ ежегодно посѣщать о. Серафима, сообщилъ о дарѣ прозорливости его слѣдующіе случаи, лично къ нему относившіеся.

„Въ 1829 году, лѣтомъ поѣхалъ я въ Саровъ съ женою и дѣтьми. Дорогою жена моя, видя, что старшій сынъ нашъ, которому было около 10 лѣтъ отъ роду, занимается исключительно чтеніемъ священныхъ книгъ, не обращая никакого вниманія на окружающее, начала жаловаться, что дѣти наши слишкомъ уже привязаны къ однѣмъ только священнымъ книгамъ, и что они вовсе не заботятся о своихъ урокахъ, о наукахъ и о прочемъ,

необходимомъ въ свѣтѣ. По прибытіи въ Саровъ, мы немедленно пошли къ о. Серафиму и были имъ приняты очень ласково. Благословляя меня, онъ сказалъ, чтобы мы пробыли здѣсь три дня; благословляя жену мою, произнесъ: „матушка! матушка! не торопись дѣтей-то учить по французски и по нѣмецки, а приготовь душу-то ихъ прежде, а прочее прилежится имъ потомъ.“

Благословляя же обоихъ дѣтей нашихъ, удостоилъ назвать старшаго „сокровищемъ своимъ.“ Такъ обличилъ праведный старецъ несправедливый ропотъ жены моей, да и потомъ, въ теченіе всей своей жизни, до самой кончины не переставалъ предупреждать меня всегда касательно всѣхъ обстоятельствъ радостныхъ и печальныхъ, случавшихся въ нашемъ семействѣ, подкрѣпляя слабый мой духъ отеческими своими совѣтами.

„Въ томъ же 1829 году я былъ свидѣтелемъ слѣдующаго обстоятельства изъ жизни о. Серафима. Одинъ господинъ имѣлъ намѣреніе жениться на такой особѣ, которая по званію своему никакъ ему не соотвѣтствовала, да и родители его не соглашались на этотъ бракъ. Но господинъ тотъ, зная, что родители его вполнѣ уважаютъ о. Серафима и не въ состояніи будутъ послѣ его одобренія противиться этому браку, хотѣлъ сначала преклонить старца на свою сторону. Для этого, приготовивъ предварительно доказательства на законность своего намѣренія, и даже тексты священнаго Писанія на случай несогласія о. Серафима, для его убѣжденія, прибылъ онъ къ этому праведному старцу. И вдругъ, къ величайшему своему изумленію, слышитъ онъ, что старецъ произноситъ имя и отчество той самой особы, о которой онъ думалъ дѣлать ему свои запросы,—что онъ говоритъ ему далѣе и тѣ самыя доказательства, которыя онъ хотѣлъ ему представить, и наконецъ даже тѣ тексты св. Писанія, на которые онъ хотѣлъ упереться, въ случаѣ несогласія старца. Пораженный этимъ неожиданнымъ предупрежденіемъ своихъ мыслей, господинъ тотъ палъ безмолвно на колѣни предъ старцемъ. Отецъ же Серафимъ, поднимая его, сказалъ ему: „Богу и Божіей Матери и твоей матери не угодно твое намѣреніе— и сего не будетъ.“ Дѣйствительно бракъ тотъ не состоялся. По возвращеніи отъ старца, этотъ господинъ самъ сознался, что онъ никогда прежде не вѣрилъ, чтобы могли быть праведники на землѣ; но что настоящій случай убѣдилъ его вполнѣ въ праведной жизни о. Серафима.

„Въ 1830 году, по случаю бывшей болѣзни жены моей, обѣщались мы съѣздить на богомолье въ Тихвинъ къ чудотворной иконѣ Царицы Небесной. Но въ тотъ самый день, когда намъ нужно было выѣхать, жена моя, сходя по лѣстницѣ со 2-го этажа, споткнулась и вывихнула себѣ чашку у колѣна. Хотя же, при помощи костоправа, нога и была поправлена, но, при малѣйшемъ послѣ того движеніи, чашка сдвигалась опять съ своего мѣста, такъ-что, повидимому, не возможно было совсѣмъ намъ ѣхать. Однакожъ, имѣя полную вѣру къ молитвамъ о. Серафима, мы не хотѣли отлагать поѣздки до другого времени и отправились въ путь тогда же, что было зимою. На пути боль ея усилилась, и это заставляло меня, при всемъ упованіи на молитвы о. Серафима, нѣсколько разъ предлагать женѣ совѣтъ о возвращеніи домой. Но она не соглашалась. А такъ какъ у насъ принято было за священное правило, не проѣзжать Саровской пустыни, не принявъ благословенія о. Серафима, то мы и на этотъ разъ повернули къ нему, съ большой дороги. Еще мы были далеко отъ обители, какъ вдругъ боль въ ногѣ жены моей начала уменьшаться, и по мѣрѣ приближенія нашего къ Сарову, становилась все слабѣе и слабѣе, и наконецъ, когда мы въѣхали въ самую пустынь, она прекратилась совершенно: чашка установилась на своемъ мѣстѣ и опухоль исчезла. Мы явились къ старцу въ келлію для полученія его благословенія, и онъ, благословивши насъ, приказалъ намъ придти къ нему въ пустыньку, къ источнику, куда мы и прибыли около полудня. Старецъ принялъ насъ очень милостиво, напоилъ водою изъ источника, далъ на дорогу въ Тихвинъ двѣ ржаныя корки и, благословляя на путь, сказалъ: „грядите, грядите, грядите! дорожка гладенькая.“

„Послѣднія слова о. Серафима мы вспомнили на возвратномъ пути изъ Тихвина; потому что, хотя это было и въ январѣ мѣсяцѣ, но, въ ожиданіи поѣзда Государя Императора, дорогу такъ уравняли, что на ней не встрѣчали почти ни одного ухаба.“

Даромъ прозорливости своей о. Серафимъ приносилъ много пользы ближнимъ. Такъ, была въ Саровѣ изъ Пензы благочестивая вдова діакона, по имени Евдокія. Желая принять благословеніе старца, она въ средѣ множества народа пришла за нимъ изъ больничной церкви и остановилась на крыльцѣ его

келліи, ожидая позади всѣхъ, когда придетъ очередь ея подойти къ о. Серафиму. Но о. Серафимъ, оставивши всѣхъ, вдругъ говоритъ ей: „Евдокія! поди ты сюда поскорѣе.“ Евдокія необыкновенно удивлена была, что онъ назвалъ ее по имени, никогда не видавши ее, и подошла къ нему съ чувствомъ благоговѣнія и трепета. О. Серафимъ благословилъ ее, далъ св. антидора и сказалъ: „тебѣ надобно поспѣшить домой, чтобъ застать дома сына.“ Евдокія поспѣшила и въ самомъ дѣлѣ едва застала сына своего дома: въ ея отсутствіе начальство Пензенской семинаріи назначило его студентомъ Кіевской академіи и, по причинѣ дальности разстоянія Кіева отъ Пензы, спѣшила скорѣе отправить его на мѣсто. Этотъ сынъ, по окончаніи курса въ Кіевской академіи, пошелъ въ монашество подъ именемъ Иринарха, былъ наставникомъ въ семинаріяхъ, ректоромъ и впослѣдствіи епископомъ.

Однажды пришелъ къ послушнику Іоанну Тихонову одинъ человѣкъ, который называлъ себя помѣщикомъ, возвращавшимся изъ путешествія въ Крымъ и сказалъ, что онъ два раза былъ въ Саровѣ но не сподобился видѣть о. Серафима, а теперь онъ надѣется видѣть его при посредствѣ о. Іоанна.

О. Іоаннъ говоритъ, что какое-то странное, даже тягостное чувство овладѣло имъ, когда онъ собирался вести этого посѣтителя въ пустыню къ старцу, хотя и видѣлъ, что этотъ человѣкъ во время обѣдни въ этотъ же самый день, на колѣняхъ и со слезами молился передъ образомъ Божіей Матери. Оставивъ его за нѣсколько саженъ отъ пустынной келліи о. Серафима, Іоаннъ пошелъ къ старцу и сказалъ ему, что такой то желаетъ получить отъ него благословеніе. Но о. Серафимъ на его предложеніе строго отвѣтилъ: „я умоляю тебя именемъ Божіимъ, чтобы ты и впредь бѣгалъ такихъ людей, и объяснилъ, что этотъ человѣкъ притворщикъ. Думая убѣдить старца, Іоаннъ разсказалъ ему, какъ этотъ человѣкъ молился въ церкви и снова просилъ за него. Но старецъ, никогда не видавши этого посѣтителя, еще строже началъ отзываться о немъ, говоря, что „это самый несчастный, самый потерянный человѣкъ.“ Когда же послушникъ возвратился къ ожидавшему его посѣтителю и передавши ему слова старца, прилежнѣе просилъ молиться Господу, если не хочетъ, чтобы душа его погибла безъ возвратно, то онъ, заревѣлъ во весь свой голосъ

и разсказалъ, что дѣйствительно душа его исполнена самыхъ нечистыхъ мыслей и чувствованій.

Но вотъ вскорѣ послѣ него пришелъ въ Саровскую пустынь и другой странникъ. Онъ, повидимому, былъ простого званія и также убѣдительно просилъ о. Іоанна проводить его къ о. Серафиму. Тотъ исполнилъ его желаніе, но изъ опасенія за недавній случай, оставилъ его также въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ пустынной келліи о. Серафима. Въ это время старецъ жалъ голыми руками осоку и какъ скоро услышалъ, что какой-то странникъ изъ Кіева желаетъ получить его благословеніе, тотчасъ же сказалъ послушнику: „приведи его."

Когда этотъ привелъ его, онъ посадивши подлѣ себя, началъ говорить страннику, чтобы онъ оставилъ избранный путь, снялъ бы съ себя вериги, обулся бы и возвратился бы въ домъ свой,—потому что тамъ мать, жена и дѣти очень тоскуютъ по немъ, а дома занялся бы хлѣбною торговлею. „Мною," говорилъ старецъ" — что вельми хорошо торговать-то хлѣбомъ. У меня же есть знакомый купецъ въ Ельцѣ; тебѣ стоитъ только придти къ нему, поклониться и сказать, что тебя прислалъ къ нему убогій Серафимъ, онъ тебя и приметъ въ прикащики.

Странникъ во все это время пребывалъ въ молчаніи, хотя и видно было, что онъ слушалъ старца съ особеннымъ чувствомъ и былъ слишкомъ тронутъ его словами. Когда же старецъ, благословивши, отпустилъ пришедшихъ съ миромъ о. Іоаннъ дорогою спросилъ странника о причинѣ молчанія. Странникъ отвѣчалъ, что онъ чрезъ свое молчаніе не только ничего не потерялъ, но еще получилъ все желаемое, т. е. узналъ настоящій путь свой. И при этомъ разсказалъ, что о. Серафимъ, по дивному дару прозорливости, знаетъ всю его жизнь; что онъ мѣщанскаго сословія и всегда занимался хлѣбною торговлею, чѣмъ и содержалъ свое семейство, но изъ любви Божіей, безъ разсужденія, безъ путеводителя и безъ отеческаго благословенія пожелалъ странствовать и поэтому, безъ всякой помощи оставивъ свое семейство, съ годовымъ паспортомъ отправился босикомъ и въ веригахъ въ Кіевъ. „Тамъ, говорилъ онъ, встрѣтилъ я старца, который велѣлъ мнѣ отправиться въ Саровскую пустынь, придти къ о. Серафиму и послушаться его во всемъ, что повелитъ онъ, потому что это будетъ истинный путь мой. А теперь старецъ предупредилъ меня самъ и

мнѣ остается только возблагодарить милосердаго Бога и возвратиться домой, по указанію человѣка Божія."

Мѣщанинъ города Кадома Алексѣй Петровичъ Андроновъ не задолго до кончины о. Серафима, по чувству глубокаго уваженія и любви къ нему, отправился въ Саровскую пустынь и взялъ съ собою двухъ воспитанниковъ, окончившихъ курсъ въ семинаріи и ожидавшихъ служебнаго назначенія. Когда они пришли къ старцу, то онъ благословилъ ихъ всѣхъ, одному изъ воспитанниковъ сказалъ: „поспѣши домой, — у тебя дома пожаръ; горятъ хлѣба и ты долженъ помочь роднымъ." Другому тоже велѣлъ скорѣе ѣхать домой „потому что тамъ уже его дожидаются, чтобы онъ занялъ свое мѣсто." Воспитанники изумились этимъ словамъ, но, по возвращеніи домой, каждый изъ нихъ убѣдился, что отъ чуднаго старца ничего не скрыто.

Крестьянинъ Лихачевскій Ефимъ Васильевъ подрядился однажды поставить шпиль на монастырской башнѣ въ Саровской пустынѣ. Когда все было готово и народъ началъ молиться, а онъ съ нѣсколькими работниками стоялъ на кровлѣ башни, чтобы смотрѣть за работою и правильно поставить шпиль на своемъ мѣстѣ, вдругъ пришло ему на умъ: зачѣмъ онъ не попросилъ на это дѣло молитвъ и благословенія о. Серафима,—тогда-бы ужъ зналъ навѣрное, что все кончится благополучно. Только что онъ подумалъ объ этомъ, какъ тотчасъ же увидѣлъ самого о. Серафима, вышедшаго изъ своей кельи на крыльцо и трижды благословившаго его.

До нашего времени дошли и такого рода свѣдѣнія, изъ которыхъ мы усматриваемъ не только пользу отъ прозорливости о. Серафима, но и объясненіе тому, какъ этотъ даръ Божій дѣйствовалъ въ немъ. Разъ пришли къ о. Серафиму въ монастырскую келлію строитель Высокогорской пустыни іеромонахъ Антоній и пріѣзжій изъ Владимірской губерніи купецъ. Они вошли вмѣстѣ. Строителя о. Серафимъ попросилъ сѣсть и подождать, а съ купцомъ сталъ немедленно говорить. Милостиво и ласково онъ обличалъ его въ порокахъ и дѣлалъ наставленія: „всѣ твои недостатки и скорби—говорилъ онъ—суть слѣдствія твоей страстной жизни. Оставь ее, исправи пути твои." Пространная рѣчь его на эту тему проникнута была столь трогательно теплотою сердца, что и купецъ, къ которому она прямо относилась, и строитель, для котораго она была

дѣломъ стороннимъ, тронуты были, въ буквальномъ смыслѣ, до слезъ. Въ заключеніе о. Серафимъ совѣтовалъ купцу поговѣть въ Саровѣ и причаститься св. Таинъ, обнадеживая, что Господь, въ случаѣ искренняго покаянія, не отниметъ отъ него Своей благодати и милости. По окончаніи бесѣды, купецъ, настроенный къ благочестію, поклонился старцу въ ноги, благодарилъ его отъ всей души за его душеполезную бесѣду, обѣщался исполнить, что слышалъ, и прося молитвъ о. Серафима, вышелъ изъ его келліи весь въ слезахъ.

Тогда строитель Высокогорской пустыни, много лѣтъ пользовавшійся вниманіемъ и уваженіемъ о. Серафима, осмѣлился спросить его:

— Батюшка! душа человѣческая предъ вами открыта, какъ лицо въ зеркалѣ: въ моихъ глазахъ не выслушавши духовныхъ нуждъ и скорбей бывшаго сейчасъ богомольца, вы все ему высказали.

О. Серафимъ не сказалъ ни слова.

Строитель продолжалъ:

— Теперь я вижу: умъ вашъ такъ чистъ, что отъ него ничто не сокрыто въ сердцѣ ближняго.

О. Серафимъ положилъ правую руку на уста своему собесѣднику и сказалъ:

„Не такъ ты говоришь, радость моя. Сердце человѣческое открыто одному Господу и одинъ Богъ сердцевѣдецъ, а *человѣкъ приступитъ и сердце глубоко*“ (Псал. 63, 7). За симъ разсказалъ онъ, какъ нѣкоторые укоряли св. Григорія Богослова за то, что приблизилъ онъ къ себѣ Максима циника. Но святитель сказалъ: „единъ Богъ вѣдаетъ тайны сердца человѣческаго, а я видѣлъ въ немъ обратившагося отъ язычества въ христіанство, что для меня велико.“

Строитель опять спросилъ: „да какъ же, батюшка, вы не спросили отъ купца ни единаго слова и все сказали, что ему потребно?“

О. Серафимъ, отверзши уста и распростанивъ слово, началъ изъяснять:

„Онъ шелъ ко мнѣ, какъ и другіе, какъ и ты, шелъ, яко, къ рабу Божію; я, грѣшный Серафимъ, такъ и думаю, что я грѣшный рабъ Божій, что мнѣ повелѣваетъ Господь, какъ рабу своему, то я передаю требующему полезнаго. Первое помыш-

леніе, являющееся въ душѣ моей, я считаю указаніемъ Божіимъ и говорю, не зная, что у моего собесѣдника на душѣ, а только вѣрую, что такъ мнѣ указываетъ воля Божія для его пользы. А бываютъ случаи, когда мнѣ выскажутъ какое либо обстоятельство, и я, не повѣривъ его волѣ Божіей, подчиню своему разуму, думая, что это возможно, не прибѣгая къ Богу, рѣшить своимъ умомъ, — въ такихъ случаяхъ всегда дѣлаются ошибки."

Весьма назидательную и многообъясняющую сію бесѣду старецъ заключилъ такъ:

„Какъ желѣзо ковачу, такъ я предалъ себя и свою волю Господу Богу: какъ Ему угодно, такъ и дѣйствую; своей воли не имѣю, а что Богу угодно, то и передаю."

Эту бесѣду намъ передалъ лично почтенный отецъ архимандритъ Антоній, бывшій въ то время строителемъ Высокогорскаго монастыря, впослѣдствіи намѣстникомъ Сергіевой Лавры.

д) Исцѣленія при посредствѣ молитвъ старца Серафима.

Нѣкоторые по своей вѣрѣ, при жизни о. Серафима и при посредствѣ его молитвъ, получали исцѣленія. Такъ, въ 1830 году прибыла въ Саровъ одна больная, бывшая впослѣдствіи игуменью въ г. Слободскѣ, Вятской губерніи. Она страдала водяною болѣзнію; тѣло у ней все опухло и пожелтѣло; разслабленіе чувствовалось въ такой степени, что она съ большимъ трудомъ достигла Сарова. На дорогѣ два раза останавливалась и однажды такъ была слаба, что въ Нижегородскомъ женскомъ монастырѣ ее уже напутствовали къ смерти.

По прибытіи въ Саровъ, пришла она, въ числѣ другихъ посѣтителей, въ келейныя сѣни о. Серафима и сѣла позади другихъ. Старецъ же, раздвинувъ толпу посѣтителей, подошелъ прямо къ ней, протянулъ ей руку, принявъ отъ нея полотенце ея рукодѣлья, трижды утерся имъ и, сказавши: „иди, радость моя, за мною," привелъ ее въ свою келлію. Здѣсь онъ благословилъ ее, далъ просфоры со св. водою и, отпуская отъ себя, сказалъ: „завтра мы съ тобою увидимся."

На другой день старецъ принималъ посѣтителей въ ближней пустынной келліи, около своего источника. Онъ вышелъ къ

нимъ въ полумантіи съ зажженною въ рукахъ свѣчею, началъ благословлять всѣхъ, говоря каждому потребное на пользу души. Послѣ всѣхъ подошла къ нему и больная. Взглянувъ на нее, онъ сказалъ: „ты матушка, очень нездорова?“ и потомъ, благословляя, продолжалъ: „поди умойся въ ключѣ и напейся— и будешь здорова.“ Больная отвѣчала: „ужъ я пила, батюшка, и умылась, когда пришла сюда.“ Тогда онъ сказалъ опять: „возьми, матушка, возьми воды-то изъ ключа съ собой, пей и умывайся, и тѣло-то омой: Апостолы Христовы исцѣлятъ тебя, будешь здорова.“ А какъ она сказала, что при ней нѣтъ сосуда, въ которомъ можно бы унести воды съ собою, то старецъ вынесъ ей изъ своей келліи небольшой кувшинчикъ и повторилъ какъ при семъ случаѣ, такъ и послѣ возвращенія съ водою, прежнія слова свои.

Возвратившись въ гостинницу, больная тотчасъ же исполнила во всей точности совѣтъ старца, не опасаясь употребленія воды въ водяной болѣзни и не слушаясь тѣхъ, которые, бывши съ нею, запрещали это: на другой день она встала съ постели совершенно здоровою. Вода изъ нея вытекла, опухоль уничтожилась, боль стихла, возвратилась крѣпость силъ; лицо покрылось естественною бѣлизною. Больная точно переродилась, и тѣ, которые видѣли ее еще наканунѣ, утромъ почти не узнавали.

Предъ отправленіемъ въ обратный путь отецъ Серафимъ прислалъ ей и двумъ ея спутницамъ, вмѣстѣ съ благословеніемъ: выздоровѣвшей — палочку съ клюкою, одной изъ спутницъ — палочку же съ четырьмя отростками, а другой — простую палочку. Послѣдствія показали, что съ каждымъ изъ этихъ знаковъ соединялось особое значеніе, котораго въ то время онѣ не поняли. Выздоровѣвшая, поступивъ въ монахини, подъ именемъ Пульхеріи, была игуменіею въ женскомъ монастырѣ города Слободска, Вятской губерніи. Первая изъ спутницъ съ тремя своими отростками (двумя сыновьями и дочерью) всѣ четверо приняли монашескій санъ; вторая спутница также поступила въ монастырь.

Въ предыдущемъ разсказѣ упомянуто объ источникѣ Серафимовомъ и его цѣлительной силѣ.

Вотъ что разсказываетъ объ этомъ событіи Саровскій іеромонахъ о. Анастасій. Разъ случилось ему быть у батюшки о.

Серафима около его колодца. Старецъ между бесѣдою сказалъ ему: „вотъ, батюшка, я молился, чтобы вода сія въ колодцѣ была цѣлительною отъ болѣзней.“ Этимъ объясняются нынѣшнія свойства воды, текущей въ Серафимовомъ источникѣ, которыхъ прежде она не имѣла. Во-первыхъ, вода сія, какъ замѣчаютъ, никогда не портится, хотя бы много лѣтъ стояла въ незакупоренныхъ сосудахъ. Нѣкоторымъ хотѣлось бы объяснить это качество минеральными веществами, входящими будто бы въ составъ ея. Но извѣстно, что и минеральныя воды измѣняются и подвергаются порчѣ, даже очень скоро, при дурной укупоркѣ. Во-вторыхъ, водою изъ Серафимова источника во всякое время года многіе омываются, и здоровые, и больные, и не только никто не получаетъ отъ этого вреда, а напротивъ, многіе, какъ видимъ, получали исцѣленіе. Такъ, послѣ смерти о. Серафима, княг. Е. И. Е. разсказывала относительно цѣлительныхъ свойствъ Серафимова источника слѣдующее: „двоюродная сестра моя В. Н. очень страдала припадками и боялась всякой святыни, съ которою подходили къ ней. Лекарства, какъ это часто бываетъ, не помогали ей. Нечего дѣлать, повезли ее въ Саровъ къ о. Серафиму. Старецъ далъ ей сухариковъ и велѣлъ умыться въ своемъ источникѣ. Съ той минуты болѣзнь ея совершенно прошла и она живетъ благополучно у дѣтей своихъ.“

Вотъ что говорится еще въ письмахъ Маріи Кол., современницы о. Серафима, лично знавшей его въ письмахъ, которыя писаны были къ затворнику Георгію, въ первое полугодіе послѣ кончины Саровскаго подвижника.

„Я опять перехожу къ о. Серафиму, какъ источнику моей радости. Мнѣ и въ присутствіи моемъ другимъ сказывала Мавра Львовна, генеральша Сипягина. Она была больна, чувствовала въ себѣ ужасную тоску, и отъ болѣзни не могла въ постные дни кушать пищи, положенной уставомъ Церкви. Когда она пришла къ о. Серафиму просить помощи, старецъ приказалъ ей напиться воды у его источника. Мавра Львовна напилась: вдругъ, безъ всякаго принужденія, изъ нея гортанью вышло множество желчи. И послѣ сего она стала здорова“.

„Также Татьяна Васильевна Баринова, въ бытность свою у о. Серафима, жаловалась ему на свою болѣзнь; а у ней на рукѣ былъ непроходимый лишай и вся рука была обвязана.

Батюшка о. Серафимъ приказалъ ей вымыть руку водою изъ источника. Татьяна же Васильевна сперва подумала: „ахъ! какъ я это сдѣлаю, если и отъ малѣйшаго прикосновенія сырости болѣзнь руки усиливается?“ Однако же, на сей случай она не затруднилась оказать послушаніе и свою руку умыла. Тотчасъ же какъ бы чешуя слѣзла съ руки ея вмѣстѣ съ кожею, и съ тѣхъ поръ руки ея чисты.“

„Многимъ даже въ ранахъ о. Серафимъ приказывалъ окатиться водою изъ его источника. Всѣ получали отъ этого исцѣленіе—и въ различныхъ болѣзняхъ.“

Повѣствованія свои о цѣлительности источника Марія окончила такъ: „жизнь батюшки о. Серафима и чудныя дѣла Божіи въ немъ меня радуютъ. А какъ вспомню о его переселеніи отъ здѣшнихъ, и что я болѣе его не увижу, такъ сердце мое исполняется горести и глаза—слезъ. Я бы у него попросилась въ Дивѣевскую общину... Въ бытность у него я такъ была удивлена имъ, что нашла мало чего поговорить съ нимъ о себѣ: только лились неудержимо мои слезы. Съ предсказаннымъ переворотомъ моей жизни мнѣ показалось, что все мое сердце превратилось въ плачъ. Но старецъ успѣлъ и здѣсь меня успокоить и покорить волѣ Божіей.“

Случаевъ, въ которыхъ о. Серафимъ при жизни своей оказывалъ помощь больнымъ, было очень много. Такъ, инокъ Саровской обители, Александръ, разсказывалъ о себѣ многимъ боголюбивымъ особамъ слѣдующія обстоятельства:

„Будучи еще въ мірѣ, онъ страдалъ разслабленіемъ всѣхъ членовъ, особенно же его мучила нестерпимая боль въ одномъ ухѣ. Лекарства ему нисколько не помогали. Въ ухѣ, наконецъ, образовался завалъ. По совѣту добрыхъ людей онъ отправился въ Саровъ просить молитвъ и помощи о. Серафима. Когда больной, вошедши, упалъ ему въ ноги, то старецъ ни слова не говоря, подошелъ къ лампадѣ, горящей предъ образомъ Божіей Матери, омочилъ въ масло перстъ свой и помазалъ больное мѣсто уха. Больной въ ту же минуту почувствовалъ облегченіе, а вскорѣ и вся боль прошла. Тутъ же старецъ, между прочимъ, сказалъ выздоровѣвшему: „ты будешь нашъ,“ и онъ, не смотря на значительныя препятствія, дѣйствительно вступилъ въ Саровскую пустынь“.

По вступленіи въ монастырь, у него чрезвычайно усилилось

разслабленіе правой руки, и прежде ощущаемое. Инокъ не могъ ни креститься, ни кушать правою рукою безъ поддержки лѣвой. Опять пришедши къ старцу Серафиму, онъ бросился ему въ ноги, прося его благословенія и помощи св. молитвами. О. Серафимъ весьма милостиво благословилъ его и съ радостнымъ лицемъ сказалъ: „помолись Царицѣ Небесной и положи ей три поклона.“ Инокъ тотчасъ же положилъ три поклона предъ образомъ Божіей Матери. Послѣ сего старецъ, взявъ сосудъ со св. водою, сталъ подавать ему въ больную руку. Но инокъ отвѣчалъ: „батюшка! не могу взять этою рукою: она у меня болитъ и вся разслаблена.“ Тогда старецъ взялъ его за больную руку и, подавая сосудъ, сказалъ: „бери и пей.“ Больной, хотя съ трудомъ и при поддержкѣ о. Серафима, напился. Старецъ въ заключеніе, благословилъ его и съ миромъ отпустилъ въ келлію. „Съ того времени, говорилъ инокъ Александръ, благодаря Бога, за молитвы о. Серафима, я не чувствую никакой боли въ рукѣ моей.“

И въ Дивѣевѣ и въ Саровѣ занимались работами многіе изъ крестьянъ. Нѣкоторые изъ нихъ особенно близки были къ о. Серафиму; они питали къ старцу вѣру и любовь, какъ къ лицу, угодному Богу, и о. Серафимъ взаимно любилъ ихъ. Нѣкоторые изъ нихъ такимъ образомъ сдѣлались достовѣрными повѣствователями событій изъ жизни старца.

Такъ, Лихачевскій крестьянинъ Е. В. разсказывалъ, что онъ въ 1831 году, почувствовавъ въ себѣ признаки холеры, тотчасъ же побѣжалъ къ о. Серафиму просить помощи, и едва-едва могъ доползти до его келліи. Старецъ приложилъ его къ образу Божіей Матери Умиленія, напоилъ св. водою и далъ вкусить нѣсколько частицъ отъ просфоры. Больной немного поуспокоился. Потомъ старецъ велѣлъ ему обойти кругомъ монастыря и, зайдя въ соборъ, помолиться въ немъ. „Тамъ— сказалъ онъ—милосердіе Божіе исцѣлитъ тебя.“ Крестьянинъ все это исполнилъ и, по милости Божіей, возвратился въ гостинницу совершенно здоровымъ.

Ротмистръ Африканъ Васильевичъ Тепловъ, касательно помощи о. Серафима во время холеры, сообщилъ слѣдующее: „Въ началѣ 30-хъ годовъ появилась въ Екатеринославской губерніи холера и начала производить большую смертность въ имѣніи моемъ, находящемся въ тамошнемъ краю. У меня забо-

лѣло вдругъ около 20 человѣкъ и уже двое изъ нихъ умерли. Судорожныя же корчи прочихъ, общій стонъ и плачъ раздирали мою душу. Въ столь крайнихъ обстоятельствахъ я припомнилъ, что о. Серафимъ нѣсколько разъ говорилъ мнѣ: „когда ты будешь въ скорби, то зайди къ убогому Серафиму въ келлію: онъ о тебѣ помолится.“ Вспоминаніе это побудило меня съ женою обратиться заочно къ старцу Серафиму, чтобы онъ избавилъ насъ отъ пагубной болѣзни. И вотъ въ ту же ночь, въ сонномъ видѣніи, является старецъ женѣ моей и приказываетъ ей отправиться на родникъ, гдѣ нѣкогда явилась чудотворная икона Божіей Матери, взять оттуда воды, напиться и обмыться ею какъ намъ, такъ и всѣмъ людямъ. Этотъ родникъ, или источникъ, находится въ 12 верстахъ отъ моего имѣнія, и я немедленно по утру отправился туда со всѣмъ семействомъ, сохраняя въ душѣ полную увѣренность въ ходатайство за насъ угодника Божія Серафима.

По прибытіи на родникъ, мы погрузили въ него сначала крестъ, а потомъ напились и умылись изъ него, какъ сами, такъ и служившіе намъ. Въ то же время, по моему распоряженію, привезли къ намъ изъ села нашего бочку, которую мы наполнили водою изъ родника и потомъ всѣ отправились домой. Въ селѣ я приказалъ собрать всѣхъ крестьянъ, пригласилъ священника и, по совершеніи торжественнаго водоосвященія, мы стали раздавать священную воду всѣмъ и отвезли часть ея въ больницу, гдѣ многіе были уже при смерти. Всѣ они, по милосердію Божію, выздоровѣли вскорѣ, пользуясь исключительно присланною имъ водою, и никто съ тѣхъ поръ не умиралъ въ моемъ имѣніи. Въ особенности удивило насъ всѣхъ и заставило возблагодарить милосердіе Божіе—выздоровленіе одной 70-лѣтней старухи. Она также заболѣла холерою и находилась уже въ безнадежномъ состояніи. Но когда сосѣдъ ея, крестьянинъ, налилъ ей насильно въ ротъ воды, такъ какъ она была въ оцѣпенѣніи, и потомъ еще вылилъ на нее изъ бутылки остальную воду, она впала въ безчувственность; потомъ чрезъ нѣсколько минутъ выступилъ на ней обильнѣйшій потъ и чрезъ часъ, не болѣе старуха была внѣ всякой опасности“.

По случаю этой смертоносной язвы многіе обращались къ о. Серафиму съ письмами, иные лично пріѣзжали просить его

молитвъ и наставленія какъ предостеречь себя отъ опасности. Старецъ давалъ слѣдующее наставленіе:

„Призовемъ имя Господа—и спасемся. Когда у насъ имя Божіе будетъ на устахъ—мы спасены. Открой ко Господу путь твой и уповай на Него, и Той сотворитъ, помилуетъ тя, изведетъ, яко свѣтъ, правду твою, и судьбу твою яко полудне (Псал. 36, 5—6), только повинись Господу и умоляй Его.“ Къ продолженію сего пути онъ совѣтовалъ держать то молитвенное правило, которое еще прежде составилъ для простолюдиновъ и людей, часто неимѣющихъ достаточнаго досуга для молитвы (см. выше). „Кто будетъ продолжать такъ, говорилъ онъ, тотъ не лишится милости Божіей. Молитва—путь ко Господу. Благоговѣйно причащающійся святыхъ Таинъ, и не однажды въ годъ, будетъ спасенъ, благополученъ и на самой землѣ долговѣченъ. Помните слова апостольскія: *всегда радуйтесь, непрестанно молитеся, о всемъ благодарите,* (Солун. 5, 17). При такомъ блаженномъ и мирномъ состояніи души, вѣрую, что по великой благости Божіей, ознаменуется благодать и на родѣ причащающагося. Предъ Господомъ одинъ творящій волю Его—паче тьмы беззаконныхъ.“

Что касается собственно до писемъ, то о. Серафимъ часто, не распечатывая, зналъ ихъ содержаніе и давалъ отвѣты, говоря, обыкновенно, такъ: „вотъ что скажи отъ убогаго Сефима и проч.“. Въ этомъ удостовѣряютъ многія, боголюбивыя особы, обращавшіяся съ отцемъ Серафимомъ лично или чрезъ письма. Послѣ смерти старца, въ келліи его нашли много нераспечатанныхъ писемъ, по которымъ однако же, даны были въ свое время изустные отвѣты.

Молитвы старца Серафима были такъ сильны предъ Богомъ, что есть примѣры возстановленія болящихъ отъ одра смерти. Такъ, въ маѣ 1829 года сильно заболѣла жена Алексѣя Гурьевича Воротилова, жителя Горбатовскаго уѣзда села Павлова. Воротиловъ же имѣлъ большую вѣру въ силу молитвъ о. Серафима, и старецъ, по свидѣтельству знающихъ людей, любилъ его какъ-бы своего ученика и наперстника. Тотчасъ же Воротиловъ отправился въ Саровъ и, не смотря на то, что пріѣхалъ туда въ полночь, поспѣшилъ къ келліи о. Серафима. Старецъ, какъ-бы ожидая его, сидѣлъ на крылечкѣ келліи и, увидѣвши, привѣтствовалъ его сими словами: „что, радость

моя, поспѣшилъ въ такое время къ убогому Серафиму!“ Воротиловъ со слезами разсказалъ ему о причинѣ поспѣшнаго прибытія въ Саровъ и просилъ помочь болящей женѣ его. Но о. Серафимъ, къ величайшей скорби Воротилова, объявилъ, что жена его должна умереть отъ болѣзни. Тогда Алексѣй Гурьевичъ, обливаясь потокомъ слезъ, припалъ къ ногамъ подвижника, съ вѣрою и смиреніемъ умоляя его помолиться о возвращеніи ей жизни и здоровья. О. Серафимъ тотчасъ погрузился въ *умную* молитву минутъ на десять, потомъ открылъ очи свои и, поднимая Воротилова на ноги, съ радостію сказалъ: „ну, радость моя, Господь даруетъ супружницѣ твоей животъ. Гряди съ миромъ въ домъ твой.“ Съ радостію Воротиловъ поспѣшилъ домой. Здѣсь онъ узналъ, что жена его почувствовала облегченіе именно въ тѣ минуты, когда о. Серафимъ пребывалъ въ молитвенномъ подвигѣ. Вскорѣ же она и совсѣмъ выздоровѣла.

Въ Сентябрѣ 1831 года прибылъ въ Саровъ одинъ помѣщикъ Симбирской и Нижегородской губерній Коллежскій Совѣтникъ Николай Александровичъ Мотовиловъ, совершенно больной и получилъ по молитвамъ отца Серафима чудесное исцѣленіе. Въ запискѣ своей, хранящейся въ Дивѣевской обители, онъ такъ пишетъ о своемъ исцѣленіи: „Великій старецъ Серафимъ исцѣлилъ меня отъ тяжкихъ и неимовѣрныхъ, великихъ ревматическихъ и другихъ болѣзней, съ разслабленіемъ всего тѣла и отнятіемъ ногъ, скорченныхъ и въ колѣнкахъ распухшихъ и съ язвами пролежней на спинѣ и бокахъ, коими страдалъ неисцѣльно болѣе трехъ лѣтъ. Исцѣленіе это было слѣдующимъ образомъ. Велѣлъ я везти себя, тяжко больного, изъ сельца Бритвина, Нижегородскаго Лукояновскаго имѣнія моего, къ Батюшкѣ о. Серафиму. 5 сентября 1831 года я былъ привезенъ въ Саровскую пустынь; 7 сентября и 8 на день Рождества Божіей Матери удостоился имѣть я двѣ бесѣды, первыя съ батюшкой о. Серафимомъ до обѣда и послѣ обѣда въ монастырской келліи его, но исцѣленія еще не получалъ. А когда на другой день 9 сентября привезенъ былъ я къ нему въ ближнюю его пустыньку, близъ его колодца и четверо человѣкъ носившіе меня на своихъ рукахъ, а пятый поддерживавшій мнѣ голову, принесли меня къ нему, находящемуся въ бесѣдѣ съ народомъ, во множествѣ приходившемъ къ нему, тогда, возлѣ

большой и очень толстой сосны и до сего времени на берегу р. Саровки существующей, на его сѣнокосной пажнинкѣ, меня посадили. На просьбу мою помочь мнѣ и исцѣлить меня, онъ сказалъ: „Да вѣдь я не докторъ, къ докторамъ надобно относиться, когда хотятъ лечиться отъ болѣзней какихъ нибудь.“ Я подробно разсказалъ ему бѣдствія мои и что я всѣ главные способы леченій испыталъ, но ни отъ одного способа не получилъ исцѣленія болѣзней моихъ и затѣмъ ни въ чемъ уже не полагаю себѣ спасенія и не имѣю другой надежды получить исцѣленія отъ недуговъ, кромѣ какъ только лишь благодатію Божіею. Но будучи грѣшенъ и не имѣючи дерзновенія самъ ко Господу Богу, прошу его св. молитвъ, чтобы Господь исцѣлилъ меня. И онъ сдѣлалъ мнѣ вопросъ: „а вѣруете-ли Вы въ Господа Іисуса Христа, что Онъ есть Богочеловѣкъ и въ Пречистую Его Божію Матерь, что Она есть Присподѣва?“ Я отвѣчалъ: „Вѣрую.“—„А вѣруешь-ли, продолжалъ онъ меня спрашивать, „что Господь какъ прежде исцѣлялъ мгновенно и однимъ словомъ своимъ или прикосновеніемъ своимъ всѣ недуги, бывшія въ людяхъ, такъ и нынѣ также легко и мгновенно можетъ по прежнему исцѣлять требующихъ помощи, однимъ же словомъ своимъ и что ходатайство къ Нему Божіей Матери за насъ всемогуще и что по сему Ея ходатайству Господь Іисусъ Христосъ и нынѣ также мгновенно и однимъ словомъ можетъ всецѣло исцѣлить Васъ?“ — Я отвѣчалъ, что истинно всему этому всею душею моею и сердцемъ моимъ вѣрую и если-бы не вѣровалъ, то не велѣлъ бы везти себя къ Вамъ. „А если вѣруете,“ заключилъ онъ, — „то Вы здоровы уже!“— „Какъ здоровъ?“ спросилъ я, — „когда люди мои и Вы держите меня на рукахъ!“—„Нѣтъ!“ сказалъ онъ мнѣ,—„Вы совершенно всѣмъ тѣломъ вашимъ теперь уже здоровы въ конецъ!“ И онъ приказалъ державшимъ меня на рукахъ своихъ людямъ моимъ отойти отъ меня, а самъ взявши меня за плечи, приподнялъ отъ земли и, поставивъ на ноги мои, сказалъ мнѣ: „Крѣпче стойте, тверже утверждайтесь ими на землѣ, вотъ такъ; не робѣйте, вы совершенно здравы теперь.“ И потомъ прибавилъ, радостно смотря на меня: „вотъ, видите-ли какъ вы хорошо теперь стоите.“ Я отвѣчалъ: „поневолѣ хорошо стою, потому что Вы хорошо и крѣпко держите меня.“ И онъ, отнявъ руки свои отъ меня, сказалъ: „ну, вотъ уже и я теперь не

держу васъ, а вы и безъ меня все крѣпко же стоите; идите же смѣло, батюшка мой, Господь исцѣлилъ васъ, идите же и трогайтесь съ мѣста.“ Взявъ меня за руку одною рукою своею, а другою въ плечи мои немного поталкивая, повелъ меня по травѣ и по неровной землѣ, около большой сосны, говоря: „вотъ, ваше боголюбіе, какъ вы хорошо пошли!“ Я отвѣчалъ: „да, потому что вы хорошо меня вести изволите!“ — „Нѣтъ“, сказалъ онъ мнѣ, отнявъ отъ меня руку свою: „самъ Господь совершенно исцѣлить васъ изволилъ, и Сама Божія Матерь о томъ Его упросила, вы и безъ меня теперь пойдете и всегда хорошо ходить будете; идите-же...“ и сталъ толкать меня, чтобы я шелъ. „Да эдакъ упаду я и ушибусь...“ сказалъ я. „Нѣтъ,“ противорѣчилъ онъ мнѣ, — „не ушибетесь, а твердо пойдете...“ И когда я почувствовалъ въ себѣ какую то свыше осѣнившую тутъ меня силу, пріободрился немного и твердо пошелъ, то онъ вдругъ остановилъ меня и сказалъ: „довольно уже,“ и спросилъ: „что, теперь удостовѣрились ли вы, что Господь васъ дѣйствительно исцѣлилъ во всемъ и во всемъ совершенно? Отъялъ Господь беззаконія ваша и грѣхи ваши очистилъ есть Господь. Видите ли какое чудо Господь сотворилъ съ Вами нынѣ; вѣруйте-же всегда несомнѣнно въ Него, Христа Спасителя нашего и крѣпко надѣйтесь на благоутробіе Его къ Вамъ, всѣмъ сердцемъ возлюбите Его и прилѣпитесь къ Нему всею душею вашею и всегда, крѣпко надѣйтесь на Него и благодарите Царицу Небесную за Ея къ вамъ великія милости. Но такъ какъ трехлѣтнее страданіе ваше тяжко изнурило васъ, то вы теперь не вдругъ по многу ходите, а постепенно: мало по малу пріучайтесь къ хожденію и берегите здоровье ваше, какъ драгоцѣнный даръ Божій“... И довольно потомъ еще побесѣдовавъ со мною отпустилъ меня на гостинницу совершенно здоровымъ. И такъ, люди мои пошли одни изъ лѣса и ближней пустыньки до монастыря, благодаря Бога и дивныя милости Его ко мнѣ явленныя въ собственныхъ глазахъ ихъ, а я самъ одинъ сѣлъ съ гостинникомъ отцемъ Гуріемъ, твердо безъ поддержки людской, сидя въ экипажѣ, возвратился въ гостинницу Саровской пустыни. А такъ какъ многіе богомольцы были со мною при исцѣленіи моемъ, то прежде меня возвратились въ монастырь, всѣмъ возвѣщая о великомъ чудѣ этомъ.“

ė) Пособіе старца Серафима въ разныхъ душевныхъ недугахъ.

Старецъ о. Серафимъ оказывалъ помощь скорбящимъ, пораженнымъ душевными недугами и одержимымъ злыми духами. Такъ, одинъ саровскій братъ, находясь въ уныніи, близкомъ къ отчаянію, просилъ другого раздѣлить съ нимъ нѣсколько минутъ скорби. Вышли эти два брата изъ монастыря послѣ вечерни и пошли вокругъ ограды, утѣшаясь взаимною бесѣдою. Подошедши къ конному двору, около котораго лежала дорожка къ Серафимову источнику, скорбящій братъ хотѣлъ своротить въ сторону, чтобы въ такомъ болѣзненномъ состояніи духа не повстрѣчаться ему съ о. Серафимомъ. Но прежде чѣмъ успѣли они отойти отъ дороги, вдругъ увидѣли вблизи себя старца, идущаго навстрѣчу имъ. Старецъ явился имъ въ довольно странномъ нарядѣ. Часть бѣлаго его балахона была поднята, по обычаю рабочихъ, подъ кушакъ, а полы опущены. На немъ былъ огромный зеленаго цвѣта левантиновый платокъ, у котораго одинъ конецъ тащился по землѣ, а другой обвивалъ шею. Два брата упали ему въ ноги. Старецъ же, какъ чадолюбивый отецъ, съ необыкновенною ласкою благословилъ ихъ, потомъ пропѣлъ слѣдующій стихъ 9-й пѣсни канона, *посмаго во всякой душевной скорби и обстояніи* (параклисиса): *радости исполни мое сердце, Дѣво, яже радости пріемшая исполненіе, грѣховную печаль потребляющи*. Потомъ, топнувъ ногою, сказалъ: „нѣтъ намъ дороги унывать, потому что Христосъ все побѣдилъ, *Адама воскресилъ, Еву свободилъ, смерть умертвилъ*.“ Душевное состояніе старца какъ бы перелилось въ душѣ скорбящихъ братій, и они оживотворенные его радостію, возвратились въ обитель въ мирномъ и благодушномъ расположеніи сердца.

Одна вдова, имѣвшая троихъ маленькихъ дѣтей, тяготясь воспитаніемъ ихъ, очень роптала на свою горькую долю. Наслышавшись же о милосердіи о. Серафима, она рѣшилась обратиться къ нему, испросить благословеніе и повѣдать свое горе. Благословивъ ее, старецъ сказалъ: „не ропщи на свою участь, скоро кончится твое горе; одинъ будетъ твоимъ кормильцемъ.“ Чрезъ недѣлю послѣ этого двое изъ дѣтей умерли.

Мать поражена была неожиданною ихъ смертію и опять пошла къ о. Серафиму, ожидая, что онъ разрѣшитъ ей недоумѣнія, тревожившія душу. Старецъ, увидѣвъ ее и предваряя рѣчи ея, сказалъ: „молись Заступницѣ Пресвятой Богородицѣ и всѣмъ святымъ: клятвою дѣтей своихъ ты много оскорбила ихъ. Покайся во всемъ духовному отцу твоему и впередъ укрощай гнѣвъ свой, чтобы не быть великою грѣшницею. Въ послѣдній разъ благословляю тебя: только ты прости ихъ." Послѣ сихъ словъ старецъ благословилъ вдову, далъ ей поцѣловать Крестъ, который носилъ на груди, и ушелъ въ свою келлію на другіе труды.

Бѣсноватыхъ о. Серафимъ исцѣлялъ своимъ присутствіемъ, Крестомъ и молитвою. „Я былъ свидѣтелемъ—говорилъ Лихачевскій крестьянинъ, работавшій въ Саровѣ — какъ нѣсколько мужчинъ привели съ величайшими усиліями къ сѣнямъ пустынной келліи о. Серафима одну бѣсноватую женщину, которая во всю дорогу упиралась, а у крыльца сѣней упала, и закинувши голову назадъ, кричала: „сожжетъ, сожжетъ!" О. Серафимъ вышелъ изъ келліи, и такъ какъ женщина не хотѣла открыть ротъ, насильно влилъ ей нѣсколько капель св. воды. Я и всѣ мы увидѣли, что въ ту же минуту изъ ея рта вылетѣло какъ бы дымное облако. Когда же старецъ, вслѣдъ за тѣмъ, оградилъ ее крестнымъ знаменіемъ и съ благословеніемъ сотворилъ надъ нею святую молитву, бѣсноватая очнулась и сама начала молиться. Впослѣдствіи, увидѣвъ ее въ Саровскомъ соборѣ совершенно здоровую, я спросилъ: „что она теперь чувствуетъ?"—„Слава Богу, отвѣчала она, теперь я не чувствую прежней болѣзни."

ж) Исцѣленія и предсказанія вмѣстѣ.

Съ совершеніемъ исцѣленій о. Серафимъ иногда соединялъ предсказанія о будущей судьбѣ получившихъ выздоровленіе, или тѣхъ, кто былъ при нихъ. Такой случай былъ съ о. Мельхиседекомъ, монахомъ Арзамасскаго Спасскаго монастыря. Будучи въ мірѣ, имѣя жену и дѣтей, онъ торговалъ рыбой, сложилъ для склада ея каменный подвалъ, но двери хорошей сдѣлать не успѣлъ. Сынъ его, 5-ти лѣтъ, играя съ другимъ мальчикомъ на лѣстницѣ подвала, задомъ упалъ внизъ и послѣ сего сталъ по ночамъ плакать и сдѣлалась въ домѣ ихъ грусть.

У ребенка отнялись ноги; ни одинъ даже палецъ не дѣйствовалъ; тѣло все высохло, остались однѣ кости да кожа, и ноги мотались какъ плети. Если бывало, станутъ сгибать ему ноги, то колѣни трещали какъ пружина; то же повторялось и при разгибаніи. Сколько ни лѣчили родители своего сына—лекарства не подѣйствовали, напротивъ, еще въ груди оказалась сильная ломота. Наконецъ, поговоривши между собою, родители порѣшили ѣхать съ больнымъ въ Саровъ къ о. Серафиму. Дорогой черезъ гати и мосты переносили его на рукахъ и больной отъ нестерпимой ломоты въ груди все плакалъ и просился назадъ домой, гдѣ лежать ему было спокойнѣе; но родители, ни на что не взирая, пріѣхали въ Саровъ. Придя къ келліи отца Серафима и узнавъ, что онъ въ пустынѣ, они терпѣливо ожидали его прихода. Возвратившись въ монастырь, о. Серафимъ всѣхъ благословилъ, а больного ребенка, сверхъ того, поцѣловалъ въ голову. Родители объяснили о болѣзни сына. О. Серафимъ сказалъ: „не лечите ничемъ, а молитесь Богу,“ и далъ мальчику чего-то выпить и сухариковъ. При возвращеніи домой мальчикъ въ дорогѣ былъ спокойнѣе и родители, переставши лечить его, все молились о немъ Богу. Спустя нѣсколько времени матери больного привидѣлся сонъ, чтобы, для исцѣленія сына, она взяла чудотворную икону Казанской Божіей Матери (икона эта въ г. Арзамасѣ въ церкви Казанской Божіей Матери) въ домъ. Точно, икону Божіей Матери взяли въ домъ, отслужили всенощную и молебенъ съ водоосвященіемъ. По окончаніи молебна, священникъ благословилъ больного мальчика Крестомъ, далъ ему напиться св. воды, а потомъ онъ приложился къ чудотворной иконѣ Божіе Матери, которая осталась въ домѣ до утра. По утру же, отслуживъ благодарственный молебенъ Божіей Матери, съ радостію и благоговѣніемъ отнесли ее въ церковь. По возвратѣ изъ церкви мать взяла больного на колѣни; въ это время ноги у него, до того времени неимѣвшія правильнаго движенія, вдругъ согнулись и опять вытянулись, еще разъ согнулись и снова вытянулись. Родители, увидѣвъ это, отъ удивленія и радости заплакали, а сынъ, вставъ на ноги, пошелъ нетвердымъ шагомъ и съ этого времени сталъ ходить лучше: ноги его окончательно исправились и онъ болѣе не страдалъ ими.

При томъ свиданіи, когда больного привозили къ о. Се-

рафиму, старецъ, между прочимъ, сказалъ отцу его: „ты оставь міръ.“ Долго думалъ отецъ, что бы это значило, а потомъ сталъ уговаривать жену свою идти съ дочерью въ монастырь, съ тѣмъ, чтобы и ему самому идти въ монастырь же. Жена на это возразила: а родителей (которые при нихъ жили) ты куда думаешь дѣвать?—Для родителей, отвѣчалъ мужъ, надо поставить келлію и дать на пропитаніе. Не видя съ этой стороны успѣха въ своихъ намѣреніяхъ, жена прямо отвѣчала, что у нея нѣтъ желанія идти въ монастырь. Дѣло на томъ и остановилось. Потомъ, прошло нѣсколько времени; жена, отецъ и мать въ одинъ годъ померли, и отецъ съ сыномъ въ тотъ же годъ поступили въ Высокогорскую пустынь, а дочь была отдана въ Николаевскій Арзамасскій женскій монастырь. Такимъ образомъ сбылось предсказаніе о. Серафима, сказанное въ видѣ намека.

Г-жа М. В. Никашина объ исцѣленіяхъ и предсказаніяхъ о. Серафима повѣтствовала слѣдующее:

„Я и мужъ мой пожелали видѣть богоугоднаго старца Серафима и поѣхали въ Саровскую пустынь: но по пріѣздѣ туда, не застали о. Серафима въ монастырской его кельѣ: онъ былъ въ лѣсу, на пустынныхъ трудахъ. Мы пошли туда и вскорѣ самъ старецъ встрѣтился съ нами. Онъ тотчасъ обратился къ мужу моему съ словами: „вотъ что, батюшка, пророкъ Давидъ пишетъ: *Господи, возлюбихъ благолѣпіе дому Твоего, и мѣсто селенія славы Твоея*. Вельми хорошо, батюшка, украшать храмы Господни.“ О. Серафимъ говорилъ это по дару прозорливости, провидя, какъ мужъ мой любилъ украшать храмы Божіи.

Послѣ того о. Серафимъ, приглашалъ насъ въ свою монастырскую келью, и мы стали у него просить благословенія на поѣздку въ Москву къ своему помѣщику, чтобы хлопотать объ отпущеніи на волю, или, по крайней мѣрѣ, о томъ, чтобы господинъ уволилъ мужа моего отъ должности управляющаго. Но о. Серафимъ, выслушавъ слова наши, взялъ моего мужа за руку и, подведя его къ иконѣ Умиленія Божіей Матери, сказалъ: „прошу тебя, ради Божіей Матери, не отказываться отъ должности. Твое управленіе — къ славѣ Божіей: мужиковъ не обижаешь. Не слушай, кто тебѣ будетъ говорить про тебя, или про твою супругу дурно, а въ Москву нѣтъ тебѣ дороги, а вотъ твоя дорога: я благословилъ одного управляющаго про-

ситься на волю по смерти господина, который при жизни своей купилъ себѣ имѣніе на низу, и послалъ его принять оное и устроить. Когда господинъ тотъ скончался, госпожа отпустила управляющаго на волю и дала ему довѣренность на управленіе имѣніемъ такую, что только себя не вручила ему.“ О. Серафимъ говорилъ эту притчу о моемъ мужѣ, съ которымъ дѣйствительно все то случилось впослѣдствіи, что онъ предсказалъ за нѣсколько лѣтъ до исполненія.

У мужа моего была слѣдующая странная болѣзнь: едва только простудится онъ немного, какъ тотчасъ кровь бросается ему въ лицо, дѣлается напряженіе жилъ, нервы, особенно носовые, приходятъ въ необыкновенное раздраженіе и онъ сначала ощущаетъ странное щекотаніе въ носу, а потомъ начинаетъ чихать безпрестанно. Это изнурительное чиханье продолжалось у него иногда цѣлый день, а иногда и два, и совершенно убивало его. Врачи Московскіе и Нижегородскіе совѣтовали ему непремѣнно лечиться отъ этой опасной болѣзни, и предсказывали, что у мужа моего современемъ можетъ образоваться полипъ. Но такъ какъ мужу моему некогда было заняться серьезно своимъ леченіемъ, то болѣзнь вскорѣ очень усилилась. Тогда мы рѣшились ѣхать въ Саровъ къ о. Серафиму.

По пріѣздѣ нашемъ, старецъ, благословивши насъ, тотчасъ же взялъ съ печки бутылку съ водой, приказалъ мужу моему наклонить голову и началъ самъ поливать ее водою изъ бутылки; потомъ приказалъ ему умыться этою водою и подалъ ему съ своей шеи полотенце, чтобы онъ утерся имъ. Съ тѣхъ поръ болѣзнь моего мужа совершенно миновалась и онъ прожилъ еще семь лѣтъ.

О. Серафимъ, благословляя насъ однажды на возвратный путь изъ Сарова домой, сказалъ мнѣ: „вотъ, матушка, пришли ко мнѣ мужчина и двѣ женщины и стали творить молитву; я ихъ не пустилъ; а когда они стали очень громко стучать въ дверь и мнѣ уже нечего было дѣлать, то я легъ спать:“ и потомъ прибавилъ: „понимаешь ли ты это, матушка!“ Послѣ того, по приходѣ нашемъ на гостинный дворъ, мы нашли тамъ какого-то чиновника Нижегородскаго, который пріѣхалъ въ Саровъ съ женою и началъ меня упрашивать сходить съ ними къ о. Серафиму, говоря, что они одни не смѣютъ идти, и ду-

маютъ, что о. Серафимъ не пуститъ ихъ. Мужъ мой также просилъ меня, чтобы я сходила съ ними.

Мы пошли и, по приходѣ на крыльцо келліи, услыхали, что о. Серафимъ что-то дѣлаетъ въ своихъ сѣняхъ. Я, по обыкновенію, сотворила молитву, но о. Серафимъ не отвѣчалъ обычнаго „аминь“ и не отпиралъ дверей. Спутники мои начали проситься съ усиліемъ, но онъ замолчалъ. Тогда мужчина началъ громко стучать въ двери, и вотъ мы услыхали, что о. Серафимъ легъ спать у своихъ дверей, гдѣ мы стояли, и чрезъ нѣсколько минутъ захрапѣлъ. Тутъ только поняла я, о какомъ мужчинѣ и двухъ женщинахъ говорилъ онъ мнѣ при прощаніи, и мы принуждены были отправиться домой въ гостинницу, не видавши старца.

Въ послѣдній годъ жизни моего мужа я была въ Саровѣ, въ пустынѣ о. Серафима. Я нашла тамъ его собиравшаго щепки у вала, на дорогѣ. Замѣтивши меня онъ подозвалъ меня къ себѣ и сказалъ: „вотъ, матушка, св. Отцы благословили меня собирать эти щепки для сиротъ Дивѣевскихъ; придетъ зима, нужно будетъ топить имъ печки.“ Потомъ, взявъ меня за руку, довелъ по дорогѣ до своихъ грядъ, гдѣ былъ посаженъ лукъ и картофель, и сказалъ: „а вотъ, матушка, мое богатство; вотъ какъ я живу; богатство же муженька твоего пойдетъ въ другія руки; но ты не унывай о томъ.“ Дѣйствительно чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ мужъ мой скончался; а остальное все случилось такъ, какъ предсказывалъ дивный старецъ.

Однажды я была очень больна желудкомъ и начала лечиться; но такъ какъ пользы никакой не было, то я пріѣхала къ о. Серафиму и разсказала ему о своей болѣзни. На это старецъ отвѣчалъ мнѣ такъ: „если ты, матушка, будешь лечиться, то скоро, скоро животъ свой кончишь. Болѣзнь сію молчаніемъ понеси—и пройдетъ, какъ перестанешь лечиться.“ При этомъ онъ прибавилъ: „вотъ когда ты пойдешь къ Царицѣ Небесной, то какихъ ты тамъ не увидишь! „По благословенію о. Серафима я перестала лечиться и болѣзнь моя дѣйствительно миновалась. Послѣ того я поѣхала въ село Палицъ, гдѣ находится чудотворная икона Божіей Матери; и вотъ, на квартирѣ, гдѣ привелось мнѣ остановиться, я увидѣла старушку, перевязывавшую свои раны, которыми было покрыто все ея тѣло. Поутру, идя къ обѣднѣ, я увидѣла новую страшную

больную: вели одну дѣвушку, разслабленную, опухшую и трясущуюся всѣми членами. Тогда невольно вспомнила я слова о. Серафима, которыя сначала казались мнѣ непонятными: „когда ты поѣдешь къ Царицѣ Небесной, то какихъ ты тамъ не увидишь.“

Однажды я была у о. Серафима съ родной своей сестрою, которая была замужемъ за однимъ священникомъ, но овдовѣла. Старецъ, благословляя сестру мою, сказалъ ей: „и жизнь твоя, матушка, благословенна до самаго твоего успенія.“ На это сестра моя отвѣчала ему: „простите меня, батюшка, Христа ради: я все грѣшу, ссорясь съ своимъ родителемъ за то, что онъ, сдавши свое мѣсто брату моему, самъ все живетъ у меня.“ О. Серафимъ возразилъ ей: „съ кѣмъ же, матушка, и жить-то тебѣ, какъ не съ родителемъ?“ Сестра отвѣчала ему: „у меня есть, батюшка, сынъ, который оканчиваетъ нынѣ курсъ, и я на него имѣю надежду.“ Но о. Серафимъ опять возразилъ ей: „никакой, матушка, нѣтъ надежды, никакой нѣтъ.“ И дѣйствительно, сынъ сестры моей вскорѣ умеръ.

Однажды, будучи въ Саровѣ, въ день воскресный, пошла я послѣ поздней обѣдни къ о. Серафиму и, онъ, благословивши меня, спросилъ: „ты, матушка, была у обѣдни?“ я отвѣчала: была, батюшка. Тогда онъ спросилъ: „видѣла ли ты тамъ, какъ мы соборомъ отпѣвали одну женщину? я только что пришелъ изъ церкви. Нашъ отецъ игуменъ сдѣлалъ ей хорошій гробъ. Понимаешь ли ты это, матушка?“ и онъ повторилъ свой вопросъ нѣсколько разъ. Я подумала, что вѣрно онъ предсказывалъ мнѣ близкую мою кончину, и съ этими мыслями отправилась домой. Дорогою заѣхала я въ деревню Соболеву, которая принадлежитъ къ Покровскому приходу, чтобы навѣстить свою родную тетку; но здѣсь, къ великому прискорбію, услышала я, что тетка моя недавно умерла и ее похоронили въ тотъ самый воскресный день, послѣ обѣдни, въ который я была у о. Серафима, и онъ говорилъ мнѣ о покойницѣ. О. протоіерей сдѣлалъ ей, по усердію, на свой счетъ, гробъ и похоронилъ соборомъ. Тогда поняла я чудную прозорливость о. Серафима.

Этотъ самый протоіерей не имѣлъ прежде вѣры къ о. Серафиму; но когда я разсказала ему о послѣднемъ предсказаніи старца, то онъ пожелалъ лично видѣться съ нимъ. И вотъ,

едва только, по пріѣздѣ своемъ въ Саровъ, вошелъ онъ въ келлію о. Серафима, какъ старецъ встрѣтилъ его іерейскимъ лобзаніемъ, и словами: „да благословитъ тебя, батюшка (при этомъ онъ назвалъ его по имени), Господь Богъ и Покровъ Божіей Матери,“ и потомъ назвалъ всѣхъ тѣхъ угодниковъ, во имя которыхъ въ Покровскомъ храмѣ были устроены 7 придѣловъ. Съ того времени протоіерей питалъ всегда большую вѣру къ о. Серафиму.

Однажды привезла я къ о. Серафиму восковыхъ свѣчъ, онъ тотчасъ же спросилъ меня: „ты, матушка, поѣдешь въ Дивѣево?“ Я отвѣчала ему: „благословите, батюшка: я везу туда три иконы.“ Тогда о. Серафимъ сказалъ: „такъ кстати отвези туда и свѣчки: все равно, за васъ пойдетъ молитва.“ Потомъ онъ сказалъ: „ты, матушка, знаешь пчелъ? Когда матка сидитъ въ ульѣ, то и пчелки около нея. Такъ-то и дѣвочки въ Дивѣевѣ теперь пребываютъ съ Божіей Матерью.“ На это я сказала ему: „ахъ батюшка! какъ счастливы эти дѣвочки, что онѣ всегда пребываютъ съ Божіей Матерью.“ Тогда батюшка возразилъ мнѣ: „что дѣвочкамъ завидовать! и вдовой быть хорошо; Анна Пророчица была вдова, но ей развѣ было худо? А ты дѣвушекъ то моихъ люби, почитай и не дожидайся, чтобы онѣ за тобой ходили, а сама поищи ихъ.“ Чрезъ нѣсколько послѣ того я овдовѣла; и изъ Дивѣева Ирина Прокопьевна прислала ко мнѣ сестру съ письмомъ, въ которомъ звала меня въ обитель. Тогда я вспомнила слова о. Серафима: „не дожидайся, чтобы дѣвушки мои за тобой ходили, а сама поищи ихъ“—и рѣшилась поступить въ Дивѣевскую общину.

Г-жа Серафима Корсакова разсказывала о своемъ мужѣ слѣдующее обстоятельство. Будучи одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ мужъ мой, по имени Андрей, житель г. Ардатова, сдѣлался тяжко боленъ глазами. Девять мѣсяцевъ онъ находился въ самомъ печальномъ и жалкомъ положеніи; наконецъ мать рѣшилась везти его въ Саровъ. Но когда они пріѣхали въ обитель, 3-го Августа 1829 года, о. Серафимъ, по причинамъ, ему извѣстнымъ, опять на время затворился и никого не принималъ къ себѣ. Они прождали дней пять... Старецъ опять раскрылъ двери для всѣхъ, жаждавшихъ его благословенія, наставленій и врачевства. Увидѣвъ больного отрока съ матерью, онъ пригласилъ ихъ къ себѣ, говоря: *„грядите!“* Благословивъ

ихъ, началъ дуть больному въ уши и глаза, и въ то же время положилъ на его головѣ печать крестнаго знаменія. Въ заключеніе же, благословивъ больного, онъ сказалъ ему: „будешь здоровъ." А когда больной выходилъ изъ келліи, о. Серафимъ сказалъ: „ты будешь женатъ на Серафимѣ." А матери сказалъ: „грѣхъ праздника не почитать." Онъ открылъ этими словами то, чѣмъ она согрѣшила противъ заповѣди Божіей на пути въ Саровъ. Едва только вышли они изъ келліи старца, слѣпой Андрей началъ видѣть свѣтъ Божій и чрезъ мѣсяцъ зрѣніе совсѣмъ возвратилось къ нему. Исполненіе же предсказанія касательно имени будущей его супруги оправдалось тогда, когда я, Серафима, сдѣлалась его женою."

з) Предсказанія старца Серафима.

Было весьма много случаевъ, въ которыхъ о. Серафимъ предвидѣлъ и предвозвѣщалъ будущее.

Г. И. М. Кр. разсказывалъ о своей родственницѣ В. И. Бр., живущей въ Нижнемъ-Новгородѣ, слѣдующее обстоятельство. Вышла она въ замужество за вдовца, у котораго было двое дѣтей, и была въ своемъ бракѣ крайне несчастлива. Родственники пожелали, наконецъ, чтобы она оставила своего мужа. Но прежде начала дѣла, она поѣхала въ Саровъ посовѣтоваться съ о. Серафимомъ. Старецъ сказалъ ей: „ты никакъ не оставляй своего мужа: усердно прошу тебя объ этомъ я, грѣшный монахъ Серафимъ; всѣ же претерпѣваемыя тобою непріятности скоро кончатся." Дѣйствительно, не больше, какъ чрезъ полгода мужъ ея умеръ, а сиротъ его Господь помогъ ей пристроить для воспитанія въ казенныя заведенія.

Одной благочестивой женѣ, бывшей въ Саровѣ, онъ открылъ, что наступаетъ голодъ и совѣтовалъ запастись хлѣбомъ, чтобы не терпѣть нужды. Жена же въ простой бесѣдѣ разсказала о семъ предсказаніи Саровскому іеромонаху о. Іакову, который былъ ея духовникомъ. Когда и братія за второю трапезою въ тотъ же день узнали о семъ отъ старца Іакова, то нѣкоторые изъ нихъ съ вѣрою приняли это извѣстіе, умоляя Господа Бога предотвратить Свой гнѣвъ, а маловѣрные и ропотливые стали порицать старца. Но обстоятельства оправдали слова его. Въ скоромъ времени, послѣ предсказанія, дѣйствительно начался голодъ. Цѣны на хлѣбъ съ каждою недѣлею

возвышались. Изсякли самые источники, изъ которыхъ получался хлѣбъ для голодавшаго края. Цѣна за четверть хлѣба стояла между 20 и 24 рублями, по прежнему счету, на ассигнаціи.

Съ 1831 года старецъ Серафимъ опять возвѣщалъ многимъ о предстоящемъ голодѣ. Видаясь съ о. игуменомъ Нифонтомъ, онъ и ему твердилъ: „голодъ будетъ, голодъ будетъ!“ А для предотвращенія бѣдствій, онъ совѣтовалъ монастырскому начальству сдѣлать запасъ хлѣба въ *шесть* годовыхъ потребъ, замѣтивъ, что при его жизни уже въ четвертый разъ наступаетъ голодъ, а обитель Саровская никогда не терпѣла недостатка въ хлѣбѣ.

Пришелъ къ нему еще одинъ священникъ А. Н., впослѣдствіи протоіерей въ Арзамасскомъ Николаевскомъ женскомъ монастырѣ. Старецъ о. Серафимъ поздоровался съ нимъ по обычаю іерейскому. Затѣмъ, онъ между бесѣдою, предсказалъ ему, что онъ будетъ благочиннымъ, увѣщателемъ раскольниковъ и много потерпитъ въ жизнь свою отъ діаконовъ, недостойно имѣющихъ благодать сію. О. Авраамій увидѣлъ на себѣ исполненіе сихъ словъ. Онъ подтвердилъ, что наставленія, которыя слышалъ отъ старца касательно обязанностей благочиннаго, весьма много способствовали ему къ должному прохожденію этого званія.

Благочестивая вдова Пелагія Ивановна Шкарина, проживавшая въ г. Арзамасѣ, свидѣтельствуетъ, что она имѣла желаніе смолоду поступить въ монашество. Но о. Серафимъ, знавши ее лѣтъ за пять до своей кончины, предсказалъ ей, что она будетъ сиротою, выйдетъ замужъ, будетъ имѣть семерыхъ дѣтей, назвалъ и имена всѣмъ имъ, потомъ лишится мужа. Какъ ни далеки были эти предсказанія, но они всѣ исполнились въ точности.

Была у о. Серафима также одна мѣщанка г. Балахны, по фамиліи Заяева. Старецъ совѣтовалъ ей непремѣнно поступить въ монастырь; та отказывалась. Онъ открылъ ей и причины своего совѣта: „ты будешь, говорилъ онъ несчастлива замужествомъ, много будетъ у тебя дѣтей, а мужа лишишься, останешься вдовою, и будешь терпѣть еще большую бѣдность, чѣмъ при мужѣ.“ Заяева не послушала совѣтовъ старца, вышла замужъ, и послѣ горько жалѣла о томъ: ибо всѣ слова о. Серафима исполнились надъ нею.

Въ другомъ случаѣ пришла къ нему изъ г. Арзамаса мѣщанская дѣвица Ножевникова. Оиа находилась въ большой бѣдности. О. Серафимъ, услышавъ жалобу на иедостатки, предсказалъ, что въ замужествѣ она будетъ богата, только послѣ того опять будетъ влачить жизнь исполненную многихъ скорбей.

Въ Арзамасскомъ Николаевскомъ женскомъ монастырѣ проживали двѣ сестры, крѣпостныя дѣвушки. Увидѣвши ихъ, о. Серафимъ сказалъ: „чрезъ годъ господа возьмутъ васъ къ себѣ въ услуженіе на пять лѣтъ.“ Дѣвицы были у старца съ своимъ братомъ. Этому брату онъ сказалъ: „а тебѣ Господь продлитъ жизнь до 80 лѣтъ, что нынѣ рѣдкость, если только ты сохранишь себя отъ грѣховъ смертныхъ. Все это исполнилось, какъ предсказалъ о. Серафимъ.

Надежда Ѳеодоровна Островская разсказывала слѣдующее: „родной мой братъ подполковникъ В. Ѳ. Островскій часто гостилъ въ Нижнемъ-Новгородѣ у родной нашей тетки, княгини Грузинской, которая имѣла большую вѣру къ о. Серафиму. Однажды, по какому-то случаю, она послала его въ Саровскую пустынь къ этому прозорливому старцу. Отецъ Серафимъ принялъ моего брата очень милостиво и между прочими добрыми иаставленіями вдругъ сказалъ ему: „ахъ, братъ Владиміръ, какой-же будешь пьяница!“ Эти слова чрезвычайно огорчили и опечалили брата. Онъ награжденъ былъ отъ Бога многими прекрасными — талантами и употреблялъ ихъ всегда во славу Божію; къ о. Серафиму имѣлъ глубокую преданность, а къ подчиненнымъ былъ—какъ нѣжный отецъ. Поэтому онъ считалъ себя весьма далекимъ отъ такого наименованія, неприличнаго его званію и образу жизни. Прозорливый старецъ, увидѣвъ его смущеніе, сказалъ ему еще: „впрочемъ, ты не смущайся и не будь печаленъ: Господь попускаетъ иногда усерднымъ къ Нему людямъ впадать въ такіе ужасные пороки: и это для того, чтобы они не впали еще въ большій грѣхъ—высокоуміе. Искушеніе твое пройдетъ, по милости Божіей, и ты смиренно будешь проводить остальные дни своей жизни; только не забывай своего грѣха.“ Дивное предсказаніе старца Божія дѣйствительно сбылось потомъ на самомъ дѣлѣ. Вслѣдствіе разныхъ дурныхъ обстоятельствъ, братъ мой впалъ въ эту несчастную страсть — пьянство и, къ общему прискорбію родныхъ

своихъ, провелъ нѣсколько лѣтъ въ этомъ жалкомъ состояніи. Но наконецъ, за молитвы о. Серафима, и за свое простосердечіе, былъ помилованъ Господомъ: не только оставилъ прежній свой порокъ, но и весь образъ своей жизни измѣнилъ совершенно, стараясь жить по заповѣдямъ Евангельскимъ, какъ прилично христіанину.

А. А. Тум—я, будучи еще малолѣтнею (лѣтъ 12-ти отъ роду) однажды ѣздила съ своею матерью въ Саровскую пустынь, чтобы удостоиться видѣть о. Серафима и получить его благословеніе. Это было въ 1830 году. По пріѣздѣ въ Саровъ, она случайно узнала отъ своей няни о какомъ-то бѣдномъ, изнуренномъ колодникѣ, который въ тяжелыхъ цѣпяхъ шелъ мимо монастыря и былъ очень жалокъ. При видѣ сего несчастнаго, она была очень тронута его положеніемъ, но тотчасъ не сдѣлала ему подаянія только потому, что при ней въ то время не было денегъ, но потомъ, отыскавши у тебя серебрянную монету въ 50 коп., за неимѣніемъ другой, болѣе мелкой, рѣшилась отдатъ сему несчастному. Когда же пришли они къ о. Серафиму, то прозорливый старецъ никогда еще ихъ не видѣвшій, тотчасъ подозвалъ дѣвочку къ себѣ и благословивъ ее, ласково сказалъ: „вотъ это хорошо, что полтинничекъ-то подала бѣдному,“ и при этомъ совершенно неожиданно назвалъ ее тогда ,,Ваше превосходительство.‘‘ Мать ея, крайне удивленная этимъ привѣтствіемъ, старалась объяснить старцу, что этотъ титулъ имъ вовсе не принадлежитъ, но онъ, бесѣдуя съ ними, по прежнему давалъ дѣвочкѣ тотъ же титулъ. Такъ и возвратились они домой, не узнавъ причины такого необыкновеннаго привѣтствія старца и долго недоумѣвали, чтобы это значило? Но послѣ стало понятно для нихъ, когда А. А. Тум-я, достигши совершеннаго возраста, вышла замужъ за генерала. Тогда оправдались пророческія слова старца Божія, который за долго предвидѣлъ будущее, по данной ему благодати отъ Господа.

Московскій мѣщанинъ Вячеславъ Андреевичъ Плетминцевъ никогда не думалъ жениться и всегда удивлялся тѣмъ людямъ, которые принимаютъ на себя супружескія обязанности. Въ одно время случилось ему ѣхать изъ Рязани въ Арзамасъ. Дорогою заѣхалъ онъ въ Саровскую пустынь и тамъ впервые услышалъ объ о. Серафимѣ. „Дай, зайду къ нему,“—подумалъ Плетмин-

цевъ:—„не скажетъ-ли онъ и мнѣ чего нибудь“ Пришелъ онъ къ старцу и тотъ прежде всего благословилъ его, а потомъ подалъ три сухарика, говоря: „вотъ это тебѣ, это женѣ твоей, а это сынку.“ Плетминцевъ не повѣрилъ сначала словамъ старца, но прибывши въ Арзамасъ, дѣйствительно, чрезъ нѣсколько времени женился и, по предсказанію святаго старца, имѣлъ сына.

Наталья Ивановна Богданова, преданная всею душею къ Саровскому старцу о. Серафиму, часто посѣщала его, желая насладиться утѣшительными его бесѣдами и наставленіями. Проводя свою молодость дѣвицею, она вовсе не думала о бракѣ, но однажды, бывши у о. Серафима, вдругъ была поражена отъ него неожиданнымъ для нея предсказаніемъ. О. Серафимъ, подавая ей сшитую изъ полотна шапочку, сказалъ: „на, возьми, она тебѣ пригодится, когда у тебя родится младенецъ. Ты выйдешь въ замужество за знатнаго господина, но года три по вступленіи въ бракъ тебѣ придется переносить разныя скорби; но не бойся, а уповай на Господа и Онъ тебя утѣшитъ и ты будешь счастлива.“ Взявши эту шапочку отъ старца, Богданова хранила ее, какъ неоцѣненный даръ и никому объ этомъ не рѣшалась открыть, ожидая исполненія чуднаго предсказанія о. Серафима. Спустя довольно времени послѣ сего свиданія со старцемъ, она дѣйствительно, по его пророчеству вышла замужъ, имѣя уже отъ роду за 30 лѣтъ. Когда же, пришло время ей разрѣшиться отъ бремени, то данная о. Серафимомъ шапочка была надѣта на младенца. Слова же его на счетъ семейныхъ непріятностей при выходѣ замужъ, также вполнѣ оправдались. Но въ послѣдствіи она жила счастливо.

Инымъ же старецъ предсказывалъ смерть, желая, чтобы они не перешли въ вѣчность безъ христіанскаго приготовленія. Такъ, пришелъ къ нему нѣкто Д. И., управляющій заводомъ, находящимся въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, съ женою и дѣтьми. О. Серафимъ, не зная никого и ни о комъ изъ нихъ не слыхавъ прежде, назвалъ всѣхъ ихъ по именамъ и каждому назначилъ годъ, мѣсяцъ и день смерти. Отцу сказалъ, что проживетъ 20 лѣтъ, а матери—12 лѣтъ. Послѣ извѣстно сдѣлалось въ Саровѣ, что она дѣйствительно умерла въ то время, какое предсказано было о. Серафимомъ. О самомъ управляющемъ свѣдѣній не имѣется.

Одному жителю заштатнаго города Кадома (Тамб. губ.)

онъ предсказывалъ, для его исправленія, наказаніе Божіе, имѣвшее послѣдствіемъ своимъ его смерть. Пришла къ о. Серафиму жена этого человѣка. Старецъ принялъ ее съ отеческою любовію и между прочими совѣтами и наставленіями, убѣждалъ ее поговорить своему мужу, избранному въ то время въ члены городского общества, чтобы онъ исправилъ себя отъ невоздержанія, дерзости, несправедливыхъ притѣсненій и немилосердія въ отношеніи другихъ. „Если мужъ твой не оставитъ этихъ страстей вкоренившихся въ немъ, говорилъ старецъ, то онъ непремѣнно будетъ за то наказанъ Богомъ.“ Говоря это, онъ взялъ съ печки пучокъ спичекъ, подалъ ихъ женщинѣ, и прибавилъ: „на, возьми эти спички, храни ихъ.“

Отеческое благословеніе о. Серафима видимо обрадовало ту женщину, а предсказанное имъ наказаніе ея мужа, въ случаѣ неисправленія его, сильно смутило ее. Не разъ послѣ того разсуждала она съ домашними и знакомыми своими о простомъ, но странномъ подаркѣ о. Серафима; но никто изъ нихъ не могъ растолковать его значеніе. Наконецъ наступилъ страшный часъ, въ который, какъ значенія подарка объяснилось, такъ исполнилось и самое предсказаніе о. Серафима. Въ одинъ день небо отовсюду началось покрываться страшными громовыми тучами, и къ вечеру собралась ужасная гроза. Весь народъ въ Кадомѣ обратился съ молитвою къ Богу.

Стала молиться также вмѣстѣ съ своимъ мужемъ и женщина, бывшая у о. Серафима, между тѣмъ, какъ двое маленькихъ дѣтей ея спали въ это страшное время, одинъ подлѣ окна, а другой нѣсколько подальше. Вдругъ сильный ударъ грома разразился надъ ихъ домомъ и въ одно мгновеніе, вслѣдъ за сверкнувшей молніей, оторванъ былъ отъ окна деревянный карнизъ и расщепанъ въ мелчайшія *спички;* большая часть ихъ вонзилась въ лицо и бороду мужа этой женщины. Пораженный этимъ ударомъ, онъ жилъ очень недолго и вскорѣ скончался.

Между тѣмъ ни дѣти, спавшія почти близъ самаго окна, ни опоры карниза въ окнѣ, ни мать, молившаяся возлѣ своего мужа, нисколько не были задѣты этимъ самымъ ударомъ. Послѣ того бѣдная женщина вспомнила слова о. Серафима и поняла все значеніе страннаго, повидимому, его подарка.

Строителю Высокогорской пустыни о. Антонію предсказалъ

его неожиданное перемѣщеніе въ другой монастырь. Случаи подобныхъ предреченій читатель видѣлъ и прежде въ жизни о. Серафима. Настоящее же обстоятельство случилось такъ.

Въ Январѣ 1831 года о. Антоній отправился къ о. Серафиму въ Саровъ для совѣта по случаю сильно смущавшихъ его неотвязчивыхъ мыслей о смерти. Пріѣхавши въ Саровъ вечеромъ и никуда не заходя, о. Антоній пошелъ прямо къ кельѣ о. Серафима. Не доходя до нея встрѣтилъ онъ нѣкоторыхъ изъ братій Саровской обители, которые сказали ему, что о. Серафимъ въ монастырь не возвратился еще изъ своей пустыни. Было уже близъ 5-ти часовъ вечера и темнѣло. Пріѣхавшій остановился въ раздумьѣ: идти ли ему куда или тутъ дожидаться? Въ это время стоявшіе съ нимъ братія, завидѣвъ издали грядущаго старца, повѣстили: „вонъ о. Серафимъ идетъ.“ Старецъ шелъ въ обыкновенной своей одеждѣ, съ мѣшкомъ за плечами, опираясь на топоръ. О. Антоній тотчасъ подошелъ къ нему и поклонился обычно.

„Что ты,“ спросилъ его старецъ.

„Къ вамъ, батюшка, съ скорбною душею.“ Отвѣчалъ о. Антоній.

„Пойдемъ, пойдемъ, радость моя, въ келью,“ привѣтливо сказалъ старецъ.

Они вошли вмѣстѣ. Въ келліи наединѣ о. Антоній умолялъ старца-Серафима сказать ему откровенно: „свершится ли съ нимъ то, что внушаютъ ему скорбные помыслы? Не приближается ли въ самомъ дѣлѣ смерть его?“

„Сижу ли я въ кельѣ—говорилъ строитель Антоній—выйду ли на монастырь, мнѣ представляется, что послѣдній разъ я вижу обитель. Изъ сего я заключаю, что я скоро умру и потому указалъ уже мѣсто могилы для себя.“

Строитель пріѣхалъ къ о. Серафиму за тѣмъ, чтобы, въ случаѣ приближенія его смерти, принять отъ старца благословеніе провести остающееся время въ безмолвіи и внимательномъ приготовленіи себя къ вѣчной жизни.

„Желаю знать о своей смерти,“ заключилъ о. Антоній, „единственно для измѣненія моей жизни, чтобы, отказавшись отъ должности, посвятить остальные дни свои безмолвному вниманію.“ Онъ прибавилъ къ сему, что извѣщеніе о смерти не будетъ для него страшно.

Отецъ Серафимъ слушалъ разсказъ, не измѣняя своего положенія и держа за руку строителя Антонія. Когда же сей окончилъ, блаженный старецъ, взирая на него съ любовію, сказалъ:

„Не такъ ты думаешь, радость моя, не такъ! Промыслъ Божій ввѣряетъ тебѣ обширную лавру.“

О. Антонію подумалось, что старецъ Серафимъ желаетъ развлечь его отъ скорбныхъ мыслей, посему, прерывая рѣчь его, онъ сказалъ:

— „Батюшка! это не успокоитъ меня, не усмиритъ моихъ помысловъ. Я умоляю васъ, скажите мнѣ прямо: мысли мои о смерти не служатъ ли отъ Бога указаніемъ на близкую мою кончину? и въ такомъ случаѣ я буду просить вашихъ молитвъ о душѣ моей и приму мирно и благодарно ваше слово. Мнѣ хочется встрѣтить часъ смертный съ должнымъ приготовленіемъ.“

О. Серафимъ съ ангельскою добротою отвѣчалъ:

„Не вѣрны твои мысли; я говорю тебѣ, что промыслъ Божій ввѣряетъ тебѣ лавру обширную.“

Строитель же отвѣчалъ на это: „гдѣ же Высокогорской пустынѣ быть лаврою? Дай Богъ, чтобы не сошла ниже, чѣмъ теперь стоитъ.“

Къ большому удивленію о. Антонія, старецъ Серафимъ, не перемѣняя своихъ мыслей, сталъ просить его милостиво принимать изъ Сарова братію, кто придетъ въ Лавру или кого онъ пришлетъ.

Оставаясь въ прежнемъ впечатлѣніи, строитель продолжалъ:

„Батюшка! кто захочетъ изъ Сарова переходить въ скудную Высокогорскую пустынь? А если бы кто пожелалъ, или кого бы вы прислали, то вы знаете всегдашнюю мою готовность дѣлать все, что вамъ угодно; да на дѣлѣ сего не можетъ быть.“

Отецъ Серафимъ, какъ будто идя по одной и той же дорогѣ, сказалъ: „не оставь сиротъ моихъ, когда дойдетъ до тебя время!“

Не выдержалъ строитель, и, въ порывѣ безпредѣльной любви и уваженія къ старцу, бросился къ нему, обнялъ его и долго плакалъ. Не понимая значенія прежде сказанныхъ словъ, онъ остановился вниманіемъ своимъ на словѣ *сиротъ;* ему казалось, что старецъ говоритъ о скорой своей кончинѣ. Бла-

женный Серафимъ продолжалъ: „поминай моихъ родителей Исидора и Агаѳью.“ Затѣмъ сталъ совѣтовать: „покоряться во всемъ волѣ Господней, быть прилежну къ молитвѣ, строго исполнять свои обязанности, быть милостивымъ и снисходительнымъ къ братіи: *матерью будь*," говорилъ, *а не отцомъ къ братіи*, и вообще ко всѣмъ милостивымъ и по себѣ смиреннымъ. Смиреніе и осторожность жизни, говорилъ онъ, есть красота добродѣтелей.“ Потомъ о. Серафимъ нѣсколько разъ обнялъ строителя, благословилъ висѣвшимъ на его груди Крестомъ и сказалъ:

„Теперь гряди во имя Господне. Время ужъ тебѣ, тебя ждутъ!“

Выходя изъ кельи, строитель не могъ себѣ дать отчета: какое значеніе имѣли слова блаженнаго старца и съ чѣмъ онъ вышелъ изъ кельи. Однако же, какъ сокровище, онъ сложилъ сказанныя старцемъ слова въ сердцѣ своемъ. Мысль о смерти осталась какъ бы подавленною свѣжими впечатлѣніями, но еще не была разрѣшена.

По выходѣ о. Антонія изъ келліи, его встрѣтилъ посланный отъ Саровскаго игумена о. Нифонта съ приглашеніемъ зайти къ нему. Вотъ что значили слова старца: „время уже тебѣ: тебя ждутъ.“

Повидавшись съ игуменомъ Нифонтомъ, который отъ болѣзни лежалъ тогда въ постели, о. Антоній простился съ нимъ и по дѣламъ обители спѣшилъ въ свою пустынь. На гостинницѣ онъ нашелъ экипажъ свой уже готовымъ и съ неопредѣленнымъ впечатлѣніемъ выѣхалъ въ путь, чтобы на единѣ предаться размышленію.

Спокойно бѣжали лошади домой. Ничто, кажется, не мѣшало строителю о. Антонію углубиться въ занимавшія его дѣла, обстоятельства и помыслы. Вдругъ онъ слышитъ, что ѣдущія съ нимъ монахъ, сидя впереди, началъ плакать не имѣя силъ удержать свой плачъ и совладать съ собою.

На вопросъ строителя, сказанный съ участіемъ: „о чемъ онъ плачетъ?“ инокъ отвѣчалъ: что, по пріѣздѣ въ Саровъ онъ встрѣтилъ о. Серафима, возвращавшагося изъ пустыни въ монастырскую свою келью, который сказалъ ему: „ну вотъ и вамъ предстоитъ разлука съ вашимъ строителемъ.“ Болѣе не открылъ ничего, только прибавилъ: „поди же, зови его ко

мнѣ.“ Такъ опредѣлительно о. Серафимъ зналъ о предстоявшей перемѣнѣ въ жизни строителя Антонія.

Между тѣмъ время шло; прошелъ январь, февраль, насталъ мартъ и наступилъ Великій постъ. На 2-й день мѣсяца, въ понедѣльникъ первой недѣли поста, отправивъ чреду неусыпаемаго чтенія Псалтири, отправляемую каждымъ братомъ по два часа, строитель всталъ на свое мѣсто. Здѣсь подали ему письмо отъ митрополита Московскаго. О. Антоній вошелъ въ свою келью. Въ письмѣ высокопреосвященный Филаретъ приглашалъ строителя занять мѣсто намѣстника въ Троицко-Сергіевой лаврѣ, по случаю смерти архимандрита Аѳанасія. Тутъ же вложенъ былъ конвертъ къ Нижегородскому преосвященному Аѳанасію о скорѣйшемъ увольненіи о. Антонія отъ должности строителя Высокогорской пустыни въ Москву.

Съ этой минуты раскрылись о. Антонію всѣ слова старца Серафима, за два мѣсяца опредѣлившія перемѣщеніе его въ обширную лавру, когда былъ живъ и здоровъ прежній еще намѣстникъ и не было рѣчи о его замѣщеніи.

Сообщившій намъ сей разсказъ присовокупилъ, что и событія, послѣдующія за перемѣщеніемъ о. Антонія въ Свято-троицкую Сергіеву лавру, предсказанныя старцемъ Серафимомъ, всѣ исполнились и выполняются съ величайшею точностію, какъ будто бы о. Серафимъ читалъ въ книгѣ судебъ Божіихъ будущія опредѣленія людей.

Здѣсь умѣстно привести два письма объ отцѣ Серафимѣ къ игумену Павло-Обнорскаго монастыря о. Іоасафу двухъ духовныхъ лицъ.

I.

Вы въ письмѣ своемъ выражаете такую мысль. что именно при жизни своей о. Серафимъ предсказывалъ родителю моему въ бытность его въ Саровской пустынѣ. Я отъ родителя своего слышалъ только два пророческія предсказанія, говоренныя о. Серафимомъ, въ чемъ по священству и могу увѣрить: 2-е, въ селѣ Лѣсномъ Конобѣевѣ, гдѣ родитель мой священствовалъ, были двѣ церкви деревяннаго зданія; о. Серафимъ за четыре года ранѣе говорилъ родителю, что храмы ваши падутъ; родитель мой, будучи твердъ духомъ и свѣдущъ въ священномъ Писаніи, на таковыя слова отвѣчалъ ему такъ:

Ваше Высокопреподобіе, наши храмы крѣпкаго зданія и на каменныхъ фундаментахъ, по этому трудно имъ обрушиться, но онъ тоже повторилъ: „нѣтъ, они падутъ.“ Родитель мой, подумавъ, говоритъ ему: вы, о. Серафимъ изволите говорить о тѣлесномъ моемъ храмѣ, сказавъ на это слова Апостола Павла (Корин., гл. 6 ст. 19). Онъ повторяетъ: я говорю о вещественныхъ храмахъ, и ты будешь строить храмъ каменнаго зданія; на это родитель мой отвѣчалъ, что я не въ состояніи этого сдѣлать. Онъ ему говоритъ: Казанская Царица Небесная споспѣшествуетъ тебѣ, и не оставитъ тебя въ томъ помѣщикъ вашъ; во время же постройки храма будутъ тебѣ предлагать Архипастыря въ городахъ Протоіерейскія мѣста, ты не соглашайся переходить изъ своего села, не мѣняй славу временную на вѣчную, и, дѣйствительно, чрезъ четыре года отъ сильнаго пожара обѣ деревянныя церкви сгорѣли и даже все село Конобѣево; это было въ 1828 году. Послѣ этого родитель мой, возложилъ всю надежду на скорую Покровительницу, оставивъ свое семейство, изъ котораго въ то время не устроены были два сына и двѣ дочери и сельское хозяйство,— онъ отправился въ Тамбовъ къ Преосвященнѣйшему Евгенію, испросилъ у него благословеніе и, истребовавъ изъ Духовной Консисторіи сборную книгу на построеніе новой каменной церкви. онъ съ этою цѣлію, 7 лѣтъ путешествовалъ по разнымъ губерніямъ, былъ до двухъ разъ въ Москвѣ и при помощі Царицы Небесной на другой же годъ послѣ пожара заложилъ храмъ каменнаго зданія. Помѣщикъ же, сколько родитель въ годъ собираетъ по сборной книгѣ денегъ. приказывалъ изъ своей конторы выдавать 3-ю часть капитала на устроеніе церкви; такимъ образомъ при помощи Царицы Небесной въ 1835 году Церковь настоящая великолѣпная уже была устроена и освящена въ честь Обновленія Храма Воскресенія Христова и два придѣла прежде были освящены;—первый въ честь Святыя Троицы, вторый въ честь Казанской Божіей Матери, Которая, при скудныхъ средствахъ, и помогла моему родителю устроить Церковь. Во время же постройки Церкви дѣйствительно родителю моему предлагали въ городахъ Протоіерейскія мѣста, но онъ, помня слова отца Серафима, ни какъ не рѣшился перейти изъ этого села.—Вотъ первое пророчество всѣми обожаемаго отца Серафима. Второе предсказаніе было о.

Серафимомъ родителю моему на счетъ семейнаго отношенія, именно о томъ: родителю моему желательно было изъ двухъ насъ сыновей чтобы одинъ былъ на его священническомъ мѣстѣ (3-й сынъ былъ много старше и уже въ то время поступилъ въ монашество), по этому о. Серафимъ спрашивалъ обо мнѣ съ среднимъ братомъ (въ то время мы обучались съ нимъ въ нисшихъ классахъ), кого онъ благословитъ быть на своемъ мѣстѣ; о. Серафимъ спрашиваетъ родителя, а кого ты желаешь? родитель отвѣчаетъ: средняго сына Николая. Нѣтъ, на твоемъ, мѣстѣ будетъ младшій сынъ. Дѣйствительно я грѣшный и поступилъ на родительское мѣсто; священствую 27 лѣтъ; жилъ съ родителемъ 16 лѣтъ въ одномъ домѣ; былъ при церкви Польной стороны Конобѣева, а родитель мой при своей, устроенной имъ церкви. Эти двѣ стороны раздѣляются одною только рѣкою Цною. При ослабленіи своихъ силъ родитель сдалъ мѣсто свое мнѣ, а самъ остался при должности благочиннаго, послѣ того, какъ выше показано въ 1857 году съ миромъ предалъ духъ свой ко Господу Богу. Не угодно ли о семъ написать къ старшему брату моему отцу Архимандриту Никону, въ Севастополь, Таврической губерніи—Настоятелю Балаклавскаго Георгіевскаго монастыря, и двоюродному брату—Высокопреосвященнѣйшему Филарету Архіепископу Черниговскому и Нѣжинскому; родители наши были родные братья, и служили при одной церкви (родитель мой былъ Протоіереемъ, а ихъ Священникомъ), они о семъ болѣе моего знаютъ; они были въ Саровской пустыни, кажется до двухъ разъ, и лично имѣли счастіе видѣть о. Серафима; онъ имъ предсказывалъ, когда они обучались въ семинаріи, что они поступятъ въ монашество. Брату сказалъ, что онъ будетъ въ томъ мѣстѣ, съ полученіемъ А и Н, гдѣ дѣдъ его погребенъ; дѣдъ былъ священникомъ въ селѣ Конобѣевѣ, потомъ сдалъ мѣсто свое родителю моему. а самъ пошелъ въ Чернѣевъ монастырь; (Монастырь отъ нашего села отстоитъ въ 20 верстахъ). Дѣдъ нашъ въ означенномъ монастырѣ и скончался, по пророчеству о. Серафима дѣйствительно братъ прямо посвященъ въ чинъ Архимандрита въ Чернѣевѣ монастырѣ; болѣе не могу сообщить вамъ никакихъ свѣдѣній, испрашиваю на себя вашихъ святыхъ молитвъ.

Вашего Высокопреподобія, Тамбовской губерніи, Шацкаго

уѣзда, села Лѣснаго Конобѣева, Благочинный, Протоіерей Василій Дмитріевъ Конобѣевскій.

Мая 16 числа 1865 года.

II.

Письмо Ваше, отъ 19-го Ноября, я получилъ 12-го Декабря и на оное симъ отвѣчаю. Дѣйствительно, я еще въ молодости моей предъ окончаніемъ семинарскаго курса, въ 1827 году, жилъ въ Августѣ мѣсяцѣ, по приказанію старца Божія о. Серафима, въ Саровской пустынѣ до 3-хъ недѣль и въ теченіи этого времени неоднократно удостоенъ былъ келейной бесѣды о. Серафима, въ коей онъ говорилъ мнѣ: зачѣмъ ты хочешь идти въ монахи, вѣроятно ты гнушаешься бракомъ. Я на это отвѣчалъ: о св. таинствѣ брака я никогда не имѣлъ худыхъ мыслей, а желаю идти въ монахи съ тою цѣлію, чтобы удобнѣе служить Господу. Послѣ сего, надѣвъ эпитрахиль, старецъ сказалъ: благословенъ путь твой! Но смотри напиши слѣдующія слова мои, не на бумагѣ, а на сердцѣ.

1. Каждодневно выметай свою избу, да имѣй хорошій вѣникъ.

2. Станови утромъ и вечеромъ самоваръ, да грѣй воду, подкладывая углей, ибо горячая вода очищаетъ и тѣло и душу.

3. Учись умной молитвѣ сердечной, какъ учатъ св отцы въ добротолюбіи, ибо Іисусова молитва есть свѣтильникъ стезямъ нашимъ и путеводная звѣзда къ небу.

4. Учись творить молитву чрезъ ноздрное дыханіе съ сомкнутыми устами. Это искуство есть бичъ противу плоти и плотскихъ похотѣній.

5. Къ обыкновенной Іисусовой молитвѣ прибавляй: „Богородицею помилуй мя.“

6. Одна молитва внѣшняя не достаточна. Богъ внемлетъ уму, а потому тѣ монахи, кои не соединяютъ внѣшнюю молитву со внутреннею, не монахи, а черныя головешки.

7. Бойся, какъ геенскаго огня, галокъ намазанныхъ (женщинъ), ибо онѣ часто воиновъ царскихъ дѣлаютъ рабами сатаны.

8. Помни, что истинная мантія монашеская есть разумное перенесеніе клеветы и напраслины: нѣтъ скорбей, нѣтъ и спасенія.

9. Все дѣлай потихоньку, полегоньку и не вдругъ; добродѣтель не груша, ее вдругъ не съѣшь.

Вотъ какой драгоцѣнный совѣтъ данъ мнѣ Боговдохновеннымъ Старцемъ. Онъ для меня дороже всего на свѣтѣ. Старца Божія наставленія, я недостойный пріемлю наравнѣ съ наставленіями св. о. Аѳонскихъ и Сунайскихъ. Не сказалъ бы я сего никому, но ваше письмо заставило открыть то, что старецъ напечатлѣлъ на сердцѣ моемъ, и что, по смерти его, остается неизгладимымъ въ душѣ моей.

Во второй бесѣдѣ о. Серафимъ говорилъ: „я знаю твоего отца. Селеніе ваше и двѣ церкви съ колокольнями сгорятъ, а отцу твоему суждено выстроить новый каменный великолѣпный храмъ съ колокольнею и двумя флигилями, къ западной сторонѣ будетъ флигель для бѣдныхъ, а послѣ вторичнаго пожара ему и самому придется въ одномъ изъ нихъ пожить. Все предреченіе старца Божія вполнѣ сбылось. Селеніе и Церкви сгорѣли въ 1828 году, а въ 1840 годахъ былъ вторичный пожаръ, въ которомъ сгорѣлъ домъ родителя протоіерея Конобѣевскаго, и онъ вынужденъ былъ долгое время проживать въ выстроенномъ флигилѣ церковномъ.“

„Да! у тебя есть двоюродный братъ?“ спросилъ о. Серафимъ. Я отвѣчалъ: есть. „Онъ учится въ академіи, онъ родился съ мѣшкомъ, онъ будетъ солить, да солить до самой своей смерти.“ Это его дорогое предсказаніе относилось къ преосвященнѣйшему Филарету Черниговскому. „У тебя есть больная племянница съ тобою, приведи ее завтра ко мнѣ.“

На другой день я взялъ съ собою племянницу, дѣвицу 15 лѣтъ, и ввелъ ее въ келью о. Серафима, а онъ взялъ сосудецъ съ елеемъ, помазалъ у ней чело, глаза, уши и руки, говоря: „помазуется раба Божія монахиня.“ (Сія дѣвица пострижена въ монахини въ Тамбовскомъ дѣвичьемъ монастырѣ).

„Прощай, чрезъ 9 дней приходи ко мнѣ.“ Это время было для меня скорбное, ибо напали богохульныя мысли, такъ, что нельзя было взойти въ церковь, хотѣлъ было уйти изъ пустыни, да удержалъ меня іеромонахъ Иларіонъ, говоря: Старецъ знаетъ, что дѣлаетъ. По истеченіи 9-ти дней измученный прилогами вражіими, я едва могъ войти въ сѣни, и, подойдя къ его кельи, не успѣлъ сотворить молитву, какъ о. Серафимъ отво-

рилъ дверь, упалъ ко мнѣ въ ноги, говоря: „прости меня за искушеніе, коимъ ты страдалъ, оно для того чтобы ты зналъ, что таковыя скорби будешь имѣть, поступая въ монахи, но не унывай!“ Послѣ сего, надѣвъ эпитрахиль, исповѣдалъ меня и приказалъ у поздней литургіи сообщиться Св. Таинъ, а по принятіи Оныхъ тотчасъ все темное удалилось отъ меня во тьму.

Въ третьей, прощальной бесѣдѣ, о. Серафимъ изволилъ говорить: „какъ пойдешь въ монахи, то придется тебѣ начать съ матерней колыбельки—съ своей епархіи, а потомъ уже тебя махнуть въ дальнюю сторону, а не унывай и съ веселымъ духомъ пой: „Господня земля и исполненіе ея.“

Проживая три недѣли я имѣлъ случай замѣтить въ о. Серафимѣ необычайный даръ прозорливости. Одинъ нижегородскій чиновникъ, въ чинѣ генерала, съ семействомъ пріѣхалъ принять совѣтъ и благословеніе отъ Старца. Нѣсколько разъ, бывши у двери, онъ не былъ впущенъ, не смотря на то, что семейство его было принято, а онъ самъ только чрезъ дверь слышалъ голосъ и слова о. Серафима: „меня дома нѣтъ, мнѣ не время.“ Чиновникъ, удивляясь словамъ и не понимая оныхъ, усердно желалъ разъясненія ихъ. Видя же, что я часто хожу къ нему—упросилъ меня идти съ нимъ вмѣстѣ, и когда мы сотворили молитву, то о. Серафимъ отворилъ намъ дверь и принялъ чиновника радушно и на его слова: что я былъ 5 разъ и не удостоился принять благословенія, о. Серафимъ сказалъ: вотъ почему я васъ не принялъ, что ваши-то люди говорятъ приходящимъ къ вамъ по нуждамъ своимъ: „барина дома нѣтъ, ему не время.“ Вѣдь этимъ отказомъ, прогнѣвляя ближнихъ, вы прогнѣвляете Самого Бога. Генералъ, принявъ наставленіе съ христіанскимъ смиреніемъ, поклонился ему въ ноги и обѣщался впредь никогда сего не допускать.

Прося вашихъ св. молитвъ о моемъ недостоинствѣ, съ моимъ высокопочитаніемъ навсегда пребуду настоятель Балаклавскаго Георгіевскаго монастыря Никонъ.

17 Декабря 1865 года.

Обители Саровской онъ дѣлалъ не разъ предсказанія о событіяхъ, съ какой-нибудь стороны ея касавшихся, ближайшихъ и отдаленныхъ. Когда напр. явилась первая холера въ Россіи, о. Серафимъ открыто предвозвѣщалъ, что ея не будетъ ни въ Саровѣ, ни въ Дивѣевѣ. Саровскіе старцы, своими очами

видѣвшіе о. Серафима и слышавшіе его одобрительныя бесѣды, были свидѣтелями того, что сіи предсказанія его исполнились во всей точности, такъ что отъ первой холеры ни въ Дивѣевѣ, ни въ Саровѣ не умерло ни одного человѣка. Такъ же разъ пришелъ къ нему генералъ-маіоръ Антонъ Ефимовичъ Махотинъ, чтобы вмѣстѣ съ женою, имѣвшею вѣру къ старцу, получить благословеніе и наставленіе. О. Серафимъ, похристосовавшись, милостиво говорилъ съ нимъ. Это случилось въ пятницу. Старецъ спросилъ пришедшихъ: „долго ли они пробудутъ въ обители?“ и совѣтовалъ имъ не раньше, какъ въ воскресенье, послѣ поздней литургіи выѣхать: „въ воскресенье у насъ, въ обители, говорилъ онъ, будетъ торжество и молебствіе.“ Генералъ спрашивалъ о причинѣ этого торжества и молебствія у монаха на гостинницѣ, даже у строителя о. Нифонта. Всѣ отвѣчали: „никакого торжества не будетъ и не предвидится.“ Но когда строитель говорилъ о семъ съ генераломъ, вошелъ монастырскій служитель и подалъ принятый съ почты пакетъ съ письмами. Между бумагами оказался, ни для кого неожиданно, указъ о рожденіи великой княжны, по которому на слѣдующій день, въ воскресенье, въ соборномъ Саровскомъ храмѣ предъ литургіею отправлено было торжественно Господу Богу благодарственное молебствіе и во весь день раздавался звонъ въ обители. Это сказаніе генералъ заключилъ тѣмъ, что и о. игуменъ Нифонтъ раздѣлялъ въ то время съ нимъ удивленіе къ дару прозорливости о. Серафима.

Саровскій лѣсъ при игуменѣ Нифонтѣ приносилъ уже много пользы монастырю. Всѣ стали смотрѣть на него какъ на источникъ дохода для обители; между тѣмъ о. Серафимъ предусмотрѣлъ и предсказалъ за нѣсколько времени бурю, которая много поломала деревьевъ въ лѣсу, о чемъ крайне сожалѣло саровское начальство.

Алексѣю Гурьевичу Воротилову не разъ говорилъ о. Серафимъ, что нѣкогда на Россію возстанутъ три державы и много изнурятъ ее. Но за православіе Господь помилуетъ и сохранитъ ее. Тогда эта рѣчь, какъ сказаніе о будущемъ, не понятна была; но теперь событія объяснили, что старецъ говорилъ это о крымской кампаніи.

Со времени выхода изъ затвора, старецъ всегда вкушалъ пищу только разъ въ день, и то по вечеру. Одежда его была

въ это время неодинакова. Подрясникъ всегда носилъ изъ чернаго толстаго сукна. Лѣтомъ надѣвалъ сверху бѣлый холщевый балахонъ, а зимою носилъ шубу и рукавицы. Въ погоду осеннюю и ранней весны носилъ кафтанъ изъ толстаго русскаго чернаго сукна. Отъ дождя и жара надѣвалъ полумантію, сдѣланную изъ цѣльной кожи съ вырѣзами для надѣванія. Поверхъ одежды подпоясывался бѣлымъ и всегда чистымъ полотенцемъ и носилъ мѣдный свой Крестъ. На труды монастырскіе лѣтомъ выходилъ въ лаптяхъ, зимою—въ бахилахъ, а идя въ церковь къ богослуженію надѣвалъ, по приличію, кожанные коты. На головѣ носилъ зимою и лѣтомъ камилавку. Сверхъ того, когда слѣдовало по монастырскому уставу, онъ надѣвалъ мантію, и приступая къ принятію св. Таинъ, облачался въ епитрахиль и поручи и потомъ, не снимая ихъ, принималъ въ келліи богомольцевъ. Одинъ богатый человѣкъ, посѣтивши о. Серафима и видя его убожество, сталъ говорить ему: „зачѣмъ ты такое рубище носишь на себѣ?“ О. Серафимъ отвѣтствовалъ: „Іоасафъ царевичъ, данную ему пустынникомъ Варлаамомъ мантію счелъ выше и дороже царской багряницы (Четь-минея ноября 19 дня).

Противу сна о. Серафимъ подвизался очень строго. Извѣстно стало въ послѣдніе годы, что онъ предавался ночному покою иногда въ сѣняхъ, иногда въ келліи. Спалъ же онъ сидя на полу, спиною прислонившись къ стѣнѣ и протянувши ноги. Въ другой разъ онъ преклонялъ голову на камень, или на деревянный отрубокъ. Иногда же повергался на мѣшкахъ, кирпичахъ и полѣньяхъ, бывшихъ въ его келліи. Приближаясь же къ минутѣ своего отшествія, онъ началъ опочивать такимъ образомъ: становился на колѣни и спалъ ницъ къ полу на локтяхъ, поддерживая руками голову.

Его иноческое самоотверженіе, любовь и преданность къ Господу и Божіей Матери были столь велики, что когда одинъ господинъ, Иванъ Яковлевичъ Каратаевъ, бывши у него въ 1831 году на благословеніи, спросилъ: „не прикажетъ ли онъ сказать что-нибудь своему родному брату и другимъ родственникамъ въ Курскѣ?“, куда Каратаевъ ѣхалъ: то старецъ, указывая на лики Спасителя и Божіей Матери, съ улыбкою сказалъ: „вотъ мои родные, а для живыхъ родныхъ я уже живой мертвецъ.“ Въ другой разъ заѣхали къ о. Серафиму Курскіе купцы послѣ макарьевской ярмарки. Благословивъ ихъ,

старецъ спросилъ: „хорошо ли торговали?“ Они разсказали ему о торговлѣ. Окончивши всѣ бесѣды со старцемъ и принимая благословеніе въ путь, купцы спросили: „что прикажете, батюшка, сказать вашему братцу?“ — „Скажите ему, отвѣчалъ о. Серафимъ, что я молю о немъ Господа и Пречистую Его Матерь день и нощь.“ Съ тѣмъ они и пошли, а старецъ, возведши руки горѣ, въ восторгѣ повторилъ нѣсколько разъ: „нѣтъ лучше монашескаго житія, нѣтъ лучше монашескаго житія!“

Время, которое о. Серафиму оставалось отъ сна и занятій съ приходящими, онъ проводилъ въ молитвѣ. Совершая молитвенное правило со всею точностію и усердіемъ за спасеніе своей души, онъ былъ въ то же время великимъ молитвенникомъ и ходатаемъ предъ Богомъ за всѣхъ живыхъ и усопшихъ православныхъ христіанъ. Для сего при чтеніи Псалтири, на каждой главѣ онъ неопустительно произносилъ отъ всего сердца слѣдующія молитвы:

1. *За живыхъ.* „Спаси, Господи, и помилуй всѣхъ православныхъ христіанъ и на всякомъ мѣстѣ владычествія Твоего православно живущія: подаждь имъ, Господи, душевный миръ и тѣлесное здравіе и прости имъ всякое согрѣшеніе, вольное же и невольное: и ихъ святыми молитвами и меня, окаяннаго, помилуй.“

2. *За усопшихъ.* „Упокой, Господи, души усопшихъ рабъ Твоихъ: праотецъ, отецъ и братій нашихъ, здѣ лежащихъ и повсюду православныхъ христіанъ преставшихся: подаждь имъ, Господи, царствіе и причастіе Твоея безконечныя и блаженныя жизни, и прости имъ, Господи, всякое согрѣшеніе, вольное же и невольное.

Въ молитвѣ за усопшихъ и живыхъ особенное значеніе имѣли восковыя свѣчи, горѣвшія въ его кельи предъ святынею. Это объяснилъ въ Ноябрѣ 1831 года самъ старецъ о. Серафимъ въ бесѣдѣ съ Н. А. Мотовиловымъ. „Я—разсказывалъ Николай Александровичъ—видѣвши у батюшки о. Серафима много лампадъ, въ особенности многія кучи восковыхъ свѣчъ, и большихъ и малыхъ, на разныхъ круглыхъ подносахъ, на которыхъ отъ таявшаго много лѣтъ и капавшаго со свѣчъ воска образовались какъ бы восковые холмики, подумалъ про себя: „для чего это батюшка о. Серафимъ возжигаетъ такое множество свѣчъ и лампадъ, производя въ кельи своей нестерпимый жаръ

Моленіе старца Серафима на камнѣ.

Цензоръ священникъ Николай Дьяконскій

Тип.-лит. Зворыкина. Муромъ

отъ теплоты огненной?“ А онъ, какъ-бы заставляя мои помыслы умолкнуть, сказалъ мнѣ:

„Вы хотите знать, ваше боголюбіе, для чего я зажигаю такъ много лампадъ и свѣчъ предъ святыми иконами Божіими? Это вотъ для чего. Я имѣю, какъ и вамъ извѣстно, многихъ особъ, усердствующихъ ко мнѣ и благотворящихъ мельничнымъ сиротамъ моимъ. Они приносятъ мнѣ елей и свѣчи и просятъ помолиться за нихъ. Вотъ когда я читаю правило свое, то и поминаю ихъ сначала единожды. А такъ какъ, по множеству именъ, я не смогу повторять ихъ на каждомъ мѣстѣ правила, гдѣ слѣдуетъ, тогда и времени мнѣ не достало бы на совершеніе моего правила, то я и ставлю всѣ эти свѣчи за нихъ въ жертву Богу, за каждаго по одной свѣчѣ, за иныхъ — за нѣсколько человѣкъ одну большую свѣчу, за иныхъ же постоянно теплю лампады; и гдѣ слѣдуетъ на правилѣ поминать ихъ, говорю: „Господи, помяни всѣхъ тѣхъ людей, рабовъ Твоихъ, за ихъ же души возжегъ Тебѣ азъ, убогій, сіи свѣщи и кандила (т. е. лампады). А что это не моя, убогаго Серафима человѣческая выдумка, или такъ, простое мое усердіе, ни на чемъ божественномъ неоснованное, то и приведу вамъ въ подкрѣпленіе слова Божественнаго писанія. Въ Библіи говорится, что Моvсей слышалъ гласъ Господа, глаголавшаго къ нему: Моvсее, Моvсее! рцы брату твоему Аарону, да возжигаетъ предо Мною кандилы во дни и въ нощи: сія бо угодна есть предо Мною и жертва благопріятна Ми есть.“ Такъ вотъ, ваше боголюбіе, почему св. Церковь Божія пріяла въ обычай возжигать во св. храмахъ и въ домахъ вѣрныхъ христіанъ кандилы, или лампады, предъ святыми иконами Господа, Божіей Матери, св. Ангеловъ и св. человѣковъ, Богу благоугодившихъ.“

Молясь о живыхъ, въ особенности о требовавшихъ у него молитвенной помощи, о. Серафимъ поминалъ всегда усопшихъ и память о нихъ творилъ въ келейныхъ молитвахъ своихъ по уставу Православной Церкви. 25 мая 1832 года пришла къ нему одна особа, послѣ свиданій записавшая свои разговоры съ нимъ. Говоря о многомъ, старецъ вспомнилъ о Дивѣевской общинѣ, похвалилъ сестеръ за ихъ жизнь и труды и потомъ, вздохнувъ, помянулъ за упокой новопреставленную дѣвицу Елену. Это извѣстная уже намъ Елена Васильевна Манторова,

начальница Серафимо-Дивѣевской общины. Въ этотъ день были сорочины послѣ смерти ея.

Въ другой разъ самъ о. Серафимъ разсказывалъ слѣдующее обстоятельство. „Умерли двѣ монахини, бывшія обѣ игуменьями. Господь открылъ мнѣ, какъ души ихъ были ведены по воздушнымъ мытарствамъ, что на мытарствахъ онѣ были истязуемы и потомъ осуждены. Трои сутки молился я, убогій, прося о нихъ Божію Матерь. Господь, по своей благости, молитвами Богородицы, помиловалъ ихъ: онѣ прошли всѣ воздушныя мытарства и получили отъ милосердія Божія прощеніе.“

О. Игуменъ Іоасафъ, въ мірѣ послушникъ Іоаннъ Тихоновъ, разсказываетъ объ ударѣ, полученномъ о. Серафимомъ отъ злобнаго духа, слѣдующее: „одинъ сосѣдній крестьянинъ причинялъ весьма много огорченій отцу Серафиму, всячески стараясь вредить обители Дивѣевской, такъ что я однажды сильно жаловался на него батюшкѣ и просилъ его употребить противъ этого злого человѣка какія-нибудь крайнія средства, чтобы отдалить его отъ обители. О. Серафимъ приказалъ мнѣ придти къ нему въ келью вечеромъ, а когда я пришелъ, онъ началъ говорить мнѣ такъ: „объ этомъ-то человѣкѣ, о которомъ ты говорилъ мнѣ, и я скажу, что онъ звѣрообразный; но мы оставимъ его на волю Божію и Царицы Небесной; Она надъ нимъ устроитъ!“ И это дѣйствительно сбылось въ послѣдствіи. „А если ты хочешь удалить его теперь, то знай, что онъ можетъ еще много зла сдѣлать тебѣ и обители.“ И послѣ этихъ словъ, старецъ вдругъ принялъ угрожающій видъ и всѣми движеніями какъ-бы показывая себя вооруженнымъ противъ кого-нибудь, сказалъ: „а когда противъ врага-то стоять, такъ ужъ стоять.“—И затѣмъ, принявъ прежній, кроткій видъ, открылъ о себѣ дивную тайну, именно: какъ онъ узналъ однажды, впрочемъ не объясняя, по откровенію-ли или ему сказалъ кто-либо, что одна совершенно несчастная, потерянная душа, была какъ бы въ когтяхъ у самаго сатаны, но чѣмъ она согрѣшила старецъ также не объяснилъ и когда онъ простеръ за нее моленіе къ Спасителю и Божіей Матери и видѣлъ ее потомъ, по милости Божіей, летящею изъ когтей сатаны уже совершенно чистою голубицею; и какъ наконецъ полчище сатанинское, не стерпя потери своей, излило на него всю свою злобу. При этомъ старецъ, какъ бы въ удостовѣреніе, разстегнулъ свою

свитку и, взявши мою руку, далъ мнѣ осязать нанесенную ему язву. уже, по его словамъ, исцѣленную. Я осязалъ ее и видѣлъ: она была на спинѣ старца между лопатками, совершенно мягкая и походила на отвислый кусокъ мяса, величиною съ гусиное яйцо. Съ этою язвою его и похоронили. Давши мнѣ видѣть и осязать ее, старецъ еще прибавилъ, что боль отъ этой проказы такъ жестока, какъ бываетъ больно пальцу, когда его положишь на горящую свѣчу, и притомъ, если-бы онъ горѣлъ, но не сгоралъ. „И если-бы не Господь и Царица Небесная," говорилъ старецъ: „исцѣлили меня, то никто не могъ бы уже исцѣлить."

Однажды замѣчено было, что во время молитвы старецъ Серафимъ стоялъ на воздухѣ. Случай этотъ разсказавъ княгинею Е. С. Ш.

Пріѣхалъ къ ней изъ Петербурга больной племянникъ ея Г. Я. Она, не медля долго, повезла его въ Саровъ къ о. Серафиму. Молодой человѣкъ былъ объятъ такимъ недугомъ и слабостію, что не ходилъ самъ и его на кровати внесли въ монастырскую ограду. О. Серафимъ въ это время стоялъ у дверей своей монастырской кельи, какъ-бы ожидая встрѣтить разслабленнаго. Тотчасъ онъ просилъ внести больного въ свою келью и, обратившись къ нему, сказалъ: „ты, радость моя, молись и я буду за тебя молиться, только, смотри, лежи, какъ лежишь, и въ другую сторону не оборачивайся." Больной долго лежалъ, повинуясь словамъ старца. Но терпѣніе его ослабѣло, любопытство подстрекало его взглянуть, что дѣлаетъ старецъ. Оглянувшись же, онъ увидѣлъ о. Серафима *стоящимъ на воздухѣ* въ молитвенномъ положеніи, и отъ неожиданности и необычайности видѣнія вскрикнулъ. О. Серафимъ, по совершеніи молитвы, подошедши къ нему, сказалъ: „вотъ ты теперь будешь всѣмъ толковать, что Серафимъ — святой, молится на воздухѣ... Господь тебя помилуетъ... А ты. смотри, огради себя молчаніемъ и не повѣдай того никому до дня преставленія моего, иначе болѣзнь твоя опять вернется." Г. Я. дѣйствительно всталъ съ постели, и хотя опираясь на другихъ, но уже самъ на своихъ ногахъ вышелъ изъ кельи. Въ монастырской гостиницѣ его осаждали вопросами: „какъ и что дѣлалъ и что говорилъ о. Серафимъ?" но. къ удивленію всѣхъ, онъ не сказалъ ни одного слова. Молодой человѣкъ, совершенно

исцѣлившись, опять былъ въ Петербургѣ и снова чрезъ нѣсколько времени воротился въ имѣніе княгини Ш. Тутъ онъ свѣдалъ, что старецъ Серафимъ опочилъ отъ трудовъ своихъ и тогда разсказалъ о его моленіи на воздухѣ. Одинъ случай такой молитвы нечаянно былъ усмотрѣнъ, но, конечно, старецъ не одинъ разъ благодатію Божіею былъ воздвигаемъ на воздухъ во время своихъ продолжительныхъ молитвенныхъ подвиговъ.

Можно сказать безъ преувеличенія, что вся Россія уже въ то время знала и чтила о. Серафима; по крайней-мѣрѣ слухъ о великомъ подвижникѣ ходилъ повсюду. Извѣстные подвижники, одновременно съ нимъ жившіе, по духу знавшіе старца Серафима, глубоко уважая его нравственное достоинство, другимъ дѣлали отзывы о немъ самые возвышенные, ибо всѣ смотрѣли на него, *яко на градъ, верху горы стоящій.* Священники и архіереи Православной Церкви, проводившіе жизнь духовную и святую, имѣли глубокое уваженіе къ Саровскому подвижнику. Нѣкоторые изъ епископовъ писали письма къ о. Серафиму, спрашивали его совѣтовъ, хотя ни одного изъ нихъ не нашлось послѣ смерти старца. Антоній, архіепископъ Воронежскій, часто присылалъ ему даже подарки, особенно св. иконы, при полученіи которыхъ, о. Серафимъ, указывая на лики святыхъ, часто говаривалъ: „вотъ какія особы показываютъ намъ путь къ вѣчности!“ На словахъ, можетъ быть даже и письменно, о. Серафимъ отвѣчалъ на запросы архипастырей. Нѣкоторыя же письма ихъ оставлялъ и безъ отвѣта. Къ Антонію, архіепископу Воронежскому, питалъ особенную любовь и уваженіе, никогда его не видавши; и когда заходила рѣчь о семъ архипастырѣ, онъ называлъ его великимъ архіереемъ Божіимъ. Еще ничего не было слышно объ угодникѣ Божіемъ Митрофанѣ: не было еще никакихъ ни откровеній, ни явленій, а о. Серафимъ въ нѣсколькихъ словахъ, собственноручно написанныхъ, поздравлялъ преосвящ. Антонія съ открытіемъ св. мощей угодника Божія Митрофана. Антоній показывалъ нѣкоторымъ эту записку, которая, какъ полагаютъ, и доселѣ сохраняется между его бумагами. По духу зналъ о. Серафимъ и многихъ современныхъ священниковъ, сіявшихъ благочестіемъ и святостію жизни, глубоко уважалъ таковыхъ и посѣтителей своихъ посылалъ къ нимъ для назиданія и руко-

водства. Изъ числа такихъ извѣстенъ о. Алексѣй Гнѣвашевъ, священникъ села Басурманъ, Симбирской губерніи, Курмышскаго уѣзда, умершій 85 лѣтъ отъ роду, 21-го Апрѣля 1848 года. О. Серафимъ считалъ его высокимъ подвижникомъ и часто говаривалъ о немъ такъ: „сей человѣкъ по своимъ молитвамъ за души христіанскія, подобенъ свѣчѣ, возженной предъ престоломъ Божіимъ. Вотъ труженикъ, который, не имѣя обѣтовъ монашескихъ, стоитъ выше многихъ подвижниковъ. Онъ, какъ звѣзда, горитъ на христіанскомъ горизонтѣ.“

Въ жизни затворника Задонскаго Богородицкаго монастыря Георгія, изданной Григоровымъ, помѣщено одно обстоятельство, случившееся съ о. Георгіемъ и имъ разсказанное послушнику П. А., изъ записокъ котораго извлечено.

„Однажды—говоритъ П. А.,—пришедши къ о. Георгію въ келью, увидѣлъ я на стѣнѣ незнакомый мнѣ портретъ и спросилъ: „чей это?“—„Развѣ ты не знаешь?“ отвѣчалъ Георгій, „это Саровской пустыни покойный о. Серафимъ! Богоугодная жизнь его всѣмъ была извѣстна,“ и потому разговоръ продолжался о немъ. Между прочимъ Георгій, подумавъ нѣсколько, сказалъ: „знаешь ли, что со мною онъ сдѣлалъ? Видно, сказать тебѣ. Долгое время мучился я помышленіемъ: перейти отсюда куда-нибудь въ другой монастырь, поуединеннѣе, а то здѣсь письма и посѣтители много меня развлекаютъ; отказывать иногда совѣстно, а иногда и нужно бываетъ отвѣчать: пишутъ дѣло. Около двухъ лѣтъ боролся я въ нерѣшимости съ этимъ помышленіемъ, никому этого не говоря; между тѣмъ сильно этимъ смущался, перебирая въ памяти моей всѣ мѣста, куда бы удобнѣе удалиться. Однажды входитъ ко мнѣ келейный, извѣщая, что странникъ изъ Саровской пустыни отъ отца Серафима принесъ мнѣ поклонъ и благословеніе, и сверхъ того имѣетъ надобность сказать лично нѣсколько словъ по его порученію. Я благословилъ ему войти и онъ началъ такъ: *отецъ Серафимъ приказалъ тебѣ сказать: стыдно де, столько лѣтъ сидѣвши въ затворѣ, побѣждаться такими вражескими помыслами, чтобы оставить свое мѣсто. Никуда не ходи. Пресвятая Богородица велитъ тебѣ здѣсь оставаться*. Сказавъ сіе, странникъ поклонился и вышелъ, а я стоялъ, какъ вкопанный, дивясь чудесному откровенію тайныхъ моихъ помышленій, и притомъ такому человѣку, который не только меня не зналъ, но и ни-

когда не видывалъ, и даже никогда мы другъ къ другу не писали. Однако, скоро опомнившись, просилъ я келейнаго воротить ко мнѣ странника, надѣясь узнать отъ него что-нибудь болѣе: но его уже не могли отыскать ни въ монастырѣ, ни за монастыремъ. Съ тѣхъ поръ духъ мой успокоился и я перестал помышлять о переходѣ въ другое мѣсто."

Изъ духовныхъ отношеній старца Серафима къ другимъ современнымъ подвижникамъ, изъ совмѣстныхъ дѣйствій ихъ, направляемыхъ къ одной цѣли, чрезвычайно замѣчателенъ слѣдующій случай. Одна Томская мѣщанка. Марія Иконникова, странствовавши очень много по святымъ мѣстамъ. зашла въ г. Ачинскъ къ старцу Даніилу принять благословеніе на будущія странствія. Онъ встрѣтилъ ее, не допустивши до своей кельи, и, бросивши на нее самый гнѣвный видъ, началъ говорить громкимъ голосомъ:

„Что ты, пустая странница, пришла ко мнѣ? Я давно тебя ожидалъ. Вотъ будешь меня помнить. Зачѣмъ ты бродишь по свѣту, да обманываешь Бога и людей? Тебѣ даютъ деньги на свѣчи и на молебны, а ты тратишь ихъ на свои прихоти: много станцій ѣхала на подводахъ. нанимала тратя деньги. Богу данныя; а въ такомъ-то мѣстѣ ты пила вино, и столько-то его купила, а въ такомъ-то мѣстѣ пустое празднословила. Теперь уже полно тебѣ ходить по свѣту. Ступай и живи въ Томскѣ. Питайся отъ своего рукодѣлья: чулки вяжи. А когда устарѣешь. тогда для пропитанія собирай милостыню. Да слушай же, больше не ходи по Россіи."

Говоря эту поучительную рѣчь, старецъ грозилъ страннинцѣ палкой. и по окончаніи словъ своихъ, пошелъ въ келью. Странница же, поклонившись ему, безъ слова отправилась въ Томскъ, поселилась дома, стала заниматься рукодѣльемъ и рѣшилась впередъ не странствовать.

Только по прошествіи полугода родственники и знакомые, идя въ Кіевъ, упросили Марію Иконникову, какъ человѣка хожалаго. быть для нихъ вожатымъ. Сначала не соглашаясь, она потомъ пошла съ ними, и на дорогѣ, бывши въ Саровѣ, зашла къ о. Серафиму принять на дорогу благословеніе. Старецъ всѣхъ спутниковъ ея принялъ ласково, благословилъ, далъ сухариковъ, а ихъ вожатой, Маріи Иконниковой, ни слова не сказалъ, не благословилъ и даже отъ себя прогналъ. Чрезъ

недѣлю Томскіе путешественники начали собираться въ путь, и Марія Иконникова, рѣшившись испросить у о. Серафима благословеніе въ путь, подошла къ дверямъ его кельи и со слезами кричала: „батюшка Серафимъ! благослови меня въ путь: товарищи мои хотятъ идти"; а о. Серафимъ, вышедши изъ кельи, сурово взглянулъ на нее и громко закричалъ:

„Зачѣмъ ты пошла по Россіи? Вѣдь тебѣ братъ Даніилъ не велѣлъ больше ходить по Россіи. Теперь же ступай назадъ, домой!"

— Батюшка! благослови меня сходить въ послѣдній разъ, сказала странница; больше ужъ ходить не буду.

„Я тебѣ сказалъ: ступай назадъ, а впередъ идти тебѣ нѣтъ благословенія!" громко закричалъ опять старецъ.

— Батюшка, сказала странница, какъ же я пойду назадъ одна? Такой дальній путь, а денегъ у меня ни копѣйки нѣтъ.

„Ступай, ступай обратно! настаивалъ на своемъ о. Серафимъ и безъ денегъ довезутъ на лошадяхъ до самаго Томска.

Послѣ сего старецъ благословилъ ее, далъ одинъ сухарикъ и затворилъ за собой двери. Странница простилась съ своими спутниками и воротилась домой. Въ Нижнемъ-Новгородѣ нашлись ей спутники, Томскіе купцы, которые и довезли ее до самаго Томска. Такъ далеко видятъ по духу и слышатъ другъ друга рабы Божіи!

Зная и уважая св. людей, дѣйствуя ко благу ближнихъ, согласно съ ними и въ духѣ и цѣли вѣры Христовой, батюшка о. Серафимъ не упускалъ изъ виду и согрѣшающихъ братій. Въ кельи его, какъ уже сказано прежде, всегда горѣло многое множество свѣчъ предъ святынею. Посѣтители, приходя къ старцу, приносили для сего свѣчи, масло и иногда полагали деньги на покупку ихъ, которыя о. Серафимъ не всегда-то принималъ. На счетъ этого множества свѣчъ о. Серафимъ говорилъ слѣдующее: „если кто имѣетъ вѣру ко мнѣ, убогому Серафиму, то у меня за сего человѣка горитъ свѣча предъ св. иконою. И если свѣчка падала, это было для меня знаменіемъ, что человѣкъ тотъ палъ въ смертный грѣхъ. Тогда я преклоняю свои колѣна за него предъ благоутробіемъ Божіемъ." Такъ говорилъ о. Серафимъ проживавшему въ г. Арзамасѣ крестьянину Василію Петровичу Вавилову, работавшему въ Дивѣевѣ и у о. Серафима пользовавшемуся особеннымъ его вниманіемъ

и довѣріемъ. Вотъ и предстоялъ такимъ образомъ другому любимцу о. Серафима, г. Воротилову, случай пасть въ смертный грѣхъ. О. Серафимъ, видя то, началъ молиться, преклоняя колѣни, да спасетъ Господь душу его отъ погибельнаго грѣха. Господь милосердъ: спасъ его. Поэтому, при свиданіи, старецъ замѣтилъ Воротилову, что въ такое-то время и въ такомъ-то мѣстѣ мы, по милосердію Божію, избавлены отъ ада за молитвы убогаго Серафима.

За годъ и десять мѣсяцевъ до своей кончины о. Серафимъ сподобился посѣщенія Богоматери.

Посѣщеніе сіе было раннимъ утромъ въ день Благовѣщенія, 25-го марта 1831 года. „Батюшка — сказывала старица Дивѣевской общины Евпраксія (въ мірѣ Евдокія)—за два дня приказалъ мнѣ придти къ себѣ къ этому дню. Когда я пришла, батюшка объявилъ: „намъ будетъ видѣніе Божіей Матери“ и, наклонивъ меня ницъ, прикрылъ своею мантіею и читалъ надо мною по книгѣ. Потомъ, поднявъ меня, сказалъ: „ну, теперь держись за меня и ничего не убойся.“ Въ это время сдѣлался шумъ, подобно шуму лѣса отъ большого вѣтра. Когда оный утихъ, послышалось пѣніе, подобное церковному. Потомъ дверь въ келью сама собою отворилась, сдѣлалось свѣтло — бѣлѣе дня, и благоуханіе наполнило келью. похожее, но лучше росного ладона. — Батюшка стоялъ на колѣняхъ, воздѣвъ руки къ небу. Я испугалась. Батюшка всталъ и сказалъ: „не убойся, чадо: это не бѣда, а ниспосылается намъ отъ Бога милость. Вотъ Преславная, Пречистая Владычица наша Пресвятая Богородица грядетъ къ намъ!“—Впереди шли два ангела, держа—одинъ въ правой, а другой въ лѣвой рукѣ—по вѣтви, усаженной только-что расцвѣтшими цвѣтами. Волосы ихъ подобились золотисто-желтому льну и лежали распущенные на плечахъ. Они стали впереди. За ними шли: св. Іоаннъ Предтеча и св. Іоаннъ Богословъ. Одежда на нихъ была бѣлая, блестящаяся отъ чистоты. За ними шли Богоматерь, а за Нею двѣнадцать дѣвъ. Царица Небесная имѣла на себѣ мантію, подобно той, какъ пишется на образѣ скорбящей Божіей Матери, блестящую, но какого цвѣта — сказать не могу, несказанной красоты, застегнутую подъ шеею большою круглою пряжкою, застежкою, убранною крестами, разнообразно изукрашенными, но чѣмъ— не знаю, а помню только, что она сіяла необыкновеннымъ свѣ-

томъ. Платье, сверхъ коего была мантія, было зеленое, перепоясанное высоко поясомъ. Сверхъ мантіи была какъ-бы *епитрахиль,* а на рукахъ *поручи,* которые, равно какъ и епитрахиль, убраны были крестами. Ростомъ Она казалась выше всѣхъ дѣвъ. На головѣ Ея была возвышенная корона, крестами разнообразно украшенная, прекрасная, чудная, сіявшая такимъ свѣтомъ, что нельзя было смотрѣть глазами, равно какъ на пряжку, застежку и на самое лицо Царицы Небесной. Власы ея были распущены по плечамъ и были длиннѣе и прекраснѣе ангельскихъ. Дѣвы шли за Нею попарно, въ вѣнцахъ, въ одеждахъ разнаго цвѣта, были разнаго роста, разныхъ лицъ и разнаго цвѣта волосъ, лежащихъ также по плечамъ; всѣ великой красоты, но однѣ другихъ были лучше и стали кругомъ всѣхъ насъ. Царица Небесная была въ срединѣ. Келья сдѣлалась просторная и верхъ весь исполнился огней, какъ бы горящихъ свѣчъ. Свѣтлѣе было полдней; свѣтъ былъ особый, непохожъ на дневной свѣтъ, было свѣтлѣе и бѣлѣе солнечнаго свѣта. Я испугалась и упала. Царица Небесная подошла ко мнѣ и, коснувшись правою рукою, изволила сказать: „встань, дѣвица, и не убойся насъ. Такія же дѣвы, какъ ты, пришли сюда со мною.“ Я не почувствовала какъ встала. Царица Небесная изволила повторить: „не убойся, Мы пришли посѣтить васъ.“ О. Серафимъ стоялъ уже не на колѣняхъ, а на ногахъ предъ Пресвятою Богородицею, и Она говорила съ нимъ столь милостиво, какъ-бы съ роднымъ человѣкомъ. Объятая великою радостію, спросила я о. Серафима, гдѣ мы? Я думала, что я уже не живая; потомъ когда спросила его: кто это? то Пречистая Богородица приказала мнѣ подойти къ дѣвамъ и самой спросить ихъ. Онѣ стояли постепенно по сторонамъ, какъ шли: въ первыхъ мѣстахъ стояли великомученицы *Варвара* и *Екатерина,* во вторыхъ св. первомученица *Ѳекла* и св. великомученица *Марина,* въ третьихъ св. великомученица и царица *Ирина* и преподобная *Евпраксія,* въ четвертыхъ св. великомученицы *Пелагія* и *Дороѳея,* въ пятыхъ преподобная *Макрина* и мученица *Іустина,* въ шестыхъ св. великомученица *Іуліанія* и мученица *Анисія.* Я подходила къ каждой изъ нихъ, каждая мнѣ сказала свое имя и подвиги мученичества и жизни Христа ради, сходно съ тѣмъ, какъ написано о нихъ въ Четіи-минеяхъ; всѣ говорили: „не такъ Богъ даровалъ намъ эту славу, а за стра-

даніе, за поношеніе. И ты пострадаешь.“—Пресвятая Богородица много говорила о. Серафиму такого, что участница въ видѣніи не могла слышать; а вотъ что слышала „не оставь дѣвъ моихъ“ (Дивѣевскихъ). О. Серафимъ отвѣчалъ: „О, Владычица! я собираю ихъ, но самъ собою не могу ихъ управить.“ На это Царица Небесная отвѣчала: Я тебѣ, любимиче мой, во всемъ помогу. Возложи на нихъ послушаніе; если исправятъ, то будутъ съ тобою и близъ Меня; а если потеряютъ мудрость, то лишатся участи сихъ ближнихъ дѣвъ Моихъ; ни мѣста, ни вѣнца такого не будетъ. Кто обидитъ ихъ, тотъ пораженъ будетъ отъ Меня; кто послужитъ имъ ради Господа, тотъ помяновенъ будетъ предъ Богомъ.“ Потомъ, обратясь ко мнѣ, сказала мнѣ: „вотъ, посмотри на сихъ дѣвъ Моихъ и на вѣнцы ихъ: иныя изъ нихъ оставили земное царство и богатство, возжелавъ царства вѣчнаго и небеснаго, возлюбили нищету самоизвольную, возлюбили Единаго Господа и за то, видишь, какой славы и почести сподобились. — Какъ было прежде, такъ и нынѣ. Только прежнія мученицы страдали явно, а нынѣшнія—тайно, сердечными скорбями, и мзда имъ будетъ такая же.“ Видѣніе кончилось тѣмъ, что Пресвятая Богородица сказала о. Серафиму: „скоро, любимиче мой, будешь съ нами“ и благословила его. Простились съ нимъ и всѣ святые: св. Іоаннъ Предтеча и Іоаннъ Богословъ благословили его; а Дѣвы цѣловались съ нимъ рука въ руку.— Мнѣ сказано было: это видѣніе тебѣ дано ради молитвъ о. Серафима, Марка, Назарія и Пахомія. И потомъ въ одно мгновеніе стало все невидимо. Видѣніе продолжалось не одинъ часъ.—Батюшка, обратясь послѣ этого ко мнѣ, сказалъ: „вотъ, матушка, какой благодати сподобилъ Господь насъ убогихъ. Мнѣ такимъ образомъ уже 12-й разъ было явленіе отъ Бога. И тебя Господь сподобилъ. Вотъ какой радости достигли! Есть намъ по чемъ вѣру и надежду имѣть ко Господу. Побѣждай врага діавола и противу его будь во всемъ мудрая: Господь тебѣ во всемъ поможетъ. Призывай себѣ на помощь Господа и Матерь Божію, святыхъ и меня, убогаго, поминай. Помни и говори въ молитвѣ: Господи, какъ мнѣ умереть будетъ? какъ мнѣ, Господи, на страшный судъ придти? какъ мнѣ Господи, отвѣтъ отдать за мои дѣла? Царица Небесная помози мнѣ?“

X.

Приготовленіе къ смерти, кончина и погребеніе.

Изнеможеніе силъ старца Серафима.—Измѣненіе порядка жизни.—Усердіе къ старцу народа.—Замѣчательные случаи изъ отношеній о. Серафима къ ближнимъ въ это время.—Его предсказанія о своей смерти.—Двѣ бесѣды съ сестрами Дивѣевской общины.—Исцѣленіе и разговоръ съ инокинею Платонидою.—Посѣщеніе о. Серафима подвижникомъ Тихономъ и наставленія, данныя ему Саровскимъ старцемъ.—Огорченія и взглядъ на нихъ о. Серафима.—Его приготовленіе къ смерти.—Замѣчательное свиданіе съ преосвящ. Арсеніемъ на четыре мѣсяца до смерти и разныя предсказанія о ней.—Заключительное слово о. Серафима.—Послѣдній день жизни.—Описаніе кончины старца.—Его погребеніе.—Памятникъ на могилѣ.—Стихотвореніе по случаю его кончины.—Смерть брата о. Серафима.—Собраніе свѣдѣній о жизни о. Серафима.—Разборъ вещей, оставшихся послѣ его смерти.—Память о немъ живетъ и ублажается повсюду до настоящаго времени.

За годъ до смерти, о. Серафимъ почувствовалъ крайнее изнеможеніе силъ душевныхъ, наипаче же тѣлесныхъ. Ему было теперь около 72-хъ лѣтъ. Обыкновенный порядокъ жизни его, заведенный съ окончанія затвора, неминуемо подвергся теперь измѣненію. Старецъ сталъ рѣже ходить въ пустынную келью. Въ монастырѣ также тяготился постоянно принимать посѣтителей. Народъ, свыкшійся съ мыслію безпрепятственно видѣть о. Серафима во всякое время, скорбѣлъ, что теперь онъ началъ уклоняться отъ взоровъ. Однако же усердіе къ нему заставляло многихъ не малое время проживать на монастырской гостинницѣ, чтобы изыскать необременительный для глубокаго старца

случай увидѣть его и выслушать изъ устъ его желаемое слово назиданія или утѣшенія.

Старецъ о. Серафимъ, какъ и въ прежніе годы, продолжалъ, хотя изрѣдка, наставлять людей, больнымъ подавалъ молитвами своими исцѣленія и предвозвѣщалъ будущія событія. Къ этому году относятся слѣдующіе замѣчательные случаи изъ отношеній его къ посѣтителямъ.

Рясофорный монахъ Нижегородскаго Печерскаго монастыря Василій разсказывалъ слѣдующее обстоятельство о свиданіи своемъ съ Саровскимъ подвижникомъ:

„Въ 1825 году, отецъ мой Владимірской губерніи, Муромскаго уѣзда, села Зяблицкаго погоста, крестьянинъ графини Юліи Самойловой, отправился съ двумя малолѣтними своими дѣтьми, мною, 6-ти лѣтнимъ Василіемъ, и братомъ моимъ Кирилломъ, въ Саровскую пустынь помолиться и принять благословеніе отъ о. Серафима. Мы прибыли туда наканунѣ праздника Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня, и на другой день, послѣ ранней обѣдни, отправились къ о. Серафиму. Богоугодный старецъ, благословляя насъ, сказалъ обо мнѣ отцу моему, что я не буду его кормильцемъ, и попросилъ его купить для меня Евангеліе; а о братѣ моемъ сказалъ, что онъ будетъ жить при родителяхъ и помогать имъ. Съ тѣхъ поръ отецъ и мать мои часто напоминали мнѣ объ этомъ предсказаніи.

На 14-мъ году возраста я пожелалъ самъ удостовѣриться въ словахъ прозорливаго старца и съ этою цѣлію испросилъ у своихъ родителей позволеніе побывать въ Саровской пустынѣ у о. Серафима: это было въ 1832 году. Когда я пришелъ къ старцу и хотѣлъ спросить его о будущей своей жизни, онъ самъ, предупреждая слова мои, сказалъ мнѣ: „радость моя, тебѣ слѣдуетъ поступить въ монастырь.“ Когда же я отвѣчалъ ему, что я человѣкъ господскій, онъ сказалъ: „гряди: Божія Матерь тебѣ поможетъ, и графиня, помѣщица твоя, чрезъ ходатайство великихъ людей, отпуститъ тебя на волю.“

Съ этимъ утѣшительнымъ предсказаніемъ и съ благословеніемъ о. Серафима, я отправился домой.

Достигши же 17-ти лѣтняго возраста, я получилъ, наконецъ, отъ своихъ родителей согласіе на поступленіе въ монашество, и будучи еще господскимъ человѣкомъ, поступилъ въ

Саровскую пустынь. По прошествіи двухъ лѣтъ, игуменъ Саровскій, о. Нифонтъ, благословилъ меня, какъ оказавшагося, по искусѣ, способнымъ къ монастырскимъ послушаніямъ, хлопотать объ увольненіи изъ крѣпостного состоянія. Это побудило меня отправиться въ С.-Петербургъ, и здѣсь промыслъ Божій указалъ мнѣ обратиться съ просьбою объ исходатайствованіи столь желаемаго мною увольненія къ настоятелю Сергіевской пустыни, о. архимандриту Игнатію. Добрый настоятель тотчасъ же согласился на мою просьбу, и вскорѣ дѣйствительно исхлопоталъ мнѣ это увольненіе. По представленіи его о. Нифонту, я былъ принятъ въ Саровской пустынѣ послушникомъ, а оттуда перешелъ въ Нижегородскій Печерскій монастырь. Такимъ образомъ исполнилось въ точности предсказаніе о. Серафима.

Родныя сестры, изъ дворянъ, дѣвицы Екатерина и Анна Васильевны Ладыженскія *), находившіяся въ числѣ сестеръ Дивѣевской обители, повѣствовали слѣдующее:

„Въ 1832 году, родной братъ нашъ О. В-чъ Ладыженскій, бывшій послѣ предсѣдателемъ военной коммиссіи въ Оренбургѣ, былъ посланъ въ Китай, для сопровожденія духовной миссіи. Такъ какъ дорога эта лежала черезъ Нижній-Новгородъ, гдѣ мы имѣли родную бабушку игуменью въ Крестовоздвиженскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ, то желая какъ посѣтить престарѣлую свою бабушку, чтимую всѣми, знающими ее, и даже отцемъ Серафимомъ, такъ равно и повидаться съ нами, сестрами своими, жившими тогда въ Пензѣ, еще въ мірѣ, братъ нашъ вызвалъ насъ въ Нижній-Новгородъ.

Самъ онъ прибылъ туда на страстной недѣлѣ Великаго поста, въ самую распутицу, и по необходимости долженъ былъ дожидаться здѣсь лучшаго пути, тѣмъ болѣе, что отъ дурной дороги занемогъ. Въ послѣднюю турецкую кампанію онъ былъ раненъ въ лѣвую руку, и теперь боль въ рукѣ возобновилась и заставила его лечиться и брать ванны.

Мы же, четыре сестры, имѣя счастіе знать и питая горячую вѣру къ молитвамъ преподобнаго о. Серафима, воспользовались этою невольною остановкою брата, и начали убѣждать его съѣздить съ нами въ Саровскую обитель, чтобы удостоить-

*) Екатерина Васильевна Ладыженская была 15-ть лѣтъ настоятельницею Дивѣевской общины.

ся видѣть и получить благословеніе о. Серафима на такой долгій и опасный путь.

Послѣ многихъ усилій, онъ, наконецъ, склонился на нашу просьбу, но не по вѣрѣ въ святость жизни и прозорливость о. Серафима, котораго хотя и уважалъ, но далеко не раздѣлялъ къ нему нашихъ чувствъ, а единственно для успокоенія нашего, по любви къ намъ, такъ какъ мы твердили ему безпрестанно, что только тогда будемъ спокойны на его счетъ, когда онъ посѣтитъ съ благоговѣніемъ чтимаго нами старца.

Наканунѣ отъѣзда мы имѣли съ братомъ большой разговоръ и споръ о св. иконахъ. Мы называли многія иконы чудотворными, а братъ опровергалъ насъ, говоря, что различать иконы и называть нѣкоторыя изъ нихъ чудотворными, есть дѣло суевѣрія, и что всѣ иконы одинаковы.

Поѣхали же мы въ Саровъ съ такимъ расчетомъ, чтобы пробыть тамъ воскресный, или какой-нибудь другой праздничный день; намъ хотѣлось, чтобы братъ увидѣлъ о. Серафима первый разъ въ церкви, когда онъ будетъ пріобщаться св. Таинъ.

По пріѣздѣ, мы всѣ отправились къ ранней обѣднѣ, за которою обыкновенно пріобщался о. Серафимъ; и когда она кончилась, братъ нашъ вошелъ въ алтарь, чтобы принять тамъ благословеніе отъ о. Серафима и передать ему нѣсколько словъ отъ бабушки нашей игуменьи, и отъ преосвященнаго Аѳанасія, который управлялъ тогда Нижегородскою епархіею, а впослѣдствіи переведенъ въ Тобольскъ, гдѣ и скончался; мы же возвратились въ занимаемую нами гостинную келью.

Вскорѣ возвратился и братъ нашъ, и мы замѣтили въ немъ большое измѣненіе. Первымъ словомъ его было сознаніе, что о. Серафимъ сотворилъ надъ нимъ чудо. Именно онъ говорилъ: „пока я передавалъ о. Серафиму то, что поручили мнѣ передать бабушка и преосвященный, онъ взялъ меня за больную мою руку и такъ крѣпко сжалъ, что я только отъ стыда не вскрикнулъ; но теперь не ощущаю въ рукѣ рѣшительно никакой боли."

Послѣ трапезы мы всѣ пошли въ лѣсъ, къ пустынѣ о. Серафима; увидавъ его издали, сидящаго противъ своего источника, предложили брату идти къ нему одному, а сами остались вдали смотрѣть на нихъ. Братъ пошелъ и принятъ былъ о. Серафимомъ, повидимому, очень милостиво, потому

что онъ благословилъ его и, посадивъ подлѣ себя, разговаривалъ съ нимъ съ полчаса времени. Наконецъ о. Серафимъ, поднявъ свою голову, сдѣлалъ намъ знакъ рукою, чтобы мы приблизились. Пока мы подходили, онъ уже всталъ съ своего мѣста и мы нашли его, съ заступомъ въ рукахъ, копавшаго свои грядки. Онъ былъ въ бѣломъ балахончикѣ и повязанъ тряпичкою; а плечи его были покрыты кожею. Мы получили его благословеніе, и когда братъ подошелъ къ нему также, онъ сказалъ ему: „подожди, батюшка, я сейчасъ выйду къ тебѣ." Съ этимъ словомъ онъ пошелъ въ пустынную свою келью и тотчасъ же вынесъ оттуда половину просфоры, и подавая ее брату, сказалъ ему съ любовію: „на тебѣ, отъ моей души." И потомъ прибавилъ какъ-бы съ грустію: „мы съ тобою болѣе не увидимся." Тронутый братъ отвѣчалъ ему: „нѣтъ, батюшка, я еще завтра приду къ вамъ; благословите." Но о. Серафимъ повторилъ: „мы съ тобою болѣе не увидимся." Братъ возразилъ еще: „батюшка, я и на возвратномъ пути заѣду къ вамъ;" но о. Серафимъ въ третій разъ повторилъ: „нѣтъ, мы съ тобою больше не увидимся."

Простившись съ о. Серафимомъ, мы отправились въ монастырь; сестры шли впередъ, а я, грѣшная Екатерина, съ братомъ, немного позади ихъ. Замѣчая въ братѣ большую перемѣну я спросила его о причинѣ, и онъ отвѣчалъ мнѣ такъ: „теперь я совершенно убѣжденъ въ святости и прозорливости этого дивнаго мужа. Все, что вы ни говорили о немъ—истинно и вы ничего не преувеличили." Прежде же онъ обыкновенно отзывался о немъ такъ: „я вѣрю, что онъ хорошей жизни, но вы слишкомъ все преувеличиваетс."

Я попросила брата разсказать мнѣ все подробнѣе, и онъ разсказалъ слѣдующее: „когда я подошелъ къ нему подъ благословеніе и объяснилъ, что отправляюсь въ Китай, и потому нарочно заѣхалъ въ Саровъ, чтобы принять отъ него благословеніе и попросить его святыхъ молитвъ на такой дальній путь, тогда о. Серафимъ благословилъ меня, и посадивъ подлѣ себя, сказалъ: „что, батюшка, мое грѣшное благословеніе? Проси помощи у Царицы Небесной; вотъ, въ тепломъ соборѣ у насъ икона Живоноснаго Источника: отслужи ей молебенъ; вѣдь она чудотворная, она тебѣ поможетъ." И потомъ съ улыбкою продолжалъ: „читалъ ли ты, батюшка, житіе Іоанникія

Великаго? Я совѣтую прочесть. Это былъ военный, весьма добрый и хорошій человѣкъ, и сначала не то. чтобы онъ не былъ христіанинъ; онъ вѣровалъ въ Господа, но въ иконахъ-то заблуждалъ такъ-же, какъ и ты." И при этихъ словахъ онъ показалъ на меня рукою. Я былъ весьма пораженъ этими словами.

„Отецъ же Серафимъ продолжалъ послѣ того милостиво бесѣдовать со мною и давать мнѣ наставленія, особенно, чтобы я самъ былъ милосердъ, если хочу, чтобы Господь Богъ былъ ко мнѣ милосердъ. Въ заключеніе онъ предсказалъ, что я исполню возложенное на меня порученіе и возвращусь благополучно."

Изъ пустыни мы прошли прямо въ теплый соборъ, потому что братъ мой, воспламененный вѣрою и любовію къ о. Серафиму, пожелалъ немедленно исполнить его совѣтъ и отслужить молебенъ Царицѣ Небесной. Послѣ молебна онъ выпросилъ у знакомаго намъ іеромонаха Анастасія Читію-минею, отыскалъ тамъ житіе Іоанникія Великаго, и нашелъ, что дѣйствительно Іоанникій былъ военный, добрый и сострадательный; что онъ вѣровалъ въ Господа, но заблуждалъ на счетъ иконъ, и наконецъ, что онъ нашелъ старца затворника, подобнаго о. Серафиму, который вывелъ его изъ заблужденія. Такимъ образомъ братъ нашъ выѣхалъ изъ Сарова съ полною вѣрою и любовію къ о. Серафиму. Онъ бросилъ всѣ свои лекарства, потому что уже не нуждался въ нихъ болѣе: онъ чувствовалъ себя исцѣленнымъ и душею и тѣломъ, и съ дороги писалъ намъ, что никогда не чувствовалъ себя столь здоровымъ.

Исполнивъ въ точности, по благодати Божіей и за молитвы праведника, порученіе, данное ему Августѣйшимъ Монархомъ, онъ возвратился въ отечество и хотѣлъ на возвратномъ пути еще разъ посѣтить о. Серафима; но мы увѣдомили его, что уже не стало дивнаго угодника Божія. И такимъ образомъ исполнилось его пророчество, которое онъ говорилъ брату, при прощаніи: „мы съ тобою больше не увидимся."

Считаемъ не лишнимъ помѣстить здѣсь еще одно обстоятельство, случившееся съ братомъ нашимъ и доказывающее благодатный даръ прозорливости въ отцѣ Серафимѣ.

Уѣзжая изъ Сарова, братъ нашъ поручилъ вышеупомянутому іеромонаху Анастасію доставить о. Серафиму отъ его усердія одну неважную вещь. Отецъ Серафимъ, принявши ее, изволилъ сказать о братѣ, что: „онъ опять здѣсь будетъ, но

не одинъ; я—говорилъ онъ—приказалъ ему не оставлять жены.“ Отецъ Анастасій передалъ это извѣстіе мнѣ—говоритъ Екатерина Васильевна,—когда я пріѣхала въ Саровъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отъѣзда брата; и я нисколько не сомнѣвалась въ истинѣ словъ праведника, хотя братъ и ничего не говорилъ намъ о намѣреніи своемъ вступить въ бракъ. Возвратившись домой, я написала о слышанномъ брату, и онъ отвѣчалъ намъ такъ: „дивный Серафимъ не ошибся и въ этомъ случаѣ: онъ проникъ въ тайну души моей; я избралъ себѣ по сердцу и положилъ твердое намѣреніе жениться на избранной мною.“

Екатерина Васильевна разсказываетъ еще слѣдующій случай объ о. Серафимѣ. „Въ одинъ изъ пріѣздовъ нашихъ въ Саровскую обитель, сестра моя пожертвовала на образъ Успенія Божіей Матери свои брильянтовыя серьги; и чтобы скрыть это дѣло, она вручила ихъ, въ моемъ присутствіи, знакомому намъ іеромонаху Дамаскину, съ просьбою передать ихъ настоятелю и никому не сказывать ничего.—Это происходило у крыльца кельи о. Серафима. Едва мы вошли вслѣдъ за тѣмъ къ старцу въ сѣни, какъ онъ встрѣтилъ сестру мою, сдѣлавшую пожертвованіе, съ самымъ радостнымъ видомъ и съ сими словами: „Божія Матерь вознаградитъ тебя за твою жертву и здѣсь и въ будущемъ.“ Мы остались послѣ нашихъ родителей совершенными по всему сиротами и утѣшались только тѣмъ, что старецъ, между прочими спасительными наставленіями, всегда говорилъ намъ, что „онъ утѣшитъ насъ, что онъ будетъ за насъ молиться.“—И дѣйствительно, мы считаемъ себя теперь вполнѣ утѣшенными, потому что Господь Богъ и Царица Небесная за молитвы о. Серафима сподобила насъ, двухъ сестеръ Екатерину и Анну, поступить въ число сестеръ Дивѣевской общины и принести хоть малѣйшую лепту нашего усердія въ пользу этой св. обители.

Особенно замѣчательна, по содержанію своему, бесѣда старца Серафима съ г. Богдановымъ. Въ день Рождества Христова 1832 года, онъ удостоился видѣть о. Серафима въ Саровской пустынѣ. „Я, говорилъ г. Богдановъ, пришелъ въ больничную церковь къ ранней обѣднѣ еще до начатія службы, и увидѣлъ, что о. Серафимъ сидѣлъ на правомъ клиросѣ, на полу. Я подошелъ къ нему тотчасъ подъ благословеніе, и онъ,

благословивши меня, поспѣшно ушелъ въ алтарь, отвѣчая на мою просьбу побесѣдовать съ нимъ: „послѣ, послѣ.“ По окончаніи же обѣдни, когда я снова подошелъ къ нему, онъ привѣтствовалъ меня словами: „молитвами Пресвятыя Богородицы все благо будетъ!“ Тогда я осмѣлился попросить его о назначеніи мнѣ времени для выслушиванія отъ него спасительныхъ совѣтовъ. Старецъ на то отвѣчалъ мнѣ такъ: „два дня праздника. Времени не надо назначать. Св. Апостолъ Іаковъ, братъ Божій, поучаетъ насъ: аще Господь восхощетъ и живы будемъ, сотворимъ сіе и сіе.“ Я поднесъ къ нему дочь свою Вѣру, и онъ, благословивши насъ, далъ намъ обоимъ сухарей.

Наконецъ, приготовивши заблаговременно вопросы, которые хотѣлъ я предложить старцу, я пришелъ къ нему въ келью. Онъ встрѣтилъ меня въ сѣняхъ, принялъ принесенныя мною, по порученію другихъ, свѣчи и масло, и благословилъ бесѣдовать съ собою.

Я спросилъ его: продолжать ли мнѣ мою службу, или жить въ деревнѣ? О. Серафимъ отвѣчалъ: „ты еще молодъ, служи.“ „Но служба моя нехороша,“ возразилъ я; „это отъ твоей воли,“ отвѣчалъ старецъ. „Добро дѣлай; путь Господень все равно! Врагъ вездѣ съ тобой будетъ. Кто пріобщается—вездѣ спасенъ будетъ; а кто не пріобщается — не мню. Гдѣ господинъ, тамъ и слуга будетъ. Смиряй себя, миръ сохраняй, ни за что не злобься.“

Я спросилъ еще: благополучно ли кончится мое дѣло? Старецъ отвѣчалъ: „надобно полюбовно раздѣлиться съ родными, у кого есть что раздѣлить. Было у двухъ родныхъ братьевъ два озера; у одного все множилось, а у другого нѣтъ. Тотъ и хотѣлъ завладѣть войною. Одному нивы надобно 12 саженъ, а другому болѣе. Не пожелай.“

Послѣ того я спросилъ: учить ли дѣтей языкамъ и прочимъ наукамъ? и онъ отвѣчалъ: „что же худого знать что нибудь?“ Я же, грѣшный, подумалъ, разсуждая по мірскому, что нужно, впрочемъ, ему самому быть ученымъ, чтобы отвѣчать на это, и тотчасъ же услышалъ отъ прозорливаго старца обличеніе: „гдѣ мнѣ, младенцу, отвѣчать на это противъ твоего разума? Спроси кого поумнѣй.“

Вечеромъ, когда я пришелъ къ нему, первымъ его словомъ было: „бесѣду лучше оставить. За каждое праздное слово воз-

дадимъ Богу отвѣтъ.“ Но я умолилъ его продолжить спасительную бесѣду и предложилъ ему слѣдующій вопросъ: скрываніе дѣлъ, предпринятыхъ во имя Господне, въ случаѣ, когда знаешь, что получишь за нихъ скорѣе осмѣяніе, нежели похвалу, не похоже ли на отверженіе Петра; и что дѣлать при противорѣчіяхъ? Старецъ на это отвѣчалъ мнѣ такъ: „Св. Апостолъ Павелъ въ посланіи къ Тимоѳею говоритъ: пій вино вмѣсто воды; а вслѣдъ за симъ слѣдуетъ: не упивайся виномъ. На это надо разумъ. Не воструби; а гдѣ нужно, не премолчи.“

Я спросилъ еще: что прикажетъ онъ мнѣ читать? и получилъ отвѣтъ: „Евангеліе по 4 зачала въ день, каждаго Евангелиста по зачалу, и еще жизнь Іова. Хотя жена и говорила ему: лучше умереть; а онъ все терпѣлъ и спасся. Да не забывай дары посылать обидѣвшимъ тебя.“

На вопросы мои: должно ли лечиться въ болѣзняхъ, и какъ вообще проводить жизнь, онъ отвѣчалъ: „Болѣзнь очищаетъ грѣхи. Однако же воля твоя. Иди среднимъ путемъ; выше силъ не берись—упадешь, и врагъ посмѣется тебѣ; аще юнъ сый, удержись. Однажды діаволъ предложилъ праведнику прыгнуть въ яму, тотъ было согласился, но Григорій Богословъ удержалъ его. Вотъ что дѣлай: укоряютъ — не укоряй: гонятъ — терпи; хулятъ—хвали; осуждай самъ себя, такъ Богъ не осудитъ, покоряй волю свою волѣ Господней; никогда не льсти; познавай въ себѣ добро и зло: блаженъ человѣкъ, который знаетъ это, люби ближняго твоего: ближній твой — плоть твоя. Если по плоти поживешь, то и душу и плоть погубишь; а если по Божьему, то обоихъ спасешь. Эти подвиги больше, чѣмъ въ Кіевъ идти, или и далѣе, кого Богъ позоветъ“.

Послѣднія слова о. Серафима относились къ желанію моему отправиться на богомолье въ Кіевъ и далѣе, если благословитъ. Впрочемъ, я не открылъ ему еще этого желанія, и о. Серафимъ узналъ о немъ единственно по дару прозрѣнія, которое имѣлъ онъ по благодати Божіей.

Послѣ того я спросилъ старца: обязанъ ли человѣкъ, для поддержанія своего званія, вовлекаться въ издержки, превышающія его достатки и не составляющія у людей необходимости? Онъ отвѣчалъ: „кто какъ можетъ; но лучше, чѣмъ Богъ послалъ. Хлѣба и воды довольно для человѣка. Такъ было и до потопа.“

Еще спросилъ я: должно ли угожденіе людямъ простираться и на тѣ случаи, которые несогласны съ волею Божіею, напр. праздно проводить время и т. п.? На это о. Серафимъ возразилъ: „за эту любовь многіе погибли: аще кто не творитъ добра, тотъ и согрѣшаетъ. Надобно любить всѣхъ, а больше всего Бога.“

Я попросилъ его помолиться обо мнѣ; онъ отвѣчалъ: „за всѣхъ молюсь всякій день. Устрой миръ душевный, чтобы никого не огорчать и ни на кого не огорчаться: тогда Богъ дастъ слезы раскаянія,“ и опять подтвердилъ: „укоряютъ—не укоряй и т. д...“

На вопросъ мой: какъ сохранить нравственность людей, мнѣ подчиненныхъ, и не противны ли Богу законныя, повидимому, наказанія? Онъ отвѣчалъ: „милостями, облегченіемъ трудовъ, а не ранами. Напой, накорми, будь справедливъ. Господь терпитъ; Богъ знаетъ, можетъ быть и еще протерпитъ долго. Ты такъ дѣлай: аще Богъ прощаетъ и ты прощай. Сохрани миръ душевный, чтобы въ семействѣ у васъ ни за что не было ссоры: тогда благо будетъ. Исаакъ, Авраамовъ сынъ, не злобился, когда у него колодцы засыпали, и отходилъ; а потомъ его же стали просить къ себѣ, когда Господь Богъ благословилъ его стократнымъ плодомъ ячменя.“

Спрашивалъ я также о. Серафима на счетъ опасности нынѣшнихъ совѣтовъ, и можно ли ввѣриться ученію другихъ. Онъ отвѣчалъ: „это вамъ необновленнымъ,“ и улыбнулся. „Довольно одного Ангела—хранителя, отъ св. купели намъ даннаго. Если ярость въ коемъ есть—не слушай; если дѣвство кто хранитъ — Духъ Божій такихъ принимаетъ. Однако же самъ разумъ имѣй, и Евангеліе читай.“

Я попросилъ о. Серафима растолковать мнѣ сонъ: я видѣлъ кого-то, который приказывалъ мнѣ выстроить церковь. О. Серафимъ сказалъ мнѣ: „это твое собственное желаніе, и если Богъ избралъ тебя на это и потребуетъ нужда, то съ Богомъ! Въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваши, то и будете Богу подобны, а иначе я не мню, чтобы кто спасся.“

Я спросилъ старца: нужно ли молиться Богу объ избавленіи отъ опасныхъ случаевъ? Старецъ отвѣчалъ: „въ Евангеліи сказано: молящеся не лишше глаголите: вѣсть бо Отецъ нашъ, ихже требуете, прежде прошенія вашего. Сице убо молитеся вы:

Отче нашъ и проч., тутъ благодать Господня; а что приняла и облобызала св. Церковь, все для сердца христіанина должно быть любезно. Не забывай праздничныхъ дней: будь воздерженъ, ходи въ церковь, развѣ немощи когда; молись за всѣхъ: много этимъ добра сдѣлаешь; давай свѣчи, вино и елей въ церковь: милостыня много тебѣ блага сдѣлаетъ."

Когда я спросилъ о постѣ и бракѣ, старецъ сказалъ:

„Царство Божіе не брашно и питіе; но правда, миръ и радость о Дусѣ Святѣ; только не надобно ничего суетного желать, а все Божіе хорошо: и дѣвство славно и посты нужны для побѣжденія враговъ тѣлесныхъ и душевныхъ. И бракъ благословенъ Богомъ: и благослови ихъ Богъ, глаголя: раститеся и множитеся: только врагъ смущаетъ все."

На вопросъ мой о духѣ мнительности и о хульныхъ помыслахъ, онъ отвѣчалъ: „невѣрнаго ничемъ не увѣришь. Это отъ себя. Псалтирь купи: тамъ все есть три рубля стоитъ."

Я спросилъ его: можно ли ѣсть скоромное по постамъ, если кому постная пища вредна, и врачи приказываютъ ѣсть скоромное? Старецъ отвѣчалъ: „хлѣбъ и вода никому не вредны. Какъ же люди по 100 лѣтъ жили? Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ: но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ. А что Церковь положила на семи Вселенскихъ соборахъ, то исполняй. Горе тому, кто слово одно прибавитъ къ сему, или убавитъ. Что врачи говорятъ про праведныхъ, которые исцѣляли отъ гніющихъ ранъ однимъ прикосновеніемъ, и про жезль Моусея, которымъ Богъ изъ камня извелъ воду? Какая польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ? Господь призываетъ насъ: пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи и Азъ упокою вы: иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть: да мы сами не хотимъ."

Чѣмъ, спросилъ я, истребить гордость и пріобрѣсть смиреніе? Онъ отвѣчалъ: „молчаніемъ. Богъ сказалъ Исаіи: на кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словесъ Моихъ." Касательно духовной гордости онъ прибавилъ еще: „проси Бога, чтобы онъ продлилъ твои лѣта. Этого безъ труда не сдѣлаешь. Молчаніемъ же большіе грѣхи побѣждаются."

Во все время нашей бесѣды о. Серафимъ былъ чрезвычайно веселъ. Онъ стоялъ, опершись на дубовый гробъ, приготовленный имъ для самого себя, и держалъ въ рукахъ зажжен-

ную восковую свѣчу. Начиная отвѣчать часто привѣтствовалъ меня словами: „ваше боголюбіе!“ О дочери моей сказалъ: „у нея путь трудный: выйдетъ за такого мужа, что и Бога знать не будетъ.“

Прощаясь со мною, онъ благодарилъ меня за посѣщеніе его убожества, какъ самъ онъ выразилъ. Благословляя же, хотѣлъ даже поцѣловать мою руку, кланялся мнѣ все до земли и, надѣляя сухарями, приказывалъ раздѣлить ихъ съ моими подчиненными, и наконецъ, отпуская, сказалъ: „гряди съ Богомъ! Эти сухари свѣжіе: только—что изъ печки.“

Къ большему прославленію чуднаго дара прозорливости въ благодатномъ старцѣ о. Серафимѣ, нужно объяснить, что я не имѣлъ возможности разспрашивать его такъ подробно и помнить всѣ его отвѣты. Притомъ же, онъ говорилъ чрезвычайно поспѣшно. Для этого всѣ свои вопросы я предварительно написалъ для памяти на бумагѣ. И едва успѣвалъ я прочитывать ихъ предъ старцемъ, какъ тотчасъ же и получалъ отъ него на нихъ отвѣты.

Прозорливостію своею о. Серафимъ весьма много содѣйствовалъ къ счастію и благоустройству семейной жизни ближнихъ.

Пришелъ къ нему въ пустынь одинъ пріѣзжій офицеръ принять благословеніе на вступленіе въ бракъ. О. Серафимъ сказалъ, что его невѣста здѣсь, въ Саровѣ, на гостинницѣ. Чрезъ нѣсколько времени пришла дѣвица къ о. Серафиму и также повѣдала ему свое желаніе выдти въ замужество и виды, открывающіеся по сему предмету въ будущемъ. Старецъ сказалъ: „нѣтъ! твой женихъ здѣсь, въ Саровѣ.“ Оба приходившіе никогда не знали другъ друга и не видались. Простой случай, указанный Провидѣніемъ, свелъ ихъ между собою; молодые люди познакомились, съ участіемъ родныхъ рѣшили судьбу свою, вмѣстѣ пришли къ о. Серафиму и старецъ благословилъ ихъ къ вѣнцу. Вступивши въ бракъ, эти люди жили очень счастливо.

Это не былъ простой случай, а дѣло Божіе, совершившееся чрезъ старца. Дѣла Божіи всегда созидаются съ удивительною простотою: это ихъ особенность. Невниманіе къ совѣтамъ старца сопровождалось въ подобныхъ случаяхъ точнымъ исполненіемъ послѣдствій, имъ предвозвѣщаемыхъ. Такъ, одинъ Рязанскій помѣщикъ, бывши въ Саровѣ, просилъ молитвъ и благосло-

венія о. Серафима на вступленіе въ бракъ. Старецъ указывалъ ему невѣсту, Богомъ назначенную, въ лицѣ одной особы, жившей по имѣнію въ сосѣдствѣ съ просителемъ, называя ее по имени. Молодой человѣкъ отказывался исполнить совѣтъ его, отзываясь тѣмъ, что онъ имѣетъ уже невѣсту изъ обитающихъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ его полкъ. О. Серафимъ сказалъ: „тебѣ сія не принадлежитъ въ радость, но въ печаль и слезы.“ Молодой человѣкъ женился, однакоже, по-своему, но жена его, не переживъ и года, умерла, и были мужу „печаль и слезы.“ Вдовецъ былъ опять у о. Серафима и, по вторичному его совѣту, взялъ ту, которую и прежде назначалъ старецъ. Послѣ брака жили они счастливо.

Членовъ семейства, жившихъ врознь, о. Серафимъ соединялъ вмѣстѣ въ исполненіе Писанія: *иже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ.* Господа Т-вы, Пензенской губерніи и изъ Таганрога, разошлись между собою по непріятностямъ и дѣтей развели. Мужъ проживалъ въ Пензѣ, а жена въ Таганрогѣ. Къ счастію обоихъ, г. Т—въ былъ въ Саровѣ. О. Серафимъ только что взглянулъ на него, сталъ обличать его и грозилъ ему, говоря: „зачѣмъ ты не живешь съ женой? Ступай къ ней, ступай!“ Рѣчь старца привела заблудшаго въ сознаніе: онъ отправился изъ Сарова въ Таганрогъ, взялъ свою жену, съѣздилъ съ ней на богомолье въ Кіевъ и стали они жить съ тѣхъ поръ вмѣстѣ въ деревнѣ, близъ Таганрога, благополучно и по закону Божію. „Я видала—пишетъ боголюбивая Марія къ затворнику Георгію—письма ихъ послѣ извѣстія о смерти старца: они исполнены горести, что умеръ отецъ ихъ и благодѣтель.“

Одна мать очень скорбѣла о своемъ сынѣ, котораго совсѣмъ потеряла изъ виду. Съ растерзаннымъ сердцемъ припала она къ ногамъ о. Серафима и просила молитвъ его о томъ, кого считала она погибшимъ. Старецъ сказалъ въ отвѣтъ матери, чтобы она пожила въ Саровѣ на гостинницѣ и подождала своего сына. Она и ждала день, два, три, а наконецъ, недоумѣвая на счетъ отвѣта о. Серафима, пришла къ нему принять благословеніе, имѣя въ виду отправиться во свояси. Чтожe? Въ то время, какъ она пошла въ келью старца, у него былъ на благословеніи и сынъ ея. О. Серафимъ взялъ его за руку, подвелъ къ матери и поздравилъ ее съ возвращеніемъ къ ней сына.

Кромѣ предсказаній другимъ, старецъ началъ предсказывать и о своей смерти.

Такъ, пришла разъ къ нему сестра Дивѣевской общины Параскева Ивановна съ другими сотрудницами изъ сестеръ же. Старецъ началъ говорить имъ: „я силами слабѣю; живите теперь однѣ: оставляю васъ.“ Скорбная бесѣда о разлукѣ растрогала слушательницъ; онѣ заплакали и съ тѣмъ разстались съ старцемъ. Однакоже онѣ подумали, по поводу этой бесѣды, не о смерти его, а о томъ, что о. Серафимъ, по преклонности лѣтъ, хочетъ отложить попеченіе о нихъ, чтобы удалиться въ затворъ.

Въ другой разъ старца посѣтила одна Параскева Ивановна. Онъ былъ въ лѣсу, въ ближней пустынѣ. Благословивши ее, о. Серафимъ сѣлъ на отрубокъ дерева, а сестра около него стала на колѣни. О. Серафимъ повелъ духовную бесѣду и пришелъ въ необыкновенный восторгъ: всталъ на ноги; руки поднялъ горѣ, взоры—къ небу. Благодатный свѣтъ озарилъ его душу отъ представленія блаженства будущей жизни. Ибо старецъ бесѣдовалъ въ настоящій разъ собственно о томъ, какая вѣчная радость ожидаетъ человѣка на небѣ за недолговременныя скорби временной жизни. „Какая радость! какой восторгъ! говорилъ онъ, объемлютъ душу праведника, когда, по разлученіи съ тѣломъ, ее срѣтаютъ Ангелы и представляютъ предъ лице Божіе!“ Раскрывая эту мысль, старецъ нѣсколько разъ спрашивалъ сестру: „понимаетъ ли она его?“ Сестра же все слушала не говоря ни слова. Она понимала бесѣду старца, но не видѣла, чтобы рѣчь клонилась къ его кончинѣ. Тогда о. Серафимъ снова сталъ говорить прежнее: „я силами ослабѣваю; живите теперь однѣ: оставляю васъ.“ Сестра подумала, что онъ хочетъ опять укрываться въ затворъ; но о. Серафимъ на ея мысли отвѣчалъ: „искалъ я вамъ матери (настоятельницы), искалъ... и не могъ найти. Послѣ меня никто вамъ не замѣнитъ меня. Оставляю васъ Господу и Пречистой Его Матери.“ А сестра все еще не понимала, что старецъ говорилъ о своемъ успеніи и подумала про себя, что хотя батюшка о. Серафимъ вручаетъ ихъ Господу и Божіей Матери, но нельзя же обители остаться и безъ человѣка—духовнаго руководителя ко спасенію. Старецъ же отвѣтствовалъ: „человѣка-то, матушка, днемъ съ огнемъ не найдешь. Оставляю васъ Господу и Пре-

чистой Его Матери.“ Тутъ онъ прямѣе выразился о своей кончинѣ. Тогда сестра, припавши къ ногамъ старца, такъ горько зарыдала, что не могла ни сама говорить, ни слышать словъ его. О. Серафимъ началъ читать на память Евангеліе отъ Матѳея, зачало 11: *вы есть свѣтъ міра*, и когда кончилъ, перешелъ къ Евангелію отъ Іоанна, зачиталъ 14 главу: *Да не смущается сердце ваше*, прочелъ также 15 главу и кончилъ 55 зачаломъ 16 главы словами: *аминь, аминь, глаголю вамъ, яко елико аще просите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ. Доселѣ не просите ничесоже во имя Мое: просите и пріимите, да радость ваша исполнена будетъ*. Здѣсь о. Серафимъ остановился и сказалъ: „что же ты, матушка, все плачешь? По времени и у васъ будетъ мать-праведница.“

Когда другія сестры Дивѣевской обители посѣщали о. Серафима въ его кельи не за долго до его смерти, то онъ, обыкновенно, указывая на икону Божіей Матери Умиленіе, много разъ говаривалъ имъ въ утѣшеніе: „поручаю и оставляю васъ на попеченіе вотъ этой Царицѣ Небесной.“ Это разсказываютъ даже до сего дня старицы Дивѣевской обители изъ современныхъ о. Серафиму.

За пять мѣсяцевъ до кончины была у о. Серафима Платонида, монахиня Симбирскаго монастыря Нерукотвореннаго Спаса. Она ѣхала въ Арзамасъ къ извѣстному въ то время врачу посовѣтоваться на счетъ ревматическихъ страданій головы, лица и уха въ одной половинѣ тѣла, но заѣхала напередъ въ Саровъ, чтобы отъ о. Серафима принять благословеніе на леченіе. Пять сутокъ прожила она въ Саровѣ, и хотя раза по четыре каждыя сутки приходила къ кельи старца, но не могла видѣть его. Старецъ, по изъясненнымъ выше причинамъ, рѣже принималъ посѣтителей. Наконецъ она была принята имъ въ пустынѣ наединѣ. Поклонившись о. Серафиму въ ноги, она просила благословенія лечиться. Старецъ на слова ея отвѣчалъ: „нѣтъ, не лечись,“ и, показавъ рукою на небо, прибавилъ: „вотъ Кто (т. е. Богъ) тебя исцѣлитъ.“ Затѣмъ онъ приказалъ ей умыться въ источникѣ. Она же не умывалась во все продолженіе своей болѣзни, около трехъ лѣтъ, справедливо опасаясь, чтобы отъ прикосновенія къ водѣ не получить большой простуды. Но по вѣрѣ въ слова праведнаго старца, она, ни мало не сомнѣваясь, умылась и отъ того не только облег-

ченія не почувствовала, но напротивъ, почувствовала ужаснѣйшую боль. Потомъ старецъ приказалъ ей напиться этой воды, послѣ чего сдѣлались у ней мучительнѣйшія боли въ лицѣ и зубахъ. Наконецъ старецъ, приложивъ свою правую руку къ больной ея щекѣ, сказалъ: „до успенія Богъ успокоитъ тебя; гряди съ миромъ!“ Платонида тотчасъ же почувствовала, какъ стала утихать боль ея; она совершенно прошла и съ тѣхъ поръ не возвращалась. При отпускѣ, благословляя ее Крестомъ, висѣвшимъ у него на груди, о. Серафимъ сказалъ: „не скорби, что долго не видѣла меня: я поминовеніе творилъ о скончавшейся монахинѣ.“ Платонида, съ своей стороны, спросила: „можетъ ли она надѣяться еще когда-нибудь увидѣть его?“ Старецъ, показывая рукою на небо, сказалъ: „тамъ увидимся: тамъ лучше, лучше, лучше.“ Справедливо: больше она не видала его.

Въ этомъ же году посѣтили о. Серафима блаженный старецъ Тимонъ, жившій, какъ извѣстно, въ Надѣевской пустынѣ и невидавшій своего духовнаго наставника и учителя болѣе двадцати лѣтъ. Въ весеннее время пѣшій пришелъ онъ въ Саровскую пустынь и, добравшись до келліи о. Серафима, ожидалъ сладостной минуты увидѣть его. Но о. Серафимъ не допускалъ его до себя. На этотъ разъ онъ принималъ всѣхъ; безпрепятственно входили къ нему и мужи и жены: одному Тимону закрытъ былъ входъ, и онъ тщетно простоялъ у кельи до самаго вечера. Наконецъ было благословлено и ему взойти въ келью. „Азъ же—говорилъ старецъ Тимонъ—взошедши падохъ ему на ноги, и отъ радости много плакалъ, что чрезъ много лѣтъ сподобился видѣть еще его въ живыхъ и сказалъ ему: „отче святый! за что вы на меня, грѣшнаго, прогнѣвались и цѣлый день меня до себя не допускали?“ Онъ же меня посадилъ и началъ говорить: „нѣтъ, не тако, отче Тимоне! азъ тебя люблю; но это я сдѣлалъ потому, что ты монахъ, да еще и пустынножитель, потому долженъ ты имѣть терпѣніе; да еще испытывалъ тебя, чему ты научился, живши столько лѣтъ въ пустынѣ: не пустой ли ты изъ нея вышелъ? А прочіе люди—мірскіе, да еще и больные: ихъ надобно прежде полечить и отпустить: ибо *здравіи врача не требуютъ, но болящіи*, какъ Господь сказалъ: а съ тобой надобно при свободномъ времени больше побесѣдовать.“ И тако съ нимъ всю нощь препроводили въ бесѣдѣ.

О. Серафимъ далъ ему, между прочимъ, слѣдующее наставленіе: „сѣй, отецъ Тимонъ, сѣй, всюду сѣй данную тебѣ пшеницу. Сѣй на благой землѣ, сѣй и на пескѣ, сѣй на камени, сѣй при пути, сѣй и въ терніи: все гдѣ-нибудь да прозябнетъ и возрастетъ и плодъ принесетъ, хотя и не скоро. И данный тебѣ талантъ не скрывай въ землѣ, да не истязанъ будеши отъ своего господина; но отдавай его торжникамъ: пусть куплю дѣютъ. Еще скажу тебѣ, отче Тимоне: не води дружбы и не имѣй союза, во-первыхъ, съ врагами Христовой Церкви, т. е. съ еретиками и съ раскольниками, во-вторыхъ, съ тѣми, которые святыхъ постовъ не соблюдаютъ, въ третьихъ, съ женами: ибо онѣ много насъ, иноковъ, повреждаютъ. А въ своей новоустроенной (т. е. Надѣевской) обители положи и утверди уставъ совершеннаго общежитія, по правиламъ и по уставу св. Отецъ, чтобы никто не творилъ своей воли; виннаго питія и табаку отнюдь никому не позволяй; даже сколько возможно, удерживай и отъ чая: чревоугодіе—не монашеское дѣло.“ „Тако мене наставивъ—говоритъ старецъ Тимонъ—о. Серафимъ благословилъ въ путь. Азъ же паки возвратихся въ свою пустыню и живу въ ней, благодаря Господа моего Іисуса Христа и Пречистую Его Матерь Владычицу Богородицу Дѣву Марію“ („Путеш. Парѳенія“ ч. 1, стр. 196—197).

Отцу Серафиму пришлось потерпѣть въ этомъ году неудовольствіе, въ которыхъ онъ видѣлъ признаки своего приближенія къ исходу изъ настоящей жизни. Одна бѣглая дѣвушка, чтобы глубже скрыть свое бродяжничество, остригла свои волосы въ кружокъ, надѣла на себя послушническое платье и такъ бродяжничала по міру. Полицейское начальство, предувѣдомленное о ея побѣгѣ, разыскивало и наконецъ открыло ее. При допросѣ она показала, будто бы о. Серафимъ благословилъ ей такъ одѣваться. Но о. Серафимъ никогда не благословлялъ и по дару прозорливости, конечно, не могъ благословить ей скрывать, быть можетъ, свои злодѣянія. Между тѣмъ свѣтское начальство, слѣдуя своимъ порядкамъ, писало къ о. игумену Нифонту разыскать и о семъ. Оказалось, что бѣглая оболгала безвинно старца Божія, надѣясь, что, изъ снисхожденія къ распоряженію о. Серафима, ей простятъ укрывательство подъ одеждою послушника. Тѣмъ не менѣе обстоятельство это огорчило старца, и онъ на тотъ разъ цѣ-

лыя сутки не выходилъ изъ келліи, проводя время въ молитвѣ. Другіе доблестные подвижники Сарова, напр. о. Иларіонъ и Никодимъ, горько сожалѣли объ огорченіи, которое испыталъ о. Серафимъ въ настоящемъ обстоятельствѣ.

Приходилось старцу испытывать въ этомъ году и другія огорченія безвинно и несправедливо. И онъ на счетъ всѣхъ ихъ сказалъ однажды слѣдующія слова: „всѣ сіи обстоятельства означаютъ то, что я скоро не буду жить здѣсь, что близокъ конецъ моей жизни.“

Предчувствуя свою кончину, усматривая въ самыхъ обстоятельствахъ ея приближеніе, о. Серафимъ въ это время приготовлялся и къ исходу. Онъ рѣже выходилъ теперь въ пустыню, менѣе принималъ и въ келліи приходящихъ, чтобы безпрепятственнѣе заниматься окончательнымъ приготовленіемъ себя къ вѣчности. Въ это время его нерѣдко видали въ сѣняхъ: старецъ сидѣлъ на своемъ гробѣ и предавался размышленіямъ о концѣ жизни, о загробной участи человѣка и своей собственной. Размышленія сіи нерѣдко сопровождались горькимъ плачемъ, а начинались и оканчивались они продолжительными молитвами.

За полгода до смерти о. Серафимъ, прощаясь со многими, съ рѣшительностію говорилъ: „мы не увидимся болѣе съ вами.“ Нѣкоторые просили благословенія пріѣхать въ Великій постъ поговѣть въ Саровѣ и еще разъ насладиться лицезрѣніемъ и бесѣдой его. „Тогда двери мои затворятся, отвѣчалъ на это старецъ: вы меня не увидите.“ Стало очень замѣтно, что жизнь о. Серафима угасаетъ: только духъ его попрежнему, и еще болѣе прежняго, бодрствовалъ: „жизнь моя сокращается—говорилъ онъ нѣкоторымъ между братіею—духомъ я какъ бы сейчасъ родился, а тѣломъ по всему мертвъ.“

За четыре мѣсяца до смерти, а именно, въ августѣ 1832 года, преосвященный Арсеній, епископъ Тамбовскій обозрѣвая въ первый разъ епархію, посѣтилъ и Саровскую обитель. Старецъ Серафимъ, не смотря на то, что былъ тогда въ пустынѣ, почелъ долгомъ придти въ монастырь единственно для того, чтобы вмѣстѣ съ братіею встрѣтить своего новаго архипастыря. По окончаніи встрѣчи, онъ снова возвратился въ пустынь. Преосвященный Арсеній, осмотрѣвъ внимательно и подробно всѣ церкви, братскія кельи и хозяйственныя постройки внутри

монастыря, пожелалъ видѣть и всѣ принадлежащія къ монастырю заведенія и зданія, внѣ онаго находящіяся. Въ сопровожденіи Саровскаго казначея іеромонаха Исаіи и ключаря Тамбовскаго собора Никифора Телятинскаго, онъ посѣтилъ пустыни Серафимову и Дороѳееву. О. Серафимъ занимался укладываніемъ камней при берегѣ небольшого ручейка, протекавшаго подлѣ его пустынной кельи. По какъ скоро онъ увидѣлъ приближеніе архипастыря къ мѣсту своему, тотчасъ же оставилъ занятія и, повергшись къ стопамъ его, испрашивалъ себѣ и получилъ отъ него благословеніе.

„Что это такое ты дѣлаешь?“ благосклонно и съ участіемъ спросилъ его преосвященный Арсеній.

— А вотъ, святый владыко, отвѣчалъ старецъ: камешками берегъ выкладываю, чтобы вода-то не обмывала берега и не портила его.

„Доброе дѣло, старецъ Божій, сказалъ преосвященный. „Ну, покажи же ты мнѣ теперь свою пустыньку среди пустыни.“

— Хорошо, батюшка, отвѣчалъ онъ, и съ радушіемъ повелъ преосвященнаго въ келью.

По описанію лицъ, бывшихъ при семъ случаѣ, келья не имѣла въ себѣ ничего особеннаго: это обыкновенная деревянная изба съ небольшими сѣнцами. Мебель ея состояла вся изъ простого липоваго некрашеннаго стола и двухъ такихъ же стульевъ. Въ переднемъ углу стояли св. иконы съ возженною передъ ними лампадою. Еще лежали двѣ богослужебныя книги. По входѣ въ келью, о. Серафимъ поднесъ преосвященному въ подарокъ: четки, пукъ восковыхъ свѣчъ, обернутыхъ холстиною, бутылку деревяннаго масла и шерстяные чулки. Преосвященный съ отеческимъ радушіемъ принялъ подарокъ. Потомъ онъ спросилъ о. Серафима:

„Гдѣ же у тебя въ этой пустынькѣ еще другая пустынька другое еще болѣе уединенное мѣсто?“

Самъ же, зная, по разсказамъ, гдѣ находится это мѣсто и не дожидаясь отвѣта о. Серафима, пошелъ по направленію къ печкѣ. А о. Серафимъ, останавливая его, говорилъ простосердечно:

— Не ходи, батюшка, замараешься.

Но преосвященный, отворивъ дверь, закрывающую пустое

пространство между стѣною кельи и печкою, увидѣлъ тамъ небольшое помѣщеніе, столь тѣсное, что едва одинъ человѣкъ можетъ войти туда и оставаться тамъ въ стоящемъ или колѣнопреклонномъ положеніи, но присѣсть или облокотиться никакъ нельзя. И здѣсь, какъ въ первой кельи въ углу, между стѣною и дверпымъ косякомъ, стоялъ небольшой образокъ съ горящею лампадою. Очевидно, старецъ по временамъ уединялся туда на бдѣніе и молитву. Отсюда преосвященный отправился въ Дороѳееву пустынь, имѣя въ намѣреніи на возвратномъ пути опять зайти къ о. Серафиму. Старецъ, оставаясь съ ключаремъ о. Никифоромъ Телятинскимъ, ожидалъ его здѣсь, проводя время въ бесѣдѣ. Между разговорами онъ, указывая на владыку, сказалъ о. ключарю:

„Много, много будетъ ему трудовъ, но Богъ ему поможетъ."

Когда преосвященный опять воротился, то о. Серафимъ, взявъ его за руку, благоговѣйно обратился къ нему съ вопросомъ:

„Вотъ, батюшка, богомольцы приходятъ ко мнѣ, убогому Серафиму, и просятъ меня дать имъ что-нибудь въ благословеніе; я и даю имъ сухариковъ чернаго или бѣлаго хлѣба и по ложкѣ краснаго церковнаго вина: можно ли мнѣ это дѣлать?"

На это преосвященный отвѣчалъ:

— Можно, можно, но только въ раздѣльномъ видѣ, такъ, что кому даешь сухариковъ, тому не давай уже краснаго вина. А то простолюдины, какъ слышалъ я, думаютъ, по простотѣ своей, и между другими разглашаютъ, будто ты причащаешь ихъ св. Таинъ. А и того лучше—прибавилъ далѣе преосвященный—вина вовсе не давать, давать же только сухарики.

„Хорошо, батюшка, отозвался на это старецъ, я такъ и буду поступать."

Послѣ замѣчено было, что о. Серафимъ такъ дѣйствительно и поступалъ до конца своей жизни.

Послѣ этого разговора преосвященный простился съ о. Серафимомъ. Со стороны блаженнаго старца прощанье это совершилось не совсѣмъ обыкновеннымъ образомъ. Принявъ отъ владыки послѣднее благословеніе, онъ поклонился въ ноги и, не смотря на то, что преосвященный поднималъ его и просилъ встать на ноги, старецъ Серафимъ, оставаясь на колѣняхъ,

продолжалъ ему кланяться до тѣхъ поръ, пока преосвященный совсѣмъ не скрылся изъ виду.

Въ слѣдующую за симъ ночь о. Серафимъ, какъ-бы въ доказательство своего послушанія, самъ принесъ небольшой сосудъ церковнаго вина къ кельи, въ которой останавливался преосвященный Арсеній, и, отдавая приношеніе келейнику его сказалъ:

„Отдай это батюшкѣ отъ Серафима грѣшнаго."

По соображеніи сихъ обстоятельствъ съ послѣдствіями оказалось, что все это было предвѣстіемъ близкой кончины старца Серафима и относилось къ его просьбѣ о поминовеніи, которую онъ высказалъ преосвященному и словесно. Преосвященный Арсеній, съ своей стороны, въ точности исполнилъ желаніе о. Серафима: изъ его подарка—свѣчи, масло и вино, сохранившіяся въ цѣлости, были употреблены при служеніи преосвященнымъ заупокойной литургіи о вѣчномъ покоѣ блаженнаго старца Серафима. А четки, чулки и холстину преосвященный оставилъ у себя. Въ Саровской обители хранится письмо владыки Арсенія, гдѣ онъ, по прошествіи 23 лѣтъ описываетъ подробно свое посѣщеніе старца. Вотъ что онъ пишетъ въ этомъ письмѣ:

„По совѣсти мирныя отношенія о. игумена Нифонта къ о. Серафиму ни малѣйшей не бросаютъ тѣни на жизнь и характеръ того и другого, а напротивъ, въ первомъ показываютъ, какъ высоко онъ понималъ и вѣрно исполнялъ должность Настоятеля пустынной обители и какъ дорого цѣнилъ и строго соблюдалъ чистоту монашеской жизни, а въ послѣднемъ обличаютъ евангельскую простоту и незлобіе, по которымъ онъ никакъ не догадывался, что мнимые или истинные ученики или ученицы его иногда злоупотребляютъ его именемъ для достиженія своихъ суетныхъ и еще не очищенныхъ отъ примѣси тщеславія или своенравія видовъ. Надлежало-бы также и въ жизнеописаніи о. Серафима упомянуть о первомъ его свиданіи со мною: оно полно высокаго значенія, и безспорно открываетъ въ немъ даръ прозорливости. Его слова и дѣйствія во время посѣщенія моего вмѣстѣ съ Вами (о. Исаія сопутствовалъ ему тогда въ должности Казначея) пустынной его хижины, его потомъ подарки мнѣ: деревянное масло, красное вино, нѣсколько свѣчь, кусокъ полотна и шерстяны чулки, и наконецъ многократное колѣнопреклоненное прощаніе его со мною, ко-

тораго я многими убѣжденіями не могъ прекратить въ немъ и отъ котораго я долженъ былъ поспѣшно съ Вами уѣхать, дабы не трудить болѣе старца, продолжавшаго стоять на колѣняхъ и кланяться, были, какъ послѣ оказалось, выразительными символами изображавшими его и мою судьбу: онъ вскорѣ затѣмъ померъ, а я, при помощи Божіей, продолжаю еще полагать камни на камни для огражденія церковнаго берега отъ напора водъ мірскихъ.“

Въ томъ же году 13-го сентября, за три съ половиною мѣсяца до кончины о. Серафима, была у него Екатерина Егоровна Извольская съ четырехлѣтнею своею дочерью, Анною, у которой такъ болѣли глаза, что близкіе опасались, не сдѣлалась бы она въ дорогѣ совсѣмъ слѣпою. Мать привела ее къ батюшкѣ Серафиму. Онъ подалъ ей въ руки бутылку воды, которою приказалъ окропить глаза дочери и сказалъ; что „молитвами Пресвятыя Богородицы Живоноснаго источника она исцѣлится.“ И дѣйствительно, на утро она встала съ здоровыми глазами. О. Серафимъ приказалъ имъ остаться въ Саровѣ, отстоять 14 числа раннюю обѣдню, позднюю и отобѣдать. Но какъ она послѣдняго приказанія не исполнила и выѣхала тотчасъ послѣ поздней литургіи, то, за ослушаніе, блуждала въ дорогѣ цѣлый день.

Послѣ сихъ обстоятельствъ, еще за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины, о. Серафимъ поручилъ послать нѣкоторымъ особамъ письма, призывая ихъ къ себѣ въ обитель, а тѣмъ изъ близкихъ, которые не могли быть у него, поручилъ послѣ смерти своей сказать, что нужно и полезно было для ихъ души, прибавляя объясненіе порученій: „сами-то они меня не увидятъ.“

Пришелъ къ нему одинъ изъ братій Саровской обители; старецъ, сдѣлавъ ему наставленіе, сказалъ: „дунь на свѣчку.“ Братъ дунулъ — свѣчка погасла. Старецъ сказалъ: „вотъ такъ и меня не увидятъ.“ Своему келейному о. Павлу старецъ также говорилъ, что *скоро будетъ кончина;* а Павелъ, по простотѣ своей, недоумѣвалъ, о своей ли кончинѣ говорилъ старецъ, или о кончинѣ вѣка. Передъ новымъ же 1833 годомъ о. Серафимъ самъ отмѣрилъ себѣ могилу сбоку алтаря Успенскаго собора, на томъ самомъ мѣстѣ, которое, по выходѣ изъ затвора, отмѣтилъ, положивши на немъ камень.

Не задолго до кончины о. Серафима, видя его истинно

подвижническую жизнь, одинъ братъ, въ назиданіе самому себѣ, спросилъ его: „почему мы, батюшка, не имѣемъ такой строгой жизни, какую вели древніе подвижники благочестія?“ — „Потому, отвѣчалъ старецъ, что не имѣемъ къ тому рѣшимости. Если бы рѣшимость имѣли, то и жили бы такъ, какъ отцы, древле просіявшіе подвигами и благочестіемъ: потому что благодать и помощь Божія къ вѣрнымъ и всѣмъ сердцемъ ищущимъ Господа нынѣ та же, какая была и прежде: ибо, по слову Божію, Іисусъ Христосъ *вчера и днесь, той же и во вѣки* (Евр. 13, 8). Эта глубокая и святая истина, которую о. Серафимъ уразумѣлъ изъ опыта собственной жизни, была, такъ сказать, *заключительнымъ* словомъ его устъ и печатію его подвиговъ.

За недѣлю до своей кончины, въ праздникъ Рождества Христова, въ 1832 году, о. Серафимъ, по обычаю, пришелъ къ литургіи, которую совершалъ о. игуменъ Нифонтъ. Онъ причастился св. Христовыхъ Таинъ и послѣ литургіи бесѣдовалъ съ о. Игуменомъ. Между прочимъ, онъ просилъ игумена о многихъ, особенно о младшихъ изъ братій; не забылъ упомянуть, и на этотъ случай въ послѣдній уже разъ, о томъ, чтобы его, когда умретъ, положили въ его гробѣ. Распростясь съ игуменомъ и братіею, старецъ возвратился въ свою келью и одному изъ монаховъ, именно Іакову, впослѣдствіи іеромонаху Толшевскаго монастыря, вручилъ финифтяный образъ Преп. Сергія— посѣщеніе его Матерью Божіею, съ такими словами: „сей образъ надѣньте на меня, когда я умру, и съ нимъ положите меня въ могилу: сей образъ—продолжалъ онъ — присланъ мнѣ честнымъ о. архимандритомъ Антоніемъ, намѣстникомъ св. лавры, отъ мощей преп. Сергія.“ Къ о. Антонію старецъ Серафимъ, какъ и прежде мы видѣли, питалъ особую любовь.

1-го января 1833 года, въ день воскресный, о. Серафимъ пришелъ въ послѣдній разъ въ больничную церковь во имя св. Зосимы и Савватія, ко всѣмъ иконамъ поставилъ самъ свѣчи и приложился, чего прежде не замѣчали за нимъ; потомъ причастился, по обычаю, св. Христовыхъ Таинъ. По окончаніи же литургіи, онъ простился со всѣми здѣсь молившимися братіями, всѣхъ благословилъ, поцѣловалъ, и, утѣшая, говорилъ: „спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте: нынѣшній день намъ вѣнцы готовятся.“ Простившись же со всѣми, онъ приложился ко Кресту и къ образу Божіей Матери; затѣмъ, обошедши кругомъ

св. престола, сдѣлалъ обычное поклоненіе и вышелъ изъ храма сѣверными дверями, какъ бы знаменуя этимъ, что человѣкъ одними вратами — путемъ рожденія, входитъ въ міръ сей, а другими, т.-е. вратами смерти, исходитъ изъ него. Въ сіе время всѣ замѣтили въ немъ крайнее изнеможеніе силъ тѣлесныхъ, но духомъ старецъ былъ бодръ, спокоенъ и веселъ.

Послѣ литургіи у него была сестра Дивѣевской общины, Ирина Васильевна. Старецъ прислалъ съ нею Параскевѣ Ивановнѣ 200 руб. ассигн. денегъ, поручая послѣдней купить въ ближней деревнѣ хлѣба на эти деньги, ибо въ то время весь запасъ вышелъ и сестры находились въ большой нуждѣ.

Въ тотъ же день, послѣ литургіи, былъ у о. Серафима Высокогорской Арзамасской пустыни іеромонахъ Ѳеоктистъ. О. Серафимъ, окончивъ бесѣду съ нимъ, сказалъ въ заключеніе: „ты ужо отслужи здѣсь.“ Но Ѳеоктистъ, поспѣшая домой, отказался служить въ Саровѣ. Тогда о. Серафимъ сказалъ ему: „ну, такъ ты въ Дивѣевѣ отслужишь.“ О. Ѳеоктистъ, разумѣется, и этого не понялъ и, получивши отъ старца благословеніе, отправился тотъ же день изъ Сарова.

Нужно замѣтить, что рядомъ съ кельею старца Серафима стояла келья монаха, о. Павла. Онѣ отдѣлялись одна отъ другой глухою стѣною, возлѣ, которой была печь. Входы въ тую и другую келью были особые. Издавна въ Саровской обители принято за правило, чтобы иноки жили, каждый особо, по одному. Какъ учениковъ о. Серафимъ не имѣлъ у себя, такъ и келейника у него не было, а по сосѣдству обязанности келейнаго исправлялъ иногда братъ Павелъ. Старецъ отличалъ его довѣріемъ и говаривалъ: „братъ Павелъ *за простоту своего сердца* безъ труда войдетъ въ царствіе Божіе: онъ никогда никого не судитъ и не завидуетъ никому, а только знаетъ собственные грѣхи и свое ничтожество.“

Старецъ Серафимъ имѣлъ обыкновеніе, при выходѣ изъ монастыря въ пустынь, оставлять въ своей кельи горящими, зажженныя съ утра предъ образами свѣчи. Братъ Павелъ, пользуясь его расположеніемъ, иногда говаривалъ старцу, что отъ зажженныхъ свѣчъ можетъ произойти пожаръ; но о. Серафимъ всегда отвѣчалъ на это: „пока я живъ, пожара не будетъ; а когда я умру, кончина моя откроется пожаромъ.“ Такъ и случилось.

Въ первый день 1833 года братъ Павелъ замѣтилъ, что о. Серафимъ въ теченіе сего дня раза три выходилъ на то мѣсто, которое было имъ указано для его погребенія, и оставаясь тамъ довольно долгое время, смотрѣлъ на землю. Вечеромъ же о. Павелъ слышалъ, какъ старецъ пѣлъ въ своей кельи пасхальныя пѣсни: *Воскресеніе Христово видѣвше... Свѣтися, свѣтися новый Іерусалиме... О, пасха велія велія и священнѣйшая Христе...* и нѣкоторыя другія духовныя побѣдныя пѣсни.

Второго числа января, часу въ шестомъ утра, братъ Павелъ, выйдя изъ своей кельи къ ранней литургіи, почувствовалъ въ сѣняхъ близъ кельи о. Серафима запахъ дыма. Сотворивъ обычную молитву, онъ постучался въ двери о. Серафима, но дверь изнутри была заперта крючкомъ и отвѣта на молитву не послѣдовало. Онъ вышелъ на крыльцо и, замѣтивъ въ темнотѣ проходившихъ въ церковь иноковъ, сказалъ имъ: „отцы и братія! слышанъ сильный дымный запахъ. Не горитъ ли что около насъ? Старецъ вѣрно ушелъ въ пустыню.“ Тутъ одинъ изъ проходившихъ, послушникъ Аникита, бросившись къ кельи о. Серафима и, почувствовавъ, что она заперта, усиленнымъ порывомъ сорвалъ ее со внутренняго крючка. Многіе христіане, по усердію, приносили къ о. Серафиму разныя холщевыя вещи. Эти вещи, вмѣстѣ съ книгами, лежали на этотъ разъ на скамьѣ въ безпорядкѣ, близъ двери. Онѣ-то и тлѣли, вѣроятно отъ свѣчнаго нагара или отъ упавшей свѣчи, подсвѣчникъ отъ коей тутъ же стоялъ. Огня не было, а тлѣли только вещи и нѣкоторыя книги. На дворѣ было темно, чуть брезжилось; въ кельи о. Серафима свѣта не было, самого старца также не видно было и не слышно. Думали, что онъ отдыхаетъ отъ ночныхъ подвиговъ, и въ этихъ мысляхъ пришедшіе толпились у кельи. Въ сѣняхъ произошло небольшое замѣшательство. Нѣкоторые изъ братій бросились за снѣгомъ и грудами его погасили тлѣвшія вещи.

Ранняя литургія, между тѣмъ, безостановочно совершалась своимъ порядкомъ въ больничной церкви. Пѣли: *Достойно есть...* Въ это время неожиданно прибѣжалъ въ церковь мальчикъ, одинъ изъ послушниковъ, и тихонько повѣстилъ нѣкоторыхъ о происшедшемъ. Братія поспѣшили къ кельи о. Серафима. Иноковъ собралось не мало. Братъ Павелъ и послушникъ Іоаннъ, пришедшій изъ церкви, желая удостовѣриться, не отдыхаетъ ли

старецъ, въ темнотѣ начали ощупывать небольшое пространство его кельи, и нашли его самого. Принесли зажженную свѣчку и увидѣли, что старецъ, въ обычномъ своемъ бѣломъ балахончикѣ, стоялъ на обыкновенномъ мѣстѣ молитвы предъ иконою Божіей Матери Умиленія на колѣняхъ, съ открытою головою, съ мѣднымъ Распятіемъ на шеѣ, съ руками, сложенными крестообразно на груди*). Полагали, что онъ уснулъ; стали осторожно будить его—но отвѣта не было: старецъ окончилъ подвижническую жизнь свою... Глаза его были закрыты, лице оживлено богомысліемъ и молитвою. Тѣло старца было тепло, какъ будто бы духъ его только еще сію минуту оставилъ храмину свою. Но его уже никто не могъ теперь пробудить къ жизни... Иноки съ благословенія настоятеля, подняли на рукахъ тѣло старца Серафима и положили въ сосѣдней кельи іеромонаха Евстаѳія. Тамъ омыли ему чело и колѣни, одѣли по монашескому чину, положили въ извѣстный намъ дубовый гробъ и тотчасъ же вынесли въ соборный храмъ. Послѣ, когда утихло волненіе и безпокойство, когда стали разбирать вещи въ кельи почившаго замѣтили, что и книга предъ которою онъ почилъ непробуднымъ сномъ, нѣсколько обгорѣла.

Вѣсть о кончинѣ старца о. Серафима быстро разнеслась повсюду. Вся Саровская окрестность быстро стеклась въ пустынь. Всѣ скорбѣли и горько плакали о смерти старца; въ особенности разлука съ нимъ тяжка была для Дивѣевскихъ сестеръ. которыя теряли въ немъ своего духовнаго вождя и попечителя. Ихъ плачь былъ тѣмъ безутѣшнѣе, что о. Серафимъ не нашелъ такого человѣка, которому бы, въ замѣнъ себя. могъ поручить ихъ.

Дивѣевская сестра Прасковья Ивановна, которой о. Серафимъ предъ кончиною своею далъ деньги, купивъ хлѣба и возвращаясь въ Дивѣево, на дорогѣ услышала горестную вѣсть и, не заѣзжая къ себѣ, погнала лошадь въ Саровъ.

Бывшій накануиѣ іеромонахъ Ѳеоктистъ, выѣхавъ въ то

---

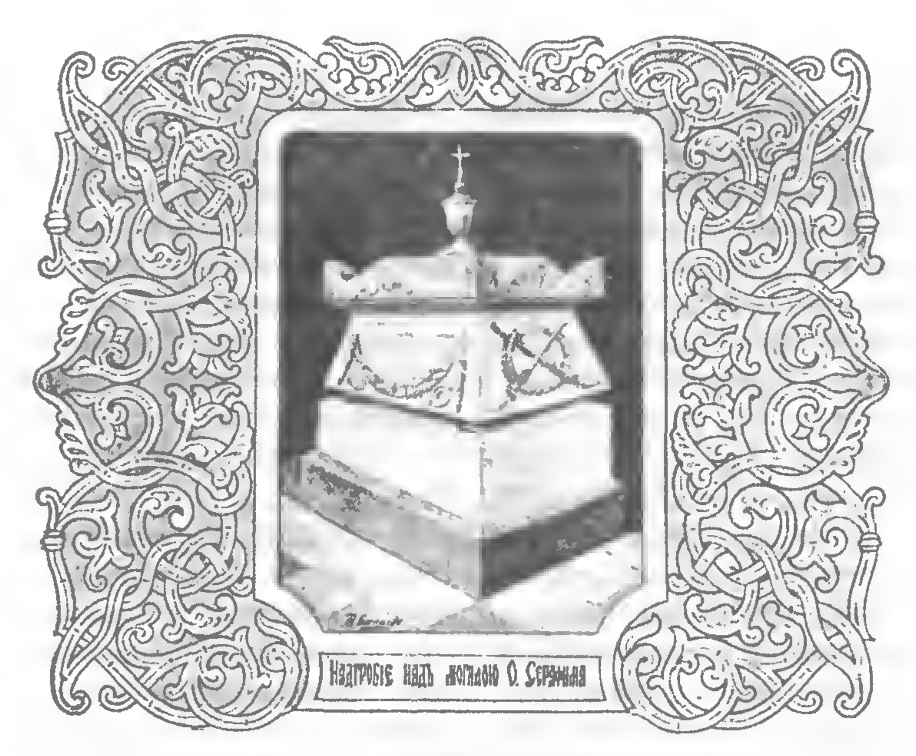
*) Въ прежнихъ изданіяхъ было сказано, что руки скончавшагося о. Серафима лежали на маломъ налоѣ, и на нихъ его голова; здѣсь возстановленъ единогласный разсказъ современниковъ старца, — іеромонаховъ: Сергія и Георгія (автора сказанія помѣщеннаго въ Маякѣ за 1844 г.) и Іоасафа и Н. А Мотовилова (послѣдній въ Лѣтописи Дивѣевскаго монастыря свящ. Чичагова, стр. 449). Точно также и послушника, пришедшаго въ келью о. Серафима съ о. Павломъ, называютъ первые трое Іоанномъ.

же время изъ Сарова, ночевалъ въ деревнѣ Вертьяновѣ, а на другой день утромъ отправился дальше. На пути, безъ видимой причины, завертка у его саней оборвалась, лошадь выпряглась и онъ поставленъ былъ въ необходимость остановиться въ Дивѣевской общинѣ. Тамъ нашелъ всѣхъ сестеръ въ глубокой скорби и слезахъ: онѣ оплакивали кончину о. Серафима. Дивѣевскій священникъ былъ въ отсутствіи по должности благочиннаго. Сестры убѣдительно просили о. Ѳеоктиста отслужить паннихиду объ упокоеніи въ блаженныхъ обителяхъ души старца Серафима. Желаніе ихъ было исполнено и сбылись слова старца: „ну, такъ ты въ Дивѣевѣ отслужишь."

Тѣло о. Серафима положено во гробъ, по завѣщанію его, съ финифтянымъ изображеніемъ Преп. Сергія, полученнымъ изъ Троицко-Сергіевской лавры. Могила блаженному старцу уготовлялась на томъ самомъ мѣстѣ, которое давно было намѣчено имъ самимъ, и его тѣло въ продолженіе восьми сутокъ стояло открытымъ въ Успенскомъ соборѣ. Саровская пустынь до дня погребенія наполнена была тысячами народа собравшагося изъ окрестныхъ странъ и губерній. Каждый наперерывъ тѣснился облобызать великаго старца. Всѣ единодушно оплакивали потерю его и молились объ упокоеніи души его, какъ онъ при жизни своей молился о здравіи и спасеніи всѣхъ. Въ день погребенія за литургіею народу такъ много было въ соборѣ, что мѣстныя свѣчи около гроба тухли отъ жара.

Погребеніе о. Серафима совершено было о. игуменомъ Нифонтомъ. Тѣло его предано землѣ по правую сторону соборнаго алтаря, подлѣ могилы Марка—затворника. Впослѣдствіи усердіемъ Нижегородскаго купца Я. Сырева надъ могилою его воздвигнутъ чугунный памятникъ, въ видѣ гробницы.

Не было сказано при гробѣ о. Серафима рѣчей: вспоминаніе о его жизни и дѣлахъ, изустные разсказы о нихъ при гробѣ замѣчательнаго подвижника были самымъ лучшимъ назиданіемъ, замѣнявшимъ всякое другое слово. Но какой-то, неизвѣстный намъ, стихотворецъ, въ грустномъ одушевленіи смертію старца, тогда же, въ формѣ элегической пѣсни, воспѣлъ его жизнь, подвиги и кончину.. Мы приведемъ текстъ стиховъ его, не замѣчательныхъ по формѣ, но здѣсь умѣстныхъ по случаю своего происхожденія.


Надгробіе надъ могилою О. Серафима

Саровскому пустыннику о. Серафиму.

Онъ былъ и именемъ и духомъ *Серафимъ;*
Въ пустынной тишинѣ весь Богу посвященный:
Ему всегда служилъ, и Богъ всегда былъ съ нимъ,
Внимая всѣмъ его моленьямъ вдохновеннымъ.
И что за чудный даръ въ его душѣ виталъ!
Какихъ небесныхъ тайнъ онъ не былъ созерцатель?
Какъ много дивнаго избраннымъ онъ вѣщалъ,
Завѣта вѣчнаго земнымъ истолкователь!
Куда бы свѣтлый взоръ онъ только не вперялъ—
Вездѣ туманное предъ нимъ разоблачалось,
Преступникъ скрытый вдругъ себя предъ нимъ являлъ—
Судьба грядущаго всецѣло рисовалась,
Въ часы мольбы къ нему съ лазурной высоты
Небесные друзья невидимо слетали
И, чуждые земной житейской суеты,
Его бесѣдою о небѣ услаждали.
Онъ самъ, казалось, жилъ чтобъ только погостить:
Въ дѣлахъ его являлось что-то неземное.
Напрасно клевета хотѣла омрачить...
Въ немъ жизнь была чиста, какъ небо голубое.

Земнаго міра гость, святой и незабвенный,
Одной любовію равно ко всѣмъ горѣлъ:
Богачъ, бѣдвякъ, счастливецъ и уничиженный
Равно одинъ привѣтъ у старца всякъ имѣлъ.
Несчастные-жъ къ нему стекалися толпой:
Онъ былъ для сердца ихъ отрадный утѣшитель.
Совѣтомъ мудрымъ онъ—безмездною цѣльбой,
Всѣхъ къ Богу приводилъ, святой руководитель.
Отъ подвиговъ уставъ, преклоншись на колѣни,
Съ молитвой иа устахъ, бывъ смертнымъ, умеръ онъ.
Но что же смерть его?—видъ смертной только сѣни,
Или, какъ говорятъ, спокойный тихій сонъ...
Теперь ликуетъ онъ въ семьѣ святыхъ родной,
Сіяньемъ Божескимъ достойно озаренный;
А мы могилу тихую кропимъ слезой,
И имя будемъ чтить во вѣкъ благословеннымъ.

Чрезъ непродолжительное время послѣ смерти о. Серафима, одинъ офицеръ, г. Карат—въ, отправлявшійся въ Курскую губернію, въ свой полкъ, заѣхалъ въ Саровъ, чтобы, по всегдашнему обыкновенію своему принять благословеніе о. Серафима. Молодой человѣкъ очень скорбѣлъ, что не засталъ въ живыхъ блаженнаго старца. „Извѣстіе о кончинѣ его, говорилъ онъ, возмутило всю мою душу; я принялъ его, какъ наказаніе за мои грѣхи; но отслуживши паннихиду на его могилѣ, я почувствовалъ вдругъ такое спокойствіе души, что, казалось, будто чрезъ самого старца получилъ прощеніе въ грѣхахъ и услышалъ обѣщаніе его молиться за меня у престола Божія.“— Игуменъ Нифонтъ поручилъ г. К—ву въ Курскѣ заѣхать къ роднымъ о. Серафима, передать имъ отъ него просфору и благословеніе, и разсказать о кончинѣ блаженнаго ихъ сродника. По пріѣздѣ въ Курскъ, г. К—въ тотчасъ же отправился къ роднымъ о. Серафима и нашелъ Алексѣя, брата его, уже умершимъ: онъ только что скончался. За нѣсколько дней до сего времени, этотъ братъ былъ совершенно здоровъ, только подвергался сильной тоскѣ, не вѣдая о кончинѣ брата и не сознавая причинъ своей грусти. Скорбное состояніе духа расположило его искать себѣ утѣшенія въ молитвѣ: ежедневно ходилъ онъ въ церковь, наконецъ поговѣлъ, исповѣдался и причастился св. Таинъ. Въ это время изъ Сарова получено было

письмо о кончинѣ о. Серафима и его портретъ. Тогда братъ сталъ окончательно готовиться къ смерти; надъ нимъ совершено было таинство св. Елеосвященія, послѣ котораго онъ и скончался. Мы заносимъ это обстоятельство въ жизнеописаніе о. Серафима потому, что, говорятъ, онъ, бывши разъ въ Курскѣ, предсказалъ брату о его кончинѣ въ такихъ, дошедшихъ до насъ, выраженіяхъ: „знай, что, когда я умру, и твоя кончина вскорѣ затѣмъ послѣдуетъ."

Скоро послѣ погребенія родилась сама собою мысль о сохраненіи памяти о достоблаженномъ старцѣ Серафимѣ. Стали собирать и хранить его портреты, которые прежде были написаны. Извѣстно, что о. Серафимъ неохотно соглашался на то, чтобы писали съ него портреты. Такъ, мать Дивѣевской сестры Анастасіи, имѣя большую приверженность къ о. Серафиму, просила разъ у него благословенія списать съ него портретъ. О. Серафимъ отвѣчалъ на это: „кто я, убогій, чтобы писать съ меня видъ мой? Изображаютъ лики Божіи и Святыхъ, а мы—люди, и люди-то грѣшные." То же самое повторилъ онъ въ отвѣтъ при подобномъ случаѣ Саровскому иноку, прибавивъ въ поясненіе: „мы всегда и во всѣхъ случаяхъ должны стараться отсѣкать вины тщеславія въ самомъ началѣ." Но мать сестры Анастасіи стала умолять его съ настойчивостью не отказать ей. Тогда только, изъ уваженія къ ея усердію, онъ уступилъ ея желанію и сказалъ: „это въ вашей волѣ, пусть будетъ по вашему усердію." Благодаря такимъ убѣжденіямъ были списаны два вѣрныя изображенія старца Серафима. Одно написано въ то время, когда старцу было около пятидесяти лѣтъ. О. Серафимъ представленъ съ открытою главою; лицо у него чистое, бѣлое; глаза голубые, носъ прямой, съ небольшимъ возвышеніемъ; волосы свѣтлорусые, густые съ просѣдью; усы и борода густые съ просѣдью; рука одна съ другою соединены на груди. Старецъ стоитъ одѣтымъ въ мантію съ эпитрахилью. Этотъ портретъ написанъ академіи художникомъ Димитріемъ Евстаѳьевымъ для г-жи Анненковой и ею переданъ въ Саровскую пустынь. Другой портретъ, находящійся въ кельи Саровскаго игумена, писанъ съ натуры лѣтъ за пять до кончины старца. О. Серафимъ изображенъ въ мантіи, эпитрахили и поручахъ, какъ онъ приступалъ къ причастію св. Таинъ. По этому портрету видно, что лѣта и иноческіе подвиги имѣли

вліяніе на внѣшній видъ старца. Здѣсь лицо представлено блѣднымъ, удрученнымъ отъ трудовъ; волосы и на головѣ и на бородѣ густые, но не длинные и всѣ сѣдые. Правая рука положена на эпитрахили у груди. Этотъ портретъ написанъ художникомъ Серебряковымъ, который послѣ былъ инокомъ Саровской обители и въ ней опочилъ вѣчнымъ сномъ. Точное изображеніе съ этого портрета помѣщено въ началѣ сей книги.

Въ Саровскій монастырь являлись послѣ смерти о. Серафима многія лица, свидѣтельствовавшія, кому какое благодѣяніе оказалъ славный подвижникъ, кто и какое получилъ отъ него исцѣленіе. Записки о такихъ событіяхъ доставляемы были собственноручныя, или, по крайней мѣрѣ, засвидѣтельствованныя ихъ подписью.

Тѣ лица, у которыхъ были вещи о. Серафима, тщательно стали хранить ихъ у себя, а другія старались что нибудь пріобрѣсти изъ его вещей на память себѣ. По заведенному съ давнихъ поръ въ Саровской обители порядку, всѣ вещи послѣ смерти брата поступаютъ въ такъ называемую *рухлядную* (кладовая рухляди) и дѣлаются общимъ достояніемъ обители. Всякій братъ, въ чемъ нуждается, то беретъ изъ рухлядни и, износивши одну вещь, перемѣняетъ ее на другую. Вещи о. Серафима, поступившія въ то же хранилище, не остались тамъ, но, по усиленнымъ просьбамъ чтителей старца розданы были имъ старшими изъ братіи: о. Нифонтомъ и о. Исаіею. Такъ у инока Саровской пустыни Гавріила былъ портретъ о. Серафима. Счастливый владѣтель такъ дорожилъ имъ, что не хотѣлъ никому показывать, и если показывалъ самымъ близкимъ особамъ, то никакъ не выпускалъ его изъ своихъ рукъ. Крестъ мѣдный, который о. Серафимъ всегда носилъ на себѣ поверхъ одежды, по благословенію преосвященнаго Іереміи, бывшаго епископа Нижегородскаго, хранится въ Дивѣевѣ, въ церкви Преображенія Господня на престолѣ. Большой желѣзный крестъ, который носилъ старецъ подъ одеждою, на шеѣ, находится въ Саровской пустынѣ. Господа Тепловы, прослышавъ о смерти старца Серафима, прислали изъ Таганрога нарочнаго въ Саровъ получить что-нибудь изъ его кельи, и имъ посланы были два кувшина, въ которыхъ подвижникъ носилъ для себя воду; оба кувшина были наполнены водой изъ Серафимова источника. У одной изъ сестеръ Дивѣевской общины, а именно Параскевы Ивановны, остался топорикъ, которымъ работалъ о. Серафимъ

въ пустынѣ. Сестра берегла его, еще при жизни старца, какъ необыкновенную драгоцѣнность; потомъ согласилась передать его своей начальницѣ для храненія въ пустынной кельи о. Серафима. Г-жа Марія Колычева, бывшая въ близкомъ духовномъ общеніи съ другимъ затворникомъ того времени, Георгіемъ, съ восторгомъ писала ему, что она послѣ смерти о. Серафима получила изъ его кельи бѣлый полотняный платокъ, лампаду и стаканчикъ; обѣ послѣднія вещи въ звѣздочкахъ. Двѣ ряски, изъ оставшихся послѣ смерти о. Серафима, переданы были сестрамъ Дивѣевской общины, изъ коихъ одну сестра носила на себѣ, а другую выпросила для себя г. Колычева. Волосы о. Серафима, два раза выпадавшіе, въ видѣ войлока, съ головы его послѣ двухъ болѣзненныхъ его страданій, хранятся въ Дивѣевѣ и въ Саровѣ. Камни, на которые старецъ, для умерщвленія искушеній врага, восходилъ молиться въ теченіи тысячи сутокъ, также хранятся. Тотъ изъ нихъ, на которомъ онъ стаивалъ днемъ въ своей кельи, находится въ прежнемъ своемъ видѣ въ алтарѣ Преображенской церкви въ Дивѣевѣ. Отъ другого изъ этихъ камней, на которомъ о. Серафимъ молился ночью предъ открытымъ небомъ, остались только два обломка: потому что благочестивые посѣтители Сарова, осматривая мѣста, на которыхъ о. Серафимъ подвизался, постоянно отбивали отъ него части и увозили съ собою. Одинъ обломокъ, имѣющій около аршина въ діаметрѣ, вскорѣ послѣ кончины старца перевезенъ въ Дивѣево и положенъ въ Преображенской церкви, другой находится въ Саровѣ въ кельи старца Серафима. Келья, въ которой о. Серафимъ подвизался въ ближней пустынѣ, также перенесена въ Дивѣевскую обитель. Въ ней совершается теперь неусыпное чтеніе Псалтири за упокой въ Бозѣ почившихъ лицъ Царскаго рода, пастырей церкви, о. Серафима, усопшихъ сестеръ обители и другихъ благодѣтельствовавшихъ ей при своей жизни особъ. А дальняя подвижническая келья о. Серафима въ Дивѣевѣ же, обращена въ алтарь въ храмѣ Преображенія Господня. Образъ Царицы Небесной Умиленія, написанный на полотнѣ, натянутомъ на кипарисную доску, стоявшій въ монастырской кельи о. Серафима, находится теперь въ храмѣ Дивѣевской обители. Предъ нимъ въ опредѣленный день недѣли поется акаѳистъ Спасителю и Божіей Матери. Благочестивые посѣтители питаютъ особое усер-

діе къ иконѣ сей и, по своей вѣрѣ, получаютъ отъ нея духовное утѣшеніе. Особенно извѣстною сдѣлалась одна вещь, изъ оставшихся послѣ о. Серафима. Не задолго предъ кончиною своею, онъ благословилъ начальницу Дивѣевской обители Ксенію Михайловну Кочеулову полумантісю, которую самъ носилъ. Когда сестра обители, Елисавета Андреевна Татаринова, отправлялась въ Петербургъ, за сборомъ подаяній, ей дана была въ напутствіе и мантія о. Серафима. Нынѣ она находится въ рукахъ у протоіерея гатчинской придворной церкви. Эта мантія огласилась въ Петербургѣ даромъ исцѣленія надъ дитятей, которому искусство первыхъ въ столицѣ врачей отказывало въ помощи. Изъ Евангелій, которыя читалъ въ кельи о. Серафимъ, одно находится въ Саровѣ, а другое—въ Дивѣевской обители. Послѣднее Евангеліе, въ кожаномъ переплетѣ, есть то самое, которое о. Серафимъ носилъ всегда съ собою въ сумочкѣ за плечами. Разсматривая его, мы увидѣли, что въ этомъ переплетѣ собраны были вмѣстѣ: Псалтирь, Евангеліе, книги Дѣяній и посланія святыхъ Апостолъ. Въ Дивѣевѣ же хранится малая часть книги Четьи-минеи первой трети, тлѣвшая при пожарѣ, бывшемъ при кончинѣ старца Серафима. Изъ этого перечня вещей, оставшихся послѣ старца Серафима, видно, что большая часть изъ нихъ уступлены Дивѣевской общинѣ, въ которой онъ принималъ такъ много участія.

Но честные останки о. Серафима навсегда будутъ составлять священную драгоцѣнность Саровской пустыни. Въ нее старецъ вступилъ для спасенія души своей; въ ней окончилъ онъ и праведную жизнь свою. При жизни онъ никогда не думалъ выходить изъ нея, какъ говаривалъ, *ниже мыслію своею*. И по смерти тѣло его должно навсегда остаться въ Саровской пустынѣ, знаменіемъ его неразрывной духовной связи съ сею обителью.

Затѣмъ послѣ смерти о. Серафима, за исключеніемъ немногихъ нераспечатанныхъ писемъ, ничего не осталось. Старецъ жилъ и умеръ, „во славу Божію."

Имя его до сихъ поръ ублажается по всей Россіи. Не въ одной Саровской пустынѣ или Дивѣевской обители служатъ теперь панихиды о блаженномъ успеніи его, но и во многихъ другихъ мѣстахъ отечественной Церкви. Намъ приходилось слышать поминовеніе его въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, даже въ уѣздныхъ городахъ и селахъ отдаленныхъ мѣстъ нашего отечества.

XI.

Явленіе благодатной помощи о. Серафима послѣ кончины его.

Исцѣленія отъ бѣснованія В. К.—Отъ горячки Н. К.—Отъ бѣснованія Ѳ.—Отъ болѣзни глазъ Ѳ. В.—Избавленіе отъ разбойниковъ К—на. Исцѣленія отъ болѣзни ногъ;—отъ холеры;—отъ бѣснованія;—отъ слѣпоты.—Наказанное неисполненіе заповѣдя старца.—Разсказъ святогорца.—Исцѣленіе отъ горячки.—Исцѣленіе больного дитяти.—Облегченіе головной боля.—Исцѣленіе отъ ушиба;—отъ бѣснованія.—Возвращеніе зрѣнія.—Наказанное невниманіе къ портрету старца.—Помощь родильницѣ.

Праведникъ во вѣки живетъ, и праведный старецъ Серафимъ и послѣ своего преставленія продолжаетъ сильнымъ своимъ ходатайствомъ передъ престоломъ Божіимъ являть заступленіе свое тѣмъ, которые съ вѣрою и усердіемъ призываютъ его на помощь. Многіе, одержимые тяжкими болѣзнями, находившіеся въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, удрученные скорбями и искушеніями, гласно свидѣтельствуютъ о себѣ, что они получали скорую помощь, когда испрашивали ходатайства старца Серафима предъ Господомъ. Такихъ случаевъ очень много; но мы приведемъ здѣсь только нѣкоторые изъ нихъ.

Не прошло полугода послѣ кончины старца Серафима, какъ одна сестра Дивѣевской обители В. К. подверглась, неизвѣстно отчего, припадкамъ бѣснованія. Въ этомъ состояніи, теряя разсудокъ, она билась о землю, въ изступленіи рвала на

себѣ волосы, съ неимовѣрною силою порывалась бѣжать прочь отъ людей безъ опредѣленной цѣли. Въ одну ночь видитъ она себя въ Дивѣевской церкви во имя Рождества Христова; тутъ была сестра Д. Ѳ. и старецъ Серафимъ. Старецъ, взявъ ея руку, вложилъ въ свою, а подъ другую руку приказалъ взять сестрѣ Д. Ѳ., и введя больную въ алтарь, обошелъ съ нею кругомъ престола: она вдругъ почувствовала себя легко и хорошо. Проснувшись, она сотворила крестное знаменіе, осмотрѣлась кругомъ, ощупывала свою остриженную голову, все ясно понимая, и встала сама совершенно здоровою. Съ тѣхъ поръ уже не подвергалась прежнимъ припадкамъ.

Въ Іюнѣ 1833 года, г-жа Колычева писала къ Георгію, затворнику Задонскому, изъ Сарова: послушникъ Саровскій Ѳеодоръ, уроженецъ города Козлова, Тамбовской губерніи, живши въ мірѣ, былъ подверженъ бѣснованію и тяжко страдалъ. Испытавъ тщетно разныя средства леченія, онъ явился къ игумену Саровской пустыни о. Нифонту и со слезами просилъ принять его въ обитель на жизнь покаянную, сознавая, что Господь за грѣхи попустилъ ему нести страшное искушеніе отъ діавола. Внявъ убѣдительной просьбѣ, игуменъ принялъ его въ обитель. Съ полнымъ усердіемъ новоначальный инокъ исполнялъ возложенныя на него послушанія, а немногіе свободные часы отдыха употреблялъ на молитву, оставляя для сна самое краткое время. Въ одинъ день, послѣ слезной къ Богу молитвы, едва предался онъ дремотѣ, въ тонкомъ снѣ узрѣлъ предъ собою старца Серафима въ той одеждѣ, какую обыкновенно старецъ носилъ въ послѣдніе годы. Явившійся совѣтовалъ ему отслужить молебенъ Божіей Матери и панихиду объ убогомъ Серафимѣ, и по исполненіи сего обѣщалъ ему выздоровленіе. Съ несомнѣнною вѣрою въ дѣйственность молитвы почившаго въ Бозѣ о. Серафима, молодой инокъ немедленно выполнилъ повелѣнное старцемъ. По окончаніи молебнаго пѣнія Богородицѣ, совершена панихида. Когда діаконъ началъ возглашать: *во блаженномъ успеніи вѣчный покой подаждь Господи, усопшему рабу Твоему іеромонаху Серафиму,* Ѳеодоръ палъ на землю и начался съ нимъ припадокъ, во время коего, въ ужасныхъ конвульсіяхъ, изъ рта его показался дымъ, замѣченный всѣми тутъ находившимися. Послѣ сего онъ оставался около получаса въ безчувственномъ положеніи, и съ тѣхъ

поръ за молитвы старца Серафима, навсегда освободился отъ бѣснованія.

Два года спустя послѣ кончины о. Серафима, сестра Дивѣевской обители Н. К. была больна горячкою, и уже находилась при дверяхъ гроба, такъ что, отчаявшись во всѣхъ способахъ врачеванія, ее соборовали св. елеемъ. Во время болѣзни она совершенно потеряла владѣніе рукою и ее перекладывали на постели, подложивъ платокъ. Однажды видитъ она во снѣ о. Серафима.

Онъ говоритъ ей: „что ты, матушка, не придешь ко мнѣ на источникъ?"

Она отвѣчала:—я больна: у меня рука отнялась.

„Которая?" спрашиваетъ старецъ.

— Правая.

Старецъ, взявъ ее за больную руку, поднялъ, повторяя: „приди ко мнѣ на источникъ."

Проснувшись, она нашла руку свою исцѣленною и могла дѣйствовать какъ здоровою. Но, будучи слаба отъ бывшей горячки, не могла идти пѣшкомъ въ Саровъ: въ тотъ же день ее повезли туда, облили водою изъ источника о. Серафима— и она получила полное выздоровленіе и обновленіе силъ. (Разсказъ самой сестры, 1862 года Іюля 20 дня).

Сестра Дивѣевской обители Ѳ. В. сдѣлалась больна глазами. Наканунѣ новаго 1835 г. видитъ она сонъ, что находится въ церкви Тихвинской Божіей Матери. Отецъ Серафимъ выходитъ изъ царскихъ вратъ въ бѣлой ризѣ, подаетъ воздухъ и велитъ отереть имъ глаза, а самъ сталъ позади ея. Она спросила его: „ты ли это, батюшка?" Серафимъ отвѣчалъ: „какая ты, радость моя, невѣрующая! Сама же просила меня, а не вѣришь, вѣдь я у васъ обѣдню совершаю." Послѣ сего Серафимъ сдѣлался невидимъ. Съ этого времени болѣзнь глазъ прошла у сестры (Разсказъ самой исцѣлѣвшей).

И. Яковл. Карат—въ разсказывалъ о себѣ, что въ 1833 г., возвращаясь въ полкъ свой изъ домоваго отпуска, онъ, по молитвамъ старца Серафима, котораго призвалъ въ минуту опасности, былъ спасенъ отъ разбойниковъ, напавшихъ на него въ дорогѣ.

Ротмистръ Африканъ Васильевичъ Тепловъ, питавшій особое уваженіе къ о. Серафиму и имъ любимый, въ 1834 г.

пріѣхалъ въ Саровъ съ семействомъ, въ которомъ трехлѣтняя дочь болѣла ногами и почти не могла стоять. Отслуживъ панихиду на могилѣ почившаго старца, понесли дитя къ Серафимову источнику, твердо вѣруя, что Господь за молитвы старца помилуетъ больную. Напоивъ дитя водою изъ сего источника и омывъ ноги, взяли этой воды въ монастырь съ намѣреніемъ отслужить надъ нею молебенъ съ водоосвященіемъ. При входѣ въ монастырь дитя вдругъ попросилось долой съ рукъ няньки, выражая стремленіе идти самой. Нянька, послѣ долгаго сопротивленія, наконецъ рѣшилась пустить и взявъ за руки, повела ребенка; но дѣвочка выдернула свою руку и побѣжала впередъ сама, какъ здоровая. Обрадованные чудомъ сродники исцѣлѣвшей поспѣшили на могилу о. Серафима и со слезами благодарили его за милостивое ходатайство о нихъ.

Въ 1846 году второй сынъ ротмистра А. В. Теплова вывихнулъ себѣ ногу и страдалъ отъ боли около 2-хъ лѣтъ. Между тѣмъ пришло время опредѣленія его на службу. Твердо уповая на предстательство и помощь о. Серафима, много являвшаго благодѣяній семейству его, А. В. Т. отправился въ Саровскую пустыню. Отслуживъ паннихиду по старцѣ Серафимѣ, не смотря на холодъ (это было 21 декабря 1848 г.), онъ отправился па источникъ о. Серафима съ двумя сыновьями, и больной вымылъ водою изъ источника свою ногу. Чрезъ нѣсколько часовъ оба брата пошли опять на источникъ. Болящій изъ нихъ облился водою съ головы до ногъ, и потомъ на колѣняхъ предъ иконами, утвержденными на особомъ столбѣ въ часовнѣ у источника, долго молился вмѣстѣ съ братомъ, прося Бога помиловать его за молитвы о. Серафима. Возвратясь домой больной объявилъ, что не чувствуетъ уже боли въ ногѣ и находясь въ совершенномъ здоровьи, служилъ въ кавалерійскомъ полку.

Монатейный монахъ Саровской пустыни о. Кипріанъ писалъ въ 1840 году: „по смерти о. Серафима досталась мнѣ шапочка изъ черной крашенины, которую онъ обыкновенно нашивалъ на головѣ своей. Издавна я подверженъ былъ сильной и продолжительной головной болѣзни, отъ которой лежалъ по нѣсколько дней въ постели. Съ пріобрѣтеніемъ шапочки, я сталъ надѣвать ее на себя при появленіи болѣзни и мысленно просилъ молитвъ о. Серафима объ избавленіи меня отъ стра-

даній. Съ возложеніемъ на себя шапочки всякій разъ боль проходила. Такое же дѣйствіе въ зубной болѣзни приводилось мнѣ испытывать неоднократно отъ отломка того камня, на которомъ блаженный о. Серафимъ подвизался въ пустынѣ, когда я сей обломокъ клалъ на больные зубы.“

Нижегородской губерніи, Ардатовскаго уѣзда, села Большого—Череватова, удѣльный крестьянинъ Г. Д. С., въ 1848 г. на дорогѣ въ село Окиль почувствовалъ припадки холеры. По вѣрѣ къ старцу Серафиму поѣхалъ поспѣшно на источникъ о. Серафима: умылся, окатился и напился воды изъ источника—и отъ этого почувствовалъ такое облегченіе, какъ будто никогда боленъ не былъ.

Однажды привели къ источнику о. Серафима бѣсноватую женщину: несчастная драла себя за волосы, рвала свою одежду и ужасно кричала. На нее начали лить воду изъ источника, и она закричала: „пустите, пустите, замучилъ меня монахъ!“ Не смотря на то, на нее продолжали лить воду до тѣхъ поръ, пока она пришла въ спокойное состояніе и забылась. Придя въ себя чрезъ нѣсколько времени, она стала совершенно здорова, оградила себя крестнымъ знаменіемъ, сама напилась воды изъ источника—и съ того времени прежніе припадки не возвращались къ ней.

Помѣщикъ Нижегородской губерніи Д. А. А., благотворитель Дивѣевской общины, объ упокоеніи души котораго ежедневно читается Псалтирь по правиламъ той обители, подъ старость лишился зрѣнія, такъ что ничего не могъ видѣть. Съ этою потерею онъ лишился и другого наслажденія, которое чувствовалъ при чтеніи книгъ св. Писанія и Отцевъ Церкви. Занятіе это было единственнымъ утѣшеніемъ его старости. Отягченный скорбію, онъ послалъ нарочнаго къ двоюродной сестрѣ своей, Е. А. Б., съ увѣдомленіемъ о своей печали и съ просьбою навѣстить его. Сестра, услышавъ отъ посланнаго о несчастіи брата, тотчасъ же послала ему воды изъ источника о. Серафима, которую она всегда имѣла у себя въ домѣ. Этотъ подарокъ очень утѣшилъ старца и онъ немедленно приступилъ къ исполненію переданнаго отъ сестры наставленія, какъ поступаютъ съ этою водою. „Я приказалъ — говорилъ онъ — подать себѣ чистое полотенце, намочилъ его водою отъ источника Серафимова, и потомъ приложилъ его къ больнымъ

своимъ глазамъ съ молитвою: *Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, молитвами угодника Твоего Серафима, исцѣли меня.* Я повторилъ это три раза. И вотъ, когда, чрезъ нѣсколько минутъ, я отнялъ въ первый разъ полотенце отъ глазъ своихъ, увидѣлъ все, что меня окружало, какъ-бы въ какомъ туманѣ, или какъ-бы сквозь самое частое сито. Во второй разъ я началъ уже различать предметы, и, наконецъ, послѣ третьяго раза, я въ состояніи былъ даже читать; болѣзнь моя совсѣмъ миновалась. Изумленный этимъ внезапнымъ и столь чудеснымъ исцѣленіемъ, за молитвы угодника Божія Серафима, я поспѣшилъ прежде всего въ Саровскую пустынь, чтобы отслужить здѣсь благодарственный молебенъ Господу Богу и Пречистой Его Матери и панихиду по о. Серафимѣ, а потомъ положилъ себѣ за правило, ежегодно удѣлять часть своихъ доходовъ Дивѣевской женской общинѣ, зная, какое отеческое попеченіе имѣлъ о ней благодѣтельный старецъ Серафимъ.

Года за полтора до кончины о. Серафима, Н. М. К., бывши со своею женою въ Саровѣ, въ бесѣдѣ съ старцемъ, получилъ отъ него одно приказаніе, въ родѣ заповѣди, для жизни супружеской. О. Серафимъ съ ангельскою улыбкою сказалъ: „если вы этого не исполните, то ты и она скоро умрете.“ Пока живъ былъ о. Серафимъ, съ помощію Божіею, они соблюдали заповѣдь старческую; но потомъ, мало-по-малу, стали позабывать ее и нѣсколько разъ преступили. Послѣ этого, внезапно Н. М. К. сдѣлался боленъ разслабленіемъ всѣхъ членовъ и чѣмъ-то въ родѣ сильной горячки, такъ что чрезъ двѣ недѣли послѣ того, какъ слегъ въ постель, онъ лишился голоса, губы его помертвѣли, и онъ былъ совершенно безнадеженъ. Въ тотъ самый день, когда уже смерть готова была взять свою жертву, утромъ приходитъ къ нему пользовавшій его лекарь Д. А. В. и разсказываетъ окружавшимъ больного свой сонъ; ему представилось, что онъ шелъ къ К. и вдругъ попался ему навстрѣчу сѣдой старичекъ, въ лаптяхъ и въ рубищѣ, который остановилъ его и сказалъ: „ты идешь лечить его? Ты его не вылечишь, и онъ долженъ умереть; но ты скажи ему, чтобы онъ далъ предъ Богомъ какой нибудь обѣтъ—и тогда онъ останется въ живыхъ.“ Больной слышалъ этотъ разсказъ лекаря, и по уходѣ его сталъ размышлять о слышанномъ. Тотчасъ понялъ онъ, что этотъ старичекъ былъ не иной кто, какъ отецъ Серафимъ,

хотя уже скончавшійся, и что настоящая болѣзнь была слѣдствіемъ нарушенія заповѣди. Тогда К. началъ горько раскаяваться въ своемъ поступкѣ и далъ обѣтъ Богу, что если останется въ живыхъ, то возьметъ подъ свой покровъ одну изъ своихъ родственницъ, сироту Надежду. Только что онъ сдѣлалъ въ душѣ своей этотъ обѣтъ, какъ почувствовалъ мгновенно облегченіе болѣзни: чрезъ нѣсколько минутъ сѣлъ самъ собою на постели, и потомъ началъ звать жену обыкновеннымъ голосомъ здороваго человѣка, и вмѣстѣ съ нею изливалъ предъ Господомъ радостныя слезы о дивномъ, благодатномъ исцѣленіи, дарованномъ ему отцемъ Серафимомъ. На другой же день больной сталъ ходить по комнатамъ и вскорѣ совершенно выздоровѣлъ.

Извѣстный и всѣми уважаемый подъ именемъ *Святогорца* русскій подвижникъ Аѳона, іеромонахъ *Серафимъ,* въ схимѣ Сергій, въ своихъ келейныхъ запискахъ передаетъ слѣдующее обстоятельство. „Въ 1849 г., при моемъ отъѣздѣ изъ Вятки, я заболѣлъ. Болѣзнь моя была убійственна: я не думалъ, что останусь живъ, потому что врагъ сильно возставалъ на меня. Никакія средства обыкновенныя не могли меня возставить и возвратить мнѣ силу и здоровье. Я отчаялся. Только въ первый вечеръ 1850 г. вдругъ какъ будто кто-то тихо говоритъ мнѣ: „завтра день кончины о. Серафима Саровскаго старца, отслужи по немъ заупокойную литургію и панихиду—и онъ тебя исцѣлитъ.“ Это меня сильно утѣшило. А надобно было сказать, что я хотя лично и не зналъ о. Серафима, но въ 1838 г., бывши въ Саровѣ, посѣщалъ его пустыньку, и съ той поры возымѣлъ къ нему вѣру и любовь. Эта сердечная привязанность и вѣра еще болѣе утвердились во мнѣ, когда въ 1839 году мнѣ снилось, что я служу молебенъ о. Серафиму, отъ всей души и громко воспѣвая: „Преподобне отче Серафиме, моли Бога о насъ!“ Только по шестой пѣсни мнѣ нужно было читать Евангеліе, и меня затрудняла мысль, какое же читать Евангеліе—преподобнаго, такое-ли или другое какое? Вдругъ кто-то говоритъ мнѣ: читай отъ Матѳея 36-ое зачало. При этихъ словахъ таинственнаго голоса я пробудился. Съ той поры и понынѣ я искренно вѣрую, что о. Серафимъ великій угодникъ Божій. Но обращусь къ начатому. По тайному внушенію, убѣждавшему меня къ поминовенію о. Серафима, я попросилъ, самъ будучи не въ силахъ, отслужить по немъ литургію и панихиду, и

лишь только это сдѣлалъ — болѣзнь моя миновалась: я почувствовалъ чрезвычайное спокойствіе, избавился отъ насилія непріязненнаго. И съ той поры понынѣ благодатію Божіею здоровъ. (Соч. и письм. Святогорца. С.-П.Б. 1858, стр. 209).

Е. П. М. разсказывала такой случай съ своею теткою. Въ 1854 г. она пріѣхала въ Дивѣевскую обитель помолиться. и послѣ всенощной, вспотѣвши, выпила два стакана воды, отчего открылась въ ней сильная горячка. Три недѣли больная не пила, не ѣла и не спала; на четвертой недѣлѣ болѣзни сдѣлался обморокъ. На выздоровленіе не было надежды; больная была напутствована таинствами къ смерти. Но бывшая спутницею больной Смоленская инокиня, ѣздившая для сбора подаяній на свою обитель, повергшись предъ иконою Богоматери, молила о. Серафима испросить у Царицы Небесной продолженіе жизни болящей.

Однажды утромъ она подходитъ къ болящей и говоритъ: — какой я видѣла сонъ о васъ.

Больная съ трепетомъ сказала: „вѣрно о моей смерти?"

— Нѣтъ, вы будете живы и здоровы, о. Серафимъ мнѣ сказалъ.

Больная, не поднимавшая доселѣ головы съ подушки, встала и сѣла, говоря: „ну, разсказывай скорѣе!"

Та разсказала, что о. Серафимъ, успокоивая ее, сказалъ ей: „будь спокойна: раба Божія Евдокія будетъ жива. Я молилъ Господа и Пречистую Его Матерь."

Потомъ видѣла во снѣ, что будто онъ взялъ больную, повелъ по канавкѣ, обвелъ кругомъ собора и привелъ къ образу Умиленія Божіей Матери, вложенному въ стѣнѣ собора.

Выслушавъ сей разсказъ, больная почувствовала себя совершенно здоровою. На другой день, желая подышать свѣжимъ воздухомъ, велѣла кучеру везти себя куда нибудь, не назначая пути. Онъ повезъ ее по канавкѣ, потомъ обвезъ кругомъ собора и къ образу Божіей Матери Умиленія. Такъ исполнились слова старца Серафима, сказанныя въ сновидѣніи Смоленской инокинѣ. (Это исцѣленіе записано было рукою самой болящей подъ иконою, стоявшей на источникѣ).

Въ 1856 г. единственный сынъ вице-губернатора Костромской губерніи, дѣйств. стат. сов. А. А. Борз—ко, будучи восьми лѣтъ, началъ страдать спазмами въ желудкѣ. Болѣзнь эта, сначала довольно легкая, скоро превратилась въ сильную

съ припадками. Спустя нѣсколько времени спазмы прекратились, замѣнясь тоскою, такъ что дитя, совершенно веселое и здоровое, вдругъ дѣлалось скучнымъ. Тоска усиливалась постоянно и припадокъ оканчивался слезами, а не рѣдко и появленіемъ пѣны изо рта. Наконецъ явились спазмы въ дыхательномъ горлѣ. Припадки болѣзни обнаруживались въ день разъ по пяти, а ночью дитя спало спокойно, только въ послѣдній періодъ болѣзни припадки стали появляться и ночью. Медицинскія пособія мало приносили пользы и родители опасались уже лишиться своего сына, и только упованіе на милость Божію сохраняло въ нихъ еще нѣкоторую надежду. Въ это время, хорошо знакомая сему семейству рясофорная монахиня Костромскаго женскаго монастыря С. Д. Дав—ва, впослѣдствіи игуменья той обители Марія, отправляясь посѣтить нѣкоторые монастыри русскіе, подарила матери больного дитяти описаніе жизни и подвиговъ отца Серафима Саровскаго. Родители часто читали вмѣстѣ эту книгу, дивясь подвигамъ старца и дѣйствіямъ благодати Божіей, въ немъ открывшимся. Была половина сентября, а болѣзнь дитяти, начавшаяся въ іюлѣ, все продолжалась. Въ одну ночь ребенокъ видитъ во снѣ Спасителя въ красной одеждѣ, окруженнаго Ангелами, Который говоритъ ему: „ты будешь здоровъ, если исполнишь то. что тебѣ приказано будетъ старцемъ, который къ тебѣ придетъ.“ Когда это видѣніе кончилось, явился старецъ и, назвавъ себя *Серафимомъ,* сказалъ дитяти: если желаешь быть здоровымъ, возьми воды изъ источника, находящагося въ Саровскомъ лѣсу и называемаго Серафимовымъ источникомъ, и три дня утромъ и вечеромъ водою этою омывай себѣ голову, грудь, руки и ноги и пей ее.“ Этотъ сонъ ребенокъ разсказалъ нянѣ. которая передала его родителямъ, передъ которыми и самъ онъ повторилъ свой разсказъ. Возблагодаривъ Бога за милость Его, родители недоумѣвали, какъ достать воды и предались волѣ Божіей, надѣясь, что Господь укажетъ имъ способы къ сему. На утро больной ребенокъ разсказалъ другой сонъ. Къ нему явилась Божія Матерь, окруженная Ангелами, и съ любовію приказывала исполнить непремѣнно то, что совѣтовалъ о. Серафимъ. Это второе видѣніе еще болѣе удостовѣрило родителей въ заступничествѣ отца Серафима и милосердіи Божіемъ къ больному. Тогда какъ они разсуждали о томъ, какъ достать

воды, приносятъ записку отъ С. Д. Дав—вой, которая извѣщала мать больного о своемъ возвращеніи изъ путешествія. Первою мыслію родителей было просить Д—ву научить ихъ, какъ достать изъ Сарова воду изъ источника о. Серафима. Въ отвѣтъ на эту просьбу она прислала бутылку воды, почерпнутой въ источникѣ о. Серафима. Видя въ семъ особую милость Божію, возблагодаривъ Бога, начали употреблять воду по наставленію, данному во снѣ. Дитя, постепенно оправляясь, совершенно выздоровѣло. Тогда же родители, если не за себя, то за сына дали обѣтъ непремѣнно быть въ Саровѣ и помолиться на гробѣ отца Серафима. Обстоятельства службы и семейныя только въ 1860 г. іюля 14-го дали возможность г. Б—ко вмѣстѣ съ сыномъ исполнить свое обѣщаніе—быть въ Саровѣ. И тогда онъ собственноручною запискою объявилъ настоятелю Саровской обители о исцѣленіи своего сына, по предстательству блаженнаго старца Серафима.

Тамбовской губерніи, Шацкаго уѣзда, помѣщикъ полковникъ В. А. Пан—въ страдалъ постоянно головною болью. Въ 1857 году пріѣхалъ онъ къ 15 августа въ Саровъ, въ самый праздникъ Успенія Пресвятыя Богородицы. Отстоявъ въ больничной церкви раннюю обѣдню, онъ пожелалъ до поздней сходить на источникъ о. Серафима. Но мысль, что жена будетъ дожидаться на гостинницѣ съ чаемъ, смущала его, и онъ уже направилъ шаги свои къ гостинницѣ, но вдругъ, самъ не зная какъ, очутился по дорогѣ къ источнику. Пришедши туда, онъ все боялся облить водою больную свою голову, чувствуя въ ней шумъ и ломоту, а утро было холодное, сырое и шелъ маленькій дождь. Здѣсь невидимая рука Божія устроила его исцѣленіе чудеснымъ образомъ. Нечаянно ноги его поскользнулись на мокрой глинѣ, и онъ упалъ у источника прямо головою подъ жолобъ: невольно облитъ онъ былъ весь цѣлительною водою. Не боясь болѣе простуды, больной, поднявшись на ноги, самъ нѣсколько разъ еще обливалъ голову и не чувствовалъ ни малѣйшей боли.

Когда полковникъ П—въ возвращался въ монастырь, съ нимъ встрѣтился крестьянинъ, который повѣдалъ, въ свою очередь, слѣдующее о своемъ исцѣленіи: „вотъ меня сегодня исцѣлилъ батюшка Серафимъ! У меня болѣла рука, распухла, затвердѣлась и не поднималась, я и пришелъ въ Саровъ съ этою болѣзнію. Сегодня помочилъ ее два раза водою изъ источника

и рука совершенно стала здорова.“ Пришедши на гостинницу полковникъ разсказывалъ всѣмъ объ этихъ двухъ исцѣленіяхъ.

1858 года сестра общины Дивѣевской Евдокія, въ среду на пятой недѣлѣ Великаго поста, вмѣстѣ съ другими сестрами набивала льдомъ огромный общій ледникъ, глубиною въ три сажени. Нечаянно поскользнувшись съ доски, положенной надъ срубомъ, она упала на самое дно ледника, гдѣ было нѣсколько льду, набросаннаго острыми глыбами. Несчастная отъ сильнаго удара не испустила ни малѣйшаго стона. Прочія сестры въ это время всѣ были внѣ ледника, хлопотали около саней своихъ. Когда старшая замѣтила, что нѣтъ одной изъ нихъ, спросила: „гдѣ Евдокія?“ Никто не зналъ, что сказать. Взошедши въ ледникъ, онѣ на днѣ его, въ темнотѣ, увидѣли ее въ своей одеждѣ. Ужасъ поразилъ всѣхъ; полагали, что она уже мертвая. Двое мужчинъ, съ помощію сестеръ, съ величайшимъ трудомъ вынули ее изъ ямы. Видя, что она жива еще, возблагодарили Господа, отнесли ее въ самую ближайшую келью, побѣжали за духовникомъ и, по благословенію настоятельницы, послали въ село Вертьяново за лекаремъ. Спустя нѣсколько часовъ, страдалица пришла въ чувство, исповѣдалась и пріобщилась св. Таинъ; жаловалась на смертельную боль въ боку и въ головѣ, на которой показалось много шишекъ. Пріѣхавшій лекарь сдѣлалъ необходимое кровопусканіе, но сказалъ, что ушибъ очень опасный. Весь бокъ разнесло опухолью; нельзя было узнать: нѣтъ ли перелома въ ребрахъ, а прикосновеніе къ нимъ повергало больную въ продолжительный обморокъ. Чрезъ четыре дня перевезли ее въ больницу, но и тамъ страдавшая вскрикивала и стонала, когда четверо едва могли взять ее, чтобы приподнять на подушки; лежала она все на одномъ правомъ боку. Спустя двѣ недѣли послѣ ушиба, въ теченіе которыхъ она почти не спала отъ боли, въ полночь на великій четвертокъ забылась она тонкимъ сномъ и видитъ, что батюшка Серафимъ, вошедши въ келью, гдѣ лежала больная, сказалъ: „я пришелъ навѣстить своихъ нищихъ; давно здѣсь не былъ,“ и говоря это, подошелъ къ кровати больной. Она съ горькими слезами говоритъ ему: „батюшка, какъ у меня бокъ-то болитъ!“ Старецъ, сложивши три перста правой руки, крестилъ ея расшибленное мѣсто, говоря: „прикладываю тебѣ пластырь и обязанія.“ Повторивши это три раза, онъ сталъ не-

видимъ. Евдокія открыла глаза—въ кельи была совершенная пустота и тишина. Она опять заснула скоро. Проспувшись въ 5 часовъ утра, увидѣла себя лежащею на больномъ боку, не чувствуя никакой боли. Припомнивъ явленіе къ ней батюшки Серафима, она говорила, что „я долго чувствовала, какъ будто пластырь лежитъ на ушибленномъ мѣстѣ.“ Въ тотъ же день больная одна, безъ всякой помощи, встала съ кровати, прошла нѣсколько разъ по кельи и разсказывала всѣмъ о чудесномъ своемъ исцѣленіи, исповѣдалась и пріобщилась св. Таинъ, укрѣпляясь духомъ и тѣломъ за молитвы старца Серафима.

Рязанской губерніи и уѣзда крестьянская молодая женщина Ольга И. получила припадки мучительной болѣзни, которая сопровождалась икотою, зѣвотою, омраченіемъ зрѣнія и изступленіемъ. Она терзала себя, кричала, показывала неестественную силу и рвала въ лоскутья свою одежду. Страданія ея продолжались 8 лѣтъ. Въ 1858 году, съ тремя странницами, она пошла въ Саровъ и Дивѣево; дорогою чувствовала иногда припадки, но могла еще идти. По мѣрѣ приближенія къ Сарову, припадки ея усиливались, а увидавъ его, она легла на дорогѣ и рѣшительно не хотѣла идти далѣе. Съ большимъ усиліемъ привели страждущую въ Саровъ. Послѣ молебна Царицѣ Небесной и панннхиды по отцѣ Серафимѣ отправилась она съ спутницами своими на его источникъ. Здѣсь припадокъ былъ необыкновенно сильный; она кричала: „что ты меня душишь! Я силенъ, что ты меня вяжешь? Я выйду, выйду!“ Ее ударяло нѣсколько разъ замертво о землю, часа два она была слѣпою и нѣмою. Наконецъ злой духъ закричалъ: „три вышло, одинъ остался.“ Спустя сутки, она пріобщилась въ Саровѣ св. Таинъ и отправилась въ Дивѣево. Не доходя же за полверсты до монастыря, она упала на землю. Нѣсколько разъ на дорогѣ перевертывало ее какъ колесо; съ большимъ усиліемъ довели больную къ вечеру до гостинницы; всю ночь больная провела въ безпокойствѣ и убѣжала бы, если бы ее не держали. Утромъ, не сказывая куда, повели ее въ церковь Преображенія Господня, гдѣ пустынька преподобнаго отца Серафима обращена въ св. алтарь и хранится вся его одежда. Неестественная сила противилась силѣ нѣсколькихъ человѣкъ, когда тащили ее въ церковь. Злой духъ кричалъ: „выйду, выйду, буду молчать.“ Съ распростертыми руками, ногами и раздув-

шейся шеей и животомъ потащили ее къ камню Серафимову. Положивъ на него больную, накрыли ее мантіей, возложили на нее эпитрахиль старца: больная сильно кричала и послѣ того, какъ на руки надѣли ей рукавички отца Серафима, она сдѣлалась какъ-бы мертвая. Мало по малу шея, животъ и всѣ члены начали приходить въ естественное положеніе; пробывъ безъ чувствъ часа полтора, больная совершенно пришла въ себя, молилась со слезами, благодарила Господа и угодника Его за свое исцѣленіе, но была слаба, не могла говорить много, а все разсказываемое о ней спутницами подтверждала, подтверждала и то, что ей никогда не было такъ легко и покойно, какъ теперь. Настоятельница общины благословила ее на дорогу портретомъ отца Серафима и частичкой отъ его камня. На другой день, отстоявши обѣдню, молебенъ и паннихиду, она отправилась въ Москву.

Города Пензы, мѣщанская жена Евдокія Очкина разсказывала слѣдующее: „Въ 1843 году, ходила я въ саду съ трехлѣтнею дочерью моею Елизаветой; не знаю какъ къ бахромѣ моего платья присталъ репей. При снятіи его, вѣроятно, соринка отлетѣла и попала въ глаза дѣвочки. Елизавета моя вдругъ вскрикнула и, закрывъ оба глаза, стала плакать, проливая потоки слезъ. Я призывала старушекъ осмотрѣть, что съ нею; онѣ искали соръ языкомъ, выворачивали глаза на кольцо, но дочь моя окончательно лишилась зрѣнія. Прошелъ годъ; въ Пензу пріѣхалъ изъ Петербурга докторъ: я носила къ нему слѣпую, но ея глазъ не возможно было и ему разсмотрѣть: никакія средства не помогли ему открыть сжатыхъ и какъ бы сросшихся вѣкъ. Докторъ отказался отъ помощи. Еще годъ спустя, ослѣпшая дочь моя сидѣла около меня на полу; я положила ей на колѣни игрушекъ: она ощупью перебирала ихъ. Я плакала, глядя на нее, и говорила мысленно: „отецъ Серафимъ! помолись Господу, чтобъ открылись глаза слѣпой моей дочери; я къ тебѣ въ Саровъ пойду пѣшкомъ.“ Въ эту самую минуту она вспрыгнула на ноги и бѣгомъ побѣжала по комнатѣ. Съ тѣхъ поръ она стала видѣть. какъ и прежде; но, проживши около двухъ лѣтъ, скончалась; я же грѣшная совсѣмъ забыла о данномъ мною обѣщаніи на счетъ путешествія въ Саровъ и за это была вторично наказана. Другая дочь моя, Марія, будучи тоже трехъ лѣтъ, сильно заболѣла глазами; при-

мочки и лекарства не помогали ей; тутъ-то я вспомнила, что обѣщалась идти въ Саровъ. Не мѣшкая ни мало, я отправилась въ путь и въ тотъ же самый день, какъ служила паннихиду по батюшкѣ Серафимѣ, малютка моя исцѣлилась. Только на одномъ глазѣ остался знакъ—не то, чтобы бѣльмо, но маленькое пятнышко, которое, впрочемъ, не мѣшаетъ ей видѣть, какъ бы въ память того, что мать забвеніемъ обѣщанія прогнѣвала человѣка Божія. Въ 1858 году она была въ Дивѣевѣ со своею 15-ти лѣтнею дочерью Маріею и все написанное разсказала сама.

Въ 1859 г. жена почтмейстера города Темникова, получивъ изъ Сарова портретъ старца Серафима, писанный на осколкѣ отъ камня, на которомъ старецъ стоялъ и молился, хотѣла послать его въ подарокъ своему благодѣтелю въ Тамбовъ. Съ этою мыслію, забывшись сномъ, она видитъ старца Серафима, который, строго взглянувъ на нее, сказалъ: „почему же ты не хочешь сама имѣть мой портретъ.“ и съ этими словами ударилъ ее по плечу. Проснувшись отъ сего, она почувствовала трясеніе во всемъ тѣлѣ; плечо, по которому сдѣланъ ударъ, и рука совершенно оцѣпенѣли, какъ бы разбитыя параличемъ. Она немедленно отправилась въ Саровъ, отслужила паннихиду, съ усердіемъ молилась на могилѣ о. Серафима и тутъ же получила совершенное исцѣленіе отъ своей болѣзни.

Г-жа Ал—ва, будучи беременна, весьма боялась приближенія времени родить, такъ-какъ роды всегда были особенно тяжелы для нея и опасны. Въ это время зашелъ къ нимъ въ домъ странникъ, у котораго было описаніе жизни старца Серафима. Прочитавъ эту книгу, г-жа А. послѣ молитвы къ Господу Богу, положила свое упованіе на блаженнаго старца Серафима и просила его помощи. Послѣ этого она почувствовала себя гораздо лучше; всякій страхъ прошелъ уже, было что-то радостное на душѣ. Наступило время родовъ. Безъ всякой помощи отъ людей, призывая на помощь только Богоматерь и старца Серафима, А—ва родила безъ прежнихъ страданій сына, котораго назвала *Серафимомъ*. (Собственноручное письмо г-жи Алт—вой къ настоятелю Саровской обители *).

---

*) Всѣ изложенные здѣсь разсказы о чудесныхъ исцѣленіяхъ по молитвамъ старца Серафима Саровскаго заимствованы изъ 4-го изданія книги: *Житіе старца Серафима*. Собств. Саровской обители. Муромъ. 1893 г.

Колокольня въ Саровской пустыни.

XII.

Продолженіе разсказа о явленіи благодатной помощи о. Серафима послѣ кончины его.

Заявленіи четырнадцати лицъ о полученіи ими благодатной помощи по молитвамъ старца Божіи.—Письмо генералъ-лейтенанта Врасскаго.—Общій взглядъ на благодатныя явленія помощи отъ о. Серафима и пути Промысла въ его жизни.

Въ предыдущихъ главахъ послѣ изображенія подвижнической жизни старца Божія и сказаній о тѣхъ чудесныхъ дѣйствіяхъ милости Божіей, которыя по его предстательству совершились надъ прибѣгавшими къ его помощи еще при жизни его, разсказано и о тѣхъ чудотвореніяхъ, которыя совершились по молитвамъ его послѣ его преставленія. Разсказы объ этихъ чудотвореніяхъ доведены до 1860-хъ годовъ, когда вышло 1-е изданіе книги. Въ настоящей главѣ эти разсказы продолжены, такъ какъ источникъ милости Божіей по молитвамъ блаженнаго старца Серафима никогда не изсякалъ и не изсякаетъ до сихъ дней. Изъ 80 письменныхъ заявленій отъ лицъ, получившихъ благодатную помощь по его молитвамъ въ теченіи времени отъ 1860-хъ по 1890-е годы,—заявленій провѣренныхъ духовною коммиссіею, о чемъ упомянуто въ предисловіи

къ этой книгѣ, здѣсь приводятся заявленія 14 лицъ, надъ которыми по молитвамъ о. Серафима совершились особенно замѣчательныя проявленія милости Господней.

Приводимъ прежде всего письмо г-жи Жуковской къ игуменіи Серафимо-Дивѣевскаго монастыря Маріи: однажды дочь наша будучи лѣтъ пяти, захворала всѣми признаками скрытой скарлатины, кинувшейся на мозгъ. Зная по опыту весь ужасъ этой болѣзни, я просила моего мужа, чтобы онъ побывалъ у отца Назарія, священника Придворной госпитальной церкви, что у Полицейскаго моста въ С.-Петербургѣ, и попросилъ-бы батюшку скатить водицу съ камешка св. старца Серафима. Узнавъ о болѣзни нашего ребенка, о. Назарій былъ такъ добръ, что удѣлилъ намъ и частицу камешка; сказавъ мужу, что когда будемъ скачивать съ него воду, то въ это время слѣдуетъ прочитать 3 раза „Отче нашъ“ и столько же „Богородице Дѣво радуйся,“ опустивъ самый камешекъ въ воду.—Передъ возвращеніемъ мужа отъ о. Назарія былъ у насъ докторъ, который мнѣ объявилъ, что если болѣзнь приметъ дурной оборотъ, то больная будетъ жаловаться на головокруженіе, которое будетъ сопровождаться рвотой. Не успѣлъ докторъ уйти, какъ все это обнаружилось, и больная стала бредить съ открытыми глазами. Въ это время мой мужъ возвратился домой. Узнавъ всѣ мои опасенія на счетъ больной, онъ мнѣ сказалъ, подавая камешекъ: „вотъ тебѣ лекарство,“ объяснивъ, какъ надо воду скатить. Съ благоговѣніемъ поцѣловала я этотъ камешекъ и немедленно приготовила водицу. Это было часовъ въ 12 дня. Мой мужъ ушелъ на службу и возвратился въ 4; въ этотъ промежутокъ я старалась чаще поить больную съ чайной ложечки; къ приходу отца она вышла изъ забытья, а къ вечеру спросила игрушки. Докторъ, навѣстивши больную часовъ въ 8 вечера, думалъ ее найти въ опасномъ состояніи. Велико было его удивленіе, когда онъ нашелъ ее здоровой.

Красноярскій купецъ Иванъ Латкинъ писалъ той-же Дивѣевской игуменіи Маріи: въ 1860-хъ годахъ я былъ съ осени въ г. Красноярскѣ нездоровъ мѣсяца два,—даже и ходить не могъ. Но хозяинъ, у котораго я находился на службѣ, прислалъ за мною, чтобы я собирался ѣхать съ нимъ въ г. Томскъ. Фельдшеръ же, который меня тогда лечилъ, говорилъ мнѣ, что ежели по четыре раза въ каждыя сутки я не буду перемѣнять

повязокъ моихъ ранъ, то я долженъ умереть. Не смотря на это, хотя и невольно, я долженъ былъ ѣхать съ хозяиномъ и сидѣли мы въ повозкѣ рядомъ, а по случаю худой дороги ѣхали болѣе трехъ сутокъ до г. Томска, о болѣзни же я не смѣлъ сказать хозяину и перевязокъ во всю дорогу не дѣлалъ. Въ г. Томскѣ остановились на квартирѣ, гдѣ вечеромъ спустя довольно времени, легъ я спать на диванъ бокомъ и заснулъ. И вотъ вижу во снѣ — вошелъ Старичекъ въ бѣломъ балахончикѣ по выше колѣнъ и опоясанный. Подошедши ко мнѣ, онъ ударилъ ладонью по моей ногѣ и сказалъ: „вотъ не сталъ лечиться и выздоровѣлъ!“ Я тотчасъ же проснулся, досталъ огня и посмотрѣлъ на свои раны, съ которыхъ во всю дорогу не снималъ повязокъ. Къ удивленію моему и знаковъ болѣзни не оказалось, что обрадовало меня до такой степени, что я безотчетно нѣсколько разъ ночью бѣгалъ взадъ и впередъ въ часовню Иверской Божіей Матери, съ намѣреніемъ купить книгу изъ житій Святыхъ Отцовъ, но тамъ спали, потому что было за полночь. Когда стало свѣтать, я опять побѣжалъ и къ радости и счастію моему вижу, что монахъ смѣтаетъ снѣгъ у часовни. Я спросилъ у него: есть ли книги изъ житій Святыхъ Отцовъ, на что получилъ отвѣтъ, что есть. Монахъ отперъ часовню и, вошедши, подалъ мнѣ одну книжку. Я помня лице Старца видѣннаго во снѣ, взялъ книгу въ руки, раскрываю и вижу неожиданно этого самаго Старца. Это былъ батюшка отецъ Серафимъ, іеромонахъ Саровской пустыни, котораго ранѣе я не видалъ и не зналъ.

Священникъ Гавріилъ Галицкій писалъ игумeніи Дивѣевскаго монастыря Маріи слѣдующее: 1861 года въ августѣ мѣсяцѣ, я, вслѣдствіе простуды, а всего болѣе вслѣдствіе грѣховъ моихъ тяжкихъ, былъ пораженъ тифозною горячкою. Лечился въ городѣ Орловѣ, Вятской губ., но отъ лекарствъ мнѣ легче нисколько не было, и часъ отъ часу болѣзнь моя становилась сильнѣе и сильнѣе, такъ что я отчаялся въ своемъ выздоровленіи, тѣмъ болѣе что нельзя было мнѣ принимать никакого лекарства, послѣ всего у меня только дѣлалась рвота. Кромѣ того не было и сна. Въ одну ночь я сталъ прощаться со своей женой, потому что чувствовалъ приближеніе своей смерти. Но жена мнѣ сказала: „если ты не надѣешься жить болѣе, то надобно умереть по крайней мѣрѣ по христіански. А у меня рас-

положенія очистить свою совѣсть покаяніемъ и пріобщиться св. Таинъ не было, а было какое-то уныніе и тоска. Это я высказалъ своей женѣ и она со слезами упрашивала меня послать за протоіереемъ, хотя уже было 12 часовъ почи. Я велѣлъ женѣ моей подать мнѣ какую либо книгу въ той надеждѣ, что отъ чтенія книги пройдетъ скука, и она подала мнѣ книгу „житіе пустынника Саровскаго іеромонаха Серафима.“ Почитавши эту книгу, я тотчасъ же принялъ намѣреніе раскаяться въ своихъ грѣхахъ и тогда же велѣлъ послать за протоіереемъ, который тотчасъ же пришелъ ко мнѣ и напутствовалъ меня. Дня черезъ четыре послѣ пріобщенія, я отправился для леченія въ г. Вятку, куда пріѣхалъ вечеромъ. Это было уже въ первыхъ числахъ сентября мѣсяца. Утромъ, на другой день въ 7 часовъ, приходитъ въ мою квартиру старушка и предлагаетъ мнѣ купить портретъ отца Серафима Саровскаго; я взялъ у нея два портрета, и она, отходя отъ меня, сказала мнѣ: „батюшка, когда прійдетъ время, не забудь Агаѳію.“ Я, считая оба эти случая за указаніе Божіе, обратился съ молитвою къ угоднику Божію Серафиму и далъ обѣщаніе побывать въ Саровской пустыни и отслужить панихиду на могилѣ о. Серафима. Съ тѣхъ поръ мнѣ стало легче такъ, что черезъ недѣлю лекарь мнѣ позволилъ даже выѣзжать въ монастырь и въ городъ, и я сталъ раскаяваться въ данномъ обѣщаніи. И, должно быть, вслѣдствіе этого раскаянія, болѣзнь моя снова усилилась такъ, что врачи, приглашаемые мною, лечитъ меня отказывались и, послѣдній изъ нихъ, операторъ Ф—нъ, сказалъ мнѣ: „батюшка, ѣздить къ тебѣ я буду, но вылѣчить тебя слова не даю: ищите врача духовнаго.“ Тогда я снова далъ твердое обѣщаніе непремѣнно быть въ Саровской пустыни. И молитвами Преподобнаго о. Серафима отъ болѣзни я исцѣлился вполнѣ. Будучи въ Саровской пустыни, я купилъ книгу „житіе старца Серафима,“ изд. 1863 г. и, читая оную, узналъ, что первая настоятельница Дивѣевской обители была Агаѳія. Вспомнилъ я въ то время послѣднія слова старушки, у которой я купилъ портреты отца Серафима, — „когда придетъ время, помяни Агаѳію,“ и подумалъ, что молиться мнѣ надобно и за эту Преподобную, — что и она близка ко Господу.

Разсказъ объ исцѣленіи отъ зубной болѣзни Краснослободскаго мѣщанина Матѳея Карпова. Былъ я одержимъ силь-

ной болью зубной около двухъ лѣтъ съ половиною. Отвлекала она меня отъ моихъ занятій. Лекарство принималъ разное, но помощи не было и разные заговоры не были на пользу. Въ 1866 году явилось у меня желаніе идти въ Саровскую обитель, чтобы попросить у Бога чрезъ молитвы отца Серафима, при его могилѣ, исцѣленія зубной боли. Восьмого сентября, на праздникъ Рождества Богородицы, по отслуженіи Святой Литургіи, я, въ числѣ прочихъ людей, просилъ очереднаго іеромонаха отслужить паннихиду на могилѣ отца Серафима. По отслуженіи паннихиды, я пожелалъ приложиться три раза обѣими щеками къ памятнику, отъ чего тутъ же почувствовалъ облегченіе, а потомъ и совершенное исцѣленіе.

Разсказъ жены священника Александра Виноградова объ исцѣленіи сына ея отъ заиканія. Въ 1865 году, по грѣхамъ моимъ, трехлѣтній сынъ мой, бойкій на разговорахъ мальчикъ, вдругъ сталъ заикаться. Заиканье это время отъ времени все дѣлалось хуже и труднѣе и въ началѣ 1866 года до того увеличилось, что онъ не могъ сказать сразу ни одного слова, а прежде минутъ пять и болѣе толкуетъ: а, а, а... весь покраснѣетъ, наконецъ ухватитъ себя обѣими руками за скулы и со слезами убѣжитъ, спрячется гдѣ-нибудь и плачетъ о томъ, что не можетъ высказать того, что хочетъ. Намъ родителямъ его, было очень прискорбно это видѣть; мы со страхомъ заглядывали въ будущее, какъ ему бѣдному будетъ отвѣчать уроки, когда будетъ онъ въ школѣ. Часто мы ему говорили: „Сашенька! обдумайся прежде, потомъ и говори,“—воображая, что отъ торопливости въ рѣчи онъ взялъ привычку такъ страшно заикаться; а иногда говаривали ему: „замолчи лучше: очень непріятно слышать твое заиканье.“ Все это видимо огорчало и самого не по лѣтамъ смышленаго мальчика. Въ великомъ постѣ, въ 1866 году дали мнѣ знакомые почитать книгу,—жизнь подвижника Саровскаго отца Серафима. Я ее читала вслухъ сыну; сынъ слушалъ мое чтеніе съ удивительнымъ вниманіемъ и понятливостію и сталъ онъ затѣмъ имѣть вѣру въ святость отца Серафима и питать къ нему любовь. Это онъ выражалъ, цѣлуя съ благоговѣніемъ картинки, изображавшія отца Серафима. Такъ прошли дни Св. Пасхи; на этихъ дняхъ, а именно во вторникъ, отецъ послалъ Сашу изъ передней половины нашего дома въ заднія комнаты, что-то сказать мнѣ. Онъ отворилъ къ

намъ дверь, хотѣлъ сказать, но не могъ,—покраснѣлъ, зажалъ себѣ скулы (потому что отъ заиканья у него дѣлалась боль въ скулахъ), убѣжалъ за дверь и заплакалъ. Глядя на это его положеніе я и нянька-дѣвица, у насъ живущая, обѣ заплакали. Я приласкала своего несчастнаго сына и посовѣтовала ему во время благовѣста къ „Достойной“ молиться, или хотя перекреститься вездѣ, гдѣ бы онъ въ это время ни былъ и просить отца Серафима, чтобы онъ молитвами своими его исцѣлилъ. Мальчикъ съ радостію принялъ мой совѣтъ и обѣщалъ исполнять, что точно и исполнялъ затѣмъ. Сама я въ тотъ-же часъ въ душѣ дала обѣтъ отслужить паннихиду о упокоеніи души батюшки отца Серафима, пошла къ мужу, передала ему все. Но мужъ мой, въ это время еще не читавшій жизни о. Серафима, очень равнодушно принялъ мой обѣтъ и когда-нибудь обѣщалъ отслужить паннихиду. Замѣчательно, что именно съ этого дня, какъ мы дали обѣтъ прибѣгать къ о. Серафиму и молиться о упокоеніи блаженной души его, сынъ нашъ заикаться пересталъ вдругъ, и все сталъ говорить хорошо, рѣзко и стчетливо... Мы грѣшные въ своей безпечности думали: вотъ правду люди говорили,—что со временемъ у него эта болѣзнь пройдетъ; вотъ и прошло, и—паннихиды не служили. Только я затаила въ душѣ мысль, что когда-нибудь при случаѣ исполню обѣщаніе. Такъ прошло недѣли три. И вотъ Господь благоволилъ вразумить насъ безпечныхъ и показать намъ, что не самъ собою сынъ нашъ выздоровѣлъ, но за молитвы батюшки отца Серафима. Сынъ нашъ опять сталъ вдругъ по прежнему заикаться, опять не могъ сказать сразу ни одного слова. Тогда я грѣшная поняла все это и передала мое мнѣніе объ этомъ моему мужу. Мужъ тогда пожелалъ прочитать жизнеописаніе отца Серафима; сталъ читать почувствовалъ благоговѣніе къ старцу Божію и скоро изъявилъ мнѣ желаніе по батюшкѣ отслужить обѣщанную паннихиду, что и исполнилъ. Послѣ паннихиды ребенокъ нашъ разомъ совершенно исправился. Мало этого, онъ въ томъ же 1866 году, бывши 4½ лѣтъ, требовалъ настоятельно, чтобы его выучили читать.

Коллежскій секретарь Андрей Васильевъ писалъ Саровскому игумену Серафиму слѣдующее: въ мартѣ мѣсяцѣ 1866 года жена моя, Александра Николаевна, возвратясь изъ Саровской пустыни, видѣла во снѣ покойнаго подвижника Саровской

обители святаго старца отца Серафима, который говоритъ ей, что у нея будетъ болѣть бокъ и что ей никто, кромѣ его, оказать помощи не можетъ. Дѣйствительно, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года, жена моя почувствовала сильную боль въ правомъ боку и болѣзнь приняла такіе сильные размѣры, что приводила ее въ изступленіе. Обратились мы къ совѣту докторовъ въ г. Пензѣ и Саранскѣ, которые и пользовали болѣе двухъ лѣтъ, и хотя отчасти облегчали, но положительной помощи не оказали, а объявили мнѣ, что болѣзнь жены моей неизлѣчима. Имѣя вѣру въ силу молитвъ святаго старца отца Серафима и вспомнивъ явленіе его во снѣ женѣ моей, я со всѣмъ семействомъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ сего года, отправился въ Саровскую пустынь, гдѣ, пробывъ до 18 числа, удостоились пріобщиться Св. Таинъ, слушать молебенъ предъ иконою Царицы Небесной Живоноснаго Ея Источника и панихиду въ кельи и на могилѣ святаго отца Серафима. Отправились мы затѣмъ въ Серафимо-Дивѣевскій дѣвичій монастырь и тамъ на другой день также отслушали молебенъ предъ иконою Царицы Небесной Умиленіе и панихиду въ кельи отца Серафима, гдѣ всѣ лобызали убогую одежду святаго Старца, и возвратились въ гостинницу. Ночью того дня болѣзнь съ моею женою такъ сильно повторилась, что многократно сопровождалась рвотою желчи отдѣльными кусками и наконецъ черною жидкостію, въ родѣ земли, и больная изнемогала до послѣднихъ силъ, но имѣя вѣру въ силу молитвъ отца Серафима, я обратился снова съ молитвою къ нему и просилъ также молитвъ сестеръ обители, по совершеніи которыхъ матушка игуменія Марія посѣтила мою больную жену и на нее возлагала принесенные ею шапочку и полотенце отца Серафима. Послѣ этого моя жена уже никогда не чувствовала даже малѣйшей болѣзни, какъ будто бы оной съ нею и ни когда не было. Наконецъ жена моя снова увидѣла во снѣ отца Серафима, который говоритъ ей: ну, радость моя твоя болѣзнь къ тебѣ не возвратится и ты будешь здорова.

Изъ письма гг. Алферовыхъ. Въ 1866 году 6 го декабря, пишетъ г. Алферовъ дочь моя Софія, будучи одного года и двухъ мѣсяцевъ, вдругъ не стала владѣть лѣвою ножкою; страданія малютки были невыносимы,—ни днемъ, ни ночью не могла спать: доктора, пользовавшіе ее не могли даже опредѣлить въ чемъ заключалась эта болѣзнь, ибо опухоли не было. Однимъ

словомъ, она не могла владѣть ножкой, а разныя мази, прописываемыя докторами, еще болѣе усиливали боль въ ногѣ. Намъ съ женой слишкомъ было прискорбно видѣть невыносимыя страданія малютки и не въ состояніи будучи облегчить ихъ, мы обратились за помощью къ Пресвятой Владычицѣ Небесной,—попросили священника отслужить молебенъ Казанской Божіей Матери, прося Царицу Небесную послать нашей дочкѣ выздоровленіе. Вскорѣ послѣ этого, предъ обѣдомъ, жена моя, оставаясь у колыбели больной малютки, уснула на нѣсколько минутъ и увидѣла іеромонаха старца Серафима въ бѣломъ балахончикѣ, который ей сказалъ: „Не плачь и не убивайся,—твоя дочь будетъ жива и здорова. У нея вывихъ; нужно поскорѣе поправить ножку.“ Тутъ жена моя проснулась и за обѣдомъ разсказала мнѣ о своемъ сновидѣніи. Послѣ обѣда я прилегъ отдохнуть и самъ увидѣлъ во снѣ старца Серафима, также въ бѣломъ балахончикѣ, который обращаясь ко мнѣ сказалъ: „Не безпокойтесь: ваша дочь будетъ жива.“—Проснувшись, я пошелъ въ столовую, гдѣ засталъ жену разговаривавшею съ акушеркой, которая за тѣмъ собственно пришла, чтобы посовѣтовать намъ обратиться къ костоправу-мужичку, извѣстному во всемъ Глазовскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи, гдѣ въ то время я находился на службѣ. Я заявилъ имъ о своемъ сновидѣніи и послалъ кучера за упомянутымъ костоправомъ, который на другой день утромъ пріѣхалъ. Осмотрѣвъ больную ножку нашей дочки, онъ нашелъ у нея вывихъ въ трехъ мѣстахъ, а именно: въ ступнѣ, повыше оной и въ колѣнѣ. При этомъ онъ заявилъ намъ, что нужно будетъ поправить еще два раза. Послѣ перваго поправленія ножки, на третій или четвертый день, она въ первый разъ подняла ее, къ нашей общей радости; послѣ каждаго поправленія ей дѣлалось лучше, а черезъ три недѣли она была совершенно здорова. Въ 1867 году, около 8-го іюля, у меня заболѣлъ сынъ Александръ, будучи трехъ мѣсяцевъ. Около же 15-го іюля, я возвратясь изъ уѣзда, въ часъ ночи легъ спать и во снѣ увидѣлъ старца Серафима, въ томъ же бѣломъ балахончикѣ, который мнѣ сказалъ: „онъ умретъ.“ По истеченіи трехъ дней, сынъ мой умеръ. Въ 1870 году 2-го августа, въ С.-Петербургѣ, у меня родилась дочь Ольга. Когда исполнилось ей шесть недѣль, жена моя поѣхала къ куму, а я, оставшись дома, уснулъ у кроватки малютки и увидѣлъ во снѣ

вошедшаго ко мнѣ въ комнату іеромонаха старца Серафима, въ бѣломъ балахончикѣ, который мнѣ сказалъ: „она году не доживетъ.“ И дѣйствительно она умерла 20-го іюля 1871 года, не доживъ до году 12-ти дней. Когда я находился на службѣ въ г. Глазовѣ, именно въ 1865 году, я почувствовалъ сильную боль въ лѣвомъ боку; по временамъ страданія мои были не выносимы. По пріѣздѣ моемъ нъ Петербургъ, въ 1870 году, врачи, къ которымъ я обращался, находили мою болѣзнь неизлѣчимою. Оставя службу въ 1876 году, я поѣхалъ въ г. Задонскъ, Воронежской губ., часто ходилъ къ обѣднѣ въ монастырь и мысленно всегда просилъ старца Серафима облегчить мою болѣзнь. Въ ночь съ 23 на 24 августа, во время моего сна, старецъ Серафимъ подошелъ къ моей кровати, — въ подрясникѣ, эпитрахили и順поручахъ, — поодаль отъ него сталъ діаконъ въ полномъ облаченіи и еще кто-то въ монашескомъ одѣяніи. Отецъ Серафимъ, приблизясь ко мнѣ, лѣвымъ колѣномъ своей ноги уперся въ больной мой бокъ и обѣими руками ободралъ мнѣ ребра такъ, что когда я взглянулъ на больное мѣсто, то подъ ребрами висѣли какія-то кровавыя жилы, въ родѣ піявокъ, въ палецъ толщиною. Когда видѣніе прошло, я проснулся и тотчасъ же почувствовалъ облегченіе. Съ первыхъ чиселъ сентября мѣсяца, пишетъ жена г. Алферова, я страдала біеніемъ сердца и захватомъ дыханія въ груди, съ сильнымъ кашлемъ, болью въ груди, спинѣ и лѣвомъ боку; все это время я лечилась, но отъ лекарствъ облегченія не получала. Лѣтомъ 1884 года я страдала разслабленіемъ всего организма, по временамъ отъ слабости, едва могла ходить. Въ молитвѣ своей я всегда просила Матерь Божію и старца Серафима послать мнѣ исцѣленіе. Съ 4-го на 5-е августа, я во снѣ увидѣла старца Серафима въ черной мантіи, эпитрахили и поручахъ. Онъ подошелъ ко мнѣ, но только не знаю гдѣ, взялъ меня за плечи и поставилъ въ большой комнатѣ, со словами: „не убойся, дочь моя! Сейчасъ тебѣ будетъ великая радость: видѣніе образа Божіей Матери.“ Тотчасъ послышался сильный шумъ; отъ страха и слабости голова моя кружилась, но была поддерживаема руками отца Серафима и ободряема его словомъ: „Не убойся!“ — Вдругъ шумъ утихъ, отворилась дверь и вошла женщина, въ монашескомъ одѣяніи, съ образомъ Божіей Матери въ рукахъ и со множествомъ лицъ, тоже въ черномъ

монашескомъ одѣяніи, которыя остались въ дверяхъ. Увидѣвъ красоту, величіе и божественную доброту монахини, я отъ страха едва держалась на ногахъ, но руки отца Серафима меня крѣпко поддерживали. Онъ опять мнѣ сказалъ: „не убойся!“ и подвелъ меня къ образу Божіей Матери. Женщина, въ монашескомъ одѣяніи, три раза благословила меня упомянутымъ образомъ, и я приложилась къ оному. Та, которая меня благословила, сѣла на близь стоявшую скамейку,—отецъ Серафимъ и мнѣ помогъ сѣсть рядомъ съ ней. Божественно-кроткій ликъ монахини, державшей образъ Божіей Матери, внушилъ мнѣ мысль, молить ее о своемъ исцѣленіи, при чемъ я просила ее дозволить мнѣ поцѣловать ея ручку (отъ страха, я долго не рѣшалась на это). Она божественно улыбнувшись, протянула мнѣ оную, сказавъ: „сколько угодно.“ Я съ благоговѣніемъ поцѣловала ея ручку, мысленно не переставая молить ее о своемъ исцѣленіи. Когда мои грѣшныя уста коснулись ея божественной ручки, вся душа моя наполнилась неизъяснимымъ блаженствомъ, изъ котораго меня вывелъ голосъ отца Серафима, все время находившагося около меня, съ правой стороны: „Теперь съ тебя этого довольно, — иди, вотъ діаконъ проводитъ тебя.“ Тотчасъ появился діаконъ, въ черной рясѣ, котораго я прежде не замѣтила. Видѣніе прошло; діаконъ пошелъ впередъ, я же встала со скамейки сама и пошла за нимъ, не чувствуя болѣе ни какой слабости. Много комнатъ прошли мы и наконецъ онъ ввелъ меня въ небольшую комнату, всю увѣшанную образами,—предъ которыми горѣли лампады. Войдя въ упомянутую комнату, онъ спросилъ у меня: „знаешь-ли гдѣ ты теперь находишься?“ Я отвѣчала: „нѣтъ,“—„въ Костромѣ“ былъ его отвѣтъ. Тутъ я проснулась. Отъ великой радости и страха, меня трясло, какъ въ лихорадкѣ; когда же я не много успокоилась, то почувствовала облегченіе. Весь день я чувствовала себя крѣпче, а 6-го августа, въ день Преображенія Господня, я пошла гулять со своимъ семействомъ, со станціи Финляндской желѣзной дороги, гдѣ мы жили на дачѣ и дошла до станціи Шувалова безъ усталости, на разстояніи около трехъ верстъ. Благодаря покровительству Божіей Матери и іеромонаха старца Серафима, я не чувствую болѣе слабости и здоровье мое поправилось.

Кандидатъ Потапій Максимовъ писалъ Саровскому игумену

Серафиму слѣдующее. Въ 1868 году въ день праздника Святыя Троицы съ моими дѣтьми отправился я во храмъ Божій для слушанія Литургіи, а жена моя Марія, исповѣдывающая римско-католическую вѣру, пошла для той же цѣли въ костелъ. — По окончаніи обѣдни, возвратившись домой, я узналъ, что жена моя еще не возвращалась. Подъ вліяніемъ непріятнаго чувства я ожидалъ возвращенія ея и, по приходѣ, началъ дѣлать ей упреки за долгое отсутствіе. Получивъ въ отвѣтъ, что причиною ея отсутствія было желаніе слушать до конца богослуженіе, я кощунственно отозвался объ ея набожности. Въ это время дочь наша Дарья, видя горесть матери и мое возбужденное состояніе, подошла ко мнѣ съ просьбой не обижать мать. „Ты вонъ пошла!“ закричалъ я. Бѣдная малютка отшатнулась и въ тотъ же день заболѣла. — Полагая, что болѣзнь дочери есть слѣдствіе не большого испуга, я спустя недѣлю послѣ ея болѣзни приглашалъ въ домъ врачей болѣе 12-ти человѣкъ, для поданія пособія больной. Но медицинскія пособія не облегчили страданій малютки. Одиннадцать мѣсяцевъ страдала моя дочь разслабленіемъ организма до такой степени, что не могла даже поднять головы. — Глубоко раскаиваясь въ моей горячности и приписывая болѣзнь дочери ниспосланному на меня Богомъ испытанію, я плакалъ и молился. Прочитавъ жизнеописаніе Саровской пустыни старца Серафима и чудесное его заступничество за истинно-вѣрующихъ и молящихся, — я, по совѣту моего духовника, отслужилъ паннихиду по преставльшемся старцѣ Божіи. Священникъ, отправлявшій служеніе, затѣмъ исповѣдалъ и пріобщилъ мою почти умирающую дочь. И на другой день, 19 марта 1869 года дочь моя Дарія встала съ постели и свободно стала ходить по комнатѣ. На вопросъ нашъ, какъ это случилось? Дарія отвѣчала, что во снѣ она видѣла священника, который, подошедши къ ея постели, сказалъ: „Встань, Дашенька, Божія Матерь велѣла тебѣ встать.“

Нижегородскій мѣщанинъ Павелъ Ивановъ Байковъ свидѣтельствуетъ: въ 1868 году, когда я былъ приказчикомъ у купца Сторожева, въ г. Арзамасѣ, Нижегородской губ., въ декабрѣ мѣсяцѣ при занятіи въ ренсковомъ погребѣ, въ подвалѣ, въ 8 часовъ вечера со мною открылась болѣзнь глазъ и вмѣстѣ съ симъ обуялъ меня какой-то страхъ. Болѣзнь глазъ и нападающій на меня страхъ изо дня въ день усиливались и продолжа-

лись слишкомъ годъ, такъ-что за послѣднее время открылась сильная ломота въ глазахъ и я почти ни на что не могъ смотрѣть, тѣмъ болѣе на свѣтъ. Доктора, какъ Арзамасскіе, такъ и Лукояновскіе, пользовавшіе меня не малое время, ни какой пользы не могли мнѣ принести. Въ то время родительница моя, старушка богобоязненная, слыша многое объ испѣленіяхъ разныхъ недуговъ молитвами іеромонаха старца Серафима, дала мнѣ наставленіе, чтобы я просилъ отца Серафима на молитвѣ объ исцѣленіи моей болѣзни и вмѣстѣ съ симъ посовѣтовала сходить пѣшкомъ въ Саровскую пустынь отслужить по немъ паннихиду. Совѣтъ родительницы моей я принялъ съ усердіемъ и постоянно на молитвѣ просилъ отца Серафима объ исцѣленіи моей болѣзни, а также сходилъ пѣшкомъ въ Саровскую пустынь, гдѣ у могилы отца Серафима отслужилъ паннихиду. По приходѣ изъ Сарова въ село Иванцево, спустя недѣли двѣ, Богу угодно было, молитвами отца Серафима, со мною сотворить чудо.—Братъ мой старшій, Алексѣй, въ то время снялъ въ аренду господскій садъ въ селѣ Иванцевѣ, принадлежащій графинѣ Протасовой. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1870 года, въ самый полдень, братъ мнѣ предложилъ сходить съ нимъ въ садъ, который отъ нашего жительства отстоялъ саженяхъ во ста или полутораста. Пришли мы съ нимъ въ садъ, около шалаша посидѣли нѣсколько времени, затѣмъ братъ говоритъ мнѣ, что время обѣдать, я ему говорю: „иди, я самъ какъ нибудь чрезъ нѣсколько минутъ приду.“ Не успѣлъ братъ отойти отъ меня нѣсколько саженъ, какъ меня сильно и моментально склонило ко сну, тогда какъ въ то время я ни какой привычки не имѣлъ днемъ спать. Въ это самое время, въ теченіе какихъ нибудь пяти минутъ, вижу я во снѣ, что нахожусь въ Саровѣ около могилы отца Серафима, на колѣняхъ молюсь Богу и прошу объ исцѣленіи моей болѣзни; въ этотъ моментъ изъ глазъ моихъ вылетаютъ громадныя огненныя искры. Не могу припомнить — спалъ ли я, или былъ въ какомъ то забвеніи, только когда пришелъ въ память, со мною было сильное трясеніе и тутъ же ни какой боли въ глазахъ я болѣе не почувствовалъ.

Исцѣленіе Анны Семеновны Рубцовой. Дивный Богъ во святыхъ Своихъ, Богъ Израилевъ, писала о. игумену Саровскому г. Рубцова, и на мнѣ худой, недостойной грѣшницѣ, явилъ Онъ милость Свою, чрезъ великаго угодника Своего,

пустынножителя Саровскаго, іеромонаха Серафима. Да пройдетъ слава его отъ края до края земли Русской! Здѣсь, на границѣ Россіи съ Польшей, я пою ему со слезами сердечной благодарности паннихиды, а Васъ прошу, Ваше Высокопреподобіе, передать мою нижайшую просьбу кому либо изъ іеромонаховъ, отслужить паннихиду на гробѣ его и благодарственный молебенъ Богоматери Всѣхъ Скорбящихъ. Теперь не поставьте въ трудъ выслушать меня, какъ узнала я, живя за нѣсколько тысячъ верстъ, что пустынь святая ваша обладаетъ такимъ сокровищемъ. Бывши еще ребенкомъ, я часто бывала въ монастырѣ у моей тетки и видѣла картину, писанную на полотнѣ, масляными красками, чудной работы—„кончина іеромонаха Серафима,“—и она мнѣ много разсказывала о его высокой жизни, о его неисповѣдимыхъ трудахъ.—Прошли десятки лѣтъ, мужъ мой былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ г. Ковно, на самую границу Польши; тутъ не знаю почему, мнѣ часто стала приходить въ голову эта картина, а прежде я о ней ни когда не думала. Годъ спустя, мужа перевели въ г. Вильно директоромъ канцеляріи сѣверо-западнаго края. По пріѣздѣ моемъ въ Вильну, я сдѣлалась тяжко больна и прохворала четыре почти года разными болѣзнями. Наконецъ разболѣлся у меня носъ, — въ лѣвой ноздрѣ сдѣлалась сильная опухоль и краснота снаружи. Восемь мѣсяцевъ лечили меня разные врачи, но ни чего не помогало: одни говорили, что это полипъ, другіе грозили еще болѣе серьезной болѣзнью. Наконецъ рѣшили сдѣлать операцію весной, если наростъ не уступитъ леченію, но операція для меня была очень опасна, вслѣдствіе моего малокровія. Однажды поплакавъ до сыта, ложусь спать и вижу во снѣ упомянутую картину, и она такъ живо осталась въ моей памяти, что хотя сейчасъ могла бы нарисовать этого блѣднаго, какъ воскъ, старичка съ сѣдыми волосами, стоящаго на колѣняхъ со сложенными на груди руками, въ бѣломъ балахончикѣ съ четками съ опущенными глазами, какъ бы въ умной молитвѣ, совсемъ не похожаго на мертвеца. Такъ эта картина обняла мою душу, что долго не хотѣлось вставать,—я все закрывала глаза и наслаждалась ею, сердечно сожалѣя, что ее теперь нельзя достать, ибо неизвѣстно кому она досталась послѣ смерти тетки. — Въ этотъ же день (день былъ воскресный) посылаю я къ игуменіи Флавіанѣ просить

книгъ для чтенія и, можете Вы представить мое удивленіе и радость,—она присылаетъ мнѣ житіе іеромонаха Серафима съ шестью картинами. между которыхъ была и его пустынька съ колодцемъ. Прочтя обо всѣхъ исцѣленіяхъ, явленныхъ имъ при жизни и по смерти, я приложила эту картинку къ лицу своему и заплакала, говоря,—счастливые эти люди: они нидѣли тебя, Угодникъ Божій и чрезъ твои молитвы и благословеніе получали исцѣленія изъ этого источника; а я не могу никогда сдѣлать этого, живя такъ далеко отъ святого мѣста сего. Больная ноздря моя какъ разъ прижалась подъ самымъ изображеніемъ желобка и, къ удивленію моему, изъ нея показалась кровь; затѣмъ мнѣ какъ бы чуть-чуть стало свободнѣе дышать. На другой день я опять повторила тоже и опять пошла кровь. И каждый разъ, какъ я прикладывала, кровь показывалась изъ носа,—опухоль и мѣшки стали опадать и носъ мой пришелъ въ надлежащій порядокъ.

Исцѣленіе муромскаго купца Ивана Засухина, сына его и дочери (описано въ журналѣ „Гражданинъ“ за октябрь 1884 года). Муромскій купецъ Иванъ Ивановъ Засухинъ 1882 года марта 21 дня пріѣхалъ въ Муромъ, въ свой домъ изъ станицы Урюпино, очень больнымъ. По его словамъ, онъ заболѣлъ тамъ брюшнымъ тифомъ 3-го марта. Мѣстный докторъ станицы Урюпиной, лечившій его, нѣсколько облегчилъ болѣзнь, но посовѣтовалъ ему ѣхать на родину, что онъ и сдѣлалъ. Дорога утомила больного сильно и онъ пріѣхалъ въ Муромъ очень слабымъ. Позванъ былъ докторъ, Стабровскій. Г. Стабровскій принялъ болѣзнь тоже за брюшной тифъ и сталъ лечить; болѣзнь ослабѣла и, по замѣчанію Засухина, температура жара съ 40,1° ослабѣла до 37,5°. Прошло не много дней, и больной сталъ поправляться. Но при болѣзни у него образовалась опухоль за ушами, а потомъ вверху правой ноги. Врачъ нашелъ нужнымъ эту опухоль прорѣзать, чтобы дать исходъ скопившейся тамъ матеріи. Но прорѣзъ вышелъ неудаченъ, матерія не шла, а опухоль стала развиватъся болѣе и болѣе. Ни Стабровскій, ни другой врачъ въ этой болѣзни не помогли. Тогда предложили больному отправиться въ Петербургъ, полагая, что можетъ быть тамъ найдутъ возможнымъ помочь ему оперативнымъ путемъ. Больной такъ и сдѣлалъ и отправился въ Петербургъ. Консиліумъ петербургскихъ профессоровъ Бог-

дановскаго и Мултановскаго, нашелъ операцію не возможною и они посовѣтовали больному ѣхать домой. По возвращеніи въ Муромъ, въ болѣзни Засухина появилось новое осложненіе, развилось воспаленіе легочной плевы, къ которому присоединилось разстройство желудка; больной ослабѣлъ окончательно. Для совѣта были приглашены еще другіе врачи, которые сознали положеніе больного безнадежнымъ и опредѣлили даже день его смерти. Послѣ подобнаго опредѣленія врачей, больной сталъ уже готовиться къ смерти. Тутъ былъ приглашенъ священникъ, какъ врачъ духовный. Больного онъ нашелъ очень слабымъ, но въ памяти. Какъ истинный христіанинъ, Засухинъ сердечно исповѣдался и удостоился Святаго причащенія. Прошло не много дней, опять зовутъ священника къ больному. Приходитъ онъ и видитъ, что тотъ, хотя и въ сознаніи, но силы его ослабѣли окончательно и надъ нимъ была прочитана отходная молитва. Но на третій день больному стало лучше. Дѣло въ томъ, что въ сосѣдствѣ съ больнымъ жила одна почтенная г-жа М. Ѳ. Бычкова; она очень жалѣла, что такъ рано умираетъ хорошій сосѣдъ, принесла женѣ умирающаго воды, взятой изъ источника отца Серафима и просила ее дать умирающему выпивъ этой воды. Жена, взявши эту воду, поднесла выпить мужу, но онъ почти уже не могъ открыть рта,—только съ чайной ложки жена могла влить ему въ ротъ нѣсколько капель, а остальную воду вылила ему на голову. Съ того момента, какъ она влила ему въ ротъ нѣсколько капель и намочила голову, больной совершенно затихъ, такъ что она подумала, не умираетъ-ли ужъ онъ, и стала внимательно слѣдить. Но больной, къ удивленію ея, заснулъ тихимъ сномъ. Въ такомъ состояніи прошло нѣсколько часовъ. Затѣмъ больной просыпается и проситъ пить. Жена отъ такой неожиданности совершенно растерялась и не знаетъ чего бы дать ему, чтобы было не вредно; ей пришло на мысль дать молока, что она и сдѣлала; но потомъ вспомнила, что молоко было ему запрещено, по этому и стала опасаться дурныхъ послѣдствій. — Больной выпилъ и чувствуетъ, что ему хорошо. Желудокъ пришелъ въ дѣйствіе и прежняго не повторялось. Съ этихъ минутъ (16 ноября) ему стало лучше. На другой день врачъ слушалъ грудь Засухина и нашелъ улучшеніе. Однако бедро оставалось все еще по прежнему болѣзненнымъ и припухшимъ, свищевые хо-

ды не закрывались. Тогда больной возымѣлъ желаніе, не смотря на крайнюю невозможность по случаю болѣзни, самолично поклониться сему угоднику Божію и собрался въ Саровскую пустынь. Жена больного на всякій случай взяла съ собою все нужное для погребенія. Взяты были всѣ дѣти, чтобы не лишить больного, въ случаѣ печальнаго исхода, видѣть въ послѣднія минуты своихъ дѣтей. Положеніе больного было очень тяжелое: сидѣть въ экипажѣ онъ не могъ, потому что больная нога была согнута, а сотрясенія отъ ѣзды производили нестерпимую боль. При каждой остановкѣ изъ экипажа былъ онъ выносимъ на рукахъ. Въ такомъ болѣзненномъ состояніи Засухинъ прибылъ въ Серафимо - Дивѣевъ монастырь. Здѣсь больной намѣренъ былъ нѣсколько отдохнуть отъ тяжкаго пути и пробыть сутки. Это было 5-го іюня, въ день праздника Святой Троицы. Наступило время всенощнаго бдѣнія, и больной не смотря на сильную боль, рѣшается быть при богослуженіи. Съ помощію жены и своихъ служителей, онъ на носилкахъ принесенъ былъ изъ гостинницы къ церкви и почти на рукахъ былъ внесенъ въ нее. Когда послѣ величанія приложился весь народъ къ иконѣ Св. Троицы, пошелъ и больной съ большимъ усиліемъ, съ помощію жены и другихъ, на своихъ костыляхъ, приложиться къ иконѣ праздника и получить помазаніе св. елеемъ. Когда онъ приложился къ иконѣ и получилъ помазаніе, глаза его невольно обратились на стоящую въ иконостасѣ святую икону Божіей Матери, которая прежде была въ кѣльи старца Серафима и предъ которой онъ такъ пламенно молился и въ этотъ моментъ больной почувствовалъ, что его нога твердо стала на полъ и безъ боли. Онъ приподнялъ свои костыли и, безъ помощи ихъ, при удивленіи всѣхъ предстоящихъ, пошелъ на свое мѣсто. Когда служба кончилась Засухинъ смѣло всталъ на ноги и вышелъ изъ церкви, гдѣ дожидались его служащіе съ носилками; но онъ, не нуждаясь въ ихъ помощи, отдалъ даже и костыли и до самой гостинницы (разстояніе около четверти версты) шелъ безъ всякой помощи. На другой день больной уже пѣшкомъ опять пошелъ въ церковь, гдѣ и пріобщился Святыхъ Таинъ и въ тотъ же день поспѣшилъ въ Саровъ и прямо на могилу отца Серафима, гдѣ и отслужилъ панихиду. На утро, послѣ богослуженія, онъ поспѣшилъ къ тому цѣлительному источнику, водою изъ котораго

такъ былъ чудесно спасенъ отъ смерти. Разстояніемъ этотъ источникъ отъ монастыря около двухъ верстъ. Но для больного какъ будто не было утомленія: прежде безъ посторонней помощи онъ не могъ пройти и по комнатѣ, а теперь легко шелъ это не малое разстояніе. Источникъ о. Серафима вытекаетъ изъ горы и вѣрующіе подходятъ подъ эту цѣлительную струю раздѣвшись до нага, а подходъ къ источнику былъ довольно труденъ по мѣстоположенію. Дорогою больной раздумывалъ, вынуть или не вынимать изъ больного мѣста дренажи. Многіе совѣтовали не вынимать, что онъ и сдѣлалъ. Затѣмъ больной раздѣлся до нага и подошелъ подъ самый источникъ; какъ только почувствовалъ онъ на себѣ холодную струю источника, эта холодная струя возбудила въ его организмѣ какой-то облегчительный жаръ и у него силы стало больше. Вышелъ изъ источника и видитъ, что одного изъ дренажей въ опухоли нѣтъ при немъ, а другой вынулъ самъ. На другой день больной за обѣдней пріобщился Св. Христовыхъ Таинъ. Затѣмъ Засухинъ сталъ совершенно здоровъ. Гдѣ была опухоль, то мѣсто пришло въ нормальное состояніе. У сына г. Засухина мальчика восьми лѣтъ вся голова была покрыта струпьями и сильно болѣла, его возили къ извѣстному профессору накожныхъ болѣзней, г. Полотебнову, который осмотрѣвъ мальчика, сказалъ, что ранѣе двухъ лѣтъ не мыслимо прервать его болѣзнь. Засухинъ повезъ мальчика съ семьею въ Саровъ, по пути въ Саровскую пустынь, 5-го іюня въ день Св.Троицы, остановились они отдохнуть отъ дороги въ устроенной о. Серафимомъ и, такъ сказать, его духомъ и рожденной Серафимо-Дивѣевской обители, и тутъ узнали отъ монахинь о заповѣди старца съ умною молитвою проходить по вырытой по его указанію трудами сестеръ канавкѣ, по которой, по его же словамъ, прошла Сама Матерь Божія. Пошли Засухины всею семьею исполнять святымъ старцемъ заповѣданное. Больной мальчикъ по совѣту сопровождавшей монахини, опускаясь въ самую глубь канавки, срывалъ траву и цвѣты, раскладывая ихъ все время на свою больную голову. Пріѣхавъ въ Саровъ, купался онъ въ источникѣ Серафимовомъ и по возвращеніи 13-го іюня домой, въ г. Муромъ, голова его не только совершенно очистилась, но густо заросла прекрасными волосами, безъ наималѣйшаго даже признака какой-либо

болѣзненности. Третіе знаменіе милосердія Божія съ вѣрою къ Нему прибѣгающимъ, случилось съ дочерью Засухина, у которой отъ елея изъ лампады надъ гробомъ о. Серафима исцѣленъ былъ поврежденный палецъ.

У живущей съ родителями въ г. Челябинскѣ четырехлѣтней дѣвочки Θеодосіи Власовой, въ 1885 году, января 7-го случился сильный жаръ во всемъ тѣлѣ и продолжался двѣ недѣли, а потомъ постепенно образовался на спинѣ горбокъ и она по ночамъ кричала до безчувствія. Такъ продолжалось четыре года: лечили сельскія бабки, обращались и ко врачамъ, но они отказались, говоря, что она не долго проживетъ. Тогда родители всю надежду возложили на Бога. Въ теченіе четырехъ лѣтъ такъ скорчило дѣвочку, что она не могла ходить прямо, если же куда ходила, то бралась обѣими руками за колѣна и потихоньку двигалась впередъ. Старшая сестра ея отдана была въ Челябинскій Одигитріевскій монастырь и родителямъ ея вздумалось Θеодосію поучить грамотѣ. Въ 1888 году 1-го сентября привезли ее въ монастырь и матушка игуменія приняла ее для обученія, но не въ школу, а просто въ келью, потому что ходить въ школу дѣвочкѣ было не способно и поручила м. благочинной Евпраксіи. Прожила Θеодосія три мѣсяца и до того болѣзнь ея усилилась, что она совсемъ не могла ходить. Когда бывало сестры пойдутъ въ церковь, то брали ее на руки и несли. Узнавъ о чудесахъ преподобнаго о. Серафима и по совѣту матушки благочинной Евпраксіи родители Θеодосіи послали въ Саровскую пустынь отслужить на могилкѣ отца Серафима панихиду и молебенъ и просили прислать имъ земельки съ могилки его. Когда получили землю съ могилы, отслужили молебенъ Божіей Матери и панихиду по о. Серафимѣ, а землю положили въ бутылку, налили воды и съ земельки этой стали поить больную, тогда почувствовала она себя совершенно здоровою и въ теченіе недѣли стала ходить сама собою, безъ особой помощи.

1890 года марта 26-го дня, къ настоятелю Саровской пустыни игумену Рафаилу явился крестьянинъ Астраханской губерніи, Царевскаго уѣзда, села Заплавного Иванъ Харитоновъ Шажковъ и заявилъ слѣдующее: въ прошедшемъ 1889 году, въ декабрѣ мѣсяцѣ за недѣлю до Рождества Христова, у него,

Шажкова, безъ всякой, по его мнѣнію, причины, вдругъ онѣмѣли обѣ конечности, хотя боли онъ и не чувствовалъ въ нихъ; но руками по локти и ногами до колѣнъ владѣть не могъ; при этомъ у него распухла и полость рта. Пальцы на рукахъ сжались въ кулакъ, такъ что когда необходимо было при употребленіи пищи взять ложку, то черенокъ ея просовывали ему въ отверстіе между большимъ и указательнымъ пальцами и такимъ образомъ онъ питался; ни одѣться, ни опоясаться онъ тоже не могъ, а когда вставалъ при помощи другихъ, то падалъ или напередъ или назадъ. Лекарствъ Шажковъ не употреблялъ. Такое состояніе его продолжалось около трехъ недѣль. — Теща его, бывавшая въ Саровѣ и видѣвшая благодатную помощь о. Серафима многимъ болящимъ, посовѣтовала ему дать обѣщаніе сходить въ Саровъ поклониться гробу св. старца отца Серафима и попросить его помощи въ болѣзни. Шажковъ съ благодарностію принялъ совѣтъ своей тещи и съ вѣрою обѣщался сходить въ Саровъ и исполнить все по наставленію ея. Съ того же дня, какъ онъ далъ свое обѣщаніе, руки и ноги его начали крѣпчать въ составахъ, опухоль во рту пропала уже къ великому посту онъ настолько оправился и окрѣпъ, что въ среду на первой недѣлѣ поста рѣшился отправиться въ далекій путь до Сарова; однако какъ въ ногахъ, такъ и въ рукахъ, особенно въ пальцахъ, все еще чувствовалъ слабость, которая въ пути мало по малу изчезала. Въ Саровъ онъ прибылъ 21 марта, весь путь, около 1000 верстъ, совершивъ пѣшкомъ безъ всякихъ вредныхъ для своего здоровья послѣдствій. Здѣсь, въ Саровѣ, онъ исповѣдался и сподобился причаститься Св. Таинъ Христовыхъ, а 26-го числа пошелъ на источникъ отца Серафима, гдѣ нѣсколько разъ искупался и получилъ совершенное исцѣленіе отъ своей болѣзни.

Г-жа Ю. В. Каразина пишетъ въ своемъ заявленіи о слѣдующемъ чудесномъ фактѣ: въ мой пріѣздъ въ Саровскую пустынь мая 22-го 1890 года, я пошла посѣтить келлію отца Серафима, гдѣ онъ скончался. Подхожу къ его изображенію и вижу, что лицо оживляется и глаза движутся и открываются, равно какъ движутся и брови. Я до того была этимъ поражена, что вся затрепетала и едва не упала. Обращаюсь къ присутствующимъ около меня и въ волненіи говорю: о. Серафимъ ожилъ, у него глаза открылись и брови двигаются. Придя на

другой день, я нашла совершенно другой видъ лица на изображенiи о. Серафима, но глаза какъ бы снова ожили.

Въ заключенiе считаемъ умѣстнымъ привести письмо генералъ-лейтенанта Врасскаго о благодатной помощи, дарованной ему о. Серафимомъ еще при жизни. Хотя это событiе совершилось еще въ 1826 году, однако въ прежнiя изданiя житiя не вошло, потому что П. А. Врасскiй сообщилъ о немъ письменно бывшему игумену Саровской пустыни Рафаилу только въ 1892 году.

Въ 26-мъ году я, будучи офицеромъ, посѣтилъ Саровскую пустынь и отправился, по примѣру другихъ богомольцевъ, за благословенiемъ къ преподобному о. Серафиму. Въ корридорѣ его кельи холодъ былъ страшный, а я въ военной шинелькѣ дрожалъ отъ мороза. Келейникъ его сказалъ, что у о. Серафима въ настоящее время находится монахъ и онъ съ нимъ бесѣдуетъ, а я, стоя въ корридорѣ, молился Пресвятой Богородицѣ. Дверь отворилась, монахъ вышелъ и чрезъ нѣсколько минутъ о. Серафимъ отворилъ дверь и сказалъ: „какую радость Богъ мнѣ даетъ!“ Ввелъ онъ меня въ свою келлiю, а такъ какъ она была заставлена разными вещами, то онъ посадилъ меня на порогъ своей кельи, а самъ сѣлъ на полъ противъ меня, держа мою руку, и ласково со мною говорилъ,—даже цѣловалъ мою руку. Вотъ какая у него была любовь къ ближнимъ! Я, сидя противъ него, находился въ какомъ-то необыкновенномъ восторгѣ. Послѣ многихъ разговоровъ, я ему сказалъ, что у меня болитъ грудь, (самъ я былъ худой, блѣдный юноша). На это онъ мнѣ отвѣтилъ: „это ничего“, всталъ, взялъ бутылку и подалъ мнѣ, говоря: „глотни большой глотокъ.“ Каковъ же былъ мой ужасъ, когда полилось мнѣ въ ротъ деревянное масло? Я думалъ, что мгновенно послѣдствiе будетъ дурное, но напротивъ, масло оказалось вкуснымъ. Съ этой минуты, благодаря Бога, грудь моя болѣе не болѣла и изъ худого, блѣднаго юноши я сдѣлался здоровымъ и крѣпкимъ мужчиною. Чрезъ довольно долгое время я по необходимости долженъ былъ оставить военную службу и отправиться въ безсрочный отпускъ. Эта разлука съ Петербургомъ причинила мнѣ такую тоску, что я цѣлый годъ не находилъ мѣста отъ нея. По пути въ Арзамасъ я заѣхалъ въ Саровскую пустынь и немедленно пошелъ на могилку о. Серафима, про-

силъ отслужить по немъ панихиду и, какъ только она была отслужена, тоска моя мгновенно исчезла, и я сдѣлался здоровъ.

Оканчивая наше изложеніе, остановимся благоговѣйною мыслію на особыхъ путяхъ промысла Божія въ жизни старца Серафима.

Сынъ гражданина г. Курска съ юныхъ лѣтъ влечется тайнымъ желаніемъ оставить міръ и служить исключительно Богу, подобно св. Ѳеодосію Печерскому, также уроженцу Курскому. Никому незнаемый, приходитъ онъ юношей въ Саровскую обитель, оставивъ мать, брата, имущество и домъ. Не принесши съ собою въ обитель ничего, кромѣ умѣнья читать и писать, онъ начинаетъ жизнь свою съ первыхъ степеней послушанія и смиренно проходитъ ихъ, привлекая къ себѣ любовь и уваженіе начальства и братіи за свое усердіе и кротость. Между тѣмъ въ глубинѣ души его, ни для кого незамѣтно, подъ покровомъ глубокаго смиренія созрѣвалъ внутренній человѣкъ. Его не удовлетворялъ уже, для другихъ самъ по себѣ, тяжкій трудъ иноческой жизни: молитвы, постъ, послушаніе, нестяжательность. Въ немъ раскрывается жажда высшихъ и высшихъ подвиговъ. И вотъ онъ въ безмолвномъ уединеніи проводитъ жизнь строго отшельническую, становится на подвигъ, подобный столпническому, налагаетъ на себя на долгое время обѣтъ молчанія и, какъ бы въ нѣкоемъ гробѣ, заключается въ затворѣ. А созрѣвши въ духовной жизни, по особенному внушенію Божію, онъ отверзаетъ двери келліи и двери устъ своихъ—и сладкія струи духовно-назидательнаго ученія изливаются въ теченіе многихъ лѣтъ на безчисленное множество народа, искавшаго его наставленій. Послѣ продолжительныхъ подвиговъ въ различныхъ добродѣтеляхъ, усвоивъ духъ любви—которая есть верхъ совершенства—онъ является утѣшителемъ душевныхъ скорбей, цѣлителемъ недуговъ тѣлесныхъ, руководителемъ совѣсти для многихъ. И вотъ, безвѣстный и бѣдный пришелецъ въ Саровскую обитель сдѣлался, по благодати Божіей и своему смиренію, не только славою ея, но украшеніемъ и всей православной Церкви. Имя Серафима справедливо обносилось всюду, какъ имя одного изъ великихъ древнихъ подвижниковъ. Въ лицѣ его для нашего скуднаго добродѣтелями и маловѣрнаго вѣка, какъ будто воскресъ древній подвижникъ пустынь ѳиваидскихъ, или пещеръ Кіевскихъ. И знатные, и

простые, и богатые, и нищіе—всѣ стекались къ порогу его келліи, падали ницъ передъ согбеннымъ старцемъ, одѣтымъ въ бѣдный балахонъ, открывали тайны своей совѣсти, повѣряли свои скорби и нужды и принимали съ искреннею любовію и благодарностью каждое слово его, согрѣтое благодатію. И долго, долго будутъ разноситься по всему пространству обширной Россіи слова старца, сказанныя въ тѣсной келліи! Долго, долго они, какъ плодотворное сѣмя, будутъ приносить благіе плоды добрыхъ дѣлъ! Вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не изгладится и память о немъ, по слову Писанія: *Праведникъ во вѣки живетъ.*

Мѣста освященныя воспоминаніемъ объ о. Серафимѣ и прежде были заботливо охраняемы и ограждаемы для сохраненія потомству, однако многія изъ нихъ вполнѣ благолѣпный, подобающій святынѣ, видъ приняли только недавно. Мѣсто блаженнаго упокоенія о. Серафима,—могила съ надгробнымъ памятникомъ, оставалось прежде открытымъ и богомольцамъ во время служенія панихидъ приходилось иногда въ дождь и и слякоть въ лѣтнее время и во вьюгу зимою стоять съ открытою головою и преклонять колѣна на открытомъ, ничѣмъ неогражденномъ мѣстѣ. Въ началѣ 1890-хъ годовъ къ углу, образуемому восточною стѣною придѣльнаго алтаря Успенскаго собора и южною стѣною главнаго его алтаря, надъ могилою о. Серафима устроенъ родъ часовни съ небольшимъ куполомъ и двумя дверями. Двѣ стѣны этой часовни состоятъ изъ металлическихъ рамъ со стеклами. Надъ надгробіемъ старца теплится неугасимая лампада, а на двухъ каменныхъ стѣнахъ въ часовнѣ помѣщены писанныя на полотнѣ 6-ть изображеній о. Серафима: (моленіе на камнѣ, явленіе старцу Божіей Матери въ день Благовѣщенія, кончина его, кормленіе медвѣдя, изображеніе о. Серафима во весь ростъ и благословеніе имъ странника у колодца). Такъ какъ въ ногахъ о. Серафима пришлась могила умершаго раньше его (въ 1817 г.) другого великаго подвижника Саровскаго схимонаха Марка, то противъ нея находится изображеніе и этого старца.

Колодезь, устроенный о. Серафимомъ—этотъ по истинѣ „источникъ чудесныхъ исцѣленій,“ на которомъ каждый посѣтившій Саровъ всегда считалъ и считаетъ непремѣнною обязанностью побывать и если не искупаться, то хотя намочить голову и выпить цѣлебной воды, прежде оставался по виду про-

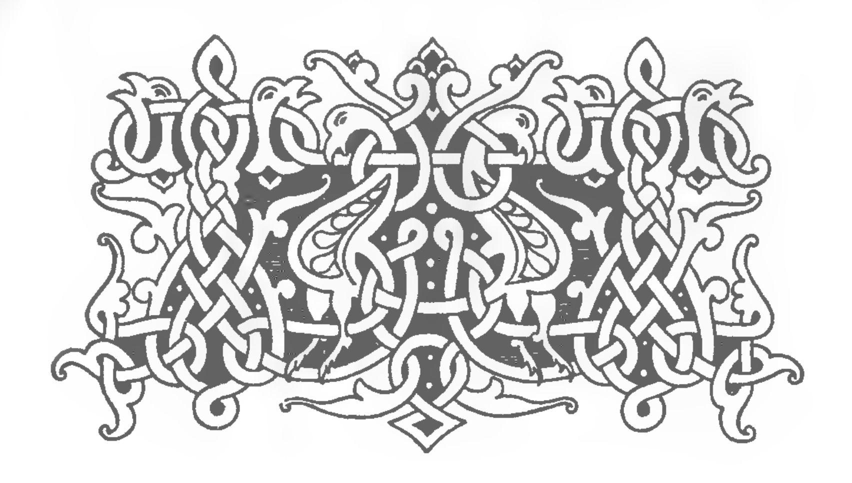
стымъ колодцемъ съ проведеннымъ изъ него, въ уровень содержащейся въ немъ воды, жолобомъ, изъ коего прибывающая сверхъ уровня вода сбѣгала довольно сильною струею, подъ которую и становились желающіе искупаться. Но такъ какъ источникъ этотъ стоитъ на открытомъ мѣстѣ, то паломникамъ, собирающимся весьма часто въ большомъ количествѣ и притомъ различнаго пола и возраста, купаться было совсѣмъ неудобно. Нынѣ надъ источникомъ о. Серафима устроена прекрасная часовня со св. иконами и двумя большими изображеніями его, а возлѣ нея купальня съ двумя совершенно разобщенными отдѣленіями. Вблизи колодца, на мѣстѣ ближней деревянной пустынной келліи о. Серафима, потому же плану и размѣру, построена новая келлія (подлинная перевезена въ Дивѣевъ).

Въ лѣсу, въ 1-й верстѣ отъ Источника, на мѣстѣ, гдѣ находился камень, на которомъ о. Серафимъ совершилъ молитвенный подвигъ 1000 ночей, устроенъ въ 1890 году шатеръ, въ видѣ открытой часовни, на четырехъ рѣзныхъ столбахъ съ шатровою кровлею, съ главою и крестомъ, обитыми желѣзомъ. Нижнія стороны этого зданія ограждены перилами. Внутри поставленъ крестъ съ изображеніемъ Распятія Господня и положенъ большой камень въ воспоминаніе подвига о. Серафима.

На мѣстѣ дальней пустынной келліи о. Серафима въ 1893 г. открытъ при раскопкѣ сложенный изъ кирпича, приблизительно аршина въ три длиною и одинъ аршинъ ширнною, подземный гротъ, въ который старецъ уединялся отъ осаждавшихъ его посѣтителей во время молитвеннаго подвига, гдѣ у него были и камни для стоянія на нихъ. Гротъ этотъ оставленъ точно въ такомъ же видѣ, въ какомъ и найденъ, а надъ нимъ тоже выстроена келлія по плану и размѣрамъ прежней, перевезенной тоже въ Дивѣевъ и обращенной цѣликомъ въ алтарь кладбищенской церкви. Богомольцы считаютъ непремѣнною обязанностію побывать и иа этомъ мѣстѣ освященномъ воспоминаніемъ о дивныхъ подвигахъ о. Серафима. Подлѣ этой келліи находится мѣсто и огородика его. Келлія о. Ссрафима, въ которой онъ подвизался со времени возвращенія своего изъ пустыннаго затвора въ 1810 г., въ которой удостоился за годъ и десять мѣсяцевъ до своей кончины посѣщенія Богоматери и гдѣ праведная душа его отошла ко Господу, находится въ монастырской оградѣ противъ его могилы. Она составляла прежде

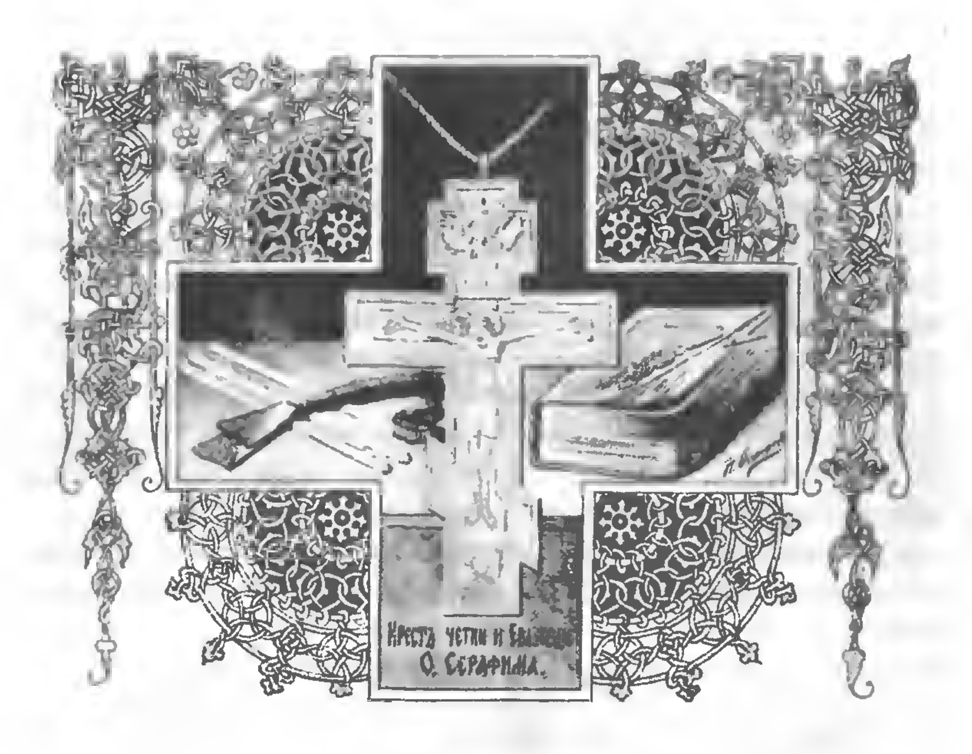
часть южнаго корпуса монастырскихъ келлій. Съ ограды въ нее вели узенькія сѣни съ двумя дверями направо; первая дверь была въ келлію жившаго при о. Серафимѣ монаха Павла, вторая вела въ келлію самого батюшки. Эта послѣдняя длиною и шириною въ 5 аршинъ, при вышинѣ въ 3 аршина 10 вершковъ. Въ ней на южной сторонѣ два небольшихъ окна на огороды и р. Саровку, направо—изразцовая печка съ небольшою лежанкою. Рядомъ съ печкою помѣщаются въ шкапчикѣ и витринѣ нѣкоторые предметы, оставшіеся послѣ Батюшки: мантія его (вмѣстѣ съ мантіею и посохомъ схимонаха Марка), шапочка, четки, крестъ, волосы, спадшіе у него послѣ болѣзни, евангеліе, носимое имъ, часть камня съ пустыни, на которомъ онъ молился 1000 ночей; тутъ же и скамейка сдѣланная руками о. Серафима имъ подписанная. У передней стѣны келліи находится копія съ Дивѣевской иконы Умиленія Божіей Матери вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими иконами, а подлѣ витрины съ вещами батюшки помѣщены два большихъ изображенія его на полотнѣ (во весь ростъ благословляющій и преставленіе его).

Съ 1897 г. сосѣднія съ келліею о. Серафима келліи разобраны и надъ нею строится обширный и благолѣпный храмъ во имя Пресвятой Троицы. Такимъ образомъ мѣсто молитвенныхъ подвиговъ и блаженной кончины старца Божія въ неприкосновенномъ видѣ войдетъ подъ кровъ храма Господня.



НАСТАВЛЕНІЯ

СТАРЦА СЕРАФИМА.



1. О Богѣ.

Богъ есть огнь, согрѣвающій и воспламеняющій сердца и утробы. И такъ, если мы ощутимъ въ сердцахъ своихъ холодъ, который отъ діавола, ибо діаволъ хладенъ, то призовемъ Господа: Онъ пришедъ согрѣетъ наше сердце совершенною любовію не только къ Нему, но и къ ближнимъ. И отъ лица теплоты убѣжитъ хладъ доброненавистника.

Отцы написали, когда ихъ спрашивали: ищи Господа, но не испытуй, гдѣ Онъ живетъ.

Гдѣ Богъ, тамъ нѣтъ зла. Все происходящее отъ Бога, мирно и полезно, и приводитъ человѣка къ самоосужденію и смиренію.

Богъ являетъ намъ Свое человѣколюбіе не только въ тѣхъ случаяхъ, когда мы добро дѣлаемъ, но и тогда, когда оскорбляемъ грѣхами и прогнѣвляемъ Его. Какъ долготерпѣливо сноситъ Онъ наши беззаконія! И когда наказываетъ, какъ милостиво наказываетъ!

Не называй Бога правосуднымъ, говоритъ Преподобный Исаакъ; ибо въ дѣлахъ твоихъ не видно Его правосудія. Правда, Давидъ называлъ Его и правосуднымъ и правымъ; но Сынъ Его показалъ намъ, что Богъ болѣе благъ и милостивъ. Гдѣ

Его правосудіе? Мы были грѣшники, и Христосъ умеръ за насъ (Исаак. Сир. Сл. 90).

Поколику человѣкъ совершенствуется здѣсь предъ Богомъ, потолику ходитъ вслѣдъ Его; въ истинномъ же вѣкѣ Богъ явитъ ему лице Свое. Ибо праведные, входя здѣсь на землѣ въ созерцаніе Его, видятъ образъ Его какъ въ зерцалѣ, а тамъ удостоятся зрѣть явленіе истины.

Если ты не знаешь Бога, то невозможно, чтобы явилась въ тебѣ и любовь къ Нему. Ты не можешь любить Бога, если не увидишь Его. Видѣніе же Бога бываетъ отъ познанія Его: ибо созерцаніе не предшествуетъ Богопознанію.

О дѣлахъ Божіихъ не разсуждай по насыщеніи своего чрева: при наполненномъ чревѣ какое можетъ быть вѣдѣніе таинъ Божіихъ?

2. О Вѣрѣ.

Прежде всего должно вѣровать въ Бога, *яко есть, и взыскающимъ Его мздовоздатель бываетъ* (Евр. X. 6).

Вѣра, по ученію Преподобнаго Антіоха, есть начало нашего соединенія съ Богомъ: истинно вѣрующій есть камень храма Божія, уготованный для зданія Бога Отца, вознесенный на высоту силою Іисуса Христа, т. е. крестомъ, помощію вервія, т. е. благодати Духа Святаго.

Вѣра безъ дѣлъ мертва есть (Іак. 2, 26); а дѣла вѣры суть: любовь, миръ, долготерпѣніе, милость, смиреніе, несеніе креста и жизнь по духу. Лишь такая вѣра вмѣняется въ правду. Истинная вѣра не можетъ оставаться безъ дѣлъ; кто истинно вѣруетъ, тотъ непремѣнно творитъ и добрыя дѣла.

3. О надеждѣ.

Всѣ, имѣющіе твердую надежду на Бога, возводятся къ Нему и просвѣщаются сіяніемъ вѣчнаго свѣта.

Если человѣкъ не имѣетъ излишняго попеченія о себѣ изъ любви къ Богу и для дѣлъ добродѣтели, зная, что Богъ печется о немъ: то таковая надежда есть истинная и мудрая. А если человѣкъ все упованіе свое возлагаетъ на свои дѣла, къ Богу же обращается съ молитвою лишь тогда, когда его постигаютъ непредвидѣнныя бѣды, и онъ, не видя въ собственныхъ силахъ средствъ къ отвращенію ихъ, начинаетъ надѣять-

ся на помощь Божію,—то такая надежда суетна и ложна. Истинная надежда ищетъ единаго царствія Божія, и увѣрена, что все земное, потребное для жизни временной, несомнѣнно дано будетъ.

Сердце не можетъ имѣть и мира, пока не пріобрѣтетъ такой надежды. Она-то вполнѣ умиротворяетъ его и вноситъ радость въ него. О сей-то надеждѣ сказали святѣйшія уста Спасителя: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Матѳ. 11, 28), т. е. надѣйся на Меня, и утѣшишься отъ труда и страха.

Въ Евангеліи ев. Луки сказано о Сумеонѣ: *и бѣ ему обѣщано Духомъ Святымъ не видѣти смерти, прежде даже не видитъ Христа Господня* (Лук. 2. 26). И Сумеонъ праведный не умертвилъ надежды своей, но ждалъ вожделѣннаго Спасителя міру и, съ радостію принявъ Его на свои руки, сказалъ: теперь Ты отпущаешь меня, Владыко, въ Твое вожделѣнное для меня царство: ибо я увидѣлъ надежду мою—Христа Господня.

4. О любви къ Богу.

Стяжавшій совершенную любовь къ Богу существуетъ въ жизни сей такъ, какъ бы не существовалъ. Ибо считаетъ себя чужимъ для видимаго, съ терпѣніемъ ожидая невидимаго. Онъ весь измѣнился въ любовь къ Богу и оставилъ всѣ другія привязанности.

Кто себя любитъ, тотъ любить Бога не можетъ. А кто не любитъ себя ради любви къ Богу, тотъ любитъ Бога.

Истинно любящій Бога считаетъ себя странникомъ и пришельцемъ на землѣ сей; ибо въ своемъ стремленіи къ Богу душею и умомъ созерцаетъ только Его одного.

Душа, исполненная любви къ Богу, и во время исхода своего изъ тѣла, не убоится князя воздушнаго, но съ Ангелами возлетитъ, какъ бы отъ чужой страны, на родину.

5. О страхѣ Божіемъ.

Человѣкъ, рѣшившійся проходить путь внутренняго вниманія, прежде всего долженъ имѣть страхъ Божій, который есть начало премудрости.

Пусть будутъ въ умѣ его всегда напечатлѣны сіи проро-

ческія слова: *работайте Господеви со страхомъ, и радуйтеся ему съ трепетомъ* (Пс. 2, 11).

Онъ долженъ проходить путь свой съ крайнею осторожностію и благоговѣніемъ ко всему священному, а не небрежно. Въ противномъ случаѣ нужно опасаться, чтобъ не отнеслось къ нему сіе страшное опредѣленіе Божіе: *проклятъ человѣкъ, творяй дѣло Господне съ небреженіемъ* (Iерем. 48, 10).

Благоговѣйная осторожность здѣсь нужна потому, что сіе море (т. е. сердце съ своими помыслами и желаніями, которое должно очистить посредствомъ вниманія) велико и пространно: *тамо гади, имже нѣсть числа,* т. е. въ немъ гнѣздятся многіе помыслы суетные, неправые и нечистые, — порожденія злыхъ духовъ.

Бойся Бога, говоритъ Премудрый, *и заповѣди его храни* (Еккл. 12, 13). А соблюдая заповѣди, ты будешь силенъ во всякомъ дѣлѣ, и дѣло твое будетъ всегда хорошо. Ибо, боясь Бога, ты изъ любви къ Нему все дѣлать будешь хорошо. А діавола не бойся; кто боится Бога, тотъ одолѣетъ діавола: для того діаволъ безсиленъ.

Два вида страха: если не хочешь дѣлать зла, то бойся Господа, и не дѣлай; а если хочешь дѣлать добро, то бойся Господа и дѣлай.

Но никто не можетъ стяжать страха Божія, доколѣ не освободиться отъ всѣхъ заботъ житейскихъ. Когда умъ будетъ безпопечителенъ, тогда движетъ его страхъ Божій и влечетъ къ любви благости Божіей.

6. Объ отреченіи отъ міра.

Страхъ Божій пріобрѣтается тогда, когда человѣкъ, отрекшись отъ всего, что въ мірѣ, соберетъ всѣ свои мысли и чувства и весь погрузится въ созерцаніе Бога и въ чувство обѣщаннаго святымъ блаженства.

Нельзя вполнѣ отречься отъ міра и придти въ состояніе духовнаго созерцанія, оставаясь въ мірѣ. Ибо доколѣ страсти не утишатся, нельзя стяжать мира душевнаго. Но страсти не утишаются, доколѣ насъ окружаютъ предметы, возбуждающіе страсти. Чтобы придти въ совершенное безстрастіе и достигнуть совершеннаго безмолвія души, нужно много подвизаться въ духовномъ размышленіи и молитвѣ. Но какъ же возможно

всецѣло и спокойно предаваться созерцанію Бога, поучаться въ законѣ Его и всею душею возноситься къ Нему въ пламенной молитвѣ, оставаясь среди непрестающаго шума страстей, воюющихъ въ мірѣ? Міръ во злѣ лежитъ.

Не освободясь отъ міра, душа не можетъ любить Бога искренно. Ибо житейское, по словамъ преп. Антіоха, для нея есть какъ бы покрывало.

Если мы, говоритъ онъ же, живемъ въ чужомъ градѣ и нашъ градъ далеко отъ града сего, и если мы знаемъ градъ нашъ: то для чего мы медлимъ въ чужомъ градѣ и въ немъ уготовляемъ себѣ поля и жилища! И како воспоемъ пѣснь Господню на земли чуждей? Міръ сей есть область инаго, т. е. князя вѣка сего (Сл. 15).

7. О безмолвіи.

Преподобный Варсонофій учитъ: доколѣ на морѣ—корабль терпитъ бѣды и приражснія вѣтровъ; а когда достигнетъ пристанища тихаго и мирнаго, уже не боится бѣдъ и скорбей и приражснія вѣтровъ, но остается въ тиши. Такъ и ты, монахъ, доколѣ остаешься съ людьми, ожидай скорбей и бѣдъ и при, ражснія мысленныхъ вѣтровъ; а когда въ безмолвіе вступишь, бояться тебѣ нечего (Варс. Отв. 8, 9).

Совершенное безмолвіе есть крестъ, на которомъ долженъ человѣкъ распять себя со всѣми страстьми и похотьми. Но подумай, Владыка нашъ Христосъ сколько напередъ претерпѣлъ поношеній и оскорбленій, и потомъ уже восшелъ на крестъ. Такъ и намъ нельзя придти въ совершенное безмолвіе и надѣяться святаго совершенства, если не постраждемъ со Христомъ. Ибо, говоритъ Апостолъ, *аще съ Нимъ страждемъ, съ Нимъ и прославимся*. Другого пути нѣтъ (Варс. Отв. 342).

Пришедшій въ безмолвіе долженъ непрестанно помнить, зачѣмъ пришелъ, чтобы не уклонилось сердце его къ чему либо другому.

8. О вниманіи къ самому себѣ.

Проходящій путь вниманія не долженъ вѣрить одному только сердцу своему, но сердечныя свои дѣйствія и самую жизнь повѣрять съ закономъ Божіимъ и съ дѣятельною жизнію подвижниковъ благочестія, такой же подвигъ проходившихъ. Симъ

средствомъ удобнѣе можно и отъ лукаваго избавиться и истину узрѣть яснѣе.

Умъ внимательнаго человѣка есть какъ бы поставленный стражъ, или неусыпный хранитель внутренняго Іерусалима. Стоя на высотѣ духовнаго созерцанія, онъ смотритъ окомъ чистоты на обходящія и приражающіяся къ душѣ его противныя силы, по словамъ Псалмопѣвца: *и на враги моя воззрѣ око мое* (53, 9).

Отъ ока его не скрытъ діаволъ, *яко левъ рыкающій, искій кого поглотити* (1 Петр. 5, 8), и тѣ которые напрягаютъ *лукъ свой сострѣляти во мрацѣ правыя сердцемъ* (Пс. 10, 2).

По ученію Св. Отцевъ, при каждомъ человѣкѣ находятся два ангела: одинъ добрый, другой злый. Ангелъ добрый тихъ, кротокъ и безмолвенъ. Когда онъ войдетъ въ сердце человѣка, то говоритъ съ нимъ о правдѣ, чистотѣ, честности, спокойствіи, о всякомъ благомъ дѣлѣ и о всякой добродѣтели. Когда почувствуешь это въ сердцѣ твоемъ, очевидно, въ тебѣ находится Ангелъ правды. А духъ лукавый остројелченъ, жестокъ и безуменъ. Когда онъ войдетъ въ сердце твое, то узнавай это по дѣламъ его (Ант. Сл. 61).

Внимай себѣ, возлюбленный, говоритъ Исаакъ Сиринъ, и при непрестанномъ дѣланіи, имѣй предъ глазами и приключающіяся тебѣ скорби, и мѣсто пустыни, въ которой живешь и тонкость ума своего вмѣстѣ съ грубостію своего познанія, и продолжительность безмолвія вмѣстѣ со многими врачевствами, т. е. искушеніями, какія наводятся на тебя то истиннымъ Врачемъ ко здравію внутренняго человѣка, то иногда и бѣсами, и состоятъ иногда въ болѣзняхъ и трудахъ тѣлесныхъ, иногда въ ужасающихъ помышленіяхъ души твоей, и въ страшныхъ напоминаніяхъ о томъ, что будетъ при концѣ; иногда прививаются и обвязываются благодатная теплота и сладкія слезы и духовная радость и подобное. И теперь, во всѣхъ ли этихъ обстоятельствахъ совершенно видишь, что язва твоя начала подживать и закрываться, т. е. страсти стали ослабѣвать? Положи примѣту, и непрестанно входи самъ въ себя, и смотри, какія страсти, по твоему замѣчанію, изнемогли предъ тобой, какія истребились и совершенно оставили тебя, какія начали умолкать вслѣдствіе выздоравливанія души твоей, а не удаленія только того, что возбуждало ихъ, и какія научился

одолѣвать разумомъ своимъ, а не однимъ лишеніемъ себя причинъ страсти. И еще внимай, совершенно ли видишь, что въ гніющей язвѣ твоей начала наростать живая плоть, т. е. миръ душевный; и какія страсти преслѣдуютъ тебя одна за другою послѣдовательно и стремительно, и чрезъ какой промежутокъ времени; тѣлесныя ли или душевныя это страсти или сложныя и смѣшанныя и проходятъ ли въ памяти только какъ слабыя, или сильно возстаютъ на душу — и какъ возстаютъ — властительски, или, яко тать; какъ смотритъ на нихъ царь—умъ, этотъ властитель чувствъ: вступаетъ ли съ ними въ брань, когда выступятъ впередъ и объявятъ войну, и доводитъ ли ихъ до безсилія своею крѣпостію, или, и видя не видитъ ихъ и вовсе и не занимается ими; и какія остались изъ старыхъ страстей, и какія вновь образовались; притомъ, возникаютъ ли страсти въ живыхъ образахъ, или въ чувствѣ — безъ живыхъ образовъ, и въ памяти—безъ страстнаго движенія, безъ размышленія о нихъ и безъ раздраженія. И по этому можно узнавать мѣру душевнаго здравія (Исаак. Сир. сл. 45).

А потому таковый человѣкъ, слѣдуя ученію божественнаго Павла, *принимаетъ вся оружія Божія, да возможетъ противитися въ день лютъ* (Ефес. 6, 13), и сими оружіями, при содѣйствіи благодати Божіей, отражаетъ видимыя приряженія и побѣждаетъ невидимыхъ ратниковъ. Мы видимъ примѣръ таковаго духовнаго бодрствованія въ Іовѣ многострадальномъ, о коемъ св. Церковь воспѣваетъ такъ: *„богатство видѣвъ добродѣтелей Іовлихъ, украсти кознствоваше праведныхъ врагъ, и растерзавъ столпъ тѣлесе, сокровище не украде духа: обрѣте бо вооруженну непорочную душу“* (Тропарь мая 6-го).

Проходящій путь сей не долженъ внимать постороннимъ слухамъ, отъ которыхъ голова можетъ быть наполнена праздными и суетными помыслами и воспоминаніями; но долженъ быть внимателенъ къ себѣ.

Особенно на семъ пути наблюдать должно, чтобъ не обращаться на чужія дѣла, не мыслить и не говорить о нихъ, по Псаломнику: *не возглаголютъ уста мои дѣлъ человѣческихъ* (16, 4); а молить Господа: *отъ тайныхъ моихъ очисти мя, и отъ чуждихъ пощади раба Твоего* (Псал. 18, 13, 14).

Чтобъ сохранить вниманіе, надобно уединяться въ себя, по глаголу Господню: *никогоже на пути цѣлуйте* (Лук. 10, 4),

т. е. безъ нужды не говорить, развѣ бѣжитъ кто за тобою, чтобъ услышать полезное.

Встрѣчающихся старцевъ или братій поклонами почитать должно, имѣя очи всегда заключенныя.

9. О попеченіи о душѣ.

Человѣкъ по тѣлу подобенъ зажженной свѣчѣ. Свѣча должна сгорѣть, и человѣкъ долженъ умереть. Но душа его безсмертна; потому и попеченіе наше должно относиться болѣе къ душѣ, нежели къ тѣлу: *кая бо польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ? или что дастъ человѣкъ измѣну за душу свою* (Матѳ. 16, 26), за которую, какъ извѣстно, ничто въ мірѣ не можетъ быть выкупомъ? Если одна душа сама по себѣ драгоцѣннѣе всего міра и царства мірскаго, то несравненно дороже царство небесное. Душу же почитаемъ драгоцѣннѣе всего по той причинѣ, какъ говоритъ Макарій Великій, что Богъ ни съ чѣмъ не благоволилъ сообщиться и соединиться своимъ духовнымъ естествомъ, ни съ какимъ видимымъ созданіемъ, но съ однимъ человѣкомъ, котораго возлюбилъ болѣе всѣхъ тварей Своихъ (Макар. Велик. Сл. о свободѣ ума. Гл. 32).

Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Кириллъ Александрійскій, Амвросій Медіоланскій и прочіе отъ юности до конца жизни были дѣвственники; вся ихъ жизнь была обращена на попеченіе о душѣ, а не о тѣлѣ. Такъ и намъ все стараніе должно имѣть о душѣ, тѣло же подкрѣплять для того только, чтобъ оно способствовало къ подкрѣпленію духа.

Если самовольно изнуримъ свое тѣло до того, что изнурится и духъ, то таковое удрученіе будетъ безразсудное, хотя бы сіе дѣлалось для снисканія добродѣтели.

Буде же Господу Богу угодно будетъ, чтобы человѣкъ испыталъ на себѣ болѣзни, то Онъ же подастъ ему и силу терпѣнія.

Итакъ пусть будутъ болѣзни не отъ насъ самихъ, но отъ Бога.

10. Чѣмъ должно снабдѣвать душу?

Если хочешь устроить домъ души своея, говоритъ Преподобный Варсонофій, то прежде приготовь вещество и все по-

требное, чтобы художнику оставалось придти и устроить. Потребное для таковаго зданія суть твердая вѣра для устроенія стѣнъ; деревянныя окончины, вводящія свѣтъ солнечный, который бы освѣщалъ домъ, чтобы не было въ немъ ни малѣйшей темноты. Оконца деревянныя суть пять чувствъ, честнымъ Крестомъ Христовымъ утвержденныя, вводящія свѣтъ мысленнаго солнца правды и не позволяющія оставаться въ дому твоемъ ни малѣйшей темнотѣ врага и доброненавистника твоего. Потомъ требуется покровъ, да ни *во дни солнце не ожжетъ тебе, ниже луна нощію* (Пс. 120, 6). Покровъ скрѣпляется любовію къ Богу, которая бы, покрывая домъ, никогда не падала и не позволяла *заходить солнцу во гнѣвѣ твоемъ,* дабы не увидѣть его обличающимъ тебя въ день судный и жгущимъ въ огнѣ геенскомъ, и луну свидѣтельствующую о нощномъ нашемъ уныніи и лѣности. Наконецъ требуется дверь, вводящая въ домъ и хранящая живущаго въ немъ. Разумѣй мысленную дверь— Сына Божія, Который говоритъ: *Азъ есмь дверь.* Если такъ устроишь домъ души своей, и въ немъ не будетъ ничего неприличнаго и неугоднаго Богу, то Онъ пріидетъ съ благословеннымъ Отцемъ и Духомъ Святымъ, и обитель у тебя сотворитъ и научитъ тебя, что такое миръ души, просвѣтивъ сердце твое радостію неизглаголанною (Вар. Отв. 171).

Душу снабдѣвать надобно словомъ Божіимъ: ибо слово Божіе, какъ говоритъ Григорій Богословъ, есть хлѣбъ Ангельскій, имъ же питаются души, Бога алчущія. Всего же болѣе должно упражняться въ чтеніи Новаго Завѣта и Псалтири; Евангеліе и посланіе Апостоловъ должно читать *стоя* предъ св. иконами, а псалмы можно читать *сидя.* Отъ чтенія св. Писанія бываетъ просвѣщеніе въ разумѣ, который отъ того измѣняется измѣненіемъ Божественнымъ.

Надобно такъ обучить себя, чтобы умъ какъ бы плавалъ въ Законѣ Господнемъ, по руководству котораго должно устроять и жизнь свою.

Очень полезно заниматься чтеніемъ слова Божія въ уединеніи и прочитать всю Библію разумно. За одно таковое упражненіе, кромѣ другихъ добрыхъ дѣлъ, Господь не оставитъ человѣка Своею милостію, но исполнитъ его дара разумѣнія.

Когда же человѣкъ снабдитъ душу свою словомъ Божі-

имъ, тогда исполняется разумѣніемъ того, что есть добро, и что есть зло.

Чтеніе слова Божія должно быть производимо въ уединеніи для того, чтобы весь умъ читающаго углубленъ былъ въ истины Священнаго Писанія, и принималъ отъ Бога въ себя теплоту, которая въ уединеніи производитъ слезы; отъ нихъ человѣкъ согрѣвается весь и исполняется духовныхъ дарованій, услаждающихъ умъ и сердце паче всякаго слова.

Тѣлесный трудъ и упражненіе въ божественныхъ Писаніяхъ, учитъ Преподобный Исаакъ Сиринъ охраняютъ чистоту, а трудъ подкрѣпляется надеждою и страхомъ. Надежду же и страхъ производятъ въ умѣ удаленіе отъ людей и непрестанная молитва. Пока не пріиметъ Утѣшителя, человѣкъ имѣетъ нужду въ божественныхъ Писаніяхъ, чтобы воспоминаніе о благахъ напечатлѣвалось въ умѣ его и отъ непрестаннаго чтенія обновлялось въ немъ стремленіе ко благу и охраняло душу его отъ тонкихъ путей грѣха,—имѣетъ нужду потому, что не пріобрѣлъ еще силы Духа, которая удаляетъ заблужденіе, беретъ въ плѣнъ душеполезныя припоминанія, и приближается къ той холодности, какая бываетъ при разсѣянности ума. Ибо когда сила Духа низойдетъ на душевную силу, дѣйствующую въ немъ, тогда вмѣсто закона Писаній укореняются въ сердцѣ заповѣди Духа; и тогда онъ втайнѣ бываетъ наставляемъ Духомъ и не имѣетъ нужды въ помощи чего либо чувственнаго. А пока сердце учится чрезъ вещественное, вслѣдъ за ученіемъ идетъ заблужденіе и забвеніе. А когда ученіе будетъ отъ Духа, тогда память соблюдается невредимою (Исаак. Сир. Сл. 58).

Слѣдуетъ также снабдѣвать душу и познаніями о Церкви, какъ она отъ начала и доселѣ сохраняется, и что терпѣла она въ то или другое время,—знать же сіе не для того, чтобъ желать управлять людьми, но на случай могущихъ встрѣтиться вопрошеній, также—для убѣжденія и утѣшенія своего духа.

Болѣе же всего дѣлать это должно собственно для себя, чтобъ пріобрѣсти миръ душевный, по ученію Псаломника: *миръ многъ любящимъ законъ Твой, Господи* (118, 165).

11. О мирѣ душевномъ.

Миръ душевный пріобрѣтается скорбями. Писаніе говоритъ: *проидохомъ сквозь огнь и воду, и извелъ еси ны въ покой* (Псал.

65, 12). Хотящимъ угодить Богу путь лежитъ сквозь многія скорби. Какъ ублажать намъ святыхъ Мучениковъ за страданія, которыя претерпѣли они ради Бога, когда мы не можемъ стерпѣть и огневицы?

Ничто такъ не содѣйствуетъ стяжанію внутренняго мира, какъ молчаніе и, сколько возможно, непрестанная бесѣда съ собою и рѣдкая—съ другими.

Ничто же лучше есть во Христѣ мира, въ немъ же разрушается всякая брань воздушныхъ и земныхъ духовъ. Ибо *нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ и ко властемъ и къ міродержителемъ тмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ* (Ефес. 6, 12).

Признакъ духовной жизни есть погруженіе человѣка внутрь себя и сокровенное дѣланіе въ сердцѣ своемъ.

Благодать Божія пріосѣняетъ такого человѣка и онъ бываетъ сперва въ мирномъ устроеніи, а путемъ сего переходитъ и въ премірное: въ мирномъ, то есть, съ совѣстію благою; въ премирномъ же, когда его умъ созерцаетъ въ себѣ благодать Святаго Духа, по слову Божію: *въ мирѣ мѣсто Его* (Псал. 75, 3).

Можно ли, видя солнце чувственными очами, не радоваться? Но сколько радостнѣе бываетъ, когда умъ видитъ внутреннимъ окомъ Солнце правды—Христа? Тогда воистину радуется онъ радостію Ангельскою. О семъ-то и Апостолъ сказалъ: *наше житіе на небесѣхъ есть* (Филип. 3, 20).

Кто въ мирномъ устроеніи неуклонно ходитъ, тотъ, какъ бы лжицею, черпаетъ духовные дары.

Святые отцы, имѣя мирное устроеніе, и будучи осѣняемы благодатію Божіею, жили долго.

Когда человѣкъ придетъ въ мирное устроеніе, тогда онъ можетъ отъ себя и на другихъ изливать свѣтъ просвѣщенія разума. Прежде сего человѣку надобно повторять сіи слова Анны пророчицы: *да не изыдетъ велерѣчіе изъ устъ вашихъ* (1 Цар. 2, 3), и слова Господни: *лицемѣре, изми первѣе бервно изъ очесе твоего, и тогда узриши изъяти сучецъ изъ очесе брата твоего* (Матѳ. 7. 5).

Сей миръ, какъ нѣкое безцѣнное сокровище, оставилъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ ученикамъ своимъ предъ смертію Своею, глаголя: *миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ*

(Іоан. 14, 27). О немъ также говоритъ и Апостолъ: *и миръ Божій превосходяй всякъ умъ да соблюдетъ сердца ваша и разумѣнія ваша о Христѣ Іисусѣ* (Филип. 4, 7); *миръ имѣйте и святыню со всѣми, ихъ же кромѣ никтоже узритъ Господа* (Евр. 12, 14).

Итакъ мы должны всѣ свои мысли, желанія и дѣйствія сосредоточивать къ тому, чтобы получить миръ Божій, и съ Церковію всегда взывать: *Господи, Боже нашъ, миръ даждь намъ* (Пс. 26, 12).

12. О храненіи мира душевнаго.

Надобно всѣми мѣрами стараться, чтобы охранить душевный миръ и не возмущаться оскорбленіями отъ другихъ; для сего нужно всячески удерживаться отъ гнѣва, и посредствомъ вниманія оберегать умъ и сердце отъ непристойныхъ колебаній.

Оскорбленія отъ другихъ должно переносить равнодушно и пріобучаться къ такому расположенію, какъ бы онѣ не до насъ касались.

Такое упражненіе можетъ доставить нашему сердцу тишину и содѣлать его обителію Самого Бога.

Образъ такого незлобія мы видимъ въ жизни св. Григорія Чудотворца, отъ котораго нѣкая жена блудница всенародно требовала мзды, акибы за грѣхъ съ нею содѣянный; а онъ ни мало не разгнѣвавшись на нее, кротко сказалъ нѣкоему другу своему: *даждь* скоро ей цѣну, колико требуетъ. Жена, только что пріяла неправедную мзду, подверглась нападенію бѣса. Святитель же изгналъ изъ нея и бѣса молитвою (Чет. мин. Ноябр. 17).

Если же невозможно, чтобъ не возмутиться, то по крайней мѣрѣ надобно удерживать языкъ по глаголу Псалмопѣвца: *смятохся и не глаголахъ* (76, 5).

Въ семъ случаѣ мы можемъ взять въ образецъ себѣ Св. Спиридона Тримифунтскаго и Препод. Ефрема Сирина. Первый (Чет. мин. Дек. 12) такъ перенесъ оскорбленіе: когда, по требованію греческаго царя, входилъ онъ во дворецъ, то одинъ изъ слугъ, бывшихъ въ палатѣ царской, сочтя его за нищаго, смѣялся надъ нимъ, не пускалъ въ палату, и даже ударилъ его въ ланиту. Св. Спиридонъ, будучи незлобивъ, обратилъ ему по слову Господню и другую (Матѳ. 5, 39).—Преподобный

Ефремъ (Чет. мин. янв. 28), постясь въ пустынѣ, разъ лишенъ былъ пищи такимъ образомъ: ученикъ его, неся пищу, нечаянно разбилъ по дорогѣ сосудъ. Преподобный, увидѣвъ ученика печальнымъ, сказалъ ему: „не скорби, брате; аще бо не восхотѣ пріити къ намъ пища, то мы пойдемъ къ ней.“ Итакъ предобный пошелъ, сѣлъ при сокрушенномъ сосудѣ и, собирая снѣдь, вкушалъ ее. Такъ-то онъ былъ безгнѣвенъ.

А какъ побѣждать гнѣвъ, сему можно поучиться изъ житія Паисія Великаго (Чет. мин. Іюня 19), который просилъ Господа Іисуса Христа, явившагося ему, чтобы Онъ освободилъ его отъ гнѣва. И Спаситель сказалъ ему: *аще хощеши побѣдити гнѣвъ и ярость купно, ничесоже возжелай, ни возненавиди кого, ни уничижи.*

Чтобы сохранить душевный миръ, должно отгонять отъ себя уныніе, и стараться имѣть духъ радостный; по слову премудраго Сираха, *многи печаль уби, и нѣсть пользы въ ней* (Сир. 30, 25).

Для сохраненія мира душевнаго также всячески должно избѣгать осужденія другихъ. Снисхожденіемъ къ брату и молчаніемъ сохраняется миръ душевный. Когда въ такомъ устроеніи бываетъ человѣкъ, то получаетъ божественныя откровенія.

Чтобы не впадать въ осужденія ближнихъ, должно внимать себѣ, ни отъ кого не принимать худыхъ вѣстей и быть ко всему мертвымъ.

Къ сохраненію душевнаго мира надобно чаще входить въ себя и спрашивать: гдѣ я?

При семъ должно наблюдать, чтобы тѣлесныя чувства, особенно зрѣніе, служили внутреннему человѣку, и не развлекали душу чувственными предметами: ибо благодатныя дарованія получаютъ только тѣ, которые имѣютъ внутреннее дѣланіе и бдятъ о душахъ своихъ.

13. О подвигахъ.

Не должно предпринимать подвиговъ сверхъ мѣры, а стараться, чтобы другъ—плоть наша—былъ вѣренъ и способенъ къ творенію добродѣтелей.

Надобно идти среднимъ путемъ, *не уклоняясь ни на десно, ни на шуе* (Притч. 4, 27): духу давать духовное, а тѣлу тѣлесное, потребное для поддержанія временной жизни. Не дол-

жно также и общественной жизни отказывать въ томъ, чего она законно требуетъ отъ насъ, по словамъ Писанія: *воздадите Кесарево Кесареви, и Божія Богови* (Мато. 22, 21).

Должно снисходить и душѣ своей въ ея немощахъ и несовершенствахъ, и терпѣть свои недостатки, какъ терпимъ недостатки ближнихъ, но не облѣниться и непрестанно побуждать себя къ лучшему.

Употребилъ ли ты много пищи, или сдѣлалъ другое что сродное слабости человѣческой, не возмущайся, не прибавляй вреда ко вреду; но мужественно подвигнувъ себя къ исправ ленію, старайся сохранить миръ душевный, по слову Апостола: *блаженъ не осуждаяй себе, о немъ же искушается* (Римл. 14, 22). Тотъ же смыслъ заключаютъ въ себѣ и слова Спасителя: *аще не обратитеся, и будите яко дѣти, не внидите въ царство небесное* (Мато. 18, 3).

Тѣло, изможденное трудомъ или болѣзнями, должно подкрѣплять умѣреннымъ сномъ, пищею и питіемъ, не наблюдая даже и времени. Іисусъ Христосъ, тотчасъ по воскресеніи дщери Іаировой отъ смерти, *повелѣлъ дати ей ясти* (Лук. 8, 55).

Всякій успѣхъ въ чемъ либо мы должны относить ко Господу и говорить съ Пророкомъ: *не намъ, Господи, не намъ, но имени Твоему даждь славу* (Псал. 113. 9).

Лѣтъ до тридцати пяти, то есть, до преполовенія земной жизни, великъ подвигъ человѣку въ сохраненіи себя и многіе въ сіи лѣта не устаиваютъ въ добродѣтели, но совращаются съ праваго пути къ собственнымъ пожеланіямъ, какъ о семъ Св. Василій Великій свидѣтельствуетъ (Бесѣд. на начал. притч. стр. 305): многіе много собрали въ юности, но посредѣ житія бывши, воставшимъ на нихъ искушеніямъ отъ духовъ лукавствія, не стерпѣли волненія, и всего того лишились.

Чтобы не испытать такого превращенія, надобно поставить себя какъ на мѣрилѣ испытанія и внимательно наблюдать всю жизнь за собою, по ученію Св. Исаака Сирина: якоже на мѣрилѣ приличествуетъ извѣсити коемуждо жительство свое (Слов. 40).

14. О свѣтѣ Христовомъ.

Дабы принять и ощутить въ сердцѣ своемъ свѣтъ Христовъ, надобно, сколько можно, отвлечь себя отъ видимыхъ

предметовъ. Предочистивъ душу покаяніемъ и добрыми дѣлами, при искренней вѣрѣ въ Распятаго, закрывъ тѣлесныя очи, должно погрузить умъ внутрь сердца и вопіять, непрестанно призывая имя Господа нашего Іисуса Христа. Тогда, по мѣрѣ усердія и горячности духа къ возлюбленному (Лук. 3, 22), человѣкъ въ призываемомъ имени находитъ услажденіе, которое возбуждаетъ желаніе искать высшаго просвѣщенія.

Когда умъ съ такимъ упражненіемъ долго пребудетъ, укоснитъ сердце, тогда возсіяетъ свѣтъ Христовъ, освѣщая храмину души божественнымъ сіяніемъ, какъ говоритъ отъ лица Бога Св. Пророкъ Малахія: *и возсіяетъ вамъ, боящимся имени Моего солнце правды* (4, 2). Сей свѣтъ есть купно и жизнь, по Евангельскому слову: *въ Томъ животъ бѣ, и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ* (Іоан. 1, 4).

Когда человѣкъ созерцаетъ внутренно свѣтъ вѣчный, тогда умъ его бываетъ чистъ и не имѣетъ въ себѣ никакихъ чувственныхъ представленій, но, весь будучи углубленъ въ созерцаніе несозданной доброты, забываетъ все чувственное, не хочетъ зрѣть и себя, но желаетъ скрыться въ сердцѣ земли, только бы не лишиться сего истиннаго блага—Бога.

15. О слезахъ.

Всѣ святые и міра отрекшіеся иноки всю жизнь свою плакали, въ чаяніи вѣчнаго утѣшенія, по увѣренію Спасителя міра: *блажени плачущіи, яко тіи утѣшатся* (Матѳ. 5, 4).

Такъ ли мы должны плакать объ оставленіи грѣховъ своихъ. Къ сему да убѣдятъ насъ слова Порфироноснаго Пророка: *ходящіи хождаху и плакахуся, метающе сѣмена своя: грядуще же пріидутъ радостію, вземлюще рукояти своя* (Псал. 125, 6); и слова Исаака Сирина: омочи ланитѣ твои плачемъ очію твоею, да почіетъ на тебѣ Святый Духъ, и омыетъ тя отъ скверны злобы твоея. Умилостиви Господа твоего слезами, да пріидетъ къ тебѣ (Сл. 68, объ отреченіи отъ міра).

Когда мы плачемъ въ молитвѣ, и къ слезамъ примѣшивается смѣхъ, то это отъ діавольской хитрости. Трудно постигнуть тайныя и тонкія дѣйствія врага нашего.

У кого текутъ слезы умиленія, у того сердце озаряется лучами Солнца правды—Христа Бога.

16. О покаяніи.

Желающему спастися всегда должно имѣть сердце расположенное къ покаянію и сокрушенное: *жертва Богу духъ сокрушенъ, сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (Псал. 50, 19).

Въ такомъ сокрушеніи духа человѣкъ съ легкостію можетъ безбѣдно проходить хитрыя козни діавола, коего всѣ силы направлены къ тому, чтобы возмутить духъ человѣка и въ возмущеніи посѣять свои плевелы, по словеси Евангельскому. *Господи, не доброе ли сѣмя сѣялъ еси на селѣ Твоемъ? откуду убо плевелы? Онъ же рече: врагъ человѣкъ сіе сотвори* (Матѳ. 13, 28).

Когда же человѣкъ старается имѣть сердце смиренное и мысль сохранить въ мирѣ, тогда всѣ козни вражіи бываютъ бездѣйственны; ибо гдѣ миръ помысловъ, тамъ почиваетъ Самъ Богъ: *въ мирѣ,* сказано *мѣсто Его* (Псал. 75. 3).

Начало покаянія зараждается отъ страха Божія и вниманія къ себѣ, какъ говоритъ Св. мученикъ Вонифатій (Чет. мин. Дек. 19): страхъ Божій есть отецъ вниманія, а вниманіе—матерь внутренняго покоя. Страхъ Господень пробуждаетъ спящую совѣсть, которая дѣлаетъ то, что душа, какъ въ нѣкоей водѣ чистой и невозмущенной, видитъ свою некрасоту, и такъ рождаются начатки и разрастаются корни покаянія.

Мы всю жизнь грѣхопаденіями своими оскорбляемъ величество Божіе; а потому и должны всегда со смиреніемъ просить у Господа оставленія долговъ нашихъ.

Можно ли облагодатствованному человѣку по паденіи возстать чрезъ покаяніе?

Можно, по Псаломнику: *превратихся пасти, и Господь пріятъ мя* (Псал. 117, 13). Когда св. Пророкъ Наѳанъ обличилъ Давида въ грѣхѣ его, то онъ покаявшись тутъ же получилъ прощеніе (2 Цар. 12, 13).

Къ сему примѣромъ служитъ и одинъ пустынникъ, который пошедши за водой, при источникѣ палъ въ грѣхъ. Но возвратившись въ келлію, онъ созналъ свое согрѣшеніе, и паки началъ проводить жизнь подвижническую, какъ прежде. Врагъ смущалъ его, представляя ему тяжесть грѣха, отрицая возможность прощенія и стараясь отвлечь его отъ подвижни-

ческой жизни. Но воинъ Христовъ устоялъ на своемъ пути. О семъ случаѣ Богъ открылъ нѣкоему блаженному отцу, и велѣлъ брата падшаго въ грѣхъ ублажить за таковую побѣду надъ діаволомъ.

Когда мы искренно каемся во грѣхахъ нашихъ и обращаемся ко Господу нашему Іисусу Христу всѣмъ сердцемъ нашимъ, Онъ радуется намъ, учреждаетъ праздникъ и созываетъ на него любезныя Ему Силы, показывая имъ драхму, которую Онъ обрѣлъ паки, т. е. царскій образъ Свой и подобіе. Возложивъ на рамена заблудшую овцу, Онъ приводитъ ее ко Отцу Своему. Въ жилищѣ всѣхъ веселящихся Богъ водворяетъ и душу покаявшагося вмѣстѣ съ тѣми, которые не отбѣгали отъ Него.

Итакъ, не вознерадимъ обращаться къ благоутробному Владыкѣ нашему скоро, и не предадимся безпечности и отчаянію, ради тяжкихъ и безчисленныхъ грѣховъ нашихъ. Отчаяніе есть совершеннѣйшая радость діаволу. Онъ есть грѣхъ къ смерти, какъ гласитъ Писаніе (1 Іоан. 5, 16. Ант. Сл. 77). „Аще не предашься унынію и нерадѣнію, говоритъ Варсонофій, то имаши почудитися и прославити Бога какъ Онъ примѣняетъ тя отъ еже небыти воеже быти (т. е. изъ грѣшника въ праведника. Отв. 114).

Покаяніе во грѣхѣ между прочимъ состоитъ въ томъ, чтобы не дѣлать его опять.

Какъ всякой болѣзни есть врачеваніе, такъ и всякому грѣху есть покаяніе.

И такъ несомнѣнно приступай къ покаянію, — и оно будетъ ходатайствовать за тебя предъ Богомъ. Непрестанно твори сію молитву Преп. Антіоха: *Дерзая, Владыко, на бездну благоутробія Твоего, приношу Тебѣ отъ скверныхъ устъ и нечистыхъ устенъ молитву сію: помяни, яко призвася на мнѣ имя святое Твое, и искупилъ мя еси цѣнною крове Твоея, яко запечатлѣлъ мя еси обрученіемъ Св. Духа Твоего, и возвелъ мя еси отъ глубины беззаконій моихъ, да не похититъ мя врагъ. Іисусе Христе, заступи мя и буди ми помощникъ крѣпкій въ брани, яко рабъ семь похоти и воюемъ отъ нея. Но Ты, Господи, не остави мя на земли повержена во осужденіи дѣлъ моихъ: свободи мя, Владыко, лукаваго рабства міродержителя и усвой мя въ заповѣдехъ Твоихъ. Путь живота моего, Хри-*

сте мой, и свѣтъ очей моихъ — лице Твое. Боже, Владыко и Господи, возношенія очей моихъ не даждь ми, и похоть злую остави отъ мене; заступи мя рукою Твоею святою. Пожеланія и нохотствованія да не обымутъ мя, и душѣ безстудный не предаждь мене. Просвѣти во мнѣ свѣтъ лица Твоего, Господи, да не обыметъ мене тма, и ходящіи въ ней да не похитятъ мя. Не предаждь, Господи, звѣремъ невидимымъ душу исповѣдающуюся Тебѣ. Не попусти, Господи, уязвитися рабу Твоему отъ псовъ чуждихъ. Пріятелище Святаго Духа Твоего быти мя сподоби, и домъ Христа Твоего, Отче Святый, созижди мя. Путеводителю заблудшихъ, путеводствуй мя, да не уклонюся въ шуяя. Лице Твое, Господи, видѣти вожделѣхъ. Боже, свѣтомъ лица Твоего путеводи мя. Источникъ слезъ даруй ми, рабу Твоему, и росу Святаго Твоего Духа даждь созданію Твоему, да не изсохну яко смоковница, юже Ты проклялъ еси: и да будутъ слезы питіемъ моимъ, и молитви моя пищею. Обрати, Господи, плачъ мой въ радость мнѣ, и пріими мя въ вѣчныя Твоя скиніи. Да постигнетъ мя милость Твоя, Господи, и щедроты Твоя да обымутъ мя, и отпусти вся грѣхи моя. Ты бо еси Богъ истинный, отпущаяй беззаконія. И не попусти, Господи, посрамитися дѣлу рукъ Твоихъ по множеству беззаконій моихъ, но воззови мя, Владыко, единороднымъ Твоимъ Сыномъ, Спасителемъ нашимъ. И воздвигни мя лежащаго, яко Левію мытаря, и оживотвори мя грѣхми умерщвленнаго, яко сына вдовицы. Ты бо единъ еси воскресеніе мертвыхъ, и тебѣ слава подобаетъ во вѣки. Аминь. (Апт. Сл. 77).

17. О постѣ.

Постъ состоитъ не въ томъ только, чтобы ѣсть рѣдко, но въ томъ, чтобы ѣсть мало; и не въ томъ, чтобы ѣсть однажды, но въ томъ, чтобы не ѣсть много. Неразумѣнъ тотъ постникъ, который дожидается опредѣленнаго часа, а въ часъ трапезы весь предается ненасытному вкушенію и тѣломъ и умомъ.

Въ разсужденіи пищи должно наблюдать и то, чтобы не разбирать между снѣдями вкусными и невкусными. Это дѣло свойственное животнымъ, въ разумномъ человѣкѣ не достойно похвалъ. Отказываемся же мы отъ пріятной пищи для того, чтобы усмирить воюющіе члены плоти и дать свободу дѣйствіямъ духа.

Истинный постъ состоитъ не въ одномъ изнуреніи плоти, но и въ томъ, чтобы ту часть хлѣба, которую ты самъ хотѣлъ бы съѣсть, отдать алчущему. *Блажени алчущіи, яко тіи насытятся* (Матѳ. 5, 6).

Подвигоположникъ и Спаситель нашъ Господь Іисусъ Христосъ, предъ выступленіемъ на подвигъ искупленія рода человѣческаго, укрѣпилъ Себя продолжительнымъ постомъ. И всѣ подвижники, начиная работать Господу, вооружали себя постомъ и не иначе вступали на путь крестный, какъ въ подвигѣ — поста. Самые успѣхи въ подвижничествѣ измѣряли они успѣхами въ постѣ.

Къ строгому посту святые люди приступали не вдругъ, дѣлаясь постепенно и мало по малу способными довольствоваться самою скудною пищею. Преподобный Дороѳей, пріучая ученика своего Досиѳея къ посту, постепенно отнималъ отъ стола его по малой части, такъ что отъ четырехъ фунтовъ мѣру его ежедневной пищи низвелъ наконецъ до осьми лотовъ хлѣба.

При всемъ томъ святые постники, къ удивленію другихъ, не знали разслабленія, но всегда были бодры, сильны и готовы къ дѣлу. Болѣзни между ними были рѣдки и жизнь ихъ текла чрезвычайно продолжительно.

Въ той мѣрѣ, какъ плоть постящагося становится тонкою и легкою, духовная жизнь приходитъ въ совершенство и открываетъ себя чудными явленіями. Тогда духъ совершаетъ свои дѣйствія какъ бы въ безтѣлесномъ тѣлѣ. Внѣшнія чувства точно закрываются и умъ, отрѣшась отъ земли возносится къ небу и всецѣло погружается въ созерцаніе міра духовнаго.

Однакожъ не всякій сможетъ наложить на себя строгое правило воздержанія во всемъ, или лишить себя всего, что можетъ служить къ облегченію немощей. *Могій же вмѣстити да вмѣститъ* (Матѳ. 19, 12).

Пищи употреблять должно каждый день столько, чтобы тѣло, укрѣпясь, было другомъ и помощникомъ душѣ въ совершеніи добродѣтели; иначе можетъ быть и то, что при изнеможеніи тѣла, и душа ослабѣетъ. По пятницамъ и средамъ, особенно же въ четыре поста, пищу, по примѣру Отцовъ, употребляй одинъ разъ въ день,—и Ангелъ Господень прилѣпится къ тебѣ.

18. О храненіи ума.

Мы непрестанно должны хранить сердце свое отъ непристойныхъ помысловъ и впечатлѣній, по слову Приточника: *всяцѣмъ храненіемъ блюди сердце твое: отъ сихъ бо исходища живота* (4, 23).

Отъ блительнаго храненія сердца раждается въ немъ чистота, для которой доступно видѣніе Господа, по увѣренію вѣчной Истины: *блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ* (Матѳ. 5, 8).

Что есть лучшаго въ сердцѣ, того мы безъ надобности не должны обнаруживать; ибо тогда только собранное остается въ безопасности отъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ, когда оно какъ сокровище хранится во внутренности сердца. Не всѣмъ открывай тайны сердца твоего.

19. О многословіи.

Одного многословія съ тѣми, которые противныхъ съ нами нравовъ, довольно разстроить внутренность внимательнаго человѣка.

Но всего жалостнѣе то, что отъ сего можетъ погаснуть тотъ огонь, который Господь нашъ Іисусъ Христосъ пришелъ воврещи на землю сердецъ человѣческихъ: ибо ничтоже тако устужаетъ огнь, отъ Св. Духа вдыхаемый въ сердце инока къ освященію души, якоже сообращеніе и многословіе и собесѣдованіе, кромѣ онаго, еже со чады таинъ Божіихъ, еже къ возвращенію разума Его и приближенію (Ис. Сир. Сл. 8).

Особенно же должно хранить себя отъ обращенія съ женскимъ поломъ: ибо, какъ восковая свѣча, хотя и незажженная, но поставленная между зажженными растаеваетъ, такъ и сердце инока отъ собесѣдованія съ женскимъ поломъ непримѣтно разслабѣваетъ, — о чемъ и Св. Исидоръ Пелусіотъ говоритъ такъ: аще (глаголющу Писанію) кія бесѣды злыя тлятъ обычаи благи: то бесѣда съ женами, аще и добра будетъ, обаче сильна есть растлити внутренняго человѣка тайно помыслы скверными, и чисту сущу тѣлу, пребудетъ душа осквернена: что бо твердѣе есть камене; что же воды мягчае; обаче всегдашнее прилежаніе и естество побѣждаетъ: аще убо естество, едва подви-

жимое, подвизается, и отъ тоя вещи, юже имать ни во чтоже, страждетъ и умаляется: то како воля человѣческая, яже есть удобь колеблема, отъ обыкновенія долгаго не будетъ побѣждена и превращена (Исидоръ Пелус. письм. 284, и Чет. мин. въ жит. его февр. 4 дня)?

А потому для сохраненія внутренняго человѣка надобно удержать языкъ отъ многоглаголанія: *мужъ бо мудръ безмолвіе водитъ* (Притч. 11, 12): и *иже хранитъ свои уста, соблюдаетъ свою душу* (13, 3); и помнить слова Іова: *завѣтъ положихъ очима моима, да не помышлю на дѣвицу* (31, 1), и слова Господа Іисуса Христа: *всякъ, иже воззритъ на жену, ко еже вожделѣти ея уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ* (Матѳ. 5, 28).

Не выслушавъ прежде другаго отвѣчать не должно: *иже бо отвѣщаетъ слово прежде слышанія, безуміе ему есть и поношеніе* (Притч. 18, 13).

20. О распознаваніи дѣйствій сердечныхъ.

Когда человѣкъ пріиметъ что либо божественное, то радуется въ сердцѣ; а когда діавольское, то входитъ въ смущеніе.

Сердце христіанское, пріявъ что либо Божественное, не требуетъ сторонняго убѣжденія въ томъ, что сіе отъ Господа, но самымъ тѣмъ дѣйствіемъ убѣждается, что воспріятіе его есть небесное: ибо ощущаетъ въ себѣ плоды духовные: *любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣру, кротость, воздержаніе* (Галат. 5, 22).

А діаволъ хотя бы преобразился *и въ ангела свѣтла* (2 Кор. 11, 14), или представлялъ мысли самыя благовидныя, сердце все будетъ чувствовать какую-то неясность, волненіе въ мысляхъ и смятеніе чувствъ. Объясняя сіе, Св. Макарій Египетскій говоритъ: „хотя бы (сатана) и свѣтлыя видѣнія представлялъ, благаго обаче дѣйствія подати отнюдь не возможетъ: чрезъ что и извѣстный знакъ его дѣлъ бываетъ (Сл. 4. гл. 13).“

Итакъ, по разнообразнымъ дѣйствіямъ сердечнымъ человѣкъ можетъ познать, что есть Божественное, и что діавольское, какъ о семъ пишетъ Св. Григорій Синаитъ: „отъ дѣйства убо возможешь познать возсіявый свѣтъ въ душѣ твоей, Божій ли есть, или сатанинъ (Доброт. ч. I. Григорія Син. О безмолвіи).“

21. О болѣзняхъ.

Тѣло есть рабъ души, а душа — царица; а потому часто милосердіемъ Божіимъ бываетъ и то, когда тѣло изнуряется болѣзнями: отъ сего ослабѣваютъ страсти и человѣкъ приходитъ въ себя: да и самая болѣзнь тѣлесная раждается иногда отъ страстей.

Отними грѣхъ, и болѣзней не будетъ; ибо онѣ бываютъ въ насъ отъ грѣха, какъ сіе утверждаетъ Св. Василій Великій: „Откуда недуги? откуда поврежденія тѣлесныя? Господь создалъ тѣло, а не недугъ; душу, а не грѣхъ. Что же паче всего полезно и нужно? Соединеніе съ Богомъ и общеніе съ Нимъ посредствомъ любви. Теряя любовь сію, мы отпадаемъ отъ Него, а отпадая, подвергаемся различнымъ и многообразнымъ недугамъ. (О томъ, что Богъ не есть причина зла стр. 213).“

Кто переноситъ болѣзнь съ терпѣніемъ и благодареніемъ, тому вмѣняется она вмѣсто подвига, или даже болѣе.

Одинъ старецъ, страдавшій водяною болѣзнію, говорилъ братіямъ, которые приходили къ нему съ желаніемъ лечить его: „отцы, молитесь, чтобы не подвергся подобной болѣзни мой внутренній человѣкъ: а что касается до настоящей болѣзни, то я прошу Бога о томъ, чтобы Онъ не вдругъ освободилъ меня отъ нея; ибо, поколику *внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ*, потолику *внутренній обновляется* (2 Кор. 4, 16).“

22. О милостыни.

Должно быть милостиву къ убогимъ и страннымъ; о семъ много пеклись великіе свѣтильники и Отцы Церкви.

Въ отношеніи къ сей добродѣтели мы должны всѣми мѣрами стараться исполнять слѣдующую заповѣдь Божію: *будите милосерди, якоже и Отецъ вашъ милосердъ есть* (Лук. 6, 36), также: *милости хощу, а не жертвы* (Матѳ. 9, 13).

Симъ спасительнымъ словамъ мудрые внимаютъ, а неразумные не внимаютъ; оттого и награда неодинакова, какъ сказано: *сѣющіи скудостію, скудостію и пожнутъ; сѣющіи же о благословеніи, о благословеніи и пожнутъ* (2 Кор. 9, 6).

Примѣръ Петра Хлѣбодара (Чет. мин. Сент. 22), который за кусокъ хлѣба, поданный нищему, получилъ прощеніе

во всѣхъ его грѣхахъ, какъ это было показано ему въ видѣніи,—да подвигнетъ насъ къ тому, чтобы и мы были милостивы къ ближнимъ: ибо и малая милостыня много способствуетъ къ полученію царства небеснаго.

Творить милостыню мы должны съ душевнымъ благорасположеніемъ, по ученію Св. Исаака Сирина: „аще даси что требующему, да предваритъ даяніе твое веселіе лица твоего и словесы благими утѣшай скорбь его (Сл. 89).“

23. О помыслахъ и плотскихъ движеніяхъ.

Мы должны стараться быть свободными отъ помысловъ нечистыхъ, особенно, когда приносимъ молитву Богу. Ибо нѣтъ единенія между смрадомъ и благовоніемъ.

Для сего нужно отражать первое нападеніе грѣховныхъ помысловъ и движеній и разсѣвать ихъ отъ земли сердца нашего. Пока дѣти Вавилонскія, т. е. движенія и помыслы злые еще младенцы, должно разбивать и сокрушать ихъ о камень, который есть Христосъ: особенно же нужно сокрушать слѣдующія три страсти: — чревоугодіе, сребролюбіе и тщеславіе, которыми ухищрялся діаволъ искусить даже Самого Господа нашего Іисуса Христа въ концѣ подвиговъ Его въ пустынѣ.

Діаволъ, какъ левъ, скрываясь въ оградѣ своей (Псал. 9, 30), тайно разставляетъ намъ сѣти нечистыхъ и нечестивыхъ помысловъ. И такъ немедленно, какъ только увидимъ, надобно расторгать ихъ посредствомъ благочестиваго размышленія и молитвы.

Требуется подвигъ и великая бдительность, чтобы во время псалмопѣнія умъ нашъ согласовался съ сердцемъ и устами, дабы въ молитвѣ нашей къ ѳиміаму не примѣшивалось зловоніе. Ибо Господь гнушается сердцемъ съ нечистыми помыслами. Законъ говоритъ: *не ори юнцемъ и ослятемъ* (Второз. 22, 10), т. е. съ помысломъ чистымъ и нечистымъ не приноси молитвы.

Будемъ подражать Давиду, который говоритъ: *во утрія избивахъ вся грѣшныя земли, еже потребити отъ града Господня вся дѣлающыя беззаконіе* (Пс. 100, 8). Закономъ запрещено было нечистому входить въ домъ Господа. Домъ сей—мы, и Іерусалимъ внутрь насъ. Грѣшные земли суть кроющіеся въ сердцѣ нашемъ зміевидные помыслы. Будемъ и мы съ нимъ

взывать ко Господу: *устрой душу мою отъ злодѣйства ихъ* (Пс. 34, 17); *расточи языки, хотящыя бранемъ* (Пс. 67, 31), дабы и намъ услышать: *въ скорби призвалъ Мя еси, и избавихъ тя* (Пс. 80, 8).

Будемъ непрестанно, день и ночь, со слезами повергать себя предъ лицемъ благости Божіей, да очиститъ Онъ сердца наши отъ всякаго злаго помышленія, чтобы мы достойно могли проходить путь званія нашего и чистыми руками приносить Ему дары служенія нашего.

Ежели мы не согласны со влагаемыми отъ діавола злыми помышленіями, то мы добро творимъ.

Нечистый духъ только на страстныхъ имѣетъ сильное вліяніе; а къ очистившимся отъ страстей приражается лишь со стороны, или внѣшно.

Человѣку въ молодыхъ лѣтахъ не можно не возмущаться отъ плотскихъ помысловъ. Но должно молиться Господу Богу, да потухнетъ искра порочныхъ страстей при самомъ началѣ. Тогда не усилится пламень.

24. О терпѣніи и смиреніи.

Надобно всегда терпѣть и все, чтобы ни случилось, Бога ради, съ благодарностію.

Наша жизнь—одна минута въ сравненіи съ вѣчностію; и потому *недостойны*, по Апостолу, *страсти нынѣшняго времене къ хотящей славѣ явитися въ насъ* (Римл. 8, 18).

Въ молчаніи переноси, когда оскорбляетъ тебя врагъ, и единому Господу открывай тогда свое сердце.

Кто унижаетъ или отнимаетъ твою честь, всѣми мѣрами старайся простить ему, по слову Евангелія: *отъ взимающаго твоя, не истязуй* (Лук. 6, 30).

Когда люди поносятъ насъ, то мы должны считать себя недостойными похвалы, представляя, что ежели бы мы были достойны, то всѣ кланялись бы намъ.

Мы всегда и предъ всѣми должны уничижать себя, слѣдуя ученію Св. Исаака Сирина: „уничижи себе, и узришь славу Божію въ себѣ (Слово 57).“

И такъ, возлюбимъ смиреніе, узримъ славу Божію; идѣже бо истекаетъ смиреніе, тамо слава Божія источается.

Не сущу свѣту, вся мрачна: такъ и безъ смиренія ничего нѣтъ въ человѣкѣ, какъ только одна тма.

Какъ воскъ, не разогрѣтый и не размягченный, не можетъ принять налагаемой на него печати, такъ и душа, не искушенная трудами и немощами, не можетъ принять на себя печати добродѣтели Божіей. Когда діаволъ оставилъ Господа, тогда приступили Ангелы и служили Ему (Матѳ. 4, 11). Такъ, если во время искушеній нѣсколько отходятъ отъ насъ Ангелы Божіи, то не далеко, и скоро приступаютъ и служатъ намъ Божественными помышленіями, умиленіемъ, услажденіемъ, терпѣніемъ. Душа, потрудившись, стяжаваетъ и прочія совершенства. Почему св. Прор. Исаія говоритъ: *терпящіи Господа измѣнятъ крѣпость, окрылатѣютъ, аки орли; потекутъ и не утрудятся, пойдутъ, и не взалчутъ* (Ис. 40, 31).

Такъ терпѣлъ и кротчайшій Давидъ: ибо, когда Семей поносилъ его и металъ на него камни, говоря: *изыди мужу беззаконный,*—онъ не сердился; и когда Авесса, вознегодовавъ на сіе, сказалъ ему: *почто проклинаетъ песъ умершій сей Господина моего Царя?* онъ запретилъ ему, говоря: *оставите его, и тако да проклинаетъ мя,* ибо Господь увидитъ и воздастъ мнѣ благое (2 Цар. 16, 7—12). Почему послѣ и воспѣлъ: *терпя потерпѣхъ Господа, и вня тъ ми, и услыша молитву мою* (Пс. 39, 2).

Сосуды скудельничи искушаетъ пещь: и искушеніе человѣческое въ помышленіяхъ его (Сир. 27, 5). *Но горе вамъ погубльшимъ терпѣніе! и что сотворите, егда посѣтитъ Господь* (2, 14)?

Какъ чадолюбивый отецъ, когда видитъ, что сынъ его живетъ безпорядочно, наказываетъ его; а когда увидитъ, что онъ малодушенъ, и наказаніе сноситъ съ трудомъ, тогда утѣшаетъ: такъ поступаетъ съ нами и благій Господь и Отецъ нашъ, употребляя все для нашей пользы, какъ утѣшенія, такъ и наказанія, по своему человѣколюбію. И потому мы, находясь въ скорбяхъ, какъ дѣти благопокорливыя, должны благодарить Бога. Ибо если станемъ благодарить Его только въ благополучіи, то подобны будемъ неблагодарнымъ Іудеямъ, которые, насытившись чудной трапезы въ пустынѣ, говорили, что Христосъ воистинну есть Пророкъ, хотѣли взять его и сдѣлать царемъ; а когда Онъ сказалъ имъ: *дѣлайте не брашно гиблющее, но брашно пребывающее въ животъ вѣчный,* тогда говорили Ему: *кое убо Ты твориши знаменіе? Отцы наши ядоша манну*

въ пустыни (Іоан. 6, 31). Прямо на такихъ падаетъ слово: *исповѣстся Тебѣ, егда благо сотвориши ему*,—и таковый *даже до вѣка не узритъ свѣта* (Пс. 48, 19, 20).

Посему Апостолъ Іаковъ учитъ насъ: *всяку радость имѣйте, братія моя, егда во искушенія впадаете различна, вѣдяще, яко искушеніе вашея вѣры содѣлываетъ терпѣніе: терпѣніе же дѣло совершенно да иматъ*, и прибавляетъ: *блаженъ мужъ, иже претерпитъ искушеніе: зане искусенъ бывъ пріиметъ вѣнецъ жизни* (Іак. I, 2—4, 12).

25. О должностяхъ и любви къ ближнимъ.

Съ ближними надобно обходиться ласково, не дѣлая даже и видовъ оскорбленія.

Когда мы отвращаемся отъ человѣка, или оскорбляемъ его, тогда на сердцѣ нашемъ какъ бы камень ложится.

Духъ смущеннаго или унывающаго человѣка надобно стараться ободрить словомъ любви.

Брату грѣшащу, покрой его, какъ совѣтуетъ св. Исаакъ Сиринъ (Сл. 89): „простри ризу твою надъ согрѣшающимъ и покрой его.“

Всѣ мы требуемъ милости Божіей, какъ Церковь поетъ: *аще не Господь бы былъ въ насъ, кто доволенъ цѣлъ сохраненъ быти отъ врага, купно и человѣкоубійцы?*

Мы, въ отношеніи къ ближнимъ, должны быть, какъ словомъ, такъ и мыслію, чисты и ко всѣмъ равны; иначе жизнь нашу сдѣлаемъ безполезною.

Мы должны любить ближняго не менѣе, какъ самихъ себя, по заповѣди Господней: *возлюбиши ближняго твоего, яко самъ себѣ* (Лук. 10, 27). Но не такъ, чтобъ любовь къ ближнимъ, выходя изъ границъ умѣренности, отвлекала насъ отъ исполненія первой и главной заповѣди, т. е. любви Божіей, какъ о семъ поучаетъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ: *иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ: и иже любитъ сына или дщерь паче Мене нѣсть Мене достоинъ* (Матѳ. 10, 37). О семъ предметѣ весьма хорошо разсуждаетъ Св. Димитрій Ростовскій (Част. 2. поуч. 2): „тамъ видна неправдивая къ Богу въ христіанскомъ человѣкѣ любовь, гдѣ тварь съ Творцемъ сравнивается: а тамъ видна правдивая любовь, гдѣ одинъ Создатель паче всего созданія любится и предпочитается.

26. О неосужденіи ближняго и о прощеніи обидъ.

Не должно судить никого, хотя бы собственными очами видѣлъ кого согрѣшающимъ, или коснѣющимъ въ преступленіи заповѣдей Божіихъ, по слову Божію: *не судите, да не судими будете* (Матѳ. 7, 1); *ты кто еси, судяй чуждему рабу? своему Господеви стоитъ или падаетъ, станетъ же: силенъ бо есть Богъ поставити его* (Рим. 14, 4).

Гораздо лучше всегда приводить себѣ на память сіи Апостольскія слова: *мняйся стояти, да блюдется, да не падетъ* (I Кор. 10, 12).

Ибо неизвѣстно, сколько времени мы можемъ пребывать въ добродѣтели, какъ говоритъ Пророкъ, опытомъ сіе дознавшій: *рѣхъ въ обиліи моемъ: не подвижуся во вѣкъ. Отвратилъ же еси лице Твое, и быхъ смущенъ* (Пс. 29, 7, 8).

За обиду, какова бы она ни была, не должно отмщать, но напротивъ прощать обидчика отъ сердца, хотя бы оно и противилось сему, и склонять его убѣжденіемъ слова Божія: *аще не отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ небесный отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ* (Матѳ. 6, 15); *молитеся за творящихъ вамъ напасть* (Матѳ. 5, 44).

Не должно питать въ сердцѣ злобы или ненависти къ ближнему — враждующему, но должно любить его, и, сколько можно, творить ему добро, слѣдуя ученію Господа нашего Іисуса Христа: *любите враги ваша, добро творити ненавидящимъ васъ* (Матѳ. 5, 44).

Итакъ, если мы будемъ, сколько есть силъ, стараться все сіе исполнять, то можемъ надѣяться, что въ сердцахъ нашихъ возсіяетъ свѣтъ Божественный, озаряющій намъ путь къ горнему Іерусалиму.

Поревнуемъ возлюбленнымъ Божіимъ: поревнуемъ кротости Давида, о которомъ преблагій и любоблагій Господь сказалъ: *нашелъ Я мужа по сердцу Моему, который исполнитъ всѣ хотѣнія Мои.* Такъ Онъ говоритъ о Давидѣ незлопамятномъ и добромъ ко врагамъ своимъ. И мы не будемъ дѣлать ничего въ отмщеніе брату нашему, дабы какъ говоритъ Преп. Антіохъ, не было остановки во время молитвы. Законъ велитъ заботиться объ ослѣ врага (Исх. 23, 5). Объ Іовѣ свидѣтельствовалъ Богъ, какъ о человѣкѣ незлобивомъ (Іов. 2, 3); Іо-

сифъ не мстилъ братіямъ, которые умыслили на него зло; Авель въ простотѣ и безъ подозрѣнія пошелъ съ братомъ своимъ Каиномъ. По свидѣтельству слова Божія, святые всѣ жили въ незлобіи. Іеремія, бесѣдуя съ Богомъ (Іер. 18, 20), говоритъ о гнавшемъ его Израилѣ: *еда воздаются зла за благая? Помяни стоящаго мя предъ Тобою, еже глаголати за нихъ благая* (Ант. сл. 52).

Богъ заповѣдалъ намъ вражду только противъ змія, т. е. противъ того, кто изначала обольстилъ человѣка и изгналъ изъ рая—противъ человѣкоубійцы—діавола. Повелѣно намъ враждовать и противъ Мадіанитянъ, т. е. противъ нечистыхъ духовъ блуда и студодѣянія, которые сѣютъ въ сердцѣ нечистые и скверные помыслы.

Предѣлъ добродѣтели и мудрости есть безхитростное дѣйствованіе съ разумомъ.

Отчего мы осуждаемъ братій своихъ? Отъ того, что не стараемся познать самихъ себя. Кто занятъ познаніемъ самого себя, тому некогда замѣчать за другими. Осуждай себя, и перестанешь осуждать другихъ.

Осуждай дурное дѣло, а самого дѣлающаго не осуждай.

Самихъ себя должно намъ считать грѣшнѣйшими всѣхъ, и всякое дурное дѣло прощать ближнему, а ненавидѣть только діавола, который прельстилъ его. Случается же, что намъ кажется, другой дѣлаетъ худо, а въ самомъ дѣлѣ, по благому намѣренію дѣлающаго, это хорошо. Притомъ дверь покаянія всѣмъ отверзта, и неизвѣстно, кто прежде войдетъ въ нее— ты ли осуждающій, или осуждаемый тобою.

Если осуждаешь ближняго, учитъ Преп. Антіохъ, то вмѣстѣ съ нимъ и ты осуждаешься въ томъ же, въ чемъ его осуждаешь. Судить или осуждать не намъ надлежитъ, но единому Богу и Великому Судіѣ, вѣдущему сердца наша и сокровенныя страсти естества (Ант. Сл. 49).

Итакъ, возлюбленные, не будемъ наблюдать за чужими грѣхами и осуждать другихъ, чтобы не услышать: *сынове человѣчестіи, зубы ихъ оружія и стрѣлы, и языкъ ихъ мечь остръ* (Пс. 56, 5).

Ибо когда Господь оставитъ человѣка самому себѣ, тогда діаволъ готовъ стереть его, яко мельничный жерновъ зерно пшеничное.

27. Противъ излишней попечительности.

Излишнее попеченіе о вещахъ житейскихъ свойственно человѣку невѣрующему и малодушному. И горе намъ, если мы, заботясь сами о себѣ, не утверждаемся надеждою нашею въ Богѣ, пекущемся о насъ! Если видимыхъ благъ, которыми въ настоящемъ вѣкѣ пользуемся, не относимъ къ Нему, то какъ можемъ ожидать отъ Него тѣхъ благъ, которыя обѣщаны въ будущемъ? Не будемъ такими маловѣрными, а лучше будемъ *искать прежде царствія Божія, и сія вся приложатся намъ, по слову Спасителя* (Матѳ. 6, 33).

Лучше для насъ презирать то, что не наше, т. е. временное и преходящее и желать нашего, т. е. нетлѣнія и безсмертія. Ибо когда будемъ нетлѣнны и безсмертны, тогда удостоимся видимаго богосозерцанія, подобно Апостоламъ при божественнѣйшемъ Преображеніи, и пріобщимся превышеумнаго единенія съ Богомъ подобно небеснымъ умамъ. *Ибо будемъ подобны Ангеламъ, и сынами Божіими, воскресенія сынове суще* (Лук. 20, 36).

Есть недугъ, говоритъ Екклесіастъ, *егоже видѣхъ подъ солнцемъ, богатство хранимо отъ стяжателя въ зло ему: и погибнетъ богатство оно въ попеченіи лукавѣ: вси дніе его во тмѣ, и плачи, и въ ярости мнозѣ, и въ недузѣ, и въ гнѣвѣ* (Еккл. 5, 12, 16).

28. О печали.

Когда злой духъ печали овладѣетъ душею, тогда, наполнивъ ее горестію и непріятностію, не даетъ ей совершать молитву съ должнымъ усердіемъ, мѣшаетъ заниматься чтеніемъ писаній съ надлежащимъ вниманіемъ, лишаетъ ее кротости и благодушія въ обращеніи съ братіями и раждаетъ отвращеніе отъ всякаго собесѣдованія. Ибо душа, исполненная печали, дѣлаясь какъ бы безумною и изступленною, не можетъ спокойно ни принимать благаго совѣта, ни кротко отвѣчать на предлагаемые вопросы. Она убѣгаетъ людей, какъ бы виновниковъ ея смущенія, не понимая, что причина болѣзни внутри ея. Печаль есть червь сердца, грызущій раждающую его мать.

Печальный монахъ не движетъ ума къ созерцанію и никогда не можетъ совершать чистой молитвы.

Кто побѣдилъ страсти, тотъ побѣдилъ и печаль. А побѣжденный страстями не избѣжитъ оковъ печали. Какъ больной видѣнъ по цвѣту лица, такъ обладаемый страстію обличается отъ печали.

Кто любитъ міръ, тому не возможно не печалиться. А презрѣвшій міръ всегда веселъ.

Какъ огонь очищаетъ золото, такъ печаль по Бозѣ очищаетъ грѣховное сердце (Ант. сл. 25).

29. Объ отчаяніи.

Отчаяніе, по ученію св. Іоанна Лѣствичника, раждается или отъ сознанія множества грѣховъ, отчаянія совѣсти и несносной печали, когда душа, множествомъ язвъ покрытая, отъ невыносимой ихъ боли погружается во глубину отчаянія, или отъ гордости и надменія, когда кто почитаетъ себя не заслуживающимъ того грѣха, въ который впалъ. Перваго рода отчаяніе влечетъ человѣка во всѣ пороки безъ разбора, а при отчаяніи второго рода человѣкъ держится еще своего подвига, что, по словамъ Іоанна Лѣствичника, и не совмѣстно разуму. Первое врачуется воздержаніемъ и благою надеждою, а второе смиреніемъ и неосужденіемъ ближняго (Лѣст. степень 26).

Господь печется о нашемъ спасеніи. Но человѣкоубійца діаволъ старается привести человѣка въ отчаяніе.

Душа высокая и твердая не отчаявается при несчастіяхъ, каковы бы они ни были. Іуда предатель былъ малодушенъ и не искусенъ въ брани, и потому врагъ, видя его отчаяніе, напалъ на него и обольстилъ его удавиться; но Петръ твердый камень, когда впалъ въ грѣхъ, какъ искусный въ брани, не отчаялся и не потерялъ духа, но пролилъ горькія слезы отъ горячаго сердца, и врагъ, увидя ихъ, какъ огнемъ палимый въ глаза, далеко убѣжалъ отъ него съ болѣзненнымъ воплемъ.

Итакъ, братія, учитъ пр. Антіохъ, когда отчаяніе будетъ нападать на насъ, не покоримся ему, но, укрѣпляясь и ограждаясь свѣтомъ вѣры, съ великимъ мужествомъ скажемъ лукавому духу: „что намъ и тебѣ, отчужденный отъ Бога, бѣглецъ съ небесъ и рабъ лукавый? Ты не смѣешь сдѣлать намъ ничего. Христосъ, Сынъ Божій, власть имѣетъ и надъ нами и надъ всѣмъ. Ему согрѣшили мы, Ему и оправдаемся. А ты, пагубный, удались отъ насъ. Укрѣпляемые честнымъ Его крестомъ, мы попираемъ твою зміину

главу (Ант. сл. 27). И съ умиленіемъ будемъ молиться ко Господу: *Владыко Господи небесе и земли, Царю вѣковъ! благоволи отверсти мнѣ дверь покаянія, ибо я въ болѣзни сердца молю Тебя истиннаго Бога, Отца Господа нашего Іисуса Христа, свѣта міру призри многимъ Твоимъ благоутробіемъ и пріими моленіе мое; не отврати его, но прости мнѣ, впадшему во многія прегрѣшенія. Приклони ухо Твое къ моленію моему, и прости мнѣ все злое, которое содѣлалъ я, побѣжденный моимъ произволеніемъ. Ибо ищу покоя, и не обрѣтаю, потому что совѣсть моя не прощаетъ меня. Жду мира, и нѣтъ во мнѣ мира, но причинѣ глубокаго множества беззаконій моихъ. Услыши, Господи, сердце вопіющее къ Тебѣ, не посмотри на мои злыя дѣла, но призри на болѣзнь души моей и поспѣши уврачевать меня, жестоко уязвленнаго. Дай мнѣ время покаянія ради благодати человѣколюбія Твоего и избавь меня отъ безчестныхъ дѣлъ, и не возмѣрь мнѣ по правдѣ Твоей и не воздай мнѣ достойное по дѣламъ моимъ, чтобы мнѣ не погибнуть совершенно. Услыши, Господи, меня въ отчаяніи находящагося. Ибо я, лишенный всякой готовности и всякой мысли ко исправленію себя, припадаю къ щедротамъ Твоимъ: помилуй меня, поверженнаго на землю и осужденнаго за грѣхи мои. Воззови меня, Владыко, плѣненнаго и содержимаго моими злыми дѣяніями и какъ бы цѣпями связаннаго. Ибо Ты Единъ вѣдаешь разрѣшать узниковъ, врачевать раны, никому не извѣстныя, которыя знаешь только Ты, вѣдущій сокровенное. И потому во всѣхъ моихъ злыхъ болѣзняхъ призываю только Тебя—врача всѣхъ страждущихъ, дверь рыдающихъ внѣ, путь заблудившихся, свѣтъ омраченныхъ, искупителя заключенныхъ, всегда сокращающаго десницу Свою и удерживающаго гнѣвъ Свой, уготованный на грѣшниковъ, но ради великаго человѣколюбія, дающаго время покаянію. Возсіяй мнѣ свѣтъ лица Твоего, Владыко, тяжко падшему, скорый въ милости и медленный въ наказаніи. И твоимъ благоутробіемъ простри мнѣ руку и возставь меня изъ рова беззаконій моихъ. Ибо ты Единъ Богъ нашъ, не веселящійся о погибели грѣшниковъ и не отвращающій лица Своего отъ молящагося къ Тебѣ со слезами. Услыши, Господи, гласъ раба Твоего, вопіющаго къ Тебѣ, и яви свѣтъ Твой на мнѣ, лишенномъ свѣта, и даруй мнѣ благодать, чтобы я, не имѣющій никакой надежды, всегда надѣялся на помощь и силу Твою. Обрати, Господи, плачь мой въ радость мнѣ, расторгни вретище и препояшь мене веселіемъ*

(Псал 29 12). *И благоволи, да успокоюсь отъ вечернихъ дѣлъ моихъ, и да получу успокоеніе утреннее, какъ избранные Твои, Господи, отъ которыхъ отбѣжали болѣзнь, печаль и воздыханіе, и да отверзется мнѣ дверь царствія Твоего, дабы, вошедши съ наслаждающимися свѣтомъ лица Твоего, Господи, получить мнѣ жизнь вѣчную во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Аминь.*

30. О причинахъ пришествія въ міръ Іисуса Христа.

Причины пришествія въ міръ Іисуса Христа Сына Божія суть:

1. Любовь Божія къ роду человѣческому: *тако бо возлюби Богъ міръ яко и Сына Своего единороднаго далъ есть* (Іоан. 3, 16).

2. Возстановленіе въ падшемъ человѣкѣ образа и подобія Божія, какъ о семъ воспѣваетъ Св. церковь (1-й канонъ на Рожд. Госп. пѣснь 1-я): *истлѣвша преступленіемъ, по образу Божію бывшаго, всего тлѣнія суща, лучшія отпадша Божественныя жизни, паки обновляетъ мудрый Содѣтель.*

3. Спасеніе душъ человѣческихъ: *не посла бо Богъ Сына Своего въ міръ, да судитъ мірови, но да спасется Имъ міръ* (Іоан. 3, 17).

Итакъ, мы, слѣдуя цѣли Искупителя нашего Господа Іисуса Христа, должны жизнь свою препровождать согласно его Божественному ученію, дабы чрезъ сіе получить спасеніе душамъ нашимъ.

31. О жизни дѣятельной и умозрительной.

Человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла, а потому и путь жизни его долженъ состоять изъ дѣйствій тѣлесныхъ и душевныхъ—изъ дѣянія и умосозерцанія.

Путь дѣятельной жизни составляютъ: постъ, воздержаніе, бдѣніе, колѣнопреклоненіе, молитва и прочіе тѣлесные подвиги, составляющіе тѣсный путь и прискорбный, который, по слову Божію, *вводитъ въ животъ вѣчный* (Матѳ. 7, 14).

Путь умосозерцательной жизни состоитъ въ возвышеніи ума ко Господу Богу, въ сердечномъ вниманіи, умной молитвѣ и созерцаніи чрезъ таковыя упражненія вещей духовныхъ.

Всякому, желающему проходить жизнь духовную, должно начинать отъ дѣятельной жизни, а потомъ уже приходить и въ

умосозерцательную: ибо безъ дѣятельной жизни въ умосозерцательную прійдти не возможно.

Дѣятельная жизнь служитъ ко очищенію насъ отъ грѣховныхъ страстей, и возводитъ насъ на степень дѣятельнаго совершенства; а тѣмъ самымъ пролагаетъ намъ путь къ умосозерцательной жизни. Ибо одни токмо очистившіеся отъ страстей и совершенные къ оной жизни приступать могутъ, какъ сіе видѣть можно изъ словъ Священнаго Писанія: *блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ* (Матѳ. 5, 8), и изъ словъ св. Григорія Богослова (въ словѣ на св. Пасху): къ созерцанію могутъ безопасно приступать только совершеннѣйшіе по своей опытности.

Такъ и Церковь, ублажая святителя Николая, воспѣваетъ: молчаньми прежде и бореньми съ помыслы, дѣянію Богомысліе приложилъ еси, Богомысліемъ же разумъ совершенъ стяжалъ еси, имже дерзновенно съ Богомъ и Ангелы бесѣдовалъ еси (Акаѳ. св. Николаю. Конд. 10).

Къ умозрительной жизни приступать должно со страхомъ и трепетомъ, съ сокрушеніемъ сердца и смиреніемъ, со многимъ испытаніемъ Святыхъ Писаній и, если можно найти, подъ руководствомъ какого-либо искуснаго старца, а не съ дерзостію и самочиніемъ: дерзый бо и презорливый, по словамъ Григорія Синаита (О прелести и о иныхъ многихъ предлогахъ. Доброт. част. 1-я), паче достоинства своего взыскавъ, съ кичeніемъ понуждается до того прежде времени доспѣти. И паки: аще мечтаетъ кто мнѣніемъ высокая достигнути, желаніе сатанино, а не истину стяжавъ,—сего діаволъ своими мрежами удобь уловляетъ, яко своего слугу.

Если же не можно найти наставника, могущаго руководствовать къ умосозерцательной жизни: то въ такомъ случаѣ должно руководствоваться Священнымъ Писаніемъ, ибо Самъ Господь повелѣваетъ намъ учиться отъ Священнаго Писанія, глаголя: *испытайте Писанія, яко вы мните въ нихъ имѣти животъ вѣчный* (Іоан. 5, 39).

Также должно тщательно прочитывать отеческія писанія, и стараться, сколько можно, по силѣ исполнять то чему научаютъ оныя, и такимъ образомъ, мало по малу отъ дѣятельной жизни восходить къ совершенству умосозерцательной.

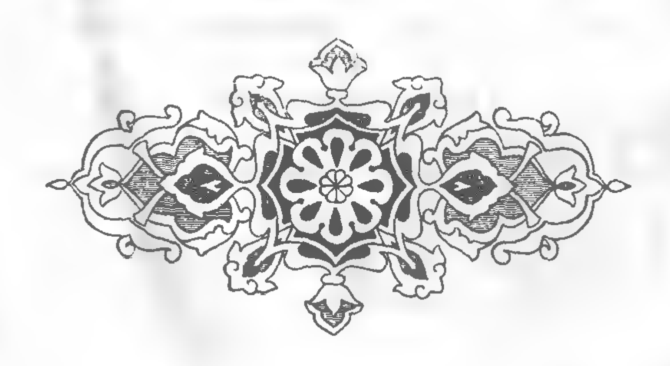
Ибо, по словамъ св. Григорія Богослова (Слово на Св.

Пасху), самое лучшее дѣло, когда мы каждый самъ сабою достигаемъ совершенства и приносимъ призывающему насъ Богу жертву живую, святую и всегда и во всемъ освящаемую.

Не должно оставлять дѣятельную жизнь и тогда, когда бы въ ней человѣкъ имѣлъ преспѣяніе и. пришелъ бы уже въ умосозерцательную; ибо она содѣйствуетъ умосозерцательной жизни и ее возвышаетъ.

Проходя путь внутренней и умосозерцательной жизни, не должно ослабѣвать и оставлять онаго потому, что люди, прилѣпившіеся ко внѣшности и чувственности, поражаютъ насъ противностію своихъ мнѣній въ самое чувство сердечное, и всячески стараются отвлечь насъ отъ прохожденія внутренняго пути, поставляя намъ на ономъ различныя препятствія: ибо, по мнѣнію Учителей Церковныхъ (блаж. Ѳеодорита толк. на Пѣснь пѣсней), умосозерцаніе вещей духовныхъ предпочитается познанію вещей чувствительныхъ.

А потому никакими противностями въ прохожденіи сего пути колебаться не должно, утверждаясь въ семъ случаѣ на словѣ Божіемъ: *страха же ихъ не убоимся, ниже смутимся, яко съ нами Богъ. Господа Бога нашего освятимъ* въ сердечной памяти Его Божественнаго имени, *и Той будетъ намъ въ страхъ* (Ис. 8, 12, 13).



Мантія клобукъ и шапочка
Отца Серафима,
и табуретка его работы.

Келейное правило отца Серафима.

Прежде начатія псалтири читай сіе:

Боже, очисти мя грѣшнаго, и помилуй мя. *Поклонъ.*

Создавый мя Господи, помилуй мя. *Поклонъ.*

Безъ числа согрѣшихъ, Господи, прости мя. *Поклонъ.*

Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному. *Поклонъ.*

Боже, прости мнѣ беззаконія и согрѣшенія. *Поклонъ.*

Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресеніе Твое славимъ. *Поклонъ.*

Господи, аще словомъ или дѣломъ согрѣшихъ во всей жизни моей, помилуй мя, и прости ми грѣшному, милости Твоея ради.

Достойно есть. Слава и нынѣ. Господи помилуй. *Трижды.* Благослови.

Молитвами святыхъ Отецъ нашихъ, Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго. Слава Тебѣ Боже нашъ, слава Тебѣ. *Трисвятое:* По Отче нашъ:

На Славахъ:

Слава, и нынѣ. Аллилуіа, *трижды.* Господи помилуй, *трижды.* Посемъ: Спаси Господи и помилуй всѣхъ православ-

ныхъ христіанъ и на всякомъ мѣстѣ владычествія Твоего православно живущія: подаждь имъ, Господи, душевный миръ и тѣлесное здравіе, и прости имъ всякое согрѣшеніе, вольное же и невольное: и ихъ святыми молитвами и меня окаяннаго помилуй.

Упокой, Господи, души усопшихъ рабъ Твоихъ, праотецъ, отецъ и братій нашихъ, здѣ лежащихъ и повсюду православныхъ христіанъ преставльшихся: подаждь имъ, Господи, царствіе и причастіе Твоея безконечныя и блаженныя жизни, и прости имъ, Господи, всякое согрѣшеніе, вольное же и невольное.

По окончаніи каѳисмы читай:

Тропари и кондаки.

Въ беззаконіяхъ зачався азъ блудный, не дерзаю взирати на высоту небесную; но, дерзая на человѣколюбіе Твое, зову: Боже, очисти мя грѣшнаго и помилуй мя.

Аще праведникъ едва спасается, азъ гдѣ явлюся грѣшный? Тяготы и зноя дневнаго не понесохъ; но поне съ наемниками единонадесятаго часа сопричти мя, Боже, и спаси мя.

Объятія Отча отверсти ми потщися: блудно мое иждихъ житіе, на богатство неиждиваемое взираяй щедротъ Твоихъ, Спасе: нынѣ обнищавшее мое да не презриши сердце; Тебѣ бо, Господи, во умиленіи зову: согрѣшихъ на небо и предъ Тобою.

Достойно есть яко воистинну, *до конца*.

Согрѣшихъ къ Тебѣ. Спасе, яко блудный сынъ: пріими мя Отче кающагося, и помилуй мя, Боже.

Зову къ тебѣ, Христе Спасе, мытаревымъ гласомъ: очисти мя, якоже онаго, и помилуй мя, Боже.

Милосердія сущи источникъ, милости сподоби насъ, Богородице; призри на люди согрѣшившія, яви яко присно силу Твою: на Тя бо уповающе. Радуйся, вопіемъ Ти, якоже иногда Гавріилъ, безплотныхъ Архистратигъ.

Вся паче смысла, вся преславная Твоя Богородице, таинства! Чистотѣ запечатанной и дѣвству храниму, Мати познался еси неложна, Бога рождши истиннаго: Того моли спастися душамъ нашимъ.

Пречистому Твоему Образу поклоняемся, Благій, просяще прощенія прегрѣшеній нашихъ, Христе Боже: волею бо благоволилъ еси плотію взыти на крестъ, да избавиши, яже создалъ еси, отъ работы вражія. Тѣмъ благодарственно вопіемъ Ти: радости исполнилъ еси вся, Спасе нашъ, пришедый спасти міръ.

Спаси Господи люди Твоя и благослови достояніе Твое, побѣды благовѣрному Императору нашему (имя рекъ) на сопротивныя даруя и Твое сохраняя Крестомъ Твоимъ жительство.

Небесныхъ воинствъ Архистратизи, молимъ васъ присно мы недостойніи, да вашими молитвами оградите насъ кровомъ крилъ невещественныя вашея славы, сохраняюще ны припадающія прилежно и вопіющія: отъ бѣдъ избавити ны, яко чиноначальницы вышнихъ Силъ.

Боже Отецъ нашихъ, творяй присно съ нами по Твоей кротости, не остави милости Твоея отъ насъ: но молитвами ихъ въ мирѣ управи животъ нашъ.

Глубиною мудрости человѣколюбно вся строяй и полезное всѣмъ подавай, едине Содѣтелю, упокой Господи души рабъ Твоихъ; на Тя бо упованіе возложиша, Творца и Зиждителя и Бога нашего.

Со святыми упокой Христе души рабъ Твоихъ, идеже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная.

Упованіе христіанъ, Пресвятая Дѣво, Егоже родила еси Бога паче ума же и слова, непрестанно моли съ горними Силами, дати оставленіе грѣховъ намъ всѣмъ, и исправленіе житія, вѣрою и любовію присно Тя чтущимъ.

Господи помилуй. *Сорокъ.* И молитву святаго Ефрема.

Господи и Владыко живота моего, духъ праздности, унынія, любоначалія и празднословія не даждь ми. *Поклонъ.*

Духъ же цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любве даруй ми рабу Твоему. *Поклонъ.*

Ей Господи, Царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата моего: яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ, аминь. *Поклонъ. Таже малыхъ дванадесять поклоновъ, глаголюще на кійждо поклонъ:* Боже, очисти мя грѣшнаго и помилуй мя. *И паки послѣди молитву всю:* Господи и Владыко.

По окончаніи трехъ каѳисмъ глаголи:

Создавый мя Господи, помилуй мя.

Безъ числа согрѣшихъ, Господи, прости мя.

Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному.

Боже, прости моя беззаконія и согрѣшенія.

Кресту Твоему покланяемся Владыко, и святое воскресеніе Твое славимъ.

Господи, аще словомъ, или дѣломъ, или помышленіемъ согрѣшихъ во всей жизни моей, помилуй мя и прости ми грѣшному, милости Твоея ради.

Достойно есть: Слава, и нынѣ. Господи помилуй, *трижды*. Благослови. Молитвами святыхъ отецъ нашихъ.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Слава Тебѣ Боже нашъ, слава Тебѣ: Царю небесный: Трисвятое: *По* Отче нашъ: Господи помилуй, *дванадесять*. Пріидите поклонимся, *трижды*. И псаломъ пятидесятый; и: Вѣрую во единаго Бога Отца.

Упованіе мое Отецъ, прибѣжище мое Сынъ, покровъ мой Духъ Святый: Троице святая, слава Тебѣ.

Отче нашъ, *и проч.*

Богородице Дѣво радуйся, *и проч.*

Кресту Твоему, *и проч.*

Возбранный Воеводо и Господи, *и проч.*

Взбранной Воеводѣ побѣдительная, *и проч.*

Преславная Присно-Дѣво, *и проч.*

Все упованіе мое, *и проч.*

Богородице Дѣво, не презри мене грѣшнаго, *и проч.*

Упованіе мое Отецъ, *и проч.*

Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго; и прости моя беззаконія и согрѣшенія.

Всемилостивая Владычице моя, Пресвятая Госпоже, Пречистая Дѣво, Богородице Маріе, Мати Божія, спаси мя грѣшнаго.

Святіи Архангели и Ангели, Херувими, Серафими и вся Силы небесныя, помилуйте мя и молитеся ко Господу Богу о мнѣ грѣшномъ.

Святый Ангеле Господень, Хранителю мой Святый, помилуй мя и молися ко Господу Богу о мнѣ грѣшномъ.

Вси Святіи, помилуйте мя и молитеся ко Господу Богу о мнѣ грѣшномъ.

Богородице Дѣво радуйся, *и проч.*

Спаси Господи и помилуй отца нашего игумена (имя рекъ), со всею о Христе братіею: подаждь имъ Господи душевный миръ и тѣлесное здравіе, и прости имъ, Господи, всякое согрѣшеніе, вольное же и невольное, и ихъ святыми молитвами и меня окаяннаго помилуй.

Спаси Господи и помилуй всѣхъ правоелавныхъ Христіанъ на всякомъ мѣстѣ владычествія Твоего, и подаждь имъ, Господи, душевный миръ и тѣлесное здравіе, и прости имъ, Господи, всякое согрѣшеніе, вольное же и невольное, и ихъ святыми молитвами меня окаяннаго помилуй.

Упокой Господи души усопшихъ рабъ Твоихъ, праотецъ, отецъ и братій нашихъ, здѣ лежащихъ и повсюду православныхъ христіанъ преставльшихея, и подаждь имъ, Господи, причастіе Твоея безконечныя и блаженныя жизни, и прости имъ, Господи, всякое согрѣшеніе, вольное же и невольное.

Слава, и нынѣ. Аллилуіа, *трижды.* Слава. Спаси Господи и помилуй всѣхъ прав.

И нынѣ. Упокой Господи души усопшихъ, *и проч. Посемъ.* О Тебѣ радуется: Слава, и нынѣ. Господи помилуй. *Трижды.* Благослови. Молитвами Святыхъ Отецъ нашихъ:

Ослаби, остави, прости, Боже, прегрѣшенія наша, вольная и невольная, яже въ словѣ и дѣлѣ, яже въ вѣдѣніи и не въ вѣдѣніи, яже во дни и въ нощи, яже въ умѣ и въ помышленіи, вся намъ прости, яко благъ и человѣколюбецъ.

Ненавидящихъ и обидящихъ мя прости, Господи, человѣколюбче, и *проч. Молит.*

Богородице Дѣво радуйся, *и проч.*

Свѣтися, свѣтиея, новый Іерусалимѣ, слава бо Господня на тебѣ возеія: ликуй нынѣ и веселися Сіоне: Ты же Чистая, краеуйся Богородице о востаніи Рождества Твоего.

Воистину Богородицу Тя исповѣдуемъ спасенніи Тобою, Дѣво, чистая, съ безплотными лики Тя величающе.

Достойно есть, *и проч.*

Радуйся дѣвственная похвало, радуйея Мати Пречистая, Юже вся тварь божественными пѣеньми величаетъ.

Предстательство христіанъ непостыдное, ходатайство ко

Творцу непреложное, не презри грѣшвыхъ моленій гласы, но предвари яко Благая на помощь насъ, вѣрно зовущихъ Ти: ускори на молитву и потщися на умоленіе, предстательствующи присно Богородице чтущихъ Тя.

Милосердія двери отверзи намъ, *и проч.*

Нескверная, неблазная, нетлѣнная, *и проч.* (Молитва на повечеріи).

Слава, и нынѣ. Господи помилуй. *Трижды.*

Благослови. Молитвами святыхъ Отецъ нашихъ, Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ. Аминь.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

V.

Молчальничество.—Возвращеніе въ обитель и затворъ.

VI.

Ближняя пустынь и пребываніе въ ней о. Серафима.

VII.

Отношеніе старца Серафима къ Дивѣевской обители.

Стр.

Приложеніе.

Наставленія о. Серафима.

Келейное правило о. Серафима.

ЖИТИЕ СТАРЦА СЕРАФИМА,
Саровской обители иеромонаха пустынножителя и затворника.

Репринтное воспроизведение издания 1893 г.

Подписано в печать 18.02.91 г. Формат 60 × 84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Литер. Печать офсет. Усл. печ. л. 19,99. Уч.-изд. л. 18,21. Тираж 30 000 экз. Заказ 93. Цена 5 руб. Московское городское отделение ВООПИиК 1991.
109028, Москва, Покровский бульвар, д. 18/15

Отпечатано с готовых диапозитивов на Можайском полиграфкомбинате В/О «Совэкспорткнига» Государственного комитета СССР по печати.
143200, Можайск, ул. Мира, 93.